

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (МГИМО – УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ

Обичкина Е.О.

ФРАНЦИЯ В ПОИСКАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ В
ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ

МОНОГРАФИЯ

МОСКВА

2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение с.5

Глава 1: Внешнеполитическая идентичность Франции в XX веке: проблематика могущества.....с.10

1. Внешнеполитическая идентичность Франции...с.10
 - а. *Франция – Великая держава: факторы могущества*...с.10
 - б. *«Болезненный страх упадка»*...с.14
 - в. *«Антигерманские страхи»*...с. 16
 - г. *Могущество через империю*...с. 19
 - д. *Компенсующие факторы: могущество благодаря союзам*...с.20
 - е. *Могущество в эпоху сверхдержав: «влиятельная средняя держава»*...с.24
 - ж. *Политика величия*...с.25
 2. Проблематика «могущества» государств во французской теории международных отношений...с.35
 3. Могущество в условиях глобализации: от национального могущества к многосторонней дипломатии...с.52
- Глава 2: Ф.Миттеран в поисках европейской стабильности: плоды дипломатической активности начала 90-х гг**...с.66
1. «Держать марку»: сохранение стабильности или геополитическая близорукость?...с.66
 2. Франция – Германия – Европа ...с.70
 - а. *Позиция Ф.Миттерана в вопросе германского объединения*...с. 72
 - б. *Вопрос о границах объединённой Германии: конференции «шестёрки»*...с.81
 - в. *Франция и Германия на пути к Маастрихту*...с. 86
 3. Европа как «полюс» силы...с.100
 4. Проблемы стабильности в Европе: реакция на распад социалистической системы ...с.103
 - а. *Новая «восточная политика» Ф.Миттерана*...с.104

б. *Дипломатия Ф.Миттерана в югославском конфликте...*с.113

Глава 3: Европейская политика Ж.Ширака (1995-2002)...с.121

1. Роль европейского строительства в дипломатии Ж.Ширака...с.121

2. Углубление интеграции и расширение ЕС...с.129

а. *Франция и расширение ЕС на восток...*с.129

б. *Углубление интеграции: от Маастрихта к Амстердаму и Ницце...*с. 133

в. *Проблема реформы европейских институтов в связи с расширением ЕС: от Амстердама к Ницце...*с. 159

3. Европа как центр силы...с.170

4. Отношения в франко-германо-британском треугольнике...с.177

Глава 4: Проблемы безопасности Франции в свете международных кризисов 90-х гг...с.193

1. Трансформация стратегической культуры Франции в середине 90-х годов...с.193

2. Неоголлистская «революция» в обороне...с.198

а. *Судьба французского ядерного сдерживания: возобновление ядерных испытаний...*с. 198

б. *Концепция национальной безопасности и реформа армии...*с. 201

3. Франция и НАТО на рубеже XX-XXI веков...с.213

а. *Уроки кризисов начала 90-х годов...*с. 213

б. *Неоголлистская формула трансатлантического сотрудничества...*с. 223

Глава 5: Франция – «планетарная держава»...с.255

1. Проблема сохранения роли Франции как мировой державы...с.255

2. Франция – США: две модели мира...с.275

а. *Проблема американского лидерства в свете войны в Персидском заливе...*с.275

б. *Противоречия франко-американского партнёрства на рубеже XX-XXI веков...*с.280

3. <u>Франция в балканских кризисах конца XX-начала XXI вв.</u>	с.298
а. <i>Франция перед лицом дезинтеграции Югославии (первая половина 90-х годов)...</i>	с.298
б. <i>Позиция Франции в косовском кризисе: проблема гуманитарного вмешательства...</i>	с.304
4. <u>«Пространство солидарности»: новая политика содействия развитию...</u>	с. 328
а. <i>Франция и страны Средиземноморья...</i>	с. 328
б. <i>Франция в ближневосточном конфликте...</i>	с. 333
в. <i>Франция – ЕС – США в иракском кризисе 2002-2003 гг.</i>	с.342
г. <i>Франция в Африке: проблема сохранения влияния...</i>	с.350
5. <u>«Новая азиатская политика» Ж.Ширака...</u>	с.374
Глава 6: Франция – СССР - Россия на рубеже XX-XXI веков...	с. 383
1. <u>Отношение к распаду СССР...</u>	с.383
2. <u>Франко-российское «привилегированное партнёрство»...</u>	с. 402
3. <u>Международный вес России глазами французов...</u>	с. 420
4. <u>Франко-российские отношения в 1999-2002 гг.: от кризиса к обновлению диалога...</u>	с.431
Заключение...	с.450
Библиография...	с.463

ВВЕДЕНИЕ

Окончание холодной войны, распад социалистической системы и объединение Германии коренным образом изменили условия международной деятельности Франции. Под вопрос был поставлен её статус державы с мировой ответственностью, поскольку внешнеполитическая концепция Пятой республики основывалась на представлении об особой роли страны в биполярной системе. Период распада Ялтинско-Потсдамской системы стал временем интенсивных поисков стратегии, способной обеспечить Франции заметную роль в мировой политике, позволить ей оказывать влияние на создание новой системы международных отношений. В этих условиях внешняя политика Франции определяется не только интересами её безопасности. Речь идёт и об утверждении её концепции мирового порядка, - каким она его видит и каким он должен быть, и о представлении о её месте в регионе, на континенте и в мире в целом. Естественно, последний фактор не принадлежит к объективным категориям, хотя влияет на формирование внешнеполитической стратегии и тактики, то есть на реальную политику ничуть не меньше, чем сравнительная оценка объективных данных вроде военного, демографического и экономического потенциала или стратегических и сырьевых ресурсов. Большинство дипломатических просчётов строится на разрыве между объективными данными, определяющими расстановку сил на международной арене, и субъективными представлениями, которыми руководствуются при принятии внешнеполитических решений. Но известны и обратные примеры, когда яркие дипломатические успехи достигнуты вопреки объективным факторам, благодаря следованию идеальному замыслу.

Если и есть в мире страна, для которой идеальное представление о своём мировом ранге едва ли не важнее объективных факторов, то это

Франция. Не случайно слово «амбиция» во французском языке означает честолюбие и лишено того несколько обидного оттенка – подозрения в нескромности, который придан его русской транскрипции. Анализируя французскую внешнюю политику, П.Асснер писал: «Начиная с Наполеона, а потом от де Голля до Миттерана, французская политика может быть расценена как попытка восстановить былое величие при полном отсутствии средств, которые делали бы это возможным»¹. Другой известный исследователь, Р.Жиро ещё более красноречив: «Французы беспокоятся по поводу своего места в мире подобно увядающей красотке, которая изучает себя в зеркале, чтобы оценить масштабы разрушений, произведённых временем: «Свет мой зеркальце, скажи...»»². В этих словах заключена суть внешней политики Франции на протяжении последних двух веков. Речь идёт о длительной преемственности. Не только творцы французской политики грезил о величии, эта идея стала частью национальной политической культуры и по сей день самым серьёзным образом влияет на оценку внешнеполитической деятельности и в обществе, и, в значительной степени, в историографии.

Анализ крупных международных конфликтов, будь-то война североамериканских колоний с Англией за независимость в 70-е годы ХУШ в., или восстание бельгийцев за отделение от Голландского королевства в 1830 г., был бы неполным без ссылки на позиции великих держав. Мировые гранды держали в своих руках послевоенное урегулирование в 1919 г. в Версале, а затем в Ялте и Потсдаме в 1945 году. Они были главными актёрами на международной арене, подчас отводя «средним» и «малым» государствам и целым регионам роль объектов собственной мироустроительной деятельности. Поскольку Франция,

¹ Hassner P. The view from Paris // *Eroding Empire: Western Relations with Eastern Europe*. Dir. Lincoln Gordon. The Brookings Institution, Washington, 1987.

² Girault R. De la puissance et de la France d'aujourd'hui / *Etre historien des relations internationales*. – P.: Sorbonne, 1998. – P. 322.

предпочитая принадлежать к клубу великих держав, далеко не всегда имела для этого объективные основания и согласие других грандов на допуск её в высшую сферу вершителей судеб мира, вопрос могущества и величия был для неё достаточно болезненным. Идея величия – это предмет не только национальной гордости, но и французской рефлексии. Наполеон III, а затем и Республика стремились воскресить былую роль Франции в Европе и в мире, добавив к европейскому влиянию вторую по величине колониальную империю. Но поражение 1870 г. и военные катастрофы 1914 и 1940 гг. обостряли ощущение упадка, которым был отмечен весь XX век. В годы Четвёртой республики идея сохранения статуса великой колониальной державы в полное отсутствие условий и средств удержания империи стала проклятием Франции, толкая её на бесперспективные колониальные войны.

Историография чутко уловила болевую точку французской внешней политики, благодаря которой проблема величия стала главным измерением дипломатической деятельности страны. Даже названия крупнейших трудов по истории внешней политики, вышедших во Франции в 80-х-90-х годах, соответствуют проблематике величия и упадка: от «Экспансии(1881-1898)» П.Гийана до книг Ж.-Б.Дюрозеля о крушении версальских надежд Франции: «Упадок»(1932-1939) и «Пропать(1939-1945)», за которыми следуют «Воскрешение(1944-1949)» (под редакцией П.Жербе) и, наконец, «Величие(1958-1969)» М.Вайса³.

Политика величия, как показал М.Вайс, во времена Ш.де Голля была не столько фактической реализацией мирового влияния, сколько своего рода мифом, вербальным оформлением и одновременно идеальной целью французской дипломатии⁴. То же можно сказать и о наследниках

³ Guillen P. L'expansion: 1881-1898 / P.Guillen – P., 1983; Duroselle J.-B. La décadence: 1932-39/ J.-B.Duroselle - P., 1984; Duroselle J.-B. L'abîme: 1939-1945 / J.-B. Duroselle - P., 1983; Gerbet P. Le relèvement: 1944-1949 / P.Gerbet et autres - P., 1991; Vaïsse M. La Grandeur. La politique étrangère du général de Gaulle, 1958-1969/ M.Vaïsse - P. : Hachette, 1998.

⁴ См. об этом: Vaïsse M. La Grandeur. P. 682.

основателя Пятой республики, причём о социалисте Ф.Миттеране в не меньшей степени, чем о голлисте Ж.Шираке.

Главный предмет данного исследования - развитие и реализация идеи мирового ранга Франции на современном этапе. Специфика авторского подхода состоит в том, чтобы совместить два поля исследования. Рассмотреть, во-первых, своего рода фикцию, идеал, представление о месте Франции в мире и, во-вторых, деятельность французской дипломатии, поскольку стратегия, тактика и средства реализации этого идеала принадлежат не виртуальной, а реальной внешней и оборонной политике, и анализ первого аспекта неразрывен с изучением остальных. Таким образом, это исследование французских амбиций в их тесной связи с реальной политикой их воплощения в контексте планетарных сдвигов к.80-х гг. XX в. - начала XXI века, точнее, до окончания первого срока президентства Ж.Ширака, до весны 2002 г.

В соответствии с французской внешнеполитической традицией дипломатические приоритеты Франции лежат в трёх сферах. Прежде всего, это Европейское сообщество (ЕЭС и ЕС), затем - так называемая «зона глобальной ответственности» Франции, включающая её бывшие колонии и подмандатные территории в Средиземноморье и в Африке, далее следует сфера отношений с кругом государств, определяющих общее соотношение сил в мире. Раньше это были США и СССР. Одна из задач этой книги – установить, имеют ли такое же значение для Франции её отношения с правопреемницей последнего – Россией. Магистральные векторы французской политики в основном и определили структуру данной работы. В то же время, чрезвычайно важным с точки зрения исследования внешнеполитической стратегии представляется французское видение проблемы безопасности – и национальной, и международной. Изменениям в подходе к этой проблеме в работе уделено особое место.

Началом изучаемому периоду служат 1988-1989 годы. Переизбрание Ф.Миттерана на пост президента практически совпало с крушением биполярной системы. Конечная граница более условна, поскольку привязана к очередной точке отсчёта французской политической жизни – президентским и парламентским выборам весны 2002 г. Эта дата одновременно завершает определённый политический цикл, ознаменованный соучастием во внешней политике президента голлиста и правительства социалистов, и открывает новый политический период, характеризующийся единодушием президента и правительства правых сил, которые выступают в качестве Союза президентского большинства⁵.

Таким образом, хронологически и тематически работа охватывает два президентства: 1988-1995 – второй президентский срок (септенат) Миттерана, и с 1995 по весну 2002 г. – первое президентство Ж.Ширака. Начало нового президентства является в политике Пятой республики традиционной точкой отсчёта. Однако особую цельность избранному периоду придаёт совпадение начала второго септената⁶ Ф.Миттерана с крушением послевоенной системы международных отношений. В такой же мере 1995 г. – конец «эры Миттерана», является рубежным для внешнеполитического курса нового президента. Самостоятельное значение периода правления Ж.Ширака определяется также тем, что именно к середине 90-х годов в общих чертах обозначилась новая расстановка сил в мире. Третьему во французской истории президенту – голлисту после 20-летнего перерыва предстояло решить главную задачу голлизма – обеспечить Франции планетарную роль в изменившихся геополитических условиях. Своеобразие и значимость периода с конца 80-х годов до

⁵ В ноябре 2002 г. СПБ (UMP- Union pour la Majorité Présidentielle) был переименован в Союз Народного Большинства. Французская аббревиатура осталась той же (Union pour la Majorité Populaire).

⁶ Септенат (от фр. sept – семь) – семилетний срок пребывания у власти президентов Французской Республики до изменений, внесённых после референдума 2000 г., когда был введён пятилетний срок президентского правления. Первый пятилетний президентский срок начался после очередных президентских выборов 2002 г.

настоящего времени состоит в том, что это было время интенсивных поисков достойной роли Франции в формировании нового мирового порядка. Данная работа посвящена анализу основных направлений этих поисков.

ГЛАВА 1: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ФРАНЦИИ В XX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМАТИКА МОГУЩЕСТВА

1. Внешнеполитическая идентичность Франции

а. Франция - Великая держава: факторы могущества

И для политиков, и для аналитиков, изучающих реалии французской дипломатии двух последних десятилетий, вопрос о мировом ранге Франции не только не потерял былого значения, но составляет главный предмет озабоченности. Рассуждения о французской внешнеполитической идентичности являются с этой точки зрения весьма показательными. Идентичность - это тождественность объекта себе самому или другому подобному объекту. *Национальная идентичность* стала базовым понятием современного конструктивизма в анализе международных отношений⁷. Она определяется не как некая вечная и всеобщая (в масштабах нации) данность, но как «продукт обсуждения внутри общества, средств массовой информации, различных политических и социальных сил и между ними, в государственном аппарате и между членами правительства». Добавим, что спор этот касается сущностного вопроса: чем является и чем хочет являться данное общество для себя и для других. Следует согласиться с утверждением сторонников конструктивистского подхода, что черты национальной идентичности самым прямым образом влияют на поведение государства,

⁷ См.: McLeod M. L'approche constructiviste de la politique étrangère : identité nationale / M. McLeod // Politique étrangère. Nouveaux regards - P. : Presses de Sciences Po, 2002.

точнее, на действия тех, кто принимает внешнеполитические решения. Восприятие этой национальной идентичности в обществе устанавливает рамки, которых должны придерживаться руководители государства в собственных решениях и затем в реализации своей политики. «Если правительству удаётся достичь консенсуса по ключевым элементам национальной идентичности и большая часть общества принимает их в качестве основных и бесспорных, то руководство страны располагает исключительными рычагами контроля над внешней политикой, и оппозиции сложно оспаривать эту политику и ещё сложнее предложить взамен собственное видение национальной идентичности»⁸. Ещё одно важное замечание: национальная идентичность черпается не только из самого общества. Она строится внутри международной системы, по отношению к «Другому», отталкиваясь от восприятия других государств. Таким образом, национальная идентичность оказывается неотъемлемым фактором внешней политики. Разнообразие традиционных французских сыров и букет тонких французских вин в глазах французов и иностранцев являются не менее важными характеристиками национальной идентичности, чем собственная ядерная бомба. Однако эти факторы мы оставим за рамками нашего исследования. Когда мы говорим о *внешнеполитической идентичности*, то поле нашего анализа сужается. Речь пойдёт о характеристиках, определяющих место и поведение Франции на международной арене в длительной исторической перспективе, на протяжении двух последних веков, и «прорастающих» в настоящее время. В этой связи и поскольку главная тема исследования – место Франции в мире и в ещё большей степени – роль, которой она ищет для себя в международной системе, уместным будет сослаться здесь на знаменитую формулу одного из её гениев – Ж.-П. Сартра: «Мой выбор – это мой образ». Это поистине французское отношение к реальности: её не следует послушно принимать, её надо творить согласно

⁸ Ibidem, p.72.

собственному замыслу. В этом смысле внешняя политика Франции определяется выбором и обязательствами, которые она считает нужным на себя взять, следуя логике собственного образа. Главное в этом образе – представление об особой роли Франции в мире.

Амбициозность внешнеполитических устремлений стала довлеющей чертой французской политики ещё в ХУП в., и особенно в ХУШ в., когда Франция начала уступать европейскую гегемонию Англии. Со времён Людовика ХIУ и Наполеона Франция живёт мечтой о величии, причём революция 1789 года придала этой мечте весомые основания: самую передовую армию в Европе, воодушевлённую идеями революционного мессианства. Идея величия питала создателей французской империи от Наполеона I к Луи-Наполеону III и Жюлю Ферри; позже – строителя Версальской системы Жоржа Клемансо в его попытке реализовать европейскую гегемонию Франции после победы в первой мировой войне; наконец, де Голля, стараниями которого униженная поражением 1940 г., разорённая войной Франция вошла в Большую Четвёрку держав-победительниц.

Если согласиться, что внешняя политика страны определяется её демографией, её экономикой, а также географией и историей⁹, то следует отметить, что эти базовые показатели влияли на дипломатию Франции в XIX - XX веках достаточно парадоксальным образом. С одной стороны, уже с начала XX века слабый прирост и старение населения, недостаток инвестиционной и инновационной активности и большой вес аграрного сектора в экономике, уязвимость перед восточным германским соседом служили постоянными мотивами для тревоги за национальную безопасность и сохранение европейских и мировых позиций. С другой стороны, эти недостатки заставляли французские правительства искать и

⁹ Kessler M.- Ch. La politique étrangère de la France / M.-Ch.Kessler. - P. : Presses de Sciences Po, 1999. P. 144.

создавать компенсирующие факторы внешнеполитического могущества. Далеко не всегда эти факторы происходили из военных или иных материальных усилий. Однако результатом их сложения стал тот исторический факт, что на протяжении нескольких веков от начала Вестфальской системы до второй мировой войны, пока существовало понятие «великие державы» и при всяком изменении состава этого клуба и его конфигурации, Франции, также как Англии, удавалось оставаться его членом. Само понятие великой державы, связанное с определением могущества, претерпело в течение XIX-XX вв. серьёзную эволюцию. В ХУП - начале XIX вв. великая держава была немыслима без обширной территории, многочисленного населения и мощной армии и должна была господствовать на суше и на море. XIX в. обогатил это понятие, добавив к нему «могущество через империю» и благодаря торгово-промышленному преобладанию, а в XX в. сильные финансы и устойчивая валюта становятся непреложным атрибутом страны, претендующей на ранг мировой державы. Применительно к Франции к этому следует добавить исключительную культурно-лингвистическую экспансию: с 1714 по 1919 гг. французский язык был единственным дипломатическим языком, и сегодня франкофония остаётся важным слагаемым мирового влияния страны.

Если говорить о причинах озабоченности проблемой международного статуса во Франции, то их следует искать в географии и истории. Долгое время, практически неизменно после Столетней войны, Франция была одним из крупнейших государств Западной Европы. Благодаря счастливому географическому положению, близости морей и океана и своей протяжённости с севера на юг она постоянно присутствовала в большой европейской политике и, не являясь средоточием европейского мира-экономики (подобным Венеции, Амстердаму и Лондону), сохраняла важную роль в европейских и трансатлантических обменах. История во всех этих факторах дополняет и даже перевешивает географию, поскольку

раннее создание крупнейшего централизованного государства во Франции стало результатом политики французских королей. Поддержание авторитета центральной власти внутри страны требовало внешнего источника её легитимности – международного признания за ней видной роли в европейских делах. Традиция сохранения и укрепления престижа унитарного государства, воплотившаяся в государстве-нации, была преумножена в период существования республиканских режимов, начиная с якобинцев. Две бонапартистские империи (1804-1815 и 1852-1870 гг.) призваны были вернуть государству монарший блеск, но под эгидой «великой нации». Этот титул – порождение революции и Первой империи – добавил французскому внешнеполитическому влиянию оттенок морального превосходства, своего рода мессианства, на котором мы позже остановимся особо. Революционная, имперская, а потом и республиканская пропаганда идеи «великой нации» достигли цели: во Франции поиски могущества – предмет забот не только власти, но и общественного мнения. Известный политический историк А.Гроссер подчеркнул едва ли не антропологический характер убеждения французов в собственной избранности: «Франция... - страна, руководители которой сами являются частью общественного мнения, согласного в восприятии национального престижа не в качестве средства достижения конкретных результатов, но в качестве самоцели, позволяющей испытывать исключительно сильные чувства самоудовлетворения и снисходительности к загранице»¹⁰.

б. «Болезненный страх упадка»

Как в XIX веке, после крушения наполеоновской империи, а позже в результате проигранной франко-прусской войны, так и в XX веке, особенно

¹⁰ Les politiques étrangères. Ruptures et continuités / Sous la dir. de Fr.Charillon. - P. : La Documentation Française, 2001. P.9.

начиная с периода между двумя мировыми войнами, правительства и общественное мнение Франции были сильно обеспокоены проблемой сохранения мирового статуса. Р.Франк посвятил этому феномену книгу, названную «Блезненный страх упадка» (“La hantise du declin”)¹¹. Автор выделил морально-психологический фактор внешнеполитической активности Франции в период между двумя мировыми войнами и остановился особо на значении, которое придавалось поддержанию финансового и экономического благосостояния для укрепления международного веса страны в межвоенный период. Последнее замечание высвечивает важную составляющую проблемы французского могущества – оно не является постоянной величиной, часто поставлено под вопрос и требует неустанных поисков путей приспособления к изменившимся условиям. Далеко не всегда Франции удавалось моделировать условия дипломатической игры, вовремя и адекватно реагировать на коренные изменения международного контекста.

К факторам, вызывающим во Франции XX века «блезненный страх упадка», следует отнести не только международные, но и внутренние условия. Вместе с Р.Франком, М.Тасель, автор книги «Франция и мир в XX веке», отмечает, что «экономика постепенно становится для Франции слабым местом с точки зрения соотношения сил великих держав». Многие аналитики считают, что недостаток адаптации к современным формам производства и к потребностям рынка поставили страну в приниженное положение по отношению к странам-конкурентам¹².

Пожалуй, ещё больше, чем спорность экономических позиций страны, французов волновал опасный германский сосед.

¹¹ Frank R. La hantise du declin. 1920-1960 / R. Frank – P., 1994.

¹² Tacel M., op. cit., p. 134.

в. «Антигерманские страхи»

Проблема могущества в XX в. неразрывна с главной его целью и одновременно главным его условием - обеспечением безопасности французской территории. Боязнь иностранного вторжения долгое время оставалась настоящей манией и для общественного мнения, и для политического класса, и этот маниакальный страх питался тремя «синдромами» - болезненными воспоминаниями XIX-XX веков, причём, все они были связаны с германской угрозой¹³. Французы вступали в XX век под знаком мгновенного и сокрушительного поражения во франко-прусской войне 1870-1871 гг., а первая мировая война оставила новые страшные воспоминания. Первое из них называют «синдромом Вердена» - кровопролитного сражения той войны, катастрофические потери которой породили во Франции стремление любой ценой избежать в будущем столкновения с Германией и определили внешнюю политику межвоенного периода, в которой поиски союзов и системы безопасности сочетались с противоречивой политикой ослабления германской мощи вкупе с уступками, перечёркивающими плоды Версальского договора из боязни спровоцировать рост германского реваншизма. Первая военная и политическая держава европейского континента, опирающаяся на систему союзов с молодыми государствами Центральной и Восточной Европы, Франция пасует перед германским и итальянским реваншизмом. Период 1934-1939 гг. в её дипломатии справедливо охарактеризован М.Таселем как время «упадка могущества»¹⁴.

Не менее болезненным стало воспоминание о Мюнхене 1938 года («синдром Мюнхена»). Стыд за дипломатическую капитуляцию перед Гитлером, предвосхитившую страшную военную катастрофу 1940 г., определил ряд позднейших дипломатических шагов Франции, от франко-

¹³ См., например, Frank R. La France et son rapport au monde au XX s. / R.Frank // La politique étrangère, - 2000. - N°3-4; Chevenement J.- P. France-Allemagne: parlons franc / J.-P.Chevenement. - P.: Plon, 1996.

¹⁴ Tacel M. La France et le monde au XX-e siècle / M.Tacel. - P. : Masson, 1989.

британской операции против Египта в 1956 г. до участия в бомбардировках Югославии в 1999 г. Французские политики сравнивали в 50-е годы Г.-А.Насера, и в 90-е С.Милошевича с Гитлером, заявляя, что «Мюнхен», т.е. политика попустительства диктатору, пренебрегающему международным правом, не должен повториться.

Пожалуй, в наибольшей степени внешнеполитическую идентичность Франции затронул «синдром 1940 г.» – сокрушительного военного поражения, за которым последовали постыдные годы коллаборационизма, оккупации, соучастия в геноциде евреев. Автор книги «Боязнь упадка», Р.Франк считает, что, в отличие от «синдрома Вердена», породившего неприятие войны как таковой, «синдром поражения» покончил с пацифизмом французского политического класса и одновременно усугубил болезненность от потери колониальной империи¹⁵.

Разгром 1940 г. лишил Францию могущества. Хотя глава вишистского режима маршал Петэн гордился тем, что, благодаря перемирию и политике коллаборационизма, ему удалось сохранить французский флот и колонии, Р.Франк считает, что статус великой державы был безвозвратно утерян именно в 1940 г.¹⁶. С этим можно согласиться хотя бы в том плане, что на долгие десятилетия гитлеровская оккупация и рамки политики коллаборационизма, а после освобождения - недостаток материальных ресурсов и, биполярный контекст холодной войны ограничивали независимость внешнеполитических решений Франции.

Что касается германской угрозы, то в результате двух мировых войн Франция поняла, что не сможет противостоять мощи своего восточного соседа в одиночку и что союзы с англосаксонскими странами, во-первых, не являются сдерживающим фактором немецкой агрессии, а во-вторых, не дают гарантии, что, в случае победы, Франции для ослабления Германии удастся

¹⁵ Frank R. La hantise du declin, 1920-1960 / R. Frank. - P., 1994.

¹⁶ Frank R. La France et son rapport au monde au XX s. / R.Franc // PE. – 2000. – N°3-4. P. 827.

воспользоваться преимуществами державы-победительницы. Если в 1948-1949 гг. Франция присоединилась к плану США и Великобритании по созданию западногерманского государства, то это потому что, не имея сил противостоять возрождению Германии, она предпочла сделать бывшего противника своим партнёром и союзником. В 1950 г. она становится инициатором создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и тем самым гарантирует себе, пусть на основе наднациональности, сохранение контроля над этими стратегическими товарами¹⁷. Антигерманские страхи были ещё очень сильны в середине 50-х годов, во время борьбы вокруг ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе, поставившего в повестку дня перевооружение ФРГ. В то же время, согласившись на вступление Западной Германии в НАТО, Франция имела возможность убедиться в преимуществах тесного сотрудничества с Бонном не только в деле европейской экономической интеграции, но и в военно-политической области¹⁸. Однако история полна парадоксов: по замечанию Р.Франка, «Франции решительно не везло в XX веке. Пока она оставалась великой державой, её безопасность подрывала германская угроза; когда же Франция наконец избавилась от этой угрозы, то произошло это в момент, когда она перестала быть великой державой»¹⁹. Поверка французского могущества германским фактором не утрачивает актуальности и по окончании холодной войны. Объединение Германии было небезболезненно воспринято французским политическим классом, опасавшимся возросшего удельного веса ФРГ в Европе, но в то же время стремившегося сохранить франко-германское согласие в европейском строительстве. Эта двойственность отразилась в названии специального номера одного из ведущих международных журналов Франции «Эспри»,

¹⁷ Buffet C. Mourir pour Berlin, la France et l'Allemagne, 1945-1949 / C.Buffet. - P. : Armand Colin, 1991; Dalloz J., op. cit., p. 47.

¹⁸ Souttou G. L'alliance incertaine. Les rapports politico-stratégiques franco-allemands, 1954-1996 / G.Souttou. - P. : Fayard, 1996.

¹⁹ Frank R., op.cit., p. 831.

посвящённого настоящему и будущему Германии: «Германия наших сомнений»²⁰.

г. Могущество через империю

Впечатление утраты Францией статуса великой державы усилил распад французской колониальной империи.

Выше было отмечено, что перед лицом сокрушительного поражения 1940 года и германской оккупации части страны, глава Французского государства маршал Петен считал залогом его возрождения сохранение флота и колоний. О статусном значении колониальной империи для Франции написано немало²¹. Могущество благодаря колониальной империи было одним из атрибутов великой державы с конца XIX в.. В XIX столетии, особенно при Наполеоне III и в первые десятилетия III республики, строительство империи было важным фактором могущества, компенсирующим ослабление позиций Франции в Европе. Для нашей темы важны два связанных с этим обстоятельства: во-первых, инерция статуса колониальной державы пагубно сказалась на внешнеполитических позициях страны после второй мировой войны. Во-вторых, имперский шлейф и сегодня тянется за французской дипломатией и, не будучи всегда преимуществом, отвечает пословице «положение обязывает», поскольку сохранение французских позиций в бывших колониях по сей день составляет одну из болезненных проблем для дипломатии страны.

Колониальная политика дорого стоила Франции. Она ввергла страну в войны, бессмысленные уже потому, что в условиях, когда обе сверхдержавы выступали под флагом антиколониализма, само понятие «великой державы» становится анахронизмом, иными становятся и пути

²⁰ Esprit. – 1996. – Mai : L'Allemagne de nos incertitudes.

²¹ См., например, обобщающие труды: Bouvier J., Girault R., Thobie J. L'impérialisme à la française, 1914-1960 / J. Bouvier, R. Girault, J. Thobie. - P. : La Découverte, 1986 ; Pervillé G. De l'Empire français à la décolonisation / G. Pervillé. - P. : Hachette, 1991 ; Histoire de la France coloniale. - P. : Armand Colin, 1991.

утверждения международного престижа. Колониальные войны, начиная с Индокитая (1946-1954) и кончая Алжиром (1954-1962), поставили Республику на грань катастрофы и самым серьёзным образом подорвали внешнеполитические позиции страны.

Погоня за утраченными атрибутами величия – свидетельство определённой инерционности французской дипломатии XX века. Но по сей день эта инерционность является важной составляющей её идентичности. В частности, память о колониальном прошлом присутствует в сегодняшней политике «помощи развитию», адресованной в первую очередь бывшим колониям, те же воспоминания сегодня звучат в рассуждениях о планетарной роли Франции.

д. Компенсирующие факторы: могущество благодаря союзам

Не стоит, однако, преувеличивать значение инерционности французской дипломатии. Благодаря активной внешнеполитической стратегии, Франции в погоне за величием как правило удавалось находить и создавать *компенсирующие факторы мирового могущества*. Невзирая на катаклизмы европейской истории XIX в. – крушение наполеоновской «французской» Европы в 1814 г. или бесславное поражение во Франко-прусской войне 1870 г., Франция сохраняла державный ранг и даже усиливала свои геополитические позиции, как это было после первой мировой войны вплоть до военной катастрофы 1940 г. Принадлежность к промышленно развитым странам, активный вывоз капиталов и строительство второй по величине колониальной империи смогли компенсировать и демографический кризис, и относительную военную слабость. Ведь обладая одной из крупнейших армий континента, Франция после Наполеона I в одиночку не выиграла ни одной войны в Европе. Особенную беспомощность она проявляла, обороняя собственную территорию. Поэтому ещё одной важной составляющей стратегии

французского могущества было строительство военно-политических союзов.

С момента крушения империи Наполеона военно-политические союзы играли во французской внешнеполитической традиции двоякую роль: помимо обеспечения безопасности страны они содействовали поддержанию её международного престижа. Внешнеполитическая мощь посредством союзов – одно из слагаемых статуса Франции в качестве Великой державы до 1940 г. и один из её наиболее весомых внешнеполитических доводов в момент окончания и после второй мировой войны.

При этом один из парадоксов французской внешней политики XX века - неизменность решения строить безопасность страны на союзах с США и Великобританией при неизменном же конфликте с этими союзниками в вопросе международного влияния²². Страна оказалась не в состоянии в одиночку противостоять Германии, поэтому и в двух мировых войнах, и в межвоенный период, и в годы холодной войны (хотя она кардинально изменила рамки проблемы безопасности и официальное понимание угрозы) Франция стремилась к усилению своей мощи благодаря союзам с Англией и США, будь-то система коллективной безопасности типа Версальско-Вашингтонской, антигитлеровская коалиция или Североатлантический пакт. С другой стороны, согласие с англосаксами, обеспечивавшее международный престиж Франции, было далеко не безусловным именно в том, что касалось вопросов престижа. Это относилось к колониальной мощи, к экономическому влиянию и претензиям на политическую гегемонию в Европе.

²² Участие России, а позже СССР военных коалициях Франции, направленных против Германии, было хотя и важным, но не постоянным условием обеспечения французской безопасности и не рассматривается поэтому в данной главе, в анализе постоянных (по крайней мере, для последних двух веков) составляющих французской внешнеполитической идентичности. См. главу 6: «Франция-СССР- Россия».

Последним англо-французским столкновением из-за колоний стал Фашодский инцидент, и договор об Антанте 1904 г., направленный против Германии, одновременно явился франко-британским соглашением о закреплении сфер колониального влияния. Победители первой мировой войны, Великобритания и Франция разделили между собой германские колонии и турецкие владения. Благодаря колониальным империям обе державы достигли апогея мирового влияния к началу XX века. Если союзы придавали им мощь, то империи – планетарное величие. Однако в результате второй мировой войны франко-британская солидарность в колониальном вопросе была нарушена: Великобритания сблизилась с США, признав принцип суверенитета, провозглашённый англо-американской Атлантической хартией 1941 г. Для США рост национализма в колониях был главным противовесом распространению в них коммунистических идей. Поощрение англичанами арабских националистов и прямой нажим Великобритании, заставивший Францию оставить свои ближневосточные протектораты (Сирию и Ливан), а также американские попытки экономического и политического проникновения во французские колонии означали, что Франция не может рассчитывать на англосаксонских союзников, стремясь сделать колониальную империю главной ставкой в борьбе за возвращение статуса великой державы. Получить американскую помощь для войны в Индокитае и заручиться англо-американской поддержкой в ООН в период колониальных войн Франции удавалось только в тех случаях, когда борьба за сохранение империи могла вписаться в антикоммунистический крестовый поход²³.

И в континентальной Европе французские претензии на гегемонию после первой мировой войны не вызвали восторга у англо-американских союзников. Поскольку политическое влияние отныне больше чем когда-

²³ Dalloz J. La France et le monde depuis 1945 / J.Dalloz. - P. : Armand Colin, 1993 : Une guerre coloniale dans la guerre froide. P. 62 .

либо было связано с экономическим могуществом, британские и американские политические и финансовые круги не дали Франции воспользоваться ослаблением Германии для усиления собственных позиций в Центральной и Восточной Европе, активно используя рычаги финансового давления на Париж. Уступки в пользу Германии в вопросе о репарациях (планы Дауэса и Юнга) сочетались с требованиями американцев к Франции выплатить военные долги при отказе увязать эти выплаты с соблюдением германских обязательств по репарациям.

Если бы после второй мировой войны международный престиж Франции зависел только от США, то Рузвельт поставил бы под вопрос само её суверенное существование. Известно, что признание Временного правительства де Голля в качестве законного представителя французской нации стало возможным благодаря поддержке Сталина, а присоединение Франции к клубу держав-победительниц (место постоянного члена СБ ООН и французская зона оккупации в Германии) – благодаря стремлению Черчилля уравновесить тандемом двух западноевропейских держав новую данность - беспрецедентное влияние США и СССР в Европе. Несмотря на эти успехи, усилия Франции вернуться в круг мировых держав в послевоенные годы (при 1У Республике) были ограничены и экономической зависимостью от США, и рамками биполярной системы, т.е. зависимостью военно-политической. С одной стороны, эта зависимость обеспечивала Франции наибольшую безопасность и со стороны Германии, и против «советской угрозы». С другой стороны, она унижительно напоминала о себе. Так было, например, во время Суэцкого кризиса 1956 г., когда США продемонстрировали членам антинасеровской англо-французской коалиции, насколько условно их право на суверенное решение в мировых делах. Компенсацией стало поощрение Франции в продвижении европейского строительства, что не противоречило интересам США,

стремившихся противопоставить западноевропейскую интеграции социалистическому содружеству в Европе.

е. Могущество в эпоху сверхдержав: «влиятельная средняя держава»

Анализ факторов внешнеполитического могущества, которыми в разное время располагала Франция, позволяет убедиться в том, что реальный их вес напрямую зависел от международного контекста. Если окончание второй мировой войны коренным образом изменило соотношение сил в мире в пользу СССР и США, то холодная война определила рамки блокового противостояния, сузившие поле самостоятельной внешнеполитической стратегии Франции. «Советская угроза» расценивалась в качестве главного вызова безопасности страны, а американский диктат наносил ущерб её престижу, поэтому Франция оставалась союзником США, верным в периоды межблоковых столкновений (например, берлинских и Карибского кризисов), но порой строптивым²⁴ и требовательным в отстаивании своих привилегий. Ещё при создании НАТО, уверенная в том, что безопасность Западной Европы возможна только благодаря участию в ней США, французская дипломатия стремилась сохранить решающий голос в Атлантическом альянсе, выступая за создание внутри его американо-англо-французской директории²⁵. Эта идея не имела успеха: США незачем было делить гегемонию в западном мире, и претензии Франции не вызывали у других европейских участников НАТО ничего кроме раздражения. Франция не хотела мириться с ролью «средней державы», и главным аргументом в борьбе за континентальное и мировое влияние были права державы-победительницы, которые де Голлю и Бидо с таким трудом удалось отстоять в 1945 году, тем более что распадающаяся колониальная империя становилась всё более спорным преимуществом. Однако положение постоянного участника СБ ООН серьёзно обесценивалось из-за неприятия большинством членов организации французской колониальной политики.

²⁴ “Hte reculant ally” - название монографии о позиции Франции внутри НАТО: Harrison M.M. Hte reculant ally: France and Atlantic Security / M.M.Hqrrison. - London: The Johns Hopkins University Press, 1981.

²⁵ Bozo F. La France et l’OTAN. De la guerre froide au nouvel ordre européen / F.Bozo. - P. : Masson, 1991.

Успешное развитие экономики, а также укрепление франко-германского тандема, лидирующего в западноевропейской интеграции, и опора на растущий вес Общего рынка стали главными достижениями 1У республики в плане возрождения французского могущества. К этому следует добавить также развитие французской ядерной программы, хотя это преимущество сыграет свою роль только при Пятой республике, в рамках стратегии величия де Голля.

ж. Политика величия

Основатель Пятой республики генерал Ш. де Голль сделал центральной идеей своего замысла величие Франции²⁶. По мнению видного французского историка М.Вайса, величие понималось де Голлем не как данность, а как философия действия и как исторический долг²⁷. «Франция может действительно быть самой собой только когда она стоит в первом ряду... Наша страна... должна, под страхом смерти, ставить перед собой высокие цели и не сгибаться. Короче говоря, по-моему, Франция не может быть Францией без величия», - так начал де Голль свои «Военные мемуары»²⁸. В 1958 г., основывая новую республику, де Голль считал, что через цепь политических режимов Франция остаётся Францией, что её идентичность состоит именно в величии тем более, что она является носителем послания, которое она должна передать миру. Следовательно, внешняя политика должна занимать центральное место в государственных приоритетах и способствовать величию страны. Эта политика должна быть подчинена двум главным целям, соответствующим двум её основным ориентирам. Для самой Франции – это национальная независимость,

²⁶ Истории реализации этой идеи посвящена книга видного специалиста по истории и внешней политике голлизма, Президента Фонда Де Голля М.Вайса, названная «Величие»: Vaisse M. La Grandeur. Politique étrangère du général De Gaulle. 1958-1969 / M.Vaisse. - P.: Fayard, 1998. Об особенностях внешнеполитической концепции Пятой республики см. также: Тюлин И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции / И.Г.Тюлин. – М.: Международные отношения, 1988. Глава 3.1.

²⁷ Vaisse M., op. cit. P. 34.

²⁸ De Gaulle Ch. Mémoires de guerre. T. 1/ Ch. De Gaulle. - P., Plon, 1954. P.1.

основанная на сильном государстве и соответствующем военном потенциале. Для мира в целом - борьба за изменение международного порядка.

В глазах де Голля для Франции независимость означала свободу рук. Э.Бурен де Розье, анализируя эту своего рода «политику неприсоединения», приводит следующее высказывание генерала: « Франция будет делать только то, что она решит делать: это политика свободы рук...Она скажет во всеуслышание то, что продиктует её национальное сознание: это политика свободы слова»²⁹. Независимость не исключала союзов. В мире блокового противостояния Франция не должна была оставаться в одиночестве. Формула «союзник, а не присоединившийся» (*alié, non aligné*), характеризующая в годы Пятой республики отношения Франции с США в рамках НАТО, означает отказ от любой субординации, т.е. в более широком смысле, от подчинения господству сверхдержав.

Де Голль был расположен к кооперации, ассоциации и любым формам сотрудничества, но всегда выступал против власти предписывающих условий, налагаемых участием в международных организациях. Он неизменно отдавал предпочтение национальным интересам перед наднациональностью. В сентябре 1960 г. де Голль воспротивился нажиму ООН по колониальному вопросу. Отказ принять порядок, при котором в Общем рынке могли приниматься решения в обход воли Франции, привёл к «политике пустого стула» в 1965 г..

В годы торжества силового реализма, оставляющего величие только двум сверхдержавам, главной ставкой де Голля стало особое видение перспектив развития мировой системы. По его мнению, многополюсный мир более устойчив, чем биполярный. В основе международных отношений должен лежать принцип равновесия (« именно в равновесии человечество

²⁹ Цит. по: Burin des Rosiers E. Le non-alignement / E. Burin des Rosiers // La politique étrangère du générale De Gaulle. Sous la direction de E.Barnavi . - P. : PUF, 1985. P. 141.

обретёт мир»³⁰). Это равновесие не определяется соотношением военных потенциалов. Оно понималось де Голлем как отказ от гегемонии сверхдержав, от диктата блоков, от необходимости присоединения к блоковой политике и предполагало общую систему ценностей³¹. В качестве важного шага к такому равновесию он расценивал политическое объединение Западной Европы, «противостоящей гегемонии, навязывающей преобладание самых могущественных»³². Известный антиамериканизм де Голля на деле являлся антигегемонизмом. Де Голль, как и все последующие президенты Пятой республики, испытывал беспокойство всякий раз, как СССР и США превращались в партнёров в решении глобальных вопросов, даже когда речь шла о разрядке международной напряжённости.

Фактором равновесия было, по мнению де Голля, и атомное оружие, доступ к которому Франция получила в 1960 г. Де Голль считал безумием применение ядерного оружия в ядерном окружении, но обладание им нарушало монополию сверхдержав, предоставляло средним державам, подобным Франции, возможность для дипломатического манёвра. Роль этого фактора была столь велика, что Францию называли «ядерной монархией» (*monarchie nucléaire*)³³. Это словосочетание отражает специфику внешней политики Пятой республики. С одной стороны, это признание роли ядерного оружия в реализации французского стремления царить на мировой арене наряду с двумя сверхдержавами, сохраняя суверенность решений, с другой стороны – напоминание о поистине королевских полномочиях президентов в области внешней политики и обороны. Со времён де Голля они являются «заповедной зоной» президента (*secteur présidentiel réservé*). Де

³⁰ Gaulle De Ch. Discours et messages. 1958-1962. T.3/ Ch.De Gaulle. - P. : Plon, 1970. P. 221 /31 mai 1960/.

³¹ См. подробнее: Cerny Ph. Une politique de Grandeur. Aspects idéologiques de la politique extérieure de De Gaulle / Ph.Cerny. - P. : Flammarion, 1986. P. 67.

³² De Gaulle Ch., op. cit. P. 221.

³³ Под таким названием вышла книга С.Коэна о формировании французской внешней политики: Coen S. La monarchie nucléaire. Les coulisses de la politique étrangère sous la V-ème République / S.Cohen. - P.:Hachette.1986.

Голль же сделал одним из главных принципов государственного строительства тесную связь между внешней и оборонной политикой.

Ударные ядерные силы стали инструментом политики независимости, политическим орудием на службе новой стратегии Франции – «обороны по всем азимутам»³⁴. Две идеи происходили из такого симбиоза внешней и оборонной политики: во-первых, это соответствие технического оснащения вооружённых сил задачам национальной дипломатии; во-вторых, это отказ от системы военной интеграции в НАТО. Де Голль считал, что какой бы ни была общность точек зрения двух или нескольких стран, их интересы никогда не могут быть идентичными. Своё стремление к пересмотру положения Франции в НАТО он огласил ещё в меморандуме 17 сентября 1958 г., направленном американскому президенту Эйзенхауэру и британскому премьер-министру Макмиллану. Этот документ требовал установления трёхсторонней (с участием США, Великобритании и Франции) системы военно-политического согласия для выработки ядерной стратегии и урегулирования кризисов в мировом масштабе. Когда его предложение было отвергнуто, он заявил о неприятии системы интеграции, закреплённой в НАТО: «Система, которую называли «интеграцией» и которая берёт своё начало ...во времена, когда можно было полагать, что свободный мир был поставлен перед громадной угрозой, не знающей границ, и что мы ещё не восстановили нашу национальную самобытность, эта система интеграции отжила своё»³⁵. Отвергая интеграцию, де Голль не отказывался от союза и принимал идею самого тесного сотрудничества с военной организацией НАТО: стандартизацию вооружений, общую организацию снабжения и перевозок, координацию стратегических планов и возможность установления единого командования в случае войны. Но вооружённые силы Франции

³⁴ См.: Vaisse M., op. cit., chapitre XIV : Diplomatie et outil militaire. P. 595-622.

³⁵ Gaulle De Ch. Discours et messages. T.3. P. 125 (3 novembre 1959) .

должны были сохранять автономию и не зависеть от решения внешних сил: «Если ей случится вести войну, надо чтобы это была *её* война»³⁶.

Если здесь мы столь подробно останавливаемся на военно-дипломатической стратегии де Голля, то это потому, что тенденции, заложенные основателем Пятой республики, стали основой её внешнеполитической идентичности, а многие из его высказываний настолько вошли в дискурс французской дипломатии, что следы их обнаруживаются спустя три десятилетия при обсуждении важнейших внешнеполитических событий, вроде участия Франции в косовском конфликте.

Контекстом международной политики де Голля было блоковое противостояние, но её лозунгом – «преодоление Ялты». Напомним, что в конце второй мировой войны де Голль – глава Временного Правительства Французской Республики – не был приглашён на конференцию союзников в Ялту. Полагая, что мир должен быть основан на согласии между великими державами, к которым он относил свою страну, де Голль считал отсутствие Франции на Ялтинской конференции отрицанием этого принципа. По мнению де Голля, невзирая на блоковую солидарность, его страна должна была отказаться признать свершившийся факт: раздел Европы на сферы влияния между СССР и англо-американскими союзниками. Франция должна была стать мостом, пробивающим «железный занавес». В этом состояло, как считал де Голль, её историческое призвание в мире, которому навязаны законы холодной войны. Взятая на себя великая миссия должна была обосновать особое место Франции.

Однако неправильно было бы полагать, что идея величия была нацелена на то, чтобы сделать Францию сверхдержавой. Отдавая себе отчёт в несопоставимости потенциалов Франции и двух сверхдержав, де Голль стремился разбить блоковую систему и строить сообщество государств-

³⁶ Ibidem. P. 129.

наций, которые должны играть в нём роль соответственно их прошлому, их индивидуальности и их желанию. Таким образом, непререкаемость силового превосходства СССР и США он желал компенсировать преимуществами иного рода: моральным авторитетом Франции, её стремлением следовать своему историческому призванию. Де Голль сочетал реализм с волюнтаристским видением истории. Он восхищался усилиями и изобретательностью народов, которые, подобно гражданам Израиля, невзирая на ограниченность ресурсов, стремятся доказать своё право на независимость (что не мешало ему осуждать агрессию Израиля против арабских государств). Во время войны де Голль считал необходимым наделить французов великими национальными амбициями, «способными скрыть упадок страны»³⁷. Следует согласиться с мнением М.Вайса, который показал, что величие Франции для де Голля – «это не цель, не то, чего можно достичь или чем можно обладать, а средство, путь к чему-то, чего не знают, но что возвышает». В доказательство автор книги о величии приводит слова де Голля, записанные А.Пейрефитом: величие - « это путь, который избирают, чтобы превзойти себя, подняться над собой, чтобы избежать посредственности и вновь сделать Францию такой, какой она бывала в свои лучшие периоды»³⁸.

Все преемники основателя Пятой республики, причем, пожалуй, только Миттеран с тем же упорством, что и де Голль, были едины в стремлении подчеркнуть особую роль Франции, как модели третьего пути в биполярном мире, хотя отталкивались они от разных предпосылок и ценностей. Для де Голля, наследника классической Европы наций, главной ценностью была именно французская нация, реализующая свою особую планетарную миссию.

³⁷ De Gaulle Ch. Discours et messages, t. 1. P. 318 (8 aout 1943).

³⁸ Vaisse M., op. cit. P. 682; Peyrefitte A. C'était De Gaulle / A.Peyrefitte. - P. : Faillard-De Fallois, 1997. P. 121.

Ф.Миттеран, апеллировавший к идеалам французской революции, представлял Францию миссионером, борющимся против мирового диктата двух империй – СССР и США. Кроме того, для него - наследника традиции революционного мессианства Жана Жореса, речь шла о реабилитации идеи социализма на французском опыте³⁹. История французского государства, от королей до революции и традиция левых сил были неразрывно переплетены в миссионерском сознании президента-социалиста. Дипломатический советник Ф.Миттерана, а позже министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин озвучил эту идею в своих воспоминаниях. « Старшая дочь Церкви, родина Просвещения, колыбель революции и Прав человека, Франция стремится, превзойдя свои границы, наложить свою печать на Европу, нести свой свет миру, проповедовать, колонизовать, далеко нести своё знамя, свою концепцию свободы. Так и французские левые силы хотят освободить, наставлять, эмансипировать. У них свой особый проект: они хотят верить, что именно они в своих рядах являются носителями прогресса»⁴⁰.

Окончание холодной войны не умерило мессианских устремлений её руководителей, будь-то голлисты или социалисты. В 1995 г. голлист А.Жюппе, министр иностранных дел в правительстве Э.Балладюра и премьер-министр с 1995 по 1997 гг., подтвердил верность этому курсу: « На нас возложена особая задача - сохранять бдительность, ибо наша роль всегда состояла в том, чтобы наводить мосты, утверждать идеалы свободы, терпимости, демократии»⁴¹.

Здесь мы сталкиваемся с характерной чертой французской внешнеполитической культуры: оправданием амбициозного курса служит в ней не только и не столько превосходство в материальных средствах, военных или экономических, сколько морализм, своего рода «республиканское мессианство», которое основано на признании за

³⁹ Bozo F. Introduction: La politique étrangère de la France / F.Bozo // PE -1995. – N° 4. P.850.

⁴⁰ Védrine H. Les mondes de François Mitterrand / H.Védrine. - P. : Fayard, 1996. - P. 7.

⁴¹ Juppé A. Quel horizon pour la politique étrangère de la France?/ A.Juppé // PE. – 1995. – N°1.

Францией роли светоча западной культуры и цивилизации - родины свободы, равенства и братства. Эта идея восходит к 1792 г., когда революционная Франция посылала свои войска нести идеалы свободы европейским народам, «стонущим под игом тиранов». Имперская, а позже колониальная политика Франции также строилась на признании её цивилизаторской миссии по отношению к зависимым народам Азии и Африки. Этот акцент французской политики ярко проявляется в отношениях Франции со странами Третьего мира.

Во французской историографии нет однозначной оценки политики величия. М.Вайс, возглавлявший Фонд де Голля, считает достойным восхищения, что «де Голль смог произвести впечатление, подменив материальные ресурсы интеллектуальными и моральными»⁴², отметив при этом, что дипломатические прорывы Франции не были в большинстве случаев подкреплены способностью играть заметную экономическую и финансовую роль. Он высказывает также сомнение, что в условиях биполярности политика де Голля, способствовавшая разрядке между Востоком и Западом, сделала положение Франции в мире более благоприятным. В то же время, бесспорным является тот факт, что голлистская внешняя политика остаётся органичной частью французской специфики. Все последующие президенты заявляли о своей приверженности принципам де Голля, даже если некоторые аспекты его политики стали со временем предметом пересмотра.

Ф.Моро Дефарж, подводя итоги внешней политики Ф.Миттерана, пишет по поводу голлистской традиции: «В конце XX века французы как никогда смогли убедиться, что политика – это искусство возможного. С 60-х годов голлистский дискурс, затем голлистское наследие стремились замаскировать эту очевидность. А дипломатия представлялась чем-то вроде планетарной шахматной игры, в которой выигрыш зависит от способностей

⁴² Vaisse M., op. cit. P. 676.

игрока. Однако Франция располагает данными, которые, не будучи незыблемыми, не могут всё же измениться в зависимости от слов и жестов главы государства»⁴³. К таким условиям относились:

- принадлежность к развитым, демократическим западноевропейским странам,
- выбор в пользу НАТО, франко-германского примирения, активного участия в европейском строительстве,
- сохранение присутствия в странах Магриба и франкофонной Чёрной Африки.

В целом эти структурные позиции оставались неизменными на протяжении всего послевоенного периода, точнее говоря, с 1947 г., от коалиции «Третьей силы» к де Голлю и Миттерану и вплоть до сегодняшнего дня. По мнению Моро Дефаржа, они в большей степени, нежели стратегия величия, определяют глобальную роль Франции.

Ещё более скептически в отношении «политики престижа» высказались Ф.Шарийон и М.-Кр.Кесслер. Они считают, что окончание холодной войны не могло лишить Францию какой-то особой глобальной роли по той простой причине, что «всё это уже долгое время было в области иллюзий/.../У Франции никогда не было центральных позиций в мире»⁴⁴. Но сама постановка вопроса говорит о бесспорности того факта, что стремление влиять на мировые дела, т.е. «политика престижа» или «политика величия» является органичной чертой французской внешнеполитической идентичности.

Конец 80-х годов представляет во внешней политике Франции своего рода точку отсчёта: крушение привычного геополитического порядка

⁴³ Moreau Défarges Ph. «Tenir son rang». La politique étrangère de F.Mitterand/ Ph.Moreau Défarges // L'Etat de la France en 1995-96. - P.: La Découverte. - 1996. P.588.

⁴⁴ Charillon F., Kessler M.-Ch. Un «rang» à réinventer / F.Charillon, M.-Ch.Kessler // Les politiques étrangères. - P. : La documentation française. – 2001. P. 101- 102.

поставило под вопрос основные слагаемые её стратегической культуры⁴⁵. Кроме того, после окончания холодной войны французским руководителям было трудно расстаться с status quo Ялтинско-Потсдамской системы, хотя парадоксальным образом именно на лозунге «преодоления Ялты» основывала Франция свою особую геополитическую роль со времён де Голля. Франции предстояло найти новые внешнеполитические ориентиры в меняющейся международной системе.

Обоснование этих ориентиров стало главной задачей французской внешнеполитической теории.

2.Проблематика «могущества» государств во французской теории международных отношений

Проблема положения и роли Франции в мире традиционно связана с представлением о великой или мировой державе. Французский эквивалент этого понятия – la Grande puissance, в котором puissance – не только держава-государство, но ещё и сила и могущество – отсылает, прежде всего, к классическим категориям соотношения сил, в которых принято было мыслить международные отношения, как выражение и столкновение различных национальных интересов. Особое значение проблематика внешнеполитического могущества приобрела в годы голлистской республики. Она стала центральной темой исследований внешней политики Франции, так же как и работ по теории международных отношений⁴⁶.

Не случайно два пионера «французской школы» теории международных отношений – Р.Арон и Ж.-Б.Дюрозель, исходя из свойств теории

⁴⁵ Под стратегической культурой понимается во французской традиции совокупность стратегических рамок, в которых страна осмысливает свою историю. К таким рамкам относятся: представление о потенциальной угрозе и инструментах её отражения, о национальных интересах, о врагах и союзниках, о возможных гарантиях безопасности.

⁴⁶ См.: Тюлин И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции / И.Г.Тюлин. - М.: МО, 1988. Глава 2: Теории международных отношений.

реализма представлений о мировом порядке, построенном на равновесии сил, как результате соперничества держав, ставили под вопрос силовой детерминизм американской школы: он сужал потенциальные возможности проведения политики независимости Франции в условиях непрекращаемого военно-технического превосходства сверхдержав. Р.Арон в книге «Мир и война между нациями» отрицал монополию какого-либо государства на власть в мире, указывая на существование множества центров власти и отстаивая тем самым идею многополюсного мира в противовес жёсткой биполярности эпохи холодной войны. Не случайно в книге Арона, а это было одно из первых французских сочинений по теории международных отношений, важное место занимают рассуждения о силе и могуществе⁴⁷, как о средствах проведения внешней политики. Арону принадлежит определение «могущества» (“puissance”), принятое сегодня во французской политологии. Он различает «наступательное» и «оборонительное» могущество. «Наступательное» могущество на международной арене – это «способность одной политической единицы навязать свою волю другим». Под оборонительным могуществом соответственно понимается «способность политической единицы не дать другим навязать ей свою волю»⁴⁸. При этом автор делает важное с точки зрения нашего сюжета замечание: «могущество не есть некий абсолют, оно относится к сфере отношений между людьми». Тем самым могущество выводится из сферы анализа объективного, т.е. исчисляемого и измеряемого соотношения сил. Р.Арон отделяет «ресурсы или военную силу» (ressources ou la force militaire), которые могут быть оценены объективно, и “могущество”, которое, принадлежа области человеческих отношений, не зависит только от средств и инструментов, а связано с действием, с человеческой или государственной деятельностью. “Сила” предполагает мускульную мощь индивидуума или силу оружия для

⁴⁷ Aron R. Paix et guerre entre les nations / R.Aron. – P.: Calmann-Lévy, 1962, 1984. Chap.2: La puissance et la force ou des moyens de la politique extérieure.

⁴⁸ Ibid. P.58.

государства. Но “сила - ничто без нервного импульса, изобретательности, решимости”⁴⁹, и это замечание очень характерно для французской точки зрения. Не случайно Р.Арон предваряет рассуждения о внешнеполитическом могуществе замечанием, что “для французского уха выражение “политика могущества” (power politics – англ. или Macht Politik – нем.) звучит странно, как перевод с чужого языка. “Политика силы” и “политика могущества” (“politique de force” и “politique de puissance”), различаются для него так же, как по-английски различаются *power* (сила, мощность, власть) и *strength* (сила, прочность), а по-немецки *Macht* и *Kraft*. С “политикой силы” могут ассоциироваться памятная германская Macht Politik или поведение непрекаемых гигантов биполярного мира – СССР и США.

Такая политика, по мнению Арона, никогда не может быть абсолютно успешной ни для одного государства. Если, согласно М.Веберу, во внутриполитическом плане государство и является единственной инстанцией, обладающей монополией насилия, в мире такая монополия одного какого-либо государства невозможна. В нём неизбежно будет существовать множество центров власти, следствием и одновременно доказательством чему является наличие постоянной угрозы войн, т.е. применения насилия, как важного атрибута мировой политики.

“В отношении государства, - пишет Р.Арон, - мы предлагаем различать военную, моральную, экономическую силы и *могущество, которое является применением этих сил в определённых обстоятельствах и с определёнными целями*” (курсив мой – Е.О.). В то время как оценка сил доступна приблизительному измерению, оценить могущество, хотя оно и зависит от сил, которыми располагает государство, можно с ещё меньшей долей вероятности.

Соответственно подходит Р.Арон и к определению цели внешней политики. В качестве парадигматической рамки своих рассуждений он

⁴⁹ Ibid. P.59.

указывает на триаду “могущество, слава, идея”⁵⁰. «Если бы безопасность была с очевидностью или по необходимости главной целью, можно было бы *теоретически*⁵¹ определить рациональное поведение (на международной арене). Важно было бы, в зависимости от конъюнктуры, определить оптимальное измерение силы и действовать соответственно». Но «политические единицы хотят быть сильными (*fortes*), не только для того, чтобы обескуражить агрессора и жить в мире. Они хотят быть сильными, чтобы их боялись, уважали или чтобы ими восхищались. В конечном счете, они хотят быть *могущественными* (*puissantes*)⁵², т.е. навязывать свою волю соседям и соперникам, влиять на судьбы человечества, на будущее цивилизации». Следовательно, «могущество может быть главной целью так же, как и безопасность»⁵³, оно относится к вечным, непреходящим целям, в отличие от целей «исторических», т.е. определяемых временем и обстоятельствами. Могущество в глазах Арона не только сила, необходимая для обеспечения безопасности. Оно неизменно сопровождается более амбициозными намерениями, подразумевающими борьбу за планетарное влияние. Влияние это не обязательно влечёт за собой материальные приобретения. Слава является не менее желанной наградой, чем земли, богатства и порабощение врагов.

«За что борются общества, если не за расширение земель, которые они обрабатывают или богатства которых они используют, за подчинение себе людей, ныне иностранцев, завтра – рабов или сограждан, или за победу той или иной идеи (религиозной или социальной), универсальную правоту которой это сообщество провозглашает, одновременно возвещая о собственной миссии»? Именно последняя задача соотносится у Арона с понятием величия. «Идея и величие, - пишет он, - два движущих мотива в

⁵⁰ Название соответствующей главы «Мира и войны между нациями» - «Могущество, слава и идея или о целях внешней политики» (Aron R., op. cit., chap.3).

⁵¹ Курсив Р.Арона.

⁵² Курсив мой – Е.О.

⁵³ Aron R., op. cit. P. 83.

поисках славы, притом, что идея для верующего имеет вполне определённый смысл, в то время как слава неуловима, поскольку связана с диалогом сознаний», ведь необходимо, чтобы другие признавали твоё превосходство⁵⁴. Последнее очень важно для внешнеполитической идентичности Франции. С одной стороны, это оправдывает усилия, затрачиваемые на реализацию её мессианских устремлений, с другой стороны, является основой её желания быть признанной на мировой арене в качестве глашатая универсальных ценностей. Следует отметить ещё одну важную черту концепции Р.Арона и её отличие от современной ему англо-саксонской теории реализма. Благодаря Арону, задолго до появления конструктивизма в анализе международных отношений⁵⁵, во французской политологии утвердилось мнение, что внешняя политика государства суть производное не только от соотношения сил, но и от устремлений гражданского общества и значения его ценностей, разделяемых международным сообществом. Это не вечная и универсальная данность, а реальность, вписанная в определённый историко-политический контекст.

Главный труд Ж.-Б.Дюрозеля по теории международных отношений также посвящён проблеме мирового могущества. Его название: «Всякая империя погибнет»⁵⁶ - одновременно и своего рода утешение Франции после гибели её колониальной империи, и ключ к анализу причин возвышения и упадка международного влияния государств и сообществ, и пророчество неизбежного конца биполярного мира. Дюрозель считал одной из «регулярностей» истории человечества («регулярности» он ставит на место законов исторического развития) существование различия «потенциалов», что всегда вело к завоеванию более могущественным чужих территорий или, если таких «тяжеловесов» было несколько, к столкновению из-за территорий.

⁵⁴ Ibidem. P. 86.

⁵⁵ Речь идёт о теории, предложенной Александром Уэндтом в 90-х годах XX в.: Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. - Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

⁵⁶ Duroselle J.- B. Tout Empire périra.. Théorie des relations internationales / J.-B.Duroselle. - P. : Armand Collin , 1992 .

В биполярном мире, «различие потенциалов одновременно огромно и нестабильно»⁵⁷. В нём не осталось больше ни одной чисто европейской великой державы. «Правило великих держав (*des Grandes puissances* - фр.) заменено правилом равновесия двух сверхдержав, основанного на страхе», мирные договоры заменены военными границами и соотношением сил. Для понятия *puissance* Дюрозель выделяет два значения. Во французском языке они варьируются в зависимости от употребления определённого или неопределённого артикля, по-русски же они по-разному переводятся. La puissance – это «могущество, - абстрактное выражение фундаментального явления человеческой истории. Это то значение, которое придавал слову Р.Арон, «способность действовать, производить и разрушать, способность навязать свою волю другим»⁵⁸. Для Дюрозеля это « всякая способность преломить или изменить волю Другого», и эта способность «может осуществляться во всех видах и всеми способами».

Употреблённое с неопределённым артиклем, понятие «une puissance» обозначает «государство, державу, силу, способную в определённых обстоятельствах изменить волю индивидуумов, групп, иностранных государств»⁵⁹. Эта сила может быть всемирной (пример ООН), международной (пример Коминтерна или католической Церкви), транснациональной (пример ТНК), многонациональной (пример ЕЭС). Но значительная часть мирового могущества, согласно Дюрозелю, пребывает в государстве.

Ж.-Б. Дюрозель определяет критерии, согласно которым можно выделить среди держав великие (могущественные) державы. Для него это определение имеет, прежде всего, исторический характер: список великих держав неоднократно меняется с 17 века, меняется и содержание этого понятия, но независимо от изменений, великие державы всегда друг друга признавали и

⁵⁷ Там же. С. 270.

⁵⁸ См. выше, с. 22, сн.19.

⁵⁹ Duroselle J. - Б., op.cit. P. 289.

неохотно пускали других в свой привилегированный клуб. Если в 1914 г. Держав было восемь: Франция, Германия, Великобритания, Россия, Австро-Венгрия, США, Италия, Япония, то после второй мировой войны их осталось две, поскольку Австро-Венгрия давно распалась, престиж и силы Франции и Италии подорваны войной, Япония и Германия лишены суверенитета, а Англия не могла равняться с СССР и США. Дюрозель считает, что хотя министр иностранных дел Ж.Бидо и провозгласил, что Франция является великой державой, в конце войны де Голлю удалось лишь добиться, чтобы к Франции *относились* как к великой державе, но позже, с 1958 по 1969 гг., благодаря международному авторитету де Голля он стала играть роль, непропорциональную её реальному могуществу. Упоминая о роли де Голля в росте международного веса Франции, Дюрозель, вслед за Ароном, вводит в анализ важный элемент волюнтаризма. В процессе формирования внешней политики центральная роль им отводится политику - лидеру государства⁶⁰.

Роль личности или целенаправленной политики государства, определяемой её творцами, необходимо дополняет материальные факторы или то, что Дюрозель называет «элементами» могущества (обладание современными вооружёнными силами, а также территорией, населением и экономическим потенциалом). Сами по себе они недостаточны для реализации могущества. Во-первых, «влияние средней, малой или великой державы тесно связано с обстоятельствами, которые определяются более или менее устойчивым совпадением интересов и связями солидарности». Во-вторых, творцам внешней политики необходимо грамотно пользоваться инструментами могущества в качестве действий, способных преломить волю другого. Эти инструменты – проявление инициативной внешней политики: убеждение, торг, репрессии или ответные меры, угроза применения силы и само применение силы. В реализации могущества всегда есть доля конструктивизма. И это доказывает «парадокс сверхдержав»: они имели

⁶⁰ Duroselle J.-B. Tout Empire périra, chap . 1.

разрушительный потенциал, намного превышающий средства прежних великих держав, но способность навязать свою волю другим гораздо меньшую, чем великие державы прошлого. Их сдерживали условия, налагаемые построенной при их активном участии системы международных отношений: страх превращения конфликтов в термоядерную войну, наличие «нейтральных зон», например, в Европе, где они с обоюдного согласия отказывались от вмешательства в странах противоположного лагеря.

Для определения статуса сверхдержав Дюрозель возвращается к термину «империя» - производному латинского *improgium* и означающему одновременно обладание военной мощью, властью над вооружёнными силами, и власть, основанную на силе⁶¹. Соответствующий раздел его книги озаглавлен: «Империя или излишек могущества». В этом смысле имперский характер мирового влияния сверхдержав не отличался от колониальных империй великих держав ХУШ-ХХ вв. или империй Наполеона, Юлия Цезаря и Александра Македонского, поскольку одну из великих «регулярностей» истории Ж.-Б.Дюрозель видит в смерти империй и в преходящем характере могущества.

В начале 90-х годов Ф.Моро Дефарж выпустил обобщающую работу по теории международных отношений⁶². Главным предметом анализа в его книге является внешнеполитическая деятельность государств-наций. Поскольку нации - лишь продукт истории, а не универсальные и вечные единства, они рождаются, переживают периоды взлёта и падения и исчезают. В этой перспективе международные отношения между государствами или между обществами организуются вокруг трёх основных мотивов: выживание, могущество, идентичность. «Всякому человеческому сообществу, - считает Ф.Моро Дефарж, - необходима вера в собственную избранность, в то, что

⁶¹ К СССР это относилось вдвойне: и как государству, удерживавшему под своей властью прибалтийские, кавказские и азиатские народы, и как к державе, которая благодаря своему военному могуществу господствовала в социалистическом лагере.

⁶² Moreau Defarges Pf. La politique internationale/ Ph. Moreau Défarges. - P., Hachette, 1990.

именно оно создано божественным вдохновением». Конец XX века изобилует конфликтами, главным мотивом которых являлось стремление выжить, не утрачивая своей идентичности. Идентичность – «то, что в глазах индивидуума, общества, нации составляет смысл их существования». Так для ведущих европейских наций со второй половины XIX в. существовать означало способность двигать вперёд человечество, прогресс. Часто страх исчезновения переплетается с погоней за могуществом, когда в могуществе видится условие выживания. Определение могущества, предложенное Моро Дефаржем, близко тем, что дали Р.Арон и Ж.-Б.Дюрозель. Это «способность контролировать своё международное окружение, управлять им»⁶³.

Моро Дефарж не стремится дать исчерпывающего ответа на то, что он называет «тайной могущества». По признанию автора, его размышления могут лишь предложить ключ к анализу современных международных отношений. «Могущество не падает с неба, оно не является ни даром богов, ни знаком исторического призвания». Среди предпосылок могущества автор называет: территорию, население, природные и финансовые ресурсы, внешнюю экспансию (торговлю, инвестиции и... язык). Но в международной игре (и употребление понятия игры в этом контексте не случайно, ведь для успеха здесь необходимо искусство игроков) эти элементы являются лишь потенциальными слагаемыми могущества, поскольку оно обязательно предполагает ещё и *осознание собственной роли и даже чувство исполнения определённой миссии*. Такова роль Франции, носительницы универсального послания»⁶⁴.

Международные отношения сотканы из соотношения сил. При этом речь идёт о соперничестве не только между государствами, но и между обществами, коллективными представлениями, идеями. *«Могущество не является ни данностью, ни постоянным качеством, это созидательный*

⁶³ Ibidem. P. 13.

⁶⁴ Ibidem. P.14. Курсив мой – Е.О.

процесс, своего рода продукт взаимодействия явлений и расчётов, которые в определённый момент ставят одну или несколько наций, одно или несколько обществ в центр международной игры. Человеку отведена в этих процессах своя роль, но он не может предугадать, становлению какой исторической реальности он сопричастен»⁶⁵. Последнее замечание очень важно, поскольку Моро Дефарж, логически продолжая выводы Ж.-Б.Дюрозеля о неизбежности гибели империй, показывает обратную сторону могущества: оно влечёт за собой, во внутреннем плане, огромные, в том числе и материальные обязательства. «Всякое проявление могущества (от завоевания до помощи, от вмешательства до сотрудничества) имеет свою цену/.../. Оно порождает цепь субординации, клиентельных отношений, претензий. Следовательно, поддержание могущества, вначале скрыто, потом явно подтачивает само это могущество»⁶⁶.

С точки зрения нашего сюжета в вышеизложенных рассуждениях важны несколько моментов: во-первых, так же как его предшественники Р.Арон и Ж.-Б.Дюрозель, Ф.Моро Дефарж считает, что международный вес, т.е. могущество государства определяется не только и не столько материальными предпосылками, сколько целенаправленной деятельностью, проникнутой чувством исполнения определённой миссии, и эта деятельность является наиболее изменчивым фактором могущества. Во-вторых, могущество преходяще, и причина упадка кроется в самой его природе: издержки могущества начинают постепенно перевешивать его преимущества. Это признание можно расценивать и как следствие рефлексии по поводу международного веса Франции, и как ключ к анализу перспектив сохранения и роста мирового влияния её конкурентов. В дальнейшем тема ответственности приобретает иное звучание: она рассматривается в

⁶⁵ Ibidem. P.16-17. Курсив мой – Е.О.

⁶⁶ Ibidem. P.16.

контексте трансформации содержания понятия суверенитета в глобализованном мире.

Книга Моро Дефаржа появилась в начале 90-х годов. Она отражает основные направления внешнеполитических забот Франции того времени, когда у французских аналитиков, наблюдавших закат биполярного мира (одна из частей книги посвящена соперничеству СССР и США, в основе которого лежало идеологическое противостояние), не было ещё осознания угрозы безраздельной американской гегемонии, как, впрочем, и предвидения скорого распада Советского Союза.

К концу 90-х годов, когда обозначились не только первые итоги крушения Ялтинско-Потсдамской системы, но и тенденции будущего развития, группа французских политологов, сотрудничающих с Институтом политических исследований Парижа (IEP-Sciences Po), выпустила коллективный труд «Новые международные отношения»(1998)⁶⁷. Авторы предлагают французскому читателю критическое изложение новых, главным образом американских, подходов к анализу современной международной реальности. Поскольку научный интерес в политических науках редко бывает праздным: как правило, он сосредоточен на болевых точках наций и обществ, эта книга даёт представление об избранном круге тем, интересующих французских аналитиков

Б.Бади, автор первой главы, открывающей книгу и задающей ей своего рода парадигматические рамки, назвал свой опус «От суверенитета к возможностям государства». Тем самым он указал на одно из наиболее значимых направлений трансформации Вестфальской системы и, следовательно, анализа международных отношений: на возможность пересмотра государственно-центристской модели мира, главным двигателем которой оставалось соперничество между государствами. Ключом к

⁶⁷ Les nouvelles relations intrnationales. Politiques et théories / Sous la direction de M.- Cl.Smouts. - P.: Presses de Sciences Po, 1998.

изучению привычной системы является анализ соотношения могущества, а понятийная пара «суверенитет – могущество» остаётся отправной точкой всякого анализа⁶⁸. Между тем, как считает Бади, прогресс глобализации всё более подрывает позиции защитников суверенитета, усиливая тенденцию к взаимозависимости. Согласно теории реализма, господствовавшей во французской и вообще в западной политологии, государство – это не столько институт проведения внешней политики, сколько самоцель: будучи главным игроком на международной арене, государство обязано было отчитываться в свое внешней политике только перед самим собой, поверяя её результаты национальным интересом, который Б.Бади считает фикцией, оттого что понятие это чисто субъективное. По мнению Б.Бади, теория реализма страдает излишним универсализмом, т.к., прибегая к легитимации внешней политики страны национальным интересом, она предполагает, что каждое государство является государством-нацией. Между тем, не только универсальность этой модели государства подвергается сегодня сомнению, но и идея легитимности исключительно национального интереса.

Б.Бади обращается к идеям американского политолога Ф.Денга⁶⁹, предложившего новое понимание международной ответственности. Глобализация делает понятие суверенитета всё более относительным. Новые формы интеграции мало-помалу обнаружили, что самодостаточность государства отступает под натиском новых факторов. К ним относятся: появление понятия «общественного богатства человечества» вне государственных границ, взаимозависимость между политическими сообществами и между экономиками, множющиеся интеграционные пространства. В новом контексте обнаруживается тенденция смены вех: «государство больше не является самоцелью, но инструментом, прежде всего оно призвано служить человеческому сообществу, а не быть его

⁶⁸ Badie B. De la souveraineté à la capacité de l'Etat // Ibidem. P. 38.

⁶⁹ Deng F. Sovereignty as responsibility / F.Deng. - Washington, Brookings, 1996.

единственным воплощением». Государство «перестало быть узко суверенным: оно является частью общества, определённые параметры которого явно глобализованы»⁷⁰. Поэтому применительно к международным отношениям предстоит вновь изобрести теорию общественного договора, придав ей более широкой смысл, вызывающий к понятию целого человечества. Государство, прежде всего, должно быть ответственно перед человечеством, а потом уже суверенно, поскольку человечество чрезвычайно зависимо от экологических катастроф и рисков развития, превратностей мировой экономики, демографических различий, от покушений на права человека и распространения насилия. Следуя за рассуждениями Ф.Денга, Б.Бади задаётся вопросами, способными подсказать нам предмет его озабоченности. Во-первых, каковы пределы мировой ответственности государства? Если каждое государство ответственно на мировой арене, поскольку большинство его действий имеют глобальные последствия, то может ли это повлечь для него *моральную обязанность вмешательства вне его границ?*⁷¹

Во-вторых, как связана эта ответственность с неравными силовыми возможностями государств? Ведь, с одной стороны, эффективность вмешательства и, с другой стороны, подсудность государства международному сообществу определяются его возможностями, следовательно, его могуществом. Ответственность по-прежнему противопоставляет сильного и слабого и таким образом хотя бы частично вписывается в рамки теории реализма. Для одних, более могущественных государств, ответственность есть проявление могущества. Для других, более слабых, она сводится к подсудности их международному сообществу или более могущественным государствам. При этом отличие от подхода

⁷⁰ Ibidem. P.54.

⁷¹ Курсив мой –Е.О.

«реалистов» состоит лишь в том, что от могущества отнимается его неперенный атрибут – суверенитет.

Третий вопрос: как институционализировать ответственность? Новую потребность в ответственности способны реализовать межправительственные институты, но за ними стоит воля государств-наций. Как тогда они могут разорвать рамки суверенитета этого самого государства? Б.Бади заключает, что международные организации, возросшая роль которых, казалось бы, ставит под вопрос роль государства, остаются главным консерватором модели государства-нации и прежней международной практики⁷².

За вопросами, поднятыми Б.Бади, стоит целый ряд проблем, требующих от Франции принципиальной позиции на международной арене. Это проблема сохранения суверенитета и оправдания собственного внешнеполитического курса, вопрос о рамках независимых дипломатических решений и о глобальной (моральной и реальной) ответственности и о легитимности вмешательства в дела других государств в интересах человечества, наконец, проблема реализации ответственности в зависимости от могущества государства, возвращающая нас к центральной тематике французской школы теории международных отношений.

П.Асснер – автор главы, подводящей итог этого коллективного труда, указывает на кризис устоявшихся теорий международных отношений, являющийся отражением кризиса мировой системы – следствия геополитических изменений конца 80-х-начала 90-х годов XX века⁷³. Свои рассуждения он начинает с анализа изменения баланса внешнеполитического могущества в мире с точки зрения международной безопасности. Понятие могущества, – отмечает автор, – было центральным в теории реализма, основанной на понятии равновесия сил (могущества), которое является

⁷² Ibidem. P.55.

⁷³ Hassner P. Par delà la crise de la discipline à celle de l'époque // Les nouvelles relations... Conclusions.

производным от соперничества государств. Крушение СССР и объединение Германии, совершившиеся без войны, что было абсолютно непредвиденным, - всё это на какое-то время породило близкие школе идеализма мечты об установлении «мира, основанного на законе». Однако надежды на то, что поиски могущества и равновесия сил будут заменены «новым мировым порядком», основанном на коллективной системе международной безопасности, развеялись после войны в Персидском заливе и особенно после войн в бывшей Югославии. Мечта XVIII и XIX веков о прочном мире, который воцарится благодаря развитию торговли, науки и либерализма, по-прежнему далека от воплощения. Во-первых, даже развитые либеральные общества не застрахованы от возврата «подавленных инстинктов» (каким было, в своё время, установление тоталитарного режима в демократической Веймарской республике). Во-вторых, благополучные буржуазные государства, основанные более на соображениях личного интереса, чем на страстях, окружены и пронизаны иными в смысле морали обществами и группами. И то и другое меняет привычные концептуальные рамки западной политологии.

От Гоббса до Арона, включая Клаузевица и Вебера, политические мыслители сходились в понимании различия между внешними и внутренними делами. Оно состоит в том, что внутри себя нации находятся в гражданском состоянии мира, когда только государство обладает законным правом на насилие. В то же время на международной арене нации эти оставались в первобытном состоянии соперничества, то есть потенциальной войны: государства оставляли за собой право применить силу в качестве решения, заменяющего переговоры (торг). В этом смысле война была продолжением политики другими средствами. В конце XX века «мы присутствуем при усилении угроз безопасности для либерального общества не извне, а изнутри — из-за упадка «современного государства», его

монополии на насилие внутри и его возможности вести войну вовне»⁷⁴. С одной стороны, внутренняя уязвимость современных западных обществ вследствие демографических сдвигов, и, с другой стороны, размывание суверенитета вследствие глобализации и интеграции, составляют предмет озабоченности французских политологов, поскольку они снижают классические показатели французского внешнеполитического могущества. Подтверждением такого взгляда служат размышления А.-М. Ле Глоаннек о возможности существования самостоятельной стратегической концепции в постбиполярном мире где-нибудь, кроме США⁷⁵.

У автора нет сомнений в том, что «с крушением СССР и его империи /.../США триумфально сделали единственной сверхдержавой в мире»⁷⁶. А.-М. Глоанек в целом согласна с тем, что США, являясь первой политической и военной державой мира, остались центром производства стратегических концепций, в то время как Франции, Германии и России придётся лишь худо-бедно приспособливаться к новым условиям. Стратегическая (военная) область – одна из сфер, в которой материальные факторы могущества играют фундаментальную роль, и здесь непререкаемость американского могущества наиболее очевидна автору. Одной из составляющих этого могущества является ядерное оружие. Конец блокового противостояния в отсутствие явного противника отодвинули значение ядерного соревнования между Западом и Востоком и вообще соревнование ядерных потенциалов на второй план. Но снижение стратегической роли ядерного оружия не уменьшило американского превосходства, а только его усилило. США получили непререкаемое первенство в обычных вооружениях нового поколения (так называемое «умное оружие» или оружие точного наведения) благодаря мощному

⁷⁴ Ibidem. P. 384.

⁷⁵ Le Gloannec A.-M. Y-a-t-il une pensée stratégique dans l'après-guerre froide ? // Les nouvelles relations internationales ... Chap . 13.

⁷⁶ Ibidem. P. 357.

технологическому рывку последних десятилетий. В этом плане Франция, не имеющая доступа к подобному оружию, сильно отстаёт от США по материальным показателям могущества.

Одна из относительно новых формул ядерного сдерживания, заменившая прежнюю модель «сильный сдерживает слабого» (*du fort au faible*) на «сильный сдерживает сумасшедшего» (*du fort au fou*), нацелена не на Восток, а на Юг. Именно здесь и возможно *только здесь*⁷⁷ для Франции речь идёт уже не о сопоставлении потенциалов, а о подлинной стратегической идентичности, поскольку, в отличие от французов, американцы допускают сдерживание посредством войны, т.е. могущество, как способность победить в бою, а для французской дипломатии это измерение отсутствует⁷⁸.

Во времена холодной войны атомное оружие было великим уравнивателем могущества при разнице потенциалов. Роль ядерного сдерживания для утверждения международного веса Франции была тем более велика, что страна не могла равняться со сверхдержавами мощностью ядерных арсеналов. С точки зрения могущества, значение ядерного сдерживания, уравнивающего мощь разных в экономическом и технологическом отношении государств, для Франции, как и для России, остаётся неизменным. Поэтому, несмотря на снижение ценности ядерного фактора и в отсутствие явного противника, во Франции многие укрепляются в убеждении о необходимости сохранения ядерного потенциала, особенно в условиях торжества доктрины «минимального ядерного сдерживания»⁷⁹. Автор вынужден признать, вслед за военными аналитиками, в частности, за П.-И. де Сен-Жерменом⁸⁰, что во Франции не появилось после 1989 г. ясной и связной стратегической доктрины. Аналитики предпочитают общие рассуждения в условиях, когда Франция не располагает обычным оружием точного наведения, подобным

⁷⁷ Курсив мой – Е.О.

⁷⁸ Ibidem. P. 357.

⁷⁹ Ibidem, p. 366.

⁸⁰ Saint-Germain P.-I. Demain, l'ombre portée de l'arme nucléaire / P.-I. Saint-Germain // L'arme nucléaire française en question. - Palaiseau, Cahiers du CREST. – 1996. P. 13.

тому, которое создаёт громадное превосходство США – первой державы мира.

Выводы французских политологов конца XX века свидетельствуют об их скептическом отношении к потенциальным возможностям Франции восстановить внешнеполитическое могущество в изменившихся условиях, главным из которых является непререкаемая мощь США. Центральная идея теоретиков времён биполярности, для которых идентичность Франции составляет стремление к мировому влиянию, определяемому не столько материальным потенциалом, сколько активностью и моральным весом, у аналитиков конца XX века уступает место озабоченности неконкурентоспособностью Франции на мировой арене в виду непререкаемости американского могущества.

Что в этой ситуации остаётся Франции? Размышления политологов на эту тему концентрируются вокруг уже упомянутой проблемы размывания суверенитета и роли государств-наций в мировой политике.

3. Могущество в условиях глобализации: от национального могущества к многосторонней дипломатии

Идея величия, а именно из неё исходила Франция со времён Людовика XIУ, определяя своё место в мире, развивалась в логике парадигмы, ключевым понятием которой было государство-нация. Для нового поколения французских аналитиков и политиков эта парадигма уже не является безусловной и единственной. По их мнению, многосторонняя дипломатия в условиях глобализации должна сменить межгосударственное соперничество, в котором главным был эгоистический государственный интерес. В новых условиях иначе понимается и внешнеполитическое могущество. Эта характеристика, адекватная определению места страны в мировом сообществе, трансформировалась вместе с международным контекстом. Б.Бади в соавторстве с М.-К.Смутс в работе с характерным названием,

которое можно перевести как «Перевернутый мир»⁸¹, дали скорректированное новыми реалиями определение могущества. «В настоящее время могущество определяется, как способность контролировать правила игры в одной или нескольких ключевых областях всемирного соревнования». Могущество сохраняет, таким образом, своё глобальное измерение, являясь атрибутом, позволяющим его обладателю играть мировую роль. Паскаль Бонифас, размышляя о международном ранге Франции в 90-х годах⁸², добавляет к этому определению качество, выделенное американцем Джозефом Наем как “soft power”(«мягкое могущество»), отличное от “hard power”, которое характеризует силовое превосходство. Первое позволяет стране «строить ситуацию таким образом, чтобы другие страны делали выбор или определяли бы свои интересы в соответствии с её собственным интересом /.../. Универсальный характер культуры этой страны и её способность установить систему благоприятных для неё правил и институтов, представляют собой важные источники могущества»⁸³.

П.Бонифас, вслед за Дж.Наем, добавляет к критериям могущества значение того впечатления, которое создаётся от данной страны в мире. Этот образ является производным от самых различных факторов: «это могущество, конечно, если оно кажется законным, испытывающим уважение к другим и хотя бы отчасти имеющим целью общий интерес, но также и культурная креативность, место в индустрии развлечений, качества, приписываемые её народу или уровень игры её футбольной команды, и т.д.»⁸⁴. В отличие от подавляющего большинства анализируемых в этой главе научных трудов, издаваемых для студентов и специалистов, брошюра

⁸¹ Badie B., Smouts M.- Cl. Le retournement du monde / B.Badie, M.-Cl.Smouts. - P. : Presses de Sciences Po et Dalloz. - 2-ème éd., 1995.

⁸² Boniface P. La France, est-elle encore une grande puissance ?/ P.Boniface. - P. : Presses de Sciences Po, 1998.

⁸³ Nye J. Bound to Lead / J.Nye. - N.-Y. : Basic Books, 1990, p.173, 30. Цит. по: Boniface P. La France, est-elle encore une grande puissance ? P. 38-39.

⁸⁴ Boniface P., op. cit. P. 39. В 1998 г., когда в свет вышла книга П.Бонифаса, Франция стала чемпионом мира по футболу.

директора Института стратегических исследований (IRIS)⁸⁵ П.Бонифаса адресована массовому читателю и призвана предложить общественному мнению ответ на волнующий его вопрос о роли Франции в современном мире. Она вышла в коллекции «Библиотека гражданина» и подчинена очевидному социальному заказу: внушить французам веру в то, что правительство (а в период подготовки и публикации книги это было социалистическое правительство, к которому был близок П.Бонифас) сможет обеспечить их стране достойное положение на международной арене.

Главнейшим из принципиально новых факторов, утверждающих внешнеполитическое могущество, по мнению П.Бонифаса, является *взаимозависимость*⁸⁶. «Можно предположить, что именно взаимозависимость создаёт сегодня могущество. Это делает малопригодными его классические определения (влиять на решения другого, сохранять контроль над собственными решениями) /.../ Революция в определении критериев могущества (знание вместо силы, «мягкое могущество» вместо «силового могущества») и их изменение (спутник космического наблюдения вместо танка, телевидение вместо книги как источник информации) являются лишь производными от такого роста взаимозависимости и конца двусторонних отношений типа Франция - Германия или США - СССР. Двусторонняя игра закончена»⁸⁷. Глобализация и её дипломатическое отражение – многосторонность неизбежно приведут к стиранию образа национального могущества. Восприятие Франции, как страны, которая не могла бы больше оставаться великой державой, порождено не столько резким снижением её внешнеполитического потенциала, сколько психологическим процессом, сопутствующим победе многосторонней дипломатии. «Французская внешняя политика, так же как внешняя политика других стран, стала всё менее национальной, и наше место

⁸⁵ IRIS - Institut des Relations Internationales et Stratégiques .

⁸⁶ Курсив мой – Е.О.

⁸⁷ Boniface P., op. cit. P. 40.

в международной табели о рангах определить всё труднее», поскольку по сравнению с временами, когда могущество имело национальное измерение, система координат изменилась. «Сегодня мы живём в системе всё более многосторонних международных отношений», - заключает автор. Он добавляет к новым составляющим могущества, помимо экономики и культурной или информационной экспансии, «способность влиять на базовый фон многосторонней дипломатии и постоянно приспосабливаться к новой геометрии мира». Сегодня всё ещё надо уметь создавать коалиции, но они должны быть, в отличие от прошлых союзов и блоков, более подвижными и многослойными: надо создавать группы влиятельных государств вокруг определённых проектов и предложений. «Когда-то Франция имела в мире аудиторию, восприимчивую к её международным призывам, сейчас она должна уметь убеждать, выдвигать наилучшие программы и играть объединительную роль». Особенность многосторонности в том, что она делает могущество незаметным, поскольку надо вести переговоры всё время и со всеми, и здесь силовое давление не является решающим: успех требует компромиссов, взаимных уступок и разного рода увязок, в чём и состоит уравнительная роль многосторонности⁸⁸. Многосторонность, в том числе в опоре на ЕС, по мнению П.Бонифаса, является одним из главных преимуществ Франции в новой дипломатической игре: она позволяет «использовать могущество других для усиления собственного могущества. Это не отказ от могущества, стирание национального интереса в пользу общих интересов, но, в сущности, борьба за национальные интересы другими способами, *скрытая стратегия достижения могущества*⁸⁹». Сохранение французского международного могущества в опоре на многостороннюю дипломатию и на интеграцию – главное стратегическое направление современной внешнеполитической

⁸⁸ Ibidem. P. 43.

⁸⁹ Ibidem. P. 50. Курсив мой – Е.О.

мысли во Франции. Основное внимание в этом смысле привлечено к европейскому направлению интеграционных устремлений страны.

В 2002 г. под руководством президента Французской академии моральных и политических наук Т. де Монтбриаля появился коллективный труд с несколько футуристическим названием «Франция нового века»⁹⁰. Подводя итоги состоянию Франции в начале XXI века, Т. де Монтбриаль задаётся вопросом: «Какое будущее ждёт Францию?». Он считает, что «будущее Франции – это Европа». Государство-нация – это всего лишь стадия, сравнительно недолгая и преходящая, в развитии человеческих сообществ. В пору расцвета этой идеи (в XIX веке) считалось, что далеко не все политические образования, не будучи самодостаточными, смогут стать полноправными и жизнеспособными государствами-нациями. После первой мировой войны, а потом в результате деколонизации и особенно в 90-е годы, благодаря распаду авторитарных государств Восточной Европы и СССР, появилось множество мини-государств, неспособных выжить (свидетельство тому - пренебрежительный характер слова «балканизация»). Международное сообщество содействовало этому процессу, отдавая себе отчёт в том, что нежизнеспособность этих государств потребует от него различного рода вмешательства⁹¹. В значительной степени это обстоятельство придаёт новый импульс идее интеграции, не порывая с либеральной теорией общественного прогресса, питавшей в своё время становление государств-наций. Ведь идея государства-нации, так же как идея глобализации, то есть объединения мира ещё в пору расцвета либерализма 1830-х – 1880-х годов, исходила из убеждения, что развитие наций является этапом на пути великого объединения всего человечества. Это объединение станет моделью иного масштаба, но схожей с национальным государством: ведь при своём становлении государства-нации пережили тот же период униформизации и

⁹⁰ La France du nouveau siècle / Sous la direction de T. De Montbrial. - P.: PUF, 2002.

⁹¹ Ibidem. P.503-504.

борьбы с провинциальным сепаратизмом и местными наречиями, в них было то же стремление к установлению экономического и культурного единства, к преодолению языковой разобщённости. Хотя во французской истории якобинская модель государства-нации и глобалистский либеральный идеал относятся к разным парадигмам, Т. де Монтбриаль считает, что парадоксальным образом они тяготеют к всё той же униформизации, но в разных масштабах: одна на национальном уровне, другой – на глобальном.

На первый взгляд, рассуждения Т. де Монтбриаля далеки от французской проблематики величия. На деле, за ними стоит ряд болевых проблем внутрифранцузского спора о сохранении национальной идентичности в условиях европейской интеграции и глобализации, о роли страны в новом международном контексте, об издержках поддержания мирового ранга Франции. Т. де Монтбриаль соотносит две соперничающие идеи французской политики - европеизм и национализм. Для него они по-разному выражают одну геополитическую дилемму, какую общность можно считать естественной и жизнеспособной на мировой арене? В своё время знаменитый французский философ-позитивист Э.Ренан задавался этим вопросом относительно нации. Т. де Монтбриаль размышляет о законности замены в этих рассуждениях понятия «нация» понятием «Европа»⁹². Для него это «Европа свободная, скреплённая согласием своих составляющих/.../, уважающая своеобразие, которое станет источником братства, основанного не на якобинском проекте униформизации, но на ценности отличий»⁹³. Он осуждает «сублимацию» «якобинского» духа нации и считает, что «необходимо поставить национальную идею на её истинное место»⁹⁴. Автор приводит слова великого француза и европейца В.Гюго: « Франция восхитительна тем, что она должна умереть, но умереть, преобразившись, подобно богам. Франция станет Европой».

⁹² Ibidem. P. 505.

⁹³ Ibidem. P. 500.

⁹⁴ Ibidem. P. 506.

Т.де Монтбриаль отдаёт себе отчёт в дерзости своего пророчества. В своё время для Ренана просвещённая элита (знать и духовенство) являлась носителем идеи нации в противовес архаичному местному сепаратизму. Подобно ему, Т. де Монтбриаль считает, (признавая, правда, несоответствие подобных речей правилам политкорректности), что «европейское сознание пребывает в просвещённой части Европы, которая поведёт за собой остальную её часть». «Через франко-германское примирение и борьбу с преступлениями коммунизма, Европейский союз стал великой лабораторией по выработке нового типа политического единства, приспособленного к новым временам»⁹⁵, - заключает автор.

Если оставить в стороне футуристический пафос Т.де Монтбриаля и обратиться к анализу сдвигов в современных международных отношениях во французской политологии, то интернационализация или регионализация внешней политики Франции в рамках Европейского союза представляется сегодня данностью, и рассуждения об этом новом её качестве занимают всё более важное место. В 2002 г. группа французских внешнеполитических аналитиков выпустила коллективный труд «Внешняя политика: новые подходы»⁹⁶. Руководителем авторского коллектива Ф.Шарийоном написана заключительная глава книги. Она посвящена «регионализации» внешней политики, под которой автор понимает придание ей европейского масштаба в рамках предусмотренной Маастрихтским договором совместной европейской внешней политики. Автор исходит из необходимости адаптации внешней политики к коренным изменениям условий международной деятельности, прежде всего, к глобализации и к концу блокового противостояния. Один из главных путей такой адаптации Ф.Шарийон видит в регионализации, то есть в расширении национальных рамок внешнеполитической деятельности до масштабов всего европейского (в

⁹⁵ Ibidem. P. 500.

⁹⁶ Politique étrangère : nouveaux regards / Sous la direction de Fr. Charillon. - P.: Presses de Sciences Po, 2002.

случае Франции) или какого-либо другого сообщества, более того, он считает, что такая регионализация неизбежна вследствие эволюции современной внешней политики. Речь идёт о тенденции, «проявления и последствия которой будут ещё уточняться, но уже сейчас ясно, что рамки региональной взаимозависимости налагают всё больше обязывающих условий на проведение национальной внешней политики, даже порой определяют её»⁹⁷. Пока ещё один только ЕС возвёл регионализацию внешней политики в ранг *«приоритетной и ясной политической цели»*⁹⁸, и последствия регионализации в контексте европейской интеграции напрямую касаются международных позиций Франции. Критериями регионализации внешней политики являются: многосторонний характер дипломатической деятельности, выработка несколькими государствами общего видения мира, совместимость их национальных интересов, чтобы *«интерес владычества» (intérêt de possession) был заменён «интересом сообщества» (intérêt de milieu)* (Курсив мой – Е.О.). Признание, что регионализация внешней политики отдаёт приоритет интересам избранного круга государств (в данном случае стран ЕС) перед интересами национального могущества, представляется поворотным моментом в анализе во Франции перспектив её международного влияния.

Сразу же встаёт вопрос, касающийся национальной дипломатической стратегии: если регионализация внешней политики в отношении Франции и ЕС вообще становится безусловной и неотвратимой тенденцией, то выигрывает от этого роль Франции или проигрывает? Ф.Шарийон не связывает регионализацию внешней политики с потерей суверенитета, считая ее, прежде всего, орудием индивидуальных стратегий государств-членов, т.е. национальных дипломатий. Регионализация предоставляет им ряд важных дополнительных преимуществ именно с точки зрения реализма, т.е. поисков

⁹⁷ Charillon Fr. Vers la régionalisation de la politique étrangère. Chap. 14 // Ibidem. P. 418, 394.

⁹⁸ Курсив автора.

факторов внешнеполитического могущества. Во-первых, она является мультипликатором влияния (как для крупных, так, и даже особенно, для малых стран). И при неизменности внешнеполитического курса совместные действия предоставляют сильный дополнительный рычаг, поскольку вывеска Сообщества придаст ему больше веса, наглядности, доверия и финансовых возможностей. Во-вторых, регионализация внешней политики смягчает неудобную ситуацию, когда, растворившись среди своих соседей, страна имеет возможность поддержать принципиальную позицию, которую она поостереглась бы выдвинуть в одиночку, опасаясь осложнений с третьими странами или регионами. Так Франция, не желая раздражать своих арабских друзей, избегала исключительно от своего имени критиковать политику Яссера Арафата. Наконец, крупные государства могут *«институционализировать»* своё ведущее положение, поскольку регионализация внешней политики и, в более широком смысле, договоры о региональной интеграции закрепляют де-юре их фактическое дипломатическое преобладание. Так Европейский союз является порукой франко-германского лидерства»⁹⁹.

С точки зрения перспектив коллективной стратегии, регионализация внешней политики также несёт в себе важные функции. Прежде всего, это примирение, ослабление напряжённости - обеспечение прочного мира внутри региона, между соседями, прежде враждовавшими, теперь объединёнными в Сообщество, подобно Франции и Германии. Для реализации конечной задачи внешней политики Сообщества будет необходим новый, более высокий уровень интеграции. Эта задача – *«совместное утверждение нового дипломатического субъекта на мировой арене»*¹⁰⁰, чтобы усилить

⁹⁹ Курсив автора: ibidem. P. 404.

¹⁰⁰ Курсив автора. Ibidem. P. 406.

*присутствие в мире нового игрока с глобальными амбициями, в условиях, когда эти амбиции недоступны больше национальным дипломатиям*¹⁰¹.

Таким образом, перенос внешнеполитических амбиций Франции с национального на европейский уровень, казалось бы, создаёт новые международные факторы умножения её могущества в отсутствие или при снижении её собственных возможностей. В то же время, Ф.Шарийон указывает, что регионализация внешней политики изменяет характер самой дипломатической деятельности. Во-первых, происходят сдвиги на вербальном уровне: национальная риторика заменяется европейской, более осторожной, без прямоты и апелляции к идеалам, свойственным национальным дипломатиям. Межрегиональные проблемы превалируют в этом дискурсе над вопросами двусторонних отношений. Франция дорожила своей «арабской политикой». В ЕС говорят о «евро-средиземноморском партнёрстве». Во-вторых, происходит регионализация процесса принятия решений, в котором появляется собственная иерархия. Большее значение приобретают те, в чьи обязанности входит синтез, сближение позиций, челночные переговоры, а в этой сфере французская дипломатия накопила значительный опыт. В-третьих, происходит регионализация средств благодаря соединению бюджетов, хотя новые проблемы вырастают из-за споров о том, как их тратить. Последнее обстоятельство заставляет автора задуматься над ещё одним важным следствием регионализации. Благодаря регионализации, внешняя политика «всё более сосредоточена на экономике»¹⁰². Эта тенденция объясняется тем, что для ЕС, где предпочтение отдаётся решениям, основанным на консенсусе, гораздо легче соединить финансовые возможности, чем договориться о силовых действиях. «На Балканах и на Среднем Востоке Европа финансирует, но не управляет. В этом природа внешней политики, которая в наши дни меняется, чтобы стать

¹⁰¹ Там же. Курсив мой – Е.О.

¹⁰² Ibidem. P. 414.

всё более политикой мониторинга... и всё менее производной от соотношения сил... Ей легче использовать «пряник», чем «кнут», поскольку помогать легче, чем налагать санкции». Вследствие этого внешняя политика на пути регионализации становится в большей степени упреждающей («про-активной»), чем «реактивной». Задумать и подписать Пакт стабильности в Европе или соглашение о евро-средиземноморском партнёрстве легче, чем разрешить балканский или алжирский кризисы. «В то время как реактивная политика предписывает обладание силами воздействия и согласие относительно их использования, про-активная политика, которая предпочитает, например, превентивную дипломатию, относится к разряду интеллектуальных построений». Указывая на преимущества и недостатки процесса регионализации или европеизации внешней политики, Ф.Шарийон не считает регионализацию простой заменой национальной дипломатии. Он говорит здесь о наложении двух уровней деятельности, двух типов процедур принятия решений, сосуществующих и соотносящихся в изменяющейся реальности. Каждая имеет свою нишу и особенные функции. Автор считает, что пока нельзя дать чёткого ответа на ряд важных вопросов, стоящих перед французскими политиками в связи с прогрессом европейской интеграции. Главный из них: усиливается или ослабляется государство вследствие регионализации внешней политики? Каковы рамки внешнеполитического маневрирования государства в условиях регионализации? Может ли оно в защите своих конкретных интересов противиться общему движению, если считает, что его собственные позиции под угрозой?¹⁰³

Углубление европейской интеграции, т.е. процесс регионализации внешней политики является не единственным фактором, размывающим внешнеполитическую монополию государств-наций. Ещё в 70-х годах XX века М.Мерль¹⁰⁴ – основатель социологии международных отношений во

¹⁰³ Ibidem. P. 415.

¹⁰⁴ Merle M. Sociologie des relations internationales / M.Merle. - P., 1974.

Франции, указал на появление на международной арене новых, транснациональных или интернациональных игроков: транснациональные корпорации (ТНК), международные неправительственные организации (МНПО), международное общественное мнение, выразителем которого являются гражданские движения и неформальные организации. Развитие этой тенденции дало основания М.-К.Смутс (руководителю вышеупомянутого коллективного труда по теории новых международных отношений)¹⁰⁵ в конце 90-х годов утверждать, что «меньше чем за век картина международного сообщества прошла путь от модели «сообщества государств» (все они были нацелены на соперничество и преследовали эгоистические цели могущества и национального интереса) к «мировому гражданскому сообществу», неоднородному, многоцентричному, в поисках общего регулируемого пространства»¹⁰⁶. М.-Кл. Смутс интересуется не столько размывание суверенитета государства, сколько возможность установления новой системы управления этим международным сообществом. Предпосылки такого управления появились, по её мнению, в конце XIX века, когда параллельно волюнтаристскому реализму, инспирированному национальным интересом и соображениями могущества, начинает развиваться вильсоновский идеализм. После второй мировой войны он будет освящён в системе ООН и распространении специальных агентств и программ *ad hoc*, покрывающих различные аспекты человеческой деятельности. Цель такого «права сотрудничества» - коллективные усилия для реализации общечеловеческих целей: запрет на применение силы в международных делах, освобождение колониальных народов, право на развитие, защита культурного и экологического наследия, защита прав грядущих поколений (программы «устойчивого развития»), «демократическое вмешательство» с целью защиты прав человека. В этой

¹⁰⁵ Les nouvelles relations internationales..., chapitre 5 : Smouts M.-Cl. La coopération internationale : de la coexistence à la gouvernance mondiale.

¹⁰⁶ Ibidem. P. 135.

перспективе международное право больше не служит лишь межгосударственному порядку, а является скелетом международного социального порядка на службе человечества. Громадная потребность в правовом обосновании международных действий проявляется в интенсификации межправительственных международных конференций, саммитов, комитетов и т.д., решения которых, правда, - добавляет автор, - носят всё более обтекаемый характер. Здесь важно вспомнить о выводе Б.Бади, что международные организации, обладающие компетенцией принятия решений на региональном и мировом уровнях, являются полем деятельности всё тех же государств-наций. В то же время, на недостаток воли и решительности в резолюциях и действиях международных организаций, предпочитающих мониторинг силовым решениям, как мы помним, указывает и Ф.Шарийон, рассуждающий о плюсах и минусах регионализации дипломатии. Совмещение этих рассуждений позволяет полагать, что значение поднятых вопросов выходит за рамки чистой науки. Для французской политологии, в которой столь большое значение всегда придавалось волевому фактору в реализации внешнеполитического могущества страны, ослабление веса на международной арене может объясняться объективными тенденциями снижения роли отдельных государств в мировой игре. Но, если практически любое государство становится всё более ограниченным в своих действиях, то лучшим выбором может стать умножение могущества через интеграцию, хотя коллективным внешнеполитическим акциям, при отсутствии прямой угрозы безопасности стран европейского сообщества, имманентно присущ недостаток решительности, и это проблема, над решением которой должны трудиться политики. Последнее соображение – своего рода мост между теорией и реальной дипломатией. Направление рассуждений, предложенных в теоретических трудах, изданных в последнее десятилетие под эгидой Института политических исследований – альма матер французской

политической и дипломатической элиты — задаёт тон идейному формированию её нового поколения, и политический заказ здесь очевиден. Задачей современной французской внешнеполитической теории является не рефлексия, а обоснование перспективных направлений внешнеполитической деятельности Франции по строительству новой системы международных отношений, в которой Франция могла бы занять достойное место. Эти перспективы видятся в использовании преимуществ многосторонней дипломатии и регионализации внешней политики, главным из которых для страны является её участие в ЕС.

ГЛАВА 2: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ФРАНЦИИ В КОНЦЕ 80-Х - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА РАВНОВЕСИЯ В ЕВРОПЕ

1.«Держать марку»: сохранение стабильности или геополитическая близорукость?

Начало второго президентского срока Франсуа Миттерана (1988-1995 гг.) в области внешней политики было отмечено серьёзными достижениями. С одной стороны, дипломатические успехи первого септената определили курс на преемственность, с другой стороны, и во французском обществе, и в политическом истеблишменте во второй половине 80-х годов установился определённый консенсус по важнейшим внешнеполитическим и оборонным проблемам. Однако менее чем через год после избрания перед Ф.Миттераном встали новые проблемы. Начиная с 1989 по 1991 гг. три важнейших международных события потрясли французскую дипломатию:

- объединение Германии, оказавшее воздействие на европейское строительство, в котором Франция резервировала за собой ведущую роль;
- распад СССР и изменение природы отношений между Востоком и Западом, в которых Франция отводила себе особое место;
- конфликт в Персидском заливе, который обнаружил претензии США на мировое лидерство и осложнил её арабскую политику, а она, наряду с африканской политикой, составляла одну из ведущих опор французской дипломатии вне Европы

К этим событиям, которые мало кто мог предсказать заранее, добавляются факторы более длительной временной протяжённости. В первую очередь, это процесс глобализации, получивший мощный импульс для своего этапного завершения благодаря крушению социалистической

системы и биполярного мира. Миттеран, для которого история была источником политического вдохновения, являлся приверженцем идеи «многоголосья» наций и принципу «равновесия сил», наследником традиции французского мессианства. В то же время, он был реалистом и человеком большой политической воли, не склонным цепляться за обесценившиеся дипломатические инструменты или пассивно принимать навязываемый ему ход событий. Ещё в 1986 г., в предисловии к своим «Размышлениям о внешней политике Франции»¹⁰⁷, Ф.Миттеран перечислил все секторы экономики и политики, где Франция добровольно согласилась на передачу суверенитета наднациональным институтам. Он видел, что суверенитет, особенно в области экономики, постепенно становится всё более иллюзорным, будучи лишён существенной части своего содержания мировыми финансовыми и товарными потоками, что национальные ценности и исторически сложившиеся модели развития отступают перед натиском стандартов глобализации, что европейская модель потеснена азиатским и американским экономическим наступлением.

Ю.Ведрин в книге, посвящённой дипломатии Миттерана, подчёркивает особую историческую миссию, возложенную на президента-социалиста. Он был избран «Францией, чтобы повести нас из мира соперничества между Востоком и Западом, застывшего, но точно определённого, к эре глобализации»¹⁰⁸. Крушение Ялтинско-Потсдамской системы, распад социалистического лагеря, объединение Германии и дезинтеграция СССР диктовали необходимость серьёзного переосмысления основных внешнеполитических ориентиров Франции, требовали от Ф.Миттерана быстрой реакции на бурные изменения в Европе. Однако многие наблюдатели считали, что в его внешнеполитическом курсе конца 80-х – начала 90-х годов явно преобладали осторожность, даже консерватизм и

¹⁰⁷ Mitterand F. Réflexions sur la politique étrangère de la France. - P., 1986.

¹⁰⁸ Op., cit. P. 7.

упрекали его в том, что Франция «отставала от поезда истории». Дипломатический советник Миттерана, а позже министр иностранных дел в правительстве Л.Жоспена (1997-2002) Ю.Ведрин в книге воспоминаний, призванной представить в наиболее выгодном свете внешнеполитические устремления президента-социалиста¹⁰⁹, предлагает иной подход к оценке внешней политики президента-социалиста, который кажется продуктивнее огульной критики. Действительно, если проанализировать действия Ф.Миттерана не в категориях победитель/проигравший в результате холодной войны, как это делали его строгие критики, а в их историческом контексте, отталкиваясь от очерёдности событий и ответных дипломатических шагов французского президента, то обвинения в консерватизме и недостатке предвидения покажутся менее обоснованными. Реактивность политики Франции в годы крушения Ялтинско-Потсдамской системы естественна. Никто из руководителей ведущих мировых держав не мог тогда предсказать, что развал социалистической системы, объединение Германии и распад СССР будут столь стремительными.

Франция чувствовала себя в начале 1989 года достаточно уютно. В той системе координат, пусть жёсткой, определённой правилами холодной войны, она занимала место западной державы, сохраняющей автономность внешнеполитического и военного курса. Перед лицом стремительных и лавинообразных изменений Миттеран стремился закрепить принципы, берущие начало в той системе, но обеспечивающие стабильность в будущем. В первую очередь это касалось нерушимости европейских границ. Французская дипломатия тех лет характеризуется, прежде всего, приверженностью международной стабильности и преемственностью. В годы бурных перемен Ф.Миттеран оставался верным дипломатическому курсу своих предшественников и не собирался пересматривать основные внешнеполитические ориентиры своего первого президентства. Этот курс

¹⁰⁹ Védérine H. Les mondes de François Mitterrand. – P.: Fayard, 1996.

предусматривал три приоритетных направления: европеизм, атлантизм и помощь развивающимся странам, в первую очередь, франкоговорящей (франкофонной) Африке.

Анализируя международный контекст конца 80-х-начала 90-х годов, Ю.Ведрин замечает, что « ни одно из текущих изменений в мире в каком бы то ни было плане (дипломатическом, торговом, военном, культурном, языковом) не было для нас благоприятным. Чтобы противостоять этому, недостаточно взывать только к политической воле. Тут нужна убедительная идея, которая будет направлять эту волю. По-моему, она может исходить лишь из правильного решения уравнения Франция – Германия - Европа»¹¹⁰.

Написанные за год до того, как Ю.Ведрин занял пост министра иностранных дел Франции, эти слова могут быть расценены не только как руководство к действию, но в ещё большей степени как свидетельство приверженности дипломатическому курсу ушедшего президента. Во-первых, Миттеран был уверен, что Франция обретёт влияние в мире только через сильную Европу. Ведрин указывает, что одной из целей усиления Европы было стремление противостоять через единую Европу глобализации по-американски: « Франция прилагала все усилия, чтобы заложить основы единственного устройства, способного уравновесить, смягчить, сделать более гуманным процесс глобализации, в данный момент однополярной (американской), в отсутствие других держав, способных быть её противовесом»¹¹¹.

Во-вторых, в череде событий, способствовавших крушению Ялтинско-Потсдамской системы, Францию несомненно наиболее сильно затронуло объединение Германии. Ускоренный курс на углубление европейской интеграции стал для Ф.Миттерана «политикой сопровождения» процесса

¹¹⁰ Ibidem. P. 760.

¹¹¹ Ibidem. P. 549.

объединения Германии. Качественный рывок европейской интеграции от Европейских Экономических Сообществ к Европейскому Союзу во многом был следствием конструктивной и быстрой реакции Миттерана на это объединение, чреватое коренным изменением соотношения сил в Европе в пользу Германии за счёт падения французского политического влияния.

2. Франция – Германия – Европа

В 1989 г. Франция отмечала 200-летие Великой французской революции. Ф.Миттеран стремился придать этому празднику характер впечатляющего всемирного торжества французских идеалов, рождённых революцией, тем более что этому способствовал благоприятный международный контекст: преодоление затяжного мирового экономического кризиса середины 70-х – 80-х годов, успехи разрядки, прогресс демократии в Латинской Америке и в Восточной Европе. Франция стоит у истоков всех великодушных инициатив Запада в отношении стран Востока и Юга: Семёрка принимает решение об оказании экономической помощи Польше, Париж встречает глав африканских государств и заявляет о прощении долгов наиболее отсталым странам, Миттеран приглашает в Париж М.С.Горбачёва (4-6 июля 1989 г.) и подтверждает свою поддержку демократизации и гласности в СССР. Франция идёт в авангарде разрядки: открытость на восток Европы является приоритетом первого года нового президентства Миттерана. Министр иностранных дел Р.Дюма стал горячим приверженцем этой открытости, убеждая президента в новых возможностях Франции в Центральной и Восточной Европе, которые открылись в связи с отказом Горбачёва от силового давления в странах советской «зоны ответственности».¹¹² Летом 1988г. был выработан график

¹¹² Особую роль в этом сыграло решение СССР о выводе советских войск из Афганистана в 1988 г.

восточноевропейских поездок президента: в ноябре 1988 г. – в СССР, в декабре – в Чехословакию, где он встретился с дисидентом В.Гавелом, затем – в Болгарию, а в июне 1989 г. – в Польшу. Румыния Чаушеску в программу не вошла.

Однако подспудно этот поворот к Восточной Европе не мог не затронуть интересы восточной политики (*Ostpolitik*) ФРГ: когда-то, в 30-е гг. влияние, которым так дорожила Франция в этом регионе, было подорвано германским натиском на Восток; в первые годы правления Миттерана, который, порвав с голлистской традицией, «отвернулся» от коммунистической Европы¹¹³, французские политики с озабоченностью следили за успехами *Ostpolitik* ФРГ¹¹⁴. «Призрак сверхсильной Германии, всегда готовой повернуться к Востоку и навязать своё господство Центральной Европе, принадлежит не только политической культуре националистических правых. Этот страх разделяли широкие круги общественного мнения, в том числе в социалистической среде», - отмечают французские историки С.Берстайн и П.Милза¹¹⁵. На деле, после 1983 г. Миттерану стало ясно, что единственным средством уравновесить рост германского влияния является уже испытанная в европейском строительстве ось Париж-Бонн.

Курс на тесное франко-западногерманское сотрудничество с конца 40-х годов оставался, наряду с европейским строительством, одним из двух неизменных векторов французской дипломатии. Совместная деятельность Ф.Миттерана и канцлера ФРГ Г.Коля¹¹⁶ внесла большую лепту в это сотрудничество. Пожалуй, их партнёрство было не менее внушительным и

¹¹³ Ю.Ведрин, тогда дипломатический советник при Миттеране, назвал это «курсом дезинтоксикации», имея в виду болезненную склонность предшественников Миттерана к особым отношениям с СССР.

¹¹⁴ Исключение составила только поездка Миттерана в Венгрию, которую французские социалисты в соответствии со злободневным в те годы гулаговским лексиконом (во Франции вышел тогда «Архипелаг ГУЛАГ» А.Солженицына, произведший впечатление разорвавшейся бомбы), называли «самым весёлым баракком социалистического лагеря».

¹¹⁵ Berstein S. Et Milza P. Histoire de la France au XX-e s. - P.: Complexe. 1995. P.1330.

¹¹⁶ Г.Коль стал канцлером в ноябре 1982 г.

плодотворным, чем у де Голля и Аденауэра – авторов Елисейского договора 1963 г.

В январе 1983 г. Миттеран поддержал Коля в Бундестаге, уговаривая западногерманских депутатов согласиться с размещением американских ракет в ФРГ. В 1986 г. положено начало франко-германскому военно-стратегическому сотрудничеству, а в 1988 г. родились совместные Совет по обороне и безопасности и Совет по экономике и финансам. В 1986 г. Франция дала обещание о возможных консультациях с ФРГ в случае угрозы применения французского стратегического оружия. В 1987 г. решено создать франко-западногерманскую бригаду, а на встрече Миттерана и Коля в Ля-Рошели в мае 1992 г. это решение претворилось в учреждение франко-германского корпуса, вскоре расширенного за счёт участия в нём других западноевропейских государств и окрещённого «Еврокорпусом».

Тесное партнёрство с ФРГ казалось французам равноправным и сбалансированным, поскольку экономическое превосходство Западной Германии уравнивалось французским политическим влиянием, особенно рангом ядерной державы. Но проблема объединения Германии, неожиданно поставленная в повестку дня в 1989 г., нарушила эту идилию.

а. Позиция Ф.Миттерана в вопросе германского объединения

Ещё в 1988 г. Ф.Миттеран, которого заставили высказаться по поводу возможного объединения Германии только настойчивые вопросы западногерманских журналистов, откладывал это событие до начала следующего тысячелетия. По мнению французских дипломатов, объединению мешали, по крайней мере, три непреодолимые препятствия:

- соображения поддержания военного равновесия в Европе, поскольку Запад противился созданию единой и нейтральной Германии;
- упорство руководства ГДР, поскольку Хоннекер неоднократно заявлял, что две Германии невозможно соединить, как лёд и пламень;

- противодействие СССР, поскольку невозможно было себе представить, что советское руководство согласится с присоединением ГДР к ФРГ.

Крушение коммунизма в ГДР, падение Берлинской стены застало французское руководство врасплох. Вероятно не без консультации с Елисейским дворцом, министр иностранных дел Франции Р.Дюма заявил 15 ноября 1989 г.: «Проблема объединения Германии не является и не может являться, по причине известных обстоятельств, проблемой сегодняшнего дня»¹¹⁷.

Отношение Ф.Миттерана к объединению Германии породило различные оценки. Одни наблюдатели задавались вопросом, было ли это в его глазах «хорошо» или «плохо». Под этим углом зрения рассматривали германскую политику президента С.Берштейн и П.Милза. Они заключают, что Ф.Миттеран старался «если не запретить, то, по крайней мере, затормозить процесс объединения»¹¹⁸. Близок к такой оценке Ф. Моро Дефарж. Он видит причины миттерановского «психологического отставания» от графика объединения Германии, навязанного Колем, в бремени исторической памяти, опасении чрезмерного усиления германской мощи¹¹⁹.

Что свидетельствует в пользу первой точки зрения? Во-первых, поездки Ф.Миттерана в ГДР. 20-22 декабря 1989 г. он наносит визит руководителю умирающей ГДР¹²⁰ Гизи и напоминает ему об опасности трогать границы; в предверие германских выборов он поддерживает СПГ, более сдержанную в отношении перспектив возвращения к «Великой Германии», нежели Коль, который сделал объединение главным делом своей жизни. Миттеран ищет поддержки у США, Великобритании, Польши и СССР. В Киеве он обсуждает проблему германского объединения с

¹¹⁷ Цит. По: Berstein S., Milza P., op. cit. P.1332.

¹¹⁸ Ibidem.

¹¹⁹ L'Etat de la France en 1995-96. - P.: La Découverte. 1996. P.591.

¹²⁰ После предыдущей встречи с Хоннекером Миттеран сказал в интервью «Die Welt»: «Я увидел в г-не Хоннекере достойного и авторитетного человека» (январь 1988).

М.С.Горбачёвым (6 декабря 1989 г.), настаивая на обсуждении германского объединения по формуле «4 плюс 2» (4 державы-победительницы и 2 Германии). В беседе с советским руководителем Миттеран даже вызвал образ России, характерный для голлистского дискурса и не употребляемый обычно социалистами, настаивавшими прежде на том, что Франция имеет дело не с Россией, т.е. с историко-географической общностью, а с СССР - политической и идеологической данностью.

Мотивы этих неудачных, а потому сочтённых неуклюжими демаршей Миттерана обсуждаются до сих пор. В зависимости от степени политической ангажированности исследователи и деятели французской внешней политики оценивают как намерения ушедшего президента, так и его побуждения. Выше приводилось мнение Берштейна и Мильзы, историков левой политической ориентации, стремящихся сохранить объективность. Они задаются вопросом, не стояла ли за позицией Миттерана «консервативная воля человека, приспособившегося /.../ к биполярному разделу Европы и к порядку, который держится вот уже полвека?»¹²¹. Их коллега Ф.Бозо смягчает акценты, считая, что поведение Миттерана объясняется «желанием направить процесс в определённые рамки, а не невероятной попыткой его затормозить»¹²². По мнению Бозо, первой заботой французского президента было опасение, что форсированное объединение Германии приведёт к провалу реформ в СССР, поскольку оно может погубить положение Горбачёва. Кроме того, французская политика, верная доктрине нерушимости границ, провозглашённой де Голлем в 1959 г., придавала большое значение подтверждению границ по Одру-Нейсе, предварительное признание которых Миттеран рассчитывал получить от Коля. Ф.Бозо относит к заслугам Миттерана удовлетворение Колем этого требования, ставшего предметом жесткого торга между руководителями двух

¹²¹ Ibidem.

¹²² Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. - P.:La Découverte. 1997. P.96.

стран, поскольку оно было затруднительным для Коля по причинам внутривластного порядка.

При всём разнообразии нюансов, из этих рассуждений ясно, что, во-первых, Миттеран не хотел форсированного объединения Германий, во-вторых, что его это объединение застало врасплох, в-третьих, что оно по причинам геополитического, исторического и конъюнктурного характера было не в интересах Франции.

Ю.Ведрин, в те годы один из ближайших дипломатических сотрудников президента, разъясняя политику Франции в отношении германского объединения, предлагает отказаться от оценочных категорий типа хорошо/плохо, прогрессивно/консервативно и судить о ней по результатам дипломатии Ф.Миттерана. Стратегическую цель этой дипломатии он видит в сохранении европейской стабильности в период распада блоковой системы. Поэтому Ю.Ведрин указывает на неразрывность германской и европейской политики Миттерана, называет европейское направление «политикой сопровождения» (*politique d'accompagnement*) германского объединения¹²³.

Соглашаясь с критериями, предложенными Ю.Ведрином, следует заметить, что отношение французского президента к проблеме германского объединения носило печать двойственности. Ни в своё время Миттеран, ни в наше время его наследники не согласятся с признанием, что Миттеран мог являться противником германского объединения. Воскрешение антигерманских страхов не принадлежит к вербальному арсеналу французских правящих кругов, особенно социалистов. Во-первых, это противоречило бы постоянно декларируемому президентами Пятой республики стремлению преодолеть раскол Европы и раскол Германии «мирным и демократическим путём». Во-вторых, это угрожало бы достижениям франко-западногерманского партнёрства в европейском

¹²³ Védrine H., *op. cit.* P. 441.

строительстве, в том числе ближайшим планам углубления интеграции в целях создания Экономического и валютного союза и введения единой европейской валюты. На этом направлении франко-германская пара и лично пара Коль-Миттеран играли ведущую роль. После Европейского совета в Ганновере (июнь 1988) план введения единой европейской валюты, которым особенно дорожил Миттеран, обрёл реальные перспективы, и не в интересах Франции было ставить под угрозу эти достижения. Между Ф.Миттераном и Г.Колем установились доверительные отношения, и французский президент в частной беседе, содержание которой было предано гласности лишь в 1996 г., прямо связал решение вопроса об объединении Германии с присоединением ФРГ к проекту единой европейской валюты. А.Фонтэн опубликовал в газете «Монд» запись этого разговора, состоявшегося в июне 1989 г. во время европейского саммита в Мадриде:

Ф.Миттеран: «Вы должны взять обязательство вступить в валютный союз...»

Г.Коль: «Отказ от марки – большая жертва для немцев. Общественное мнение к этому ещё не готово!»

*Ф.Миттеран: «Я это знаю, но сделайте это! Европейское общественное мнение ждёт. Вы идёте к германскому объединению. Надо, чтобы вы продемонстрировали, что продолжаете верить в Европу».*¹²⁴

В результате этого разговора Г.Коль поддержал предложение Ф.Миттерана конкретизировать сроки поэтапной подготовки валютного союза к 1 июля 1989 г., началу президентства Франции в ЕЭС.

В то же время, последняя фраза Миттерана открывает другую сторону проблемы. Объединение Германии нарушало status quo, что не могло не беспокоить Францию, хотя когда Миттеран говорил о европейском общественном мнении, он в той же мере мог сослаться на Великобританию, тем более что М.Тэтчер не скрывала своего отрицательного отношения к

¹²⁴ Le Monde, 23 mai 1996.

скорейшему объединению Германии, но, выступая против валютного союза, она не была связана заинтересованностью в позиции ФРГ.

Французско-западногерманская близость в рамках НАТО и ЕЭС, притом, что «дружба сцементировала то, что вначале было навязано необходимостью» (Миттеран, 1988 г.), была решением исторической французской задачи обеспечения безопасности её восточных границ, а в более широком плане – строительства единой, экономически сильной и мирной Западной Европы, в которой Франция хотела бы играть ведущую политическую роль. Однако, негласным условием преодоления взаимного франко-германского недоверия было уважение ялтинско-потсдамских договорённостей¹²⁵. В крушении этой системы коренится главная причина французского беспокойства по поводу форсированного объединением Германии.

За два месяца до падения Берлинской стены Миттеран заявил западно-германским журналистам: «Европа является континентом со своей географией. Я об этом не забываю. Но всему своё время»¹²⁶. В июле 1989 г., когда волна беженцев из Восточной Германии, искавших убежища на Западе, хлынула через только что открытую австрийско-венгерскую границу, французский президент предупреждал, что рождение объединённой Германии не должно состояться «при помощи акушерских щипцов» (*au forceps*). Но летом 1989 г. никто не думал, что процесс объединения пойдёт столь стремительно. На саммите Большой семёрки, состоявшемся в середине июля, проблемы экономической помощи СССР и социалистическим странам Европы обсуждались в привычном ракурсе. Вопрос о ГДР не был выделен в связи с будущим объединением Германии, хотя незадолго до этого, на

¹²⁵ Цит. По: Garcin T. L'unification allemande et la classe politique française// Hérodote. – 1993. -N° 68. P.113.

¹²⁶ Ibidem.

саммите НАТО в Брюсселе (30 мая 1989 г.), было оглашена формула «воссоединения германского народа путём самоопределения»¹²⁷.

Откуда этот недостаток предвидения? Летом 1989 г. в интервью журналу «Нувель Обсерватёр», Миттеран назвал первую причину невозможности немедленного объединения Германии. Это противодействие СССР. На вопрос, не боится ли он расширения влияния ФРГ в странах Восточной Европы, он ответил: «Германия не заинтересована в разрушении союзов и не стремится пожертвовать своей европейской политикой в пользу объединения, к которому СССР ещё не готов»¹²⁸. Миттеран, как, впрочем, никто на Западе, в том числе и в ФРГ, не мог представить, что СССР согласится с объединением Германии. Все годы холодной войны, на протяжении 40 лет, прошедших с образования ФРГ, мир был уверен, что вопрос о германском объединении может стать главным поводом к войне в Европе. Кроме того, события 1968 г. в Чехословакии и 1980 г. в Польше убедительно свидетельствовали о решимости советского руководства применить силу в случае попыток пересмотра социалистического выбора в странах Восточной Европы. Первым знаком того, что М.С.Горбачёв предпочитает воздержаться от репрессивных мер, было одобрение Москвой решения венгерских властей разрешить беженцам из ГДР, укрывшимся на территории посольства ФРГ в Будапеште, выехать в страну, которую они выберут, т.е. в ФРГ. Это произошло 10 сентября 1989 г. и означало отказ М.С.Горбачёва от «доктрины Брежнева»¹²⁹. Ускорение событий в Восточной Европе – открытие границы между Австрией и Венгрией, отказ венгерского руководства от марксистской идеологии, открытие западной границы Чехословакии – способствует крушению «железного занавеса». Стало ясно, что объединение Германии – дело времени.

¹²⁷ Le Monde, 1 juin 1989.

¹²⁸ Le Nouvel Observateur. 27 juillet 1989.

¹²⁹ Доктрина ограниченного суверенитета стран социалистического лагеря в пользу содружества.

Высказывания Миттерана, приведённые Ю.Ведрином, свидетельствуют, что президент не мог равнодушно относиться к происходящему в Германии: «Франция и не такое повидала!- успокаивал он своих сотрудников, - Она всегда выстоит. Вы думаете легко было Франциску Первому оказаться лицом к лицу с Карлом Пятым? Мы уже тысячу лет живём бок о бок с немцами, более многочисленными, чем мы. И всегда как-то выпутывались!»¹³⁰.

В то же время, дипломатические шаги Миттерана не оставляют сомнений в том, что он имел позитивную «стратегию сопровождения». Франция должна была обусловить объединение рядом важных гарантий, касающихся, во-первых, европейской стабильности, а во вторых, поступательного углубления европейской интеграции. Ещё в мае, выступая перед Советом министров, президент предупредил: «То, что немцы хотят объединиться – абсолютно логично и нормально. Надо, чтобы мы учитывали это непреодолимое стремление в нашей дипломатии». Массовое бегство восточных немцев в ГДР заставило Миттерана быть ещё более откровенным: «Франция всё равно не в силах помешать объединению.... Мы не можем воевать с Германией, чтобы помешать объединению. Единственное, что может сделать Франция, это заставить уважать определённые принципы. Объединение должно совершаться мирным и демократическим путём. Существует ли для нас какая-либо иная политика?»¹³¹.

Отныне задачи французской дипломатии состояли в том, чтобы германское объединение не привело к ущемлению позиций Франции, к дестабилизации франко-германских отношений, мира в Европе, европейского строительства и положения в СССР, поскольку продолжение политики

¹³⁰ Цит. по: Védérine H., op. cit. P. 425. Франциск Первый – французский король, столкнувшийся с беспрецедентным усилением Священной римской империи германцев, во главе которой встал Карл Пятый, соединивший власть над германскими, славянскими и испанскими владениями Габсбургов.

¹³¹ Ibidem. P. 427-428.

М.С.Горбачёва было для Миттерана важным условием мирного характера процесса объединения и позитивных международных перемен в целом.

По прошествии времени можно сколько угодно иронизировать над близорукостью французских руководителей¹³², однако надо отдать должное твёрдости Ф.Миттерана: как только скорое объединение Германии под эгидой ФРГ стало очевидным, президент Франции старался добиться от канцлера Коля гарантий границ по Одру-Нейсе и связал вопрос об объединении с ускорением европейской интеграции. Второе стало главной идеей миттерановской дипломатии, способной примирить Францию с крушением надежд на равновесие в Малой Европе¹³³. 2 ноября 1989 г. Миттеран заявляет в Бонне: «Чем быстрее происходят события в Восточной Европе, тем более мы должны ускорить и усилить европейское единство... Я не боюсь воссоединения... Здесь делается история. Я принимаю её такой, какая она есть. Я думаю, что стремление к воссоединению является для немцев законным, если они его хотят и если они могут его осуществить»¹³⁴.

28 ноября 1989 г., через 10 дней после парижского саммита ЕЭС по проблеме объединения и за несколько дней до встречи Буша и Горбачёва на Мальте, Г.Коль провозглашает свои 10 пунктов – программу германского объединения. Хотя оглашение этих пунктов было неожиданностью для Миттерана, у которого с Колем тогда были тесные и достаточно доверительные отношения, французский президент отнёсся к этому шагу западногерманского канцлера с пониманием. Надо сказать, что в своих 10 пунктах германский канцлер был достаточно осторожным. Они предусматривали рост экономической помощи ГДР, «договорное сообщество» ГДР-ФРГ и создание конфедеративных структур, а лишь потом

¹³² Министр иностранных дел Р.Дюма говорит 7 ноября 1989 г.(за два дня до падения Берлинской стены) о «возможном сближении» двух Германий « в конце этого столетия», а 9 ноября: « наше поколение сможет однажды увидеть, как стена будет разрушена». См.: Hérodote. P.144.

¹³³ Cohen S. Mitterand et la sortie de la guerre froide. - P.:PUF, 1998.

¹³⁴ Hérodote. P.144.

федерации. ГДР была обречена, но тогда казалось, что она может просуществовать ещё несколько лет.

Ответом Миттерана на «10 пунктов» было настоятельное требование, чтобы процесс объединения был демократическим (путём свободных всеобщих выборов), мирным (без пересмотра восточных границ) и в согласии с международным правом, в частности предусматривающим, что Германия не будет обладать ядерным оружием¹³⁵.

После ноября 1989 г в связи с германским объединением и демократизацией в странах Восточной Европы французская дипломатия сосредоточилась на трёх основных направлениях:

- 1) обеспечение европейской стабильности (подтверждение границ по Одеру-Нейсе и отказа Германии от ядерного оружия);
- 2) усиление европейской интеграции, согласие в франко-германской паре относительно условий и темпов реализации Европейского валютного союза;
- 3) содействие процессу демократизации и экономической либерализации в странах Восточной Европы.

б. Вопрос о границах объединённой Германии, «конференции шестёрки»

В своё время министр иностранных дел СССР А.А.Громыко видел главную свою заслугу в договорном закреплении восточных границ Германии. Миттеран также принадлежал к тому поколению политических деятелей, для которого границы, установленные в Европе после второй войны, были неприкосновенны. С октября 1989 г. он добивается от Г.Коля, чтобы послевоенная граница Германии была подтверждена не только ФРГ в одностороннем порядке, но была бы гарантирована международным юридическим актом.

¹³⁵ Миттеран заявляет об этом в интервью программам Европа 1 и Антенн 2 10 декабря 1989 г.

После падения Берлинской стены (9 ноября 1989 г.) Миттеран даёт понять, что объединение, хотя и неизбежное, он видит долгим и сложным, а также что оно должно быть итогом широкой международной дискуссии. Свою настойчивость он объяснит позже в интервью журналу «Экспресс»: «Немцы из Померании, Силезии, из бывшей Восточной Пруссии были как наши «черноногие»¹³⁶. Они потеряли родину /.../. Эти восточные немцы жестоко страдали. В Германии они представляли реваншистскую¹³⁷ силу, которую требовалось сдерживать. Они устраивали манифестации, организованные мощными ассоциациями. Но возможно существовало также глубокое стремление к официальному закреплению постоянно меняющейся (восточной) границы. Со времён тевтонских рыцарей немцы пытались перенести её дальше (на Восток)»¹³⁸. Свою политику в отношении Германии Миттеран разъяснил в книге «О Германии, о Франции». Там он пишет, что понимает чувства немцев: «Прекрасные утраченные провинции. Померания, Мазурия, Силезия, и колыбель старой Пруссии – это теперь Польша и, немного, Россия. Штетин называется Щецин, Бреслау – Вроцлав, а Кёнигсберг – Калининград. Через тысячу лет тевтонские рыцари возвратились туда, откуда пришли. Если бы я был немцем, я бы страдал как они и я бы отклонил призывы отказаться (от этих земель)»¹³⁹.

Для чего было упорно напоминать о воинственных тевтонцах, устремлённых на восток, воскрешая призраки войны, когда Германия не имеет ни мощной армии, ни всего арсенала современных вооружений? Откуда это антропологическое понимание тайных стремлений немецкого народа? Для чего необходимо было, после заключения обеими Германиями

¹³⁶ «Черноногими» (pieds noirs) называют жителей бывшего Французского Алжира, имевших европейское, главным образом, французское происхождение. В результате ухода французов из Алжира в 1962 г., из-за непримиримой враждебности к ним новых алжирских властей, они вынуждены были покинуть страну, оставив там свою собственность. «Черноногие» составили основу тайной террористической организации ОАС, не простившей де Голлю деколонизации.

¹³⁷ Миттеран употребляет нейтральный термин: «силу протеста» (force contestataire), что подразумевает понимание чувств восточных немцев.

¹³⁸ L'Express, juillet 1994.

¹³⁹ Mitterand Fr. De l'Allemagne, de la France. P.127.

договоров 1950 г. (с ГДР) и 1970 г. (с ФРГ) о неприкосновенности её восточных границ и после Хельсинкских соглашений 1974 г. об окончательном характере послевоенных границ в Европе возвращаться к международному обсуждению этого вопроса? Известно, как противился этому Г.Коль и какое недовольство эта позиция Миттерана вызвала в германском и в части французского общественного мнения. Ю.Ведрин считает, что Миттеран чувствовал, что «ему выпала роль быть тем, кто заботится о далёком будущем, даже если только он один это делает. О том, что будет после него, после Коля, после Горбачёва - о мире в Европе»¹⁴⁰. Думается, эта патетика маскирует истинные намерения Миттерана, которые состояли в том, чтобы затормозить процесс германского объединения, пустив его по пути долгих многосторонних переговоров и согласований. Это было тем более важно, что ещё не было ясности относительно успеха и темпов создания европейского валютного союза. Принимая в Елисейском дворце Г.Коля, Миттеран прямо связал эти два вопроса. Признав, что договоры 1919 и 1945 «очень несправедливы», он предостерёг германского канцлера от опасности породить в Европе беспокойство по поводу возможности их пересмотра. Когда же канцлер объяснил французскому президенту, что поднимать вопрос о границах в тот момент значило лить расплавленное масло на незажившую рану, Миттеран парировал: «Мы можем создать европейские институты, чтобы смягчить вопрос о границах»¹⁴¹.

Чтобы усилить международное давление на ФРГ, Миттеран принял в марте 1990 г. руководителя Польши, генерала В.Ярузельского и заверил его в своей поддержке по вопросу о гарантии границ. Весной 1990 г. Г.Коль соглашается подтвердить неприкосновенность границ. Принятие этого решения происходит на фоне нарастающих волнений в ГДР, падения восточногерманской марки и объявления о валютном союзе ГДР и ФРГ под

¹⁴⁰ Védérine H., op. cit. P. 435.

¹⁴¹ Ibidem. Беседа, записанная Ю.Ведрином, состоялась 15 февраля 1990 г.

эгидой западногерманской марки. В течение нескольких недель канцлер ФРГ пытался противодействовать участию ГДР в многосторонних переговорах по формуле 4+2, предложенной Миттераном, но под нажимом своего министра иностранных дел либерала Г.-Д. Геншера был вынужден уступить. В Оттаве 13 февраля 1990 г. был подтверждён принцип международной конференции по германскому объединению с участием представителей от четырёх держав-победительниц (СССР, США, Великобритании и Франции) и обеих Германий. Ф.Миттеран полагал, что переговоры эти будут длительными и трудными. Он знал о позиции М.Тэтчер, враждебной германскому объединению, и о колебаниях М.С.Горбачёва, который, по выражению Ю.Ведрина, обнаружил в 1989 г., что играет роль ученика чародея, пробудившего силы, ему неподвластные. По свидетельству Ведрина, в середине ноября советский руководитель делился с французским министром иностранных дел Р.Дюма своими опасениями по поводу возможного германского объединения, а через месяц (16 декабря 1989 г.) в Киеве просил Миттерана помочь ему помешать объединению Германии¹⁴². Два месяца спустя, во время визита Г.Коля в Москву М.С.Горбачёв заявил, что СССР будет уважать волю народов ГДР и ФРГ и их право решать собственную судьбу, но он был категорически против участия объединённой Германии в НАТО. Это могло привести к осложнениям с США, поскольку для них вопрос о пребывании всей Германии в НАТО был главным. На саммите НАТО 4 декабря 1989 г. делегация США прямо заявила: никакого объединения, если единая Германия выйдет из НАТО¹⁴³. В то же время, Дж.Буш, в отличие от Ф.Миттерана, не выказывал интереса к вопросу о границах. Когда 16 июля 1990 г. в Ставрополе, в обмен на обещание финансовой помощи, данное

¹⁴² В своих воспоминаниях («Миры Франсуа Миттерана») Ведрин приводит слова Горбачёва: «Помогите мне избежать германского объединения, или меня заменит какой-нибудь военный. Если вы этого не сделаете, на вас будет лежать ответственность за начало войны» (Ibidem. P. 442).

¹⁴³ Vedrine H., op. cit., p. 443.

канцлером ФРГ, и с полным пониманием того, что СССР не в состоянии после отмены хождения восточногерманской марки содержать свои войска в ГДР, М.С.Горбачёв согласился с тем, что вся Германия войдёт в НАТО, главные противоречия внутри «шестёрки» были сняты.

В рамках договорённостей о конференциях министров иностранных дел по формуле 4+2, с мая по сентябрь 1990 г. состоялись четыре встречи¹⁴⁴, на которых Францию представлял Р.Дюма. 17 июня был подписан германо-польский договор о добрососедстве и сотрудничестве. На третьей встрече в Париже (17 июля 1990) ФРГ подтвердила нерушимость границ по Одере-Нейсе¹⁴⁵. Г.Коль согласился на этот шаг 25 апреля, после свободных выборов в ГДР (18 марта). На последней встрече по формуле 4+2 в Москве 12 сентября 1990 г. был подписан договор об окончательном германском урегулировании. 3 октября 1990 г. Германия официально объединена.

В центре внимания французского правительства оказываются вопросы международной безопасности. 14 февраля 1990 г. Миттеран заявил, что считает «странным и недолговечным» сосуществование в единой Германии войск НАТО и Варшавского договора¹⁴⁶. В июле 1990 г. Франция объявила о полном выводе своих войск с территории ФРГ. Это решение было обнародовано одновременно с натовским саммитом в Лондоне, на котором речь шла об усилении «европейской идентичности» натовской обороны в регионе. Для Франции наиболее перспективным противовесом усилению германской мощи в Европе становится в этой связи мотив интеграции объединённой Германии в НАТО¹⁴⁷.

Следующим шагом в этом направлении было решение о создании совместного франко-германского корпуса (в октябре 1991), в духе

¹⁴⁴ 5 мая в Бонне, 22 июня в Берлине, 17 июля в Париже, 12 сентября в Москве. Р.Дюма предложил называть их «Конференцией шести».

¹⁴⁵ Le Monde, 18 juillet 1990.

¹⁴⁶ Присутствие на территории бывшей ГДР советских, затем российских войск сохранялось до 1994 г. (370000 чел.).

¹⁴⁷ Р.Дюма заявил, что речь идёт не о том, чтобы сдерживать Германию, как если бы её хотели связать, как Гулливера, нитками.

традиционного для Франции после второй мировой войны способа избавиться от антигерманских страхов.

Те опасения, которые постоянно стояли за официальной французской позицией и которые Миттеран не мог высказать вслух, прозвучали из уст его политического окружения на съезде СП в Ренне, совпавшем по времени с выборами в Восточной Германии¹⁴⁸. Министр по делам Европейских Сообществ Э.Крессон дипломатично напомнила, что «историческая память отсылает нас к определённой подозрительности», а депутат М.Возель дал в своём выступлении в «Монд» полный драматизма анализ последствий германского объединения для Франции и Европы: «скоро немцы заговорят по-другому, особенно в вопросе о НАТО и Варшавском договоре»; «германские границы всегда были культурными и лингвистическими границами, от Балтики до Адриатики»; «немцы являются вынужденным партнёром Франции, и скоро Франция не будет соответствовать весу Германии»¹⁴⁹.

Главным выходом для дипломатии Миттерана стал курс на углубление европейской интеграции в тесном сотрудничестве с ФРГ, тем более что это могло способствовать преодолению определённого франко-германского охлаждения, вызванного центрально-европейской политикой Франции. Французская дипломатия стремилась отвлечь ФРГ от германской идеи в пользу европеизма.

в. Франция и Германия на пути к Маастрихту

Западноевропейское единство становится главным приоритетом Миттерана. Именно на этом направлении ему были обеспечены условия

¹⁴⁸ Эти выборы 18 марта 1990 г. в очередной раз опровергли расчёты французского руководства, видевшего в движении восточногерманских немцев в основном стремление к экономическому процветанию и надеявшегося на победу социал-демократов. Победа правых показала, что население ГДР выступает за скорое политическое объединение под эгидой ФРГ.

¹⁴⁹ Vozéle M. Paris, Berlin // Le Monde. 7 mars 1990.

для инициативной политики и неоспоримое лидерство, что было особенно важно в момент, когда его промахи в отношении перспектив германского объединения подвергались резкой критике со стороны оппозиции. 25 октября 1989 г. Миттеран заявляет: “европейское строительство является единственным ответом на поставленную перед нами проблему”. В том же выступлении он выдвинул план создания Европейского банка реконструкции и развития (BERD).

Возрождение единой Германии, восстановленной во всей полноте своего суверенитета, господствующей на континенте благодаря своей демографии, своей индустриальной и финансовой мощи, динамичному развитию торговли, своему географическому положению, особенно в связи с усилением её роли в странах Центральной и Восточной Европы, нарушало европейское равновесие, которым так дорожила Франция. Следовательно, необходимо было привязать возрождённого гиганта к ЕЭС, усилившемуся и экономически процветающему. Углубление европейской интеграции должно было решить эту задачу, тем более что ряд важных шагов в этом направлении был предпринят ещё со времени прошлого президентства Франции в Сообществах, с 1984 г. и в тесном сотрудничестве с ФРГ: Единый Европейский Акт (17 февраля 1986г.) предусматривал учреждение единого экономического пространства и свободной циркуляции капиталов, рабочей силы, товаров и услуг. Договор этот ратифицирован во Франции уже в период “сосуществования”, в 1986 г., причём лидер правого парламентского большинства Ж.Ширак являлся его приверженцем наравне с президентом-социалистом. В целях гармонизации условий предпринимательской деятельности Франция понизила налог на добавленную стоимость (TVA). С 1 июня 1990 г. было введено свободное обращение капиталов на всём пространстве ЕЭС, а в июне 1991 г. Национальное Собрание Франции ратифицировало соглашения об уничтожении визового режима для граждан из стран

Шенгенского блока и об общих правилах передвижения иностранцев в зоне действия Конвенции¹⁵⁰.

* * *

Новую динамику инициативам Миттерана придало очередное председательство Франции в Сообществах в течение второго семестра 1989 г. Главной темой французского председательства было введение единой европейской валюты. Первой задачей в этом направлении было определение точных сроков начала работы межправительственной конференции по созданию Экономического и валютного союза. Второй задачей Миттеран считал принятие единой Социальной хартии ЕЭС, а третьей – учреждение аудиовизуального проекта «Эврика». И то и другое должно было содействовать реализации важной для социалистов Франции идеи придать социальное измерение европейскому строительству. Ещё на Совете ЕЭС в Ганновере (27-28 июня 1988 г.) Миттеран заявил: «Европа не может отгородиться от своих трудящихся. Я не смогу согласиться с тем, что ничего не будет сделано в социальной области»¹⁵¹. Тогда же Франция связала учреждение свободы движения капиталов в ЕЭС с гармонизацией фискального законодательства, но встретив противодействие Великобритании (из принципа) и Люксембурга (из корысти, поскольку низкие налоги на капитал привлекали туда деньги со всего ЕЭС) и не найдя поддержки у ФРГ, в этом вопросе она потерпела поражение. Тогда же Миттеран выдвинул предложение по аудиовизуальному проекту «Эврика», чтобы сделать европейскую идею достоянием массового сознания и сократить разрыв между технократической Европой элит и Европой граждан: «Именно таким образом (через телевизионные картинки) утверждается европейская идея»¹⁵².

¹⁵⁰ Первоначально Конвенцию подписали Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург.

¹⁵¹ Le Monde, 28-29 juin 1988.

¹⁵² Védérine H., op.cit. P.418.

В одном из интервью лета 1989 г. французский президент прямо заявил, что « Экономический и валютный союз является необходимым переходом к политической Европе»¹⁵³.

Стремление Миттерана на правах председателя отодвинуть на второй план вопросы германского объединения, поставив в порядок дня Сообщества углубление интеграции, вызывало определённую напряжённость в отношениях его с Г.Колем. Эту натянутость заметили, в частности, участники встречи глав государств ЕЭС во время обеда в Елисейском дворце 18 ноября 1989г., через неделю после падения Берлинской стены. Они были удивлены тем, что германский вопрос там практически не поднимался¹⁵⁴. Миттеран тем самым давал понять Колю, что в обмен на поддержку Францией его стремления к объединению тот должен солидаризироваться с французскими инициативами в европейском строительстве¹⁵⁵. Решающее значение в этом направлении имел Европейский совет в Страсбурге (8-9 декабря 1989 г.). Г.Коль выказал сдержанное отношение к форсированному объединению Европы и медлил с определением сроков реализации Экономического и валютного союза (UEM), проект которого был выдвинут в 1988 г. Однако в июне 1989 г. главами государств и правительств ЕЭС принят “План Делора” по реализации валютно-экономического союза.

Ж.Делор выразил позицию социалистического правительства Франции относительно перспектив и приоритетов европейской политики: согласование экономической политики, либерализация движения капиталов, сокращение колебаний валютных курсов, введение единой валюты. В своих официальных заявлениях французские социалисты обосновывали необходимость скорейшего создания валютного союза соображениями обеспечения экономического роста в странах ЕЭС,

¹⁵³ Le Nouvel Observateur, 27 juillet 1989.

¹⁵⁴ Bozo F., op. cit. P.97.

¹⁵⁵ Об этом пишет, в частности, Ю.Ведрин: Védrine H. Les mondes de Francois Mitterand. - P. 1996.

ускорения европейского строительства, создания противовеса японской йене и доллару США и “внедрению” единой Европы в повседневную жизнь европейцев¹⁵⁶. Однако объединение Германии подразумевало ещё одну причину такой поспешности: единая европейская валюта призвана была уменьшить давление немецкой марки.

Для убеждения противников нового качественного этапа интеграции Миттеран использовал «германский фактор». М.Тэтчер в своих мемуарах упрекнула Ф.Миттерана в двуличии, заявив, что он неоднократно в конфиденциальных разговорах предупреждал её об опасности германского объединения, одновременно публично заверяя канцлера ФРГ в своей поддержке. Ю.Ведрин видит в этом лишь тактический приём, направленный на благую цель: сломить сопротивление британского премьера в деле создания Европейского валютного союза и в строительстве единой политической Европы¹⁵⁷.

Миттеран смог в ходе председательства в ЕС добиться определения сроков созыва межправительственной конференции ЕЭС (конец 1990 г.). В обмен на согласие по этому вопросу Г.Коль получил поддержку принципов германского объединения со стороны двенадцати стран Сообщества. Отныне воссоединение Германии и новый этап интеграции Западной Европы должны были идти рука об руку.

* * *

Надо отметить, что помимо различия внешнеполитических приоритетов, между Францией и Германией не было полного согласия в вопросах европейского объединения. Франция была больше заинтересована в форсировании Экономического и валютного союза, а ФРГ ратовала за ускорение политического объединения, чтобы отсрочить постановку вопроса о единой европейской валюте. «Социальная Европа»

¹⁵⁶ Propositions pour la France. Parti Socialiste. – P.: 1988.

¹⁵⁷ Védérine H., op.cit. P. 441.

Миттерана не интересовала канцлера ФРГ, чьи позиции внутри страны зависели от прочности коалиции с либералами. В то же время, Ф.Миттеран страшился федералистского крена в европейском строительстве, испытывая характерное для французов беспокойство за судьбу национального суверенитета¹⁵⁸. Но Коль, поддержанный председателем Европейской комиссии Ж.Делором, попытался преодолеть его упорство. Миттеран принял европейское единство и политико-стратегическую идентичность, настаивая на конфедеративном будущем единой Европы¹⁵⁹. В начале председательства Ирландии в ЕЭС (первое полугодие 1990 г.), 12 февраля, Ф.Миттеран и Г.Коль договорились предложить ЕЭС созвать параллельно межправительственной конференции по валютному союзу подобную конференцию для подготовки политического союза двенадцати. Соответствующее совместное письмо было направлено членам ЕЭС 19 апреля 1990 г., за неделю до открытия Совета ЕЭС в Дублине. Поворот Ф.Миттерана к форсированному политическому объединению стран ЕЭС совершился под прямым влиянием германских событий. Одно из слагаемых такого объединения – совместная внешняя политика и политика безопасности (PESC) станет в дальнейшем одним из главных требований Франции. Усиление удельного веса Германии должно было увеличить потенциал объединённой Европы вместо того, чтобы дестабилизировать её.

27 апреля 1990 г. на Совете в Дублине ЕЭС принимает эти предложения и решает преобразоваться до конца 1992 г. в «политический союз». Миттеран тогда же удивил всех своих коллег заявлением, что он хотел бы двигаться дальше, «к системе, которая приведёт к федерации»¹⁶⁰. Переговоры по этим вопросам велись в течение 1991 г. и закончились в

¹⁵⁸ Во французской политической традиции суверенитет воплощён в территориальной целостности государства, в то время как в германской царит принцип национальной принадлежности по крови, а, следовательно, нация выходит за границы территории германского государства.

¹⁵⁹ Favier P. Et Martin-Roland M. La Décennie Mitterand. T.3. - P. : Le Seuil, 1996.

¹⁶⁰ Vedrine H., op.cit., p. 439.

декабре проектом договора, подписанного всеми членами Сообществ в Маастрихте 7 февраля 1992 г. Его справедливо называют творением Миттерана и Коля.

Согласно Договору, ЕЭС преобразуется в Европейский Союз, предусматривающий помимо единой экономической и валютной политики, единую внешнюю и оборонную политику¹⁶¹. Предполагалось, что ЗЕС (Западно-европейский союз – УЕО-фр.) станет матрицей будущей совместной обороны ЕС. Кроме того, отмечалось, что члены ЕС, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, т.е. Франция и Англия, должны способствовать защите позиций и интересов Союза в этой организации.

Договор намечал учреждение единой европейской валюты до 1 января 1999г. (первоначальное название эю, навевающее французские исторические ассоциации, было позже заменено нейтральным евро).

Валютный союз предполагал «не подлежащую пересмотру фиксацию обменных курсов, ведущую к введению новой единой валюты», а также «проведение общей кредитно-денежной политики, главной целью которой является поддержание стабильных цен»¹⁶². По настоянию Германии в договоре были зафиксированы обязательства, налагаемые на экономическую политику стран ЕС: уменьшение дефицита государственного бюджета до 3% ВВП, прекращение роста государственной задолженности, стабильность обменных курсов валют как минимум в течение двух лет, гармонизация экономической политики. Таким образом, из договора о валютном союзе исключались страны, которые не смогут справиться с инфляционистскими тенденциями. Для обеспечения валютного союза создан Центральный европейский банк, приоритетом которого стал контроль за ценовой стабильностью и

¹⁶¹ Единый Европейский Акт, Договор о Европейском Союзе 1993 года. / Под общ. ред. Ю.А.Борко. – М.: 1994.

¹⁶² Ст. 3А. См. подробнее: Прат А. Франция в Европе. - М.: Воскресенье. 1996. С.43.

бюджетной дисциплиной членов Союза. Банк является наднациональным учреждением, независимым от государственных властей.

Кроме того, Маастрихтский договор учредил европейское гражданство для населения стран Союза и предоставил право участия в муниципальных и европейских местных выборах на территории Союза для выходцев из стран-членов ЕС в местах их проживания наравне с местным населением. По новым правилам состоялись выборы в Европейский парламент в июне 1994 г. Маастрихтский договор существенно расширил компетенцию Сообщества на области культуры, образования, общественного здравоохранения, полиции, юстиции, защиты прав потребителей...

Французы сочли, что в целом Маастрихт «представляется соответствующим амбициям и взглядам Франции. Миттеран, большую европейскую политику которого венчает Маастрихт, кажется, добился своего»¹⁶³. Правда, Миттеран с 1981 г. стремился придать Сообществу социальный характер и желал бы внести раздел о единой социальной политике в текст договора. Этому помешала непримиримая позиция британского правительства консерваторов, и вопрос был вынесен в приложение в форме специфического протокола, под которым стоят только 11 подписей: все, кроме подписи британских представителей. Условия протокола предусматривают: голосование квалифицированным большинством по вопросам условий труда, консультаций с трудящимися, борьбы против бедности и маргинализации, подписания коллективных европейских соглашений между трудящимися и патронатом. Именно настойчивость французского президента-социалиста обеспечила серьёзный

¹⁶³ Bozo F. Op.cit. P..98.

прогресс в социальной области - решение вопросов, болезненных для некоторых партнёров Франции по ЕС¹⁶⁴.

На пути ратификации Маастрихтского договора во Франции возник ряд проблем. Прежде всего, пункт об участии выходцев из стран Союза в муниципальных выборах потребовал предварительного внесения изменений в Конституцию республики. Они были вотированы широким большинством обеих палат. Что касается самого текста договора, то в Национальном собрании развернулась полемика вокруг внесения в него поправок, затягивавшая ратификацию. Президент хотел бы, чтобы его европейское творение получило одобрение нации, и обратился к практике референдумов. Летом 1992 г. (с 1 августа неофициально, а официально с 7 по 20 сентября) в стране развернулась кампания, обнаружившая политический раскол по вопросу европейского строительства. Большинство социалистов, СДФ(UDF) и значительная часть голлистов во главе с Шираком высказались за Маастрихт, в то время как коммунисты, небольшая группа сторонников Ж.-П. Шевенмана внутри СП, Национальный Фронт и часть ОНР (RPR), заявившая о своей приверженности ортодоксальному голлизму (М.Дебре, Ш.Паскуа, Ф.Сеген), были недовольны расширением наднациональных институтов Сообщества.

На референдуме 20 сентября 1992 г. 51% французов высказался за ратификацию Маастрихтского договора. Социологические исследования показали, что европеистские настроения более характерны для благополучной, «модернистской» Франции: образованной, урбанизированной, менее затронутой безработицей и легче приспособляющейся к изменениям экономической и политической

¹⁶⁴ В левой политической среде европейских стран, особенно среди коммунистов, а также долгое время среди советских международных бытовало мнение, что ЕЭС являются монополистическим объединением капиталистических стран Западной Европы, облегчающим эксплуатацию трудящихся. Преодолению этого представления должна была служить Социальная хартия ЕС, предложенная Миттераном.

конъюнктуры. Но значительная часть французов – жителей неблагополучных пригородов и сельских районов, менее уверенно глядящих в будущее, отвергала перспективу валютного и политического объединения, требующего значительных жертв в условиях слабого роста национальной экономики¹⁶⁵.

Интересно, что ни в момент оглашения Маастрихтского договора (декабрь 1991), ни в момент его подписания (февраль 1992) французское общественное мнение не обнаруживало обеспокоенности перспективами Европейского Союза. Правда, обстоятельства с тех пор серьёзно изменились: евроскептицизм датчан мог заставить французов задуматься¹⁶⁶, объединяющаяся Германия обнаруживает внешнеполитические амбиции: она участвует в морской блокаде во время войны в Боснии-Герцеговине, а также заговаривает о предоставлении ей места постоянного члена в Совете Безопасности ООН; в германской прессе разворачивается дискуссия о присутствии Бундесвера вне зоны НАТО в связи с решением об учреждении франко-германского корпуса к 1995 г. (май 1992). Кроме того, волна насилия против рабочих-иммигрантов в Росток (бывшей ГДР) расистского характера воскрешает старые страхи перед крайностями германского национализма. Наконец, во внутривнутриполитическом плане, референдум по Маастрихту во Франции вылился в вопрос об одобрении политики правящего социалистического большинства, поскольку происходил за полгода до законодательных выборов весны 1993 г.

Бросается в глаза активное присутствие в дискуссии вокруг Маастрихта германского фактора. ФКП видела в Маастрихте социально-экономическую опасность, не приемля «ту наднациональную Европу, в которой доминирует Германия». Либералы В.Жискар д'Эстен, Р.Барр и Ж.-

¹⁶⁵ Berstein S. Et Milza P., op.cit. P.1334.

¹⁶⁶ 2 июня 1992 г. большинство датчан на референдуме высказались против Маастрихта, правда, 19 июня в Ирландии референдум закончился позитивно.

Ф.Понсе - горячие приверженцы интеграции, мотивировали свою поддержку договора тем, что Германия принесла огромные жертвы, отказываясь от своей сильной марки в пользу европейской валюты. Кроме того, потенциал и значение ФРГ в их глазах столь возросли, что они считали, что «без Маастрихта для мира Европой станет Германия». К тому же они полагали, что без политического объединения Европы существовала опасность возрождения германского национализма¹⁶⁷. Из этого следовало, что Германию надо было связать Европейским Союзом. Э.Баладюр считал, что Экономический и валютный союз ограничит германскую самостоятельность. Он также указывал на опасность особых отношений между ФРГ и США, которые могут создать ось, принципиально противоположную французским интересам. Голлист Ф.Сегэн намекал на ответственность Германии за развязывание югославской войны, хотя гораздо подробнее и яснее об этом говорил другой противник Маастрихта, социалист Ж.-П.Шевенман. Сегэн больше критиковал Экономический и валютный союз, технократический характер ЕС и отчуждённость французской политики от Центральной и Восточной Европы.

Защищая официальную позицию, сторонники Миттерана резко обвиняли противников договора. Председатель Европейской Комиссии Ж.Делор заявил: «Или вы смените дискурс, или вы покинете политику! В развитой демократии нет места такому поведению». М.Рокар опасался изменения европейского равновесия, если Германия будет предоставлена сама себе: «Германия вернётся к своим географическим и историческим приоритетам. Опираясь на победу германской марки, она вновь обратится к Востоку, оставив в стороне будущее континента, если только она не захочет навязать ему своё экономическое господство/.../ Она будет отстаивать лишь собственные интересы/.../То же ждёт и дружбу, скреплённую Ш.де Голлем и К.Аденауэром. Я уже не говорю о

¹⁶⁷ Hérodote. P.122-124.

последствиях»¹⁶⁸. Премьер-министр П.Береговуа высказывал тревогу за судьбу франко-германской оси: «Именно Франция стремилась к созданию франко-германской пары и ей надо опасаться развода. Это будет означать, что Германия будет больше смотреть на Восток, чем на Запад. Это великая держава, великий народ. В этом плане Германия будет вызывать опасения. А антидемократические ферменты существуют и в Германии, и во Франции»¹⁶⁹.

Основатель организации «Врачи без границ», левый интеллектуал Б.Кушнер¹⁷⁰ предупреждал, что «последним поколением, настроенным проевропейски, является поколение Коля /.../, после – это скорее Росток. Хулиганы из Востока голосуют против (Маастрихта-Е.О.)¹⁷¹. Неминуемое германское господство в Европе в случае отклонения Маастрихта предсказывал в газете «Монд» Морис Дюверже: «Около 2000 года марка смогла бы сделать то, чего не добился Вермахт: пангерманскую Европу, в которой господствует Bundesbank, находящийся в подчинении у боннских властей, в чём мы смогли убедиться во время обмена восточногерманской марки»¹⁷². Опасения роста германского влияния в ЦВЕ повторялись в высказывании Л.Столеру (СП): «Если бы французы проголосовали против Маастрихта, Германия, освобождённая от франко-германской пары, направляющей Европу вот уже 40 лет, приобрела бы свою естественную и историческую роль главы Mitteleuropa, той Средней Европы, которая восходит к Австро-Венгерской империи, где немцам стоит только пальцем пошевелить, чтобы играть сегодня доминирующую роль»¹⁷³. Этот тезис поддерживали экологи. А.Вештер писал в «Монде»: «Французское

¹⁶⁸ Le Monde, 1 septembre 1992.

¹⁶⁹ Ibidem, см. Также : Le Monde, 21 aout 1992.

¹⁷⁰ Б.Кушнер - Левый интеллектуал, получивший мировую известность благодаря своей борьбе за право на международное гуманитарное вмешательство, один из основателей организации «Врачи без границ» (Нобелевская премия мира 1999 г.). В 1999 г. он стал главой международной гражданской администрации в Косово.

¹⁷¹ Le Monde, 1 septembre 1992.

¹⁷² Le Monde, 3 septembre 1992.

¹⁷³ Le Monde, 28 aout 1992.

«нет» стало бы сигналом к наступлению Германии в Центральной Европе, которое и так уже фактически началось»¹⁷⁴.

При всех политических различиях, и сторонников, и противников Маастрихта объединяли общие страхи: германская угроза европейскому равновесию, угроза германского господства в Европе, особенно благодаря её продвижению в Восточную Европу, существование вечных германских «демонов»: стремления к экспансии и ростков антидемократизма. Выступление Ф.Миттерана, отвергающее эти мотивы, только убеждает в их серьёзности: « Дело в том, что нас хотят заставить поверить в существование демонов, свойственных только Германии, в то время как каждый народ должен следить за тем, чтобы сдерживать своих собственных. Понимание Германии и немцев требует больше уважения по отношению к ним»¹⁷⁵.

Нельзя сказать, что внутрифранцузская дискуссия вокруг будущего Европы в контексте германского объединения не имела отклика по другую сторону Рейна. Бывший министр иностранных дел ФРГ, Г.-Д. Геншер, оставив свой пост, позволил себе достаточно резкое высказывание: «Во Франции раздаются голоса, которые не хотят, чтобы Германия была настроена проевропейски. Я этого не понимаю. Мне всё же кажется, что у Франции был очень хороший опыт отношений с Германией проевропейской и очень плохой – с Германией антиевропейской»¹⁷⁶. Один из авторитетных внешнеполитических аналитиков СПГ К.Фойгт высказал скептический взгляд на будущее франко-германского партнёрства: «Франция/.../всегда стремилась связать Германию двусторонними соглашениями. Сегодня она не может прибегнуть к этому способу, не соглашаясь связать *себя* этими договорами»¹⁷⁷. Однако, по мнению

¹⁷⁴ Le Monde, 19 septembre 1992(A.Waechter).

¹⁷⁵ La Libération, 10 septembre 1992.

¹⁷⁶ Libération, 10 septembre 1992.

¹⁷⁷ Libération, 16 septembre 1992. Курсив мой – Е.О.

специалиста Центра геополитики Университета Paris-VIII Е.Сюра, «связать себя с Германией, а не привязать Германию к себе – это было бы революцией во французской политической культуре», поскольку означало бы, что в некоторых областях предпочтение отдаётся европейской политической солидарности в ущерб национальным интересам¹⁷⁸.

Вопрос о суверенитете лежал в центре внутрифранцузского спора вокруг Маастрихта, особенно в связи с принципом субсидиарности, который различает сферы компетенции государств и Сообщества. Поэтому речь шла не только о германском суверенитете, но и о будущем Франции. Национальный Фронт воспользовался болезненностью для французов вопроса об уступке части суверенитета в пользу ЕС, чтобы разоблачить «глобалистский» характер Маастрихта, имеющего целью «разрушение наций, смешение рас, уничтожение границ, культурной самобытности»¹⁷⁹.

* * *

Маастрихтский договор стал одним из важнейших внешнеполитических достижений Ф.Миттерана. Лидер французских социалистов внёс новую ноту в европеизм правящей элиты Пятой республики. Верные сохранению национальных институтов, социалисты ближе других были к солидарному западному европеизму Четвёртой республики и дистанцировались от страстного технократического европеизма Жискара д'Эстена. В то же время, принятие обществом европейской политики Миттерана было далеко не безусловным, и французский политический класс должен был готовиться пожинать плоды двусмысленной позиции в деле германского объединения – впечатление,

¹⁷⁸ Sur E. Maastricht, la France et l'Allemagne//Hérodote. – 1993. – N° 68. - P.135-136.

¹⁷⁹ Слова Бруно Мерге (НФ). См.: Le Monde, 17 septembre 1992

усилившееся оттого, что Германию сделали пугалом во франко-французском споре вокруг Маастрихта. Органичное переплетение в европейской политике Ф.Миттерана линии на форсирование европейского строительства со стремлением к международному политическому контролю над германским объединением и то, что эта политика в основном с пониманием была воспринята руководством ФРГ, во многом является личной заслугой французского президента и результатом тех доверительных отношений, которые сложились у него с канцлером Германии задолго до того, как вопрос об объединении был поставлен в повестку дня. По договорённости между ними для преодоления взаимной настороженности французского и немецкого общественного мнения была создана совместная франко-германская программа телевидения «АРТЕ» (ARTE). Решение было принято ещё 4 ноября 1988 г., а рождение станции состоялось 30 апреля 1991 г.

В то же время, ближайшее будущее показало, что воссоединённая Германия действительно поначалу была куда менее заинтересована в тесном политическом партнёрстве с Францией, нежели Франция, и это поставило под вопрос судьбу целого ряда французских инициатив и в европейском строительстве, и в области безопасности.

3. Европа как «полюс» силы

Объединение Германии было не единственным вызовом, с которым столкнулась Франция, отстаивая свою роль в международных делах. Кризис, а потом распад СССР, означавший исчезновение одного из полюсов мирового могущества эпохи холодной войны, с новой остротой поставили перед французской дипломатией проблему американской мировой гегемонии. Одним из возможных ответов на беспрецедентный рост американского влияния могла стать, по замыслу Миттерана, единая

Европа – главное прибежище французской дипломатии в меняющемся мире. Выше говорилось о роли углубления европейской интеграции перед лицом германского объединения. Одним из противовесов американскому мировому диктату, а также возможному усилению азиатского давления, будь-то экономический прессинг азиатских индустриальных «тигров» или религиозно-политическое давление исламского мира, должна стать Совместная оборонная и внешняя политика (PESC) стран ЕС. Идея французского президента состояла в том, чтобы восстановить европейское могущество, способное стать противовесом как американскому, так и азиатскому миру на будущие десятилетия. Эта концепция получила название «Europe-puissance» (Европа-держава). Думается, именно так следует перевести этот французский термин, обозначающий не только «государство», но и «могущество», т.е. соответствующий историческому понятию «великой державы». Это понятие обозначает особый вес международного игрока (прежде – исключительно государства) на международной арене¹⁸⁰.

При заключении Маастрихтского договора французское правительство отдавало себе отчёт в том, что в 1992 г. такое единство было скорее отдалённой перспективой, идеалом. Во-первых, европейские государства создавались на протяжении XVII-XIX вв. как государства-нации, и их внешнеполитические устремления, историческая память их народов формировались зачастую в борьбе с соседями, которые сегодня составляют с ними единое Сообщество. Поэтому необычайно трудно добиться «синтеза» их внешнеполитических устремлений. Во-вторых, США не хотели бы, чтобы существовала настоящая европейская автономия в вопросах обороны, а будущее европейской обороны зависело главным образом от того, чего захотят американцы.

¹⁸⁰ См. выше: Глава 1, «Проблематика «могущества» во французской теории международных отношений».

Поэтому Франция продолжала настаивать на автономности собственных ВС по отношению к военной организации НАТО: она хотела оставить за собой возможность самостоятельной политики. В начале 90-х гг. Миттеран выступил за реализацию автономной европейской обороны к 2000 году¹⁸¹. Но на совещании 15-ти министров обороны НАТО в Брюсселе в мае 1991 г. было принято решение о создании Сил быстрого реагирования НАТО и ударного корпуса из 16-ти многонациональных дивизий¹⁸², что предусматривало сохранение гегемонии США. Речь шла об использовании войск и структуры НАТО для разрешения конфликтов в Европе в качестве инструмента СБСЕ. Таким образом, создавались предпосылки для превращения НАТО в военную основу европейской безопасности. На вербальном уровне Миттеран считал, что главную роль в урегулировании международных конфликтов, в том числе и в Европе, должна играть ООН, однако уже тогда операция «Буря в пустыне» показала, что ООН является лишь средством узаконить военное вмешательство США в Персидском заливе в глазах мировой общественности. Все попытки Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра участвовать в урегулировании конфликта были блокированы Дж.Бушем-старшим. Поэтому Франция настаивала на том, что безопасность Европы должна быть обеспечена в рамках трёх структур: СБСЕ, Совета НАТО и ЗЕС¹⁸³. Позиция Франции была близка позиции России, руководство которой считало, что военные силы, действующие от имени СБСЕ, должны быть составлены прежде всего за счёт стран-участниц СБСЕ.

Ещё одним важным направлением французской политики по усилению европейской идентичности в деле обеспечения безопасности в регионе была борьба за увеличение роли ЗЕС в качестве «европейской опоры НАТО». Среди конкретных шагов в этом направлении можно

¹⁸¹ Ehrhart H.-G. La sécurité européenne vue par le PS et le SPD // Documents de Paris. - 1991. - Decembre.

¹⁸² По предложению Великобритании.

¹⁸³ На сессии ЗЕС в мае 1992 г.

отметить включение в состав франко-германского корпуса военного персонала из Бельгии, Люксембурга, Испании с целью реорганизовать его в Еврокорпус.

Усиление европейской идентичности и автономность европейской обороны, естественно, не входили в число приоритетов США. После падения Берлинской стены американцам требовались новые оправдания сохранения военного присутствия и вмешательства в Европе и самого существования НАТО. Так появился американский проект, ставящий НАТО в центр европейской безопасности (между 1989 и 1995 гг.). Его главную идею озвучил Дж.Буш – старший в 1991 г. Она состояла в том, что Атлантический Альянс должен стать основной структурой на территории « от Ванкувера до Владивостока».

Говоря о поэтапном расширении сферы деятельности НАТО, США намеревались придать ему новые функции - действия по поддержанию мира, что подразумевало выход за рамки зоны действия Североатлантического договора. Эволюция НАТО, предложенная США, вызвала некоторую настороженность со стороны Франции¹⁸⁴. В первоначальные планы Франции не входило ни расширение НАТО на Восток, ни особая роль НАТО в диалоге со странами Центральной и Восточной Европы. Франция предпочла бы, чтобы присоединение бывших социалистических стран к либеральному миру происходило в рамках европейских структур. Перед лицом дезинтеграции социалистического содружества Миттеран выдвинул план создания Европейской Конфедерации.

4.Проблемы стабильности в Европе: реакция на распад социалистической системы

¹⁸⁴ Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992). - М.:Наука, 1993.

а. Новая «восточная политика» Ф.Миттерана

Волеизъявление восточных немцев, а также бурные перемены в Восточной Европе побудили Миттерана выдвинуть ряд инициатив, направленных на то, чтобы смягчить трудности и предотвратить угрозу экономической и политической дестабилизации в регионе Центральной и Восточной Европы (французская аббревиатура – PECOS). Главным в этом контексте был вопрос о взаимоотношениях между стабильными и благополучными странами ЕЭС и остальной континентальной Европой, переживающей процессы бурной трансформации.

В сентябре 1990 г., во время своего визита в Прагу, выступая перед чехословацким парламентом, Ф.Миттеран провозгласил 1989 г. началом «новой эры для Европы»: «В Центральной и Восточной Европе народы совершили самую великую народную революцию, какую мир знал со времён Французской революции 1789 г.»¹⁸⁵. Франция, уделявшая мало внимания развитию отношений со странами ЦВЕ (исключение составили лишь годы правления де Голля), с беспокойством наблюдала за быстрыми успехами ФРГ в этом регионе. Однако неправильно полагать, что лишь объединение Германии и падение коммунистических режимов заставило его проявить запоздалый интерес к посткоммунистической Европе. Визиты в страны региона, по свидетельству Ю.Ведрина, были запланированы до переизбрания Миттерана на второй срок и должны были стать подтверждением нового восточноевропейского курса президента¹⁸⁶. Но столь же очевидно, что стремительные перемены в Восточной Европе наполнили эту политику новым смыслом и содержанием. Восточноевропейское турне Миттерана происходило в обстановке, когда ещё не было до конца ясно, по какому пути и насколько быстро пойдёт там демократизация. В СССР он отправился в ноябре 1988 г., в Праге был за эти бурные три года дважды:

¹⁸⁵ PE, 1995, N42. P.921.

¹⁸⁶ Védérine H., op.cit. P. 452.

первый раз в декабре 1988, в социалистической, а во второй – после «бархатной» революции, в сентябре 1990 г. Французский президент тогда имел обыкновение в ходе официальных визитов устраивать в посольстве Франции завтраки, во время которых он мог встретиться с дисидентами и представителями оппозиции. Ю.Ведрин вспоминает, что в 1988 г. Праге на такой приём В.Гавел, тогда дисидент, а позже президент Чехии, демонстративно пришёл с зубной щёткой, «на случай, если полиция арестует меня при выходе», - объяснил он французам. Миттеран посетил также Болгарию (в январе 1989 г.), затем, в июне, Польшу. В январе 1990 г. французский президент был в Венгрии, а в Румынии - в апреле 1991 г., уже после падения Н.Чаушеску.

Декабрьский (1989 года) визит Миттерана в ГДР, также запланированный заранее, рассматривался постфактум особняком, в свете германского объединения. Критики президента считали этот визит демонстрацией поддержки руководству ГДР с целью укрепить его в противодействии объединению. Известно, что сотрудница Миттерана, К. де Маржери, направленная в Восточный Берлин для подготовки визита, по возвращении убеждала президента аннулировать поездку, но он решил ехать. За неделю до визита Миттерана в Восточной Германии побывал государственный секретарь США Д.Бэкер, чтобы ратовать там за мирный характер объединения Германии. Позже он признавался в своих мемуарах, что хотел опередить там Миттерана, чтобы подтвердить американское лидерство¹⁸⁷. Дело в том, что практически всем ГДР тогда представлялась страной, которой осталось ещё несколько лет существования, и Франция не должна была, по мнению Миттерана, игнорировать восточногерманское руководство в этот сложный переходный период. Ю.Ведрин упоминает, что до 27 апреля, когда на Совете ЕЭС в Дублине было решено, что объединение Германии будет произведено без пересмотра договоров о европейских

¹⁸⁷ Ibidem.

сообществах, Ж.Делор не исключал, что ГДР сможет войти в них в качестве тринадцатого участника.

Ускорение событий заставило Миттерана скорректировать и конкретизировать свою «восточную» политику. Ф.Миттеран предпринял ряд шагов в пользу посткоммунистических стран¹⁸⁸. Прежде всего, речь шла об экономической помощи. Летом 1989 г. Польша и Венгрия по инициативе Франции получили западную помощь по программе PHARE. Тогда же, на саммите Семёрки в Арше, обсуждалось, будет ли помощь Восточной Европе координироваться Всемирным банком или Европейской Комиссией, и Франция высоко оценила предложение Дж.Буша, чтобы координация осталась за Комиссией. Франция добивалась, чтобы процесс демократизации в Европе происходил под эгидой ЕС, а не НАТО и, следовательно, не США. Во время Совета ЕЭС в Дублине в апреле 1990 г. было решено распространить экономическую помощь Сообществ, помимо оговоренных Польши и Венгрии, на ГДР и Чехословакию (по предложению ФРГ) и на Болгарию и Румынию (предложение Франции). Франция не хотела тогда, чтобы члены ЕЭС ограничивались помощью странам Центральной Европы, более развитым и политически «корректным», а распространялась бы на Восточную Европу, чтобы усилить там стремление к либерализации и демократизации. В развитие этой идеи Ф.Миттеран предложил создать Европейский банк реконструкции и развития (BERD). Его первым президентом стал сотрудник Миттерана Ж.Аттали. В своей книге «Европа» («Европы»)¹⁸⁹ он пишет, что разработка этого проекта началась сразу после саммита в Арше, летом 1989 г., и 25 октября Миттеран изложил его перед Европейским парламентом. Тогда, в Страсбурге Великобритания согласилась обсуждать проект, только если все страны ОБСЕ будут в нём участвовать. Естественно, в данном случае М.Тэтчер защищала интересы США.

¹⁸⁸ Зуева К.П. Эволюция «восточной политики» Франции // Новое в «восточной политике» стран Западной Европы: Сборник статей. - М.: МЭИМО, 1991. С.73-112.

¹⁸⁹ Attali J. Europe(s). - P.: Fayard, 1994.

Поскольку Г.Коль резервировал название «Европейский банк» за Центральным банком ЕЭС, который тогда был только в проекте, но с заранее оговоренным адресом во Франкфурте, по предложению Дании французский проект получил название «Европейский банк реконструкции и развития». По предложению Ж.Аттали его резиденцией был выбран Лондон, потому что кандидатура Парижа могла бы поставить под вопрос пребывание Европейского парламента в Страсбурге. Окончательно договор об учреждении Банка был подписан в Елисейском дворце 29 мая 1990 г. Несмотря на этот успех, замысел Франции был в итоге лишён важного для неё содержания. Об этом достаточно откровенно пишет Ж.Аттали. «Задумывая этот Банк, мы хотели создать условия, позволяющие европейцам самим заниматься своими делами, без США или, по крайней мере, без американского диктата. Мы пытались создать континентальную Европу, объединившуюся и независимую. Наше предприятие провалилось. Не потому, что американцы были достаточно сильны и решительны в стремлении разрушить наш замысел. Сами европейцы, как на Востоке, так и на Западе, не захотели по разным причинам обрести средства достижения собственной независимости»¹⁹⁰.

Пока Франция вела борьбу за новые европейские институты, её первенство в деле помощи восточноевропейским странам тут же оспорила Германия, принявшая решение заключить договор с Польшей об оказании широкомасштабной экономической помощи со стороны ФРГ¹⁹¹.

Соперничество за влияние в ЦВЕ между ведущими членами ЕЭС, а также разное видение перспектив соотношения между Европейским Сообществом и создающейся континентальной Европой стояло и за борьбой вокруг другого крупного французского проекта – Европейской конфедерации. Идею её создания Ф.Миттеран выдвинул 31 декабря 1989 г. в Новогоднем

¹⁹⁰ Ibidem. P. 451.

¹⁹¹ Этот договор заключён 17 июля 1990 г. во время конференции по германскому объединению по формуле 2 плюс 4 с участием Польши. Одновременно Германия признала границу по Одеру-Нейсе.

обращении к нации. В Европейской конфедерации должны были сотрудничать на основе принципа равенства прав и обязанностей члены ЕЭС и новые европейские демократии - страны ЦВЕ, которые стремились войти в Сообщества и имели на это полное право, но не могли его реализовать немедленно по причинам экономического характера. В 1989 г. Ф.Миттеран был уверен, что постсоциалистические страны не смогут скоро войти в ЕЭС без риска для себя в экономическом плане и без риска самим подорвать бюджет и институты ЕЭС. Миттеран считал, что, прежде всего, для самих этих стран вредно строить отношения с ЕЭС по принципу дающий/берущий. Включение их в европейское экономическое пространство под эгидой Комиссии Сообщества может к тому же касаться только экономической стороны проблем. Поэтому Миттеран предлагал, не дожидаясь, пока все страны Европы окажутся на одном уровне, включить их, равно уважая достоинство каждой, в «конфедерацию» политического и юридического характера, где они смогут обсуждать вопросы, представляющие общий интерес. В проекте Европейской конфедерации Ф.Миттеран видел единственный способ стабилизировать переходную ситуацию в ЦВЕ, в смысле отношений между бывшими социалистическими странами и в смысле отношений Европейских Сообществ с новыми демократиями¹⁹². Географически логично было подразумевать возможность участия в Конфедерации СССР, но также и неучастие США. Спустя две недели Миттеран развил эту мысль во время своего визита в Венгрию, но его проект не имел успеха.

В ноябре 1990 г. Париж принимал представителей 34 стран-членов СБСЕ¹⁹³. По инициативе Франции они подписали «Парижскую хартию», содержащую демократические и либеральные принципы, которые должны

¹⁹² Védérine H., op.cit., p. 446.

¹⁹³ На этом заседании СБСЕ были ратифицированы в их совокупности положения, касающиеся внешних аспектов германского объединения. Тогда же был подписан Договор об обычных вооружённых силах в Европе, а в Вене создан Центр по предотвращению конфликтов при СБСЕ.

были стать общими для всех стран континента. Французская дипломатия считала её подписание своим большим успехом. Президент Франции говорил на этой встрече о конце разделения Европы, открывающем путь к Большой Европе «от Атлантики до Урала», о которой мечтал де Голль. Что касается идеи Европейской Конфедерации, о которой мечтал сам Миттеран, то она не получила ожидаемого отклика со стороны участников этой встречи¹⁹⁴. Члены ЕЭС вполне довольствовались достигнутыми масштабами интеграции, их система безопасности была вписана в НАТО и ЗЕС. Что касается бывших стран социализма, перемены в которых, собственно, и породили идею Конфедерации, то разделение Конфедерации и ЕЭС и общая неопределённость плана Миттерана стали причинами провала этой инициативы у новых руководителей стран ЦВЕ. Предложение Миттерана привело к тому, что Франция предстала в глазах посткоммунистических стран Восточной Европы, заявивших о своём стремлении в ЕЭС, защитником неприступного Западноевропейского сообщества, которое останется оплотом «процветания и эгоизма». Страны ЦВЕ боялись, что, образовав Конфедерацию - суррогат континентального европейского сообщества, они останутся «толкаться в прихожей» благополучной Западной Европы¹⁹⁵.

Кроме того, для них было важно, что в проекте не предусматривалось участия США, зато допускалось участие СССР. Подспудно он был как раз направлен против американской вездесущности, а странам Восточной Европы США представлялись лучшим партнёром и гарантом, ибо в их глазах СССР ещё оставался могущественным и опасным соседом. США, с беспокойством следившие за становлением политической составляющей Европейского Союза и франко-германскими консультациями по поводу единой европейской политики безопасности, опасались за будущее НАТО и подогревали эти страхи. В июне 1991 г. президент Чехословакии В.Гавел дал понять

¹⁹⁴ Изложение этого плана см. в статье советника МИД Франции Ж.Музителли: L'Express, 1990, 21 juin.

¹⁹⁵ Moreau Defarge: L'Etat de la France 1995-96, p.590, Bozo F., op.cit., p. 100.

Ф.Миттерану, что без активного участия США европейская система безопасности была бы и нежелательной, и невозможной¹⁹⁶. Миттерана же сравнивали с Миттернихом, одержимым идеей сохранения европейского status quo. Упрекали французского президента и в том, что он желал разделить континент на Европу первого и второго сорта.

В итоге, Французской дипломатии не удалось заполнить пробел, образовавшийся в ЦВЕ после “ ухода” СССР. Но следует отдать должное Миттерану. Мотивируя свои предложения, французский президент был близок к пониманию и предвидению факторов, угрожающих сегодня безопасности региона или создающих напряжённость в двусторонних отношениях между ними, хотя его доводы и не соответствовали тогда субъективным страхам и настроениям руководителей стран ЦВЕ, а потому выглядели проявлением замкнутости, эгоизма и высокомерия представителя благополучного Запада. Между тем, предостережения Миттерана относительно судьбы религиозных и национальных меньшинств в Восточной Европе, взаимоотношений России с Балтийскими государствами, осложняющих международный климат сегодня, уже тогда не были вовсе беспочвенными. После провала проекта Европейской Конфедерации глава французского правительства Э.Балладюр¹⁹⁷ выдвинул идею подписания Пакта стабильности в Европе. Проект был озвучен Балладюром в его речи перед Сенатом 15 апреля 1993 г., и вскоре Европейский Совет в Копенгагене провозгласил его общей акцией внешней политики и политики безопасности ЕС. Французское предложение было продолжением традиции превентивной дипломатии: нечто похожее предлагал А.Бриан в 1922 г. Пакт стабильности был призван обеспечить условия, чтобы кандидаты на вступление в ЕС заранее урегулировали возможные разногласия по вопросам границ и по

¹⁹⁶ РЕ, 1995, № 4. Р.921.

¹⁹⁷ Речь идёт о правительстве правых, пришедшем к власти после парламентских выборов весной 1993 г., поскольку СП потерпела на них поражение. Это открыло второе «сосуществование» Миттерана с оппозиционным к нему правящим большинством.

проблемам национальных меньшинств. С этой целью были созданы два региональных круглых стола: стран Балтийского региона и стран ЦВЕ. Целью Пакта являлось установление прочного мира на базе создания сети добрососедских отношений. Предложение касалось Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Румынии, Латвии, Эстонии, Литвы, Украины, Белоруссии, Молдавии, Словении и Албании. В первой конференции (Париж, 26-27 мая 1994 г.), помимо заинтересованных стран, принимали участие США, Канада, Россия и Швейцария, а также, в качестве наблюдателей, члены СБСЕ. Пакт стабильности был подписан 21 марта 1995 г. во время заключительной конференции 52 –мя участниками СБСЕ, переименованного тогда же в ОБСЕ¹⁹⁸. Однако реальные итоги этого пакта были достаточно скромными. Не считая ранее имевшихся двусторонних договоров, после его подписания был заключён только договор между Словакией и Венгрией, причём, его ратификация в Словакии затянулась по внутриполитическим причинам¹⁹⁹.

Несмотря на реализацию предложения о Пакте стабильности, восстановление французских позиций в регионе, в котором она ещё в межвоенный период оспаривала влияние у Германии, в первой половине 90-х годов было весьма относительным, особенно по сравнению с быстрым ростом германского присутствия. Критики “восточной политики” Миттерана считают, что в отношении стран ЦВЕ Франция была близка к великодушным призывам, направленным в годы первого септената на страны Юга: “в них было больше слов, чем дела”²⁰⁰.

В экономическом плане Франция участвовала в 20-30% западных контрактов, но редко в качестве руководителя проекта, что снижало ценность этого участия с точки зрения поддержания французского авторитета в

¹⁹⁸ Де Монбриаль Т. Память настоящего времени. С.200.

¹⁹⁹ Romer J.-C., Schreiber T. La France et l'Europe Centrale // PE. – 1995. - №4. P. 922.

²⁰⁰ Moisi D. De Mitterand à Chirac.// PE. – 1995. - №4. P.852.

регионе²⁰¹. В области производства вооружений Франция участвовала в программе переоснащения армий бывших участников Варшавского договора, стремившихся в НАТО. SOFMA²⁰² привлечена к модернизации и приспособлению к натовским стандартам танков и БТР, производимых в Польше и Чехии.

Пожалуй, в начале 90-х годов говорить об особых отношениях Франции со странами ЦВЕ можно было лишь на примере Польши, хотя и тут французам приходилось делить привязанность этой «любимой кузины»²⁰³ с ФРГ. Польша составила с Германией и Францией «Веймарский треугольник» (в 1991 г.), предусматривающий регулярные трёхсторонние встречи лидеров этих государств. Первая встреча состоялась во Франции, в 1992 году в Бержераке. В центре внимания членов этого «треугольника» стояли проблемы безопасности и сближения между ЕС и ассоциированными членами. Польше этот «треугольник» был нужен для продвижения на Запад, поскольку франко-германская пара по-прежнему расценивалась в качестве оси европейской интеграции. Кроме того, французский пример для неё много значил с точки зрения нормализации отношений со вчерашним «врагом». В сентябре 1994 г. во время визита министра иностранных дел Франции А.Жюппе в Бухарест президент Румынии предложил создать аналогичный треугольник с участием Франции, Германии и Румынии²⁰⁴.

²⁰¹ Le Monde, 5 janvier 1995.

²⁰² Société française de matériel d'armement – SOFMA.

²⁰³ Так французы называют Польшу, намекая на историческую традицию: от Генриха III и Станислава Лещинского до двух Наполеонов и франко-польского союза 30-х годов XX века.

²⁰⁴ Romer J.C., op. cit. P. 923.

б . Дипломатия Ф.Миттерана в Югославском конфликте

События в Югославии с самого начала стали развиваться по наиболее драматичному из всех предсказанных Ф.Миттераном сценариев. После прихода к власти С.Милошевича началось наступление на права национальных меньшинств, спровоцировавшее рост национализма и этнические выступления против сербов в различных частях югославской федерации. С начала 1991 г., в разгар работы межправительственных конференций по финансовому и политическому европейскому объединению, проявились разногласия по этому вопросу между Германией, поощрявшей сепаратистские тенденции, и другими странами ЕЭС, среди которых была и Франция.

Позиция Ф.Миттерана по отношению к распаду Югославии определялась, с одной стороны, его приверженностью *status quo* , как залог европейской безопасности, с другой стороны – внешнеполитическими традициями Франции. Французская политическая элита, исходя из внутривнутриполитических соображений сохранения унитарного государства, господствующих со времён Французской революции, является принципиальным сторонником принципа единства и неделимости государства. Сохраняя верность этому принципу, Франция отказалась подписывать Европейскую хартию о защите региональных языков (1992 г.)²⁰⁵ в связи с рамочным соглашением по национальным меньшинствам, дополнившим Европейскую конвенцию по правам человека после событий 1989-1990 гг.

В начале 1990 г. Миттеран выступил против распада Югославии, считая его знаком возвращения в далёкое прошлое, к «Европе племён». Он поддерживал стремление Сербии удержать федерацию от распада, поскольку

²⁰⁵ Франция ссылалась при этом на эдикт Вилье-Коттре 1593 г., обязывающий использовать французский язык во всех официальных документах на территории французского государства.

видел в ней оплот стабильности в регионе. Эта позиция навлекла на французского президента огонь критики как внутри, так и вне Франции. Главный редактор журнала “Politique Etrangère” Д.Моизи считал, что, говоря о «Европе племён», Миттеран проявил «наиболее откровенный цинизм»²⁰⁶. Ф.Бозо писал: «Едва только Ф.Миттеран, благодаря своей позиции в войне в Заливе, восстановил свой престиж стратега и дипломата после провалов 1989-1990 гг., с лета 1991 французская политика опять кажется близорукой»²⁰⁷. С.Берштейн и П.Милза полагали, что «в отношении к распаду югославской федерации действовали те же консервативные рефлексy, что и в отношении к событиям во всей Восточной Европе»²⁰⁸. Выше было сказано, что дипломатия Миттерана в те годы руководствовалась, прежде всего, стремлением к стабильности и заботой о том, чтобы обузывать, контролировать процессы бурных преобразований, грозящие непредсказуемыми последствиями. Всякий раз перед лицом коренных перемен в Европе он старался выработать «политику сопровождения», дабы направить эти перемены в легальное русло многосторонних переговоров, обставив условиями, закреплёнными в международных соглашениях. Кроме того, мозаичный характер югославской федерации не позволял Миттерану предположить, чтобы в процессе её распада могли бы родиться жизнеспособные и этнически гомогенные государства, внутри которых были бы сняты межнациональные и религиозные противоречия. Можно ли упрекать его в политической близорукости и недостатке предвидения там, где всей последующей трагической историей была доказана справедливость его предостережений? Неудачи французской дипломатии в югославском кризисе происходили не из недалёковидности или косности президента, а из сложного переплетения неблагоприятных для успеха французской стратегии международных

²⁰⁶ PE, 1995, № 4. P.853.

²⁰⁷ Bozo F., op.cit. P.100.

²⁰⁸ Bernstein S., Milza P., op. cit. P.1336.

обстоятельств. Две группы интересов играли здесь против французской позиции. Одна была основана на исторической заинтересованности Германии в Балканах, восходящей к Священной империи германцев, а позже - к прусским Гогенцоллернам. Вторая была связана с проблемой роли НАТО и США в европейской безопасности.

С лета 1991 г. югославская проблема стояла в центре внимания мирового сообщества. Ф.Миттеран определил позицию Франции в этом конфликте:

- если невозможно сохранить федерацию, международное сообщество должно ограничить процесс разделения и стремиться избежать любого обострения ситуации;

- с этой целью следует придерживаться позиции нейтралитета по отношению к республикам бывшей Югославии, которые разделяют ответственность за распад федерации;

- Франция и Европа должны играть главную роль в разрешении кризиса, в котором США воздерживаются от прямого вмешательства.

По инициативе Миттерана в сентябре 1991 г. была создана международная арбитражная комиссия (комиссия Бадинтера) из президентов Конституционных Судов или Конституционных Советов ФРГ, Бельгии, Испании, Италии и Франции. Комиссия выдвинула предварительные условия, которые должны были выполнить страны бывшей Югославской Федерации для того, чтобы быть признанными международным сообществом ²⁰⁹. Однако канцлер ФРГ под сильным общественным давлением внутри своей страны ²¹⁰ поддерживал хорватов и словенцев и в конце 1991 г. признал их независимость в обход решений комиссии Бадинтера. Франция считала этот шаг преждевременным и опасным, но не могла идти на обострение отношений со своим главным партнёром по европейскому строительству в

²⁰⁹ Romer J.-C., Schreiber T., op. cit., p.923.

²¹⁰ В подтверждение этого Ю.Ведрин приводит разговор, состоявшийся у Ф.Миттерана с Г.Колем во время визита французского президента в ФРГ 19 сентября 1991 г. (Védrine H., op.cit. P. 464).

момент подписания Маастрихтского договора. В результате, в начале 1992 г. Франция вместе с Великобританией должны были солидаризироваться с ФРГ в поспешном признании Словении и Хорватии²¹¹. Это преждевременное признание ускорило провозглашение независимости Боснии–Герцеговины в тот самый день, когда была провозглашена Сербская Боснийская республика (6 апреля 1992 г.). Сербия и Черногория образовали Союзную республику Югославию (27 апреля 1992 г.), поставившую целью возрождение Великой Сербии, а боснийские сербы предприняли «этнические чистки» в зонах своего господства²¹².

В итоге Франция сама отступилась от своих инициатив: вместо того, чтобы выстраивать собственную линию, опираясь на историческую франко-сербскую дружбу, Париж, стремясь ограничить рост сербского национализма, сделал ставку на совместную европейскую политику. Тогдашний Генеральный секретарь французского МИД Шер заметил, что деликатность ситуации состояла в том, что Франция не хотела в очередной раз дать Германии повод обвинять Париж в стремлении поддерживать искусственное государственное образование на Балканах под эгидой сербов, творение французской дипломатии времён Версаля²¹³. В итоге Германия, заинтересованная в отложении Хорватии и в ослаблении сербских позиций, обеспечила свои интересы, вынудив своих партнёров по ЕЭС признать Хорватию и Словению уже в конце 1991 г.

Вместе с тем, не следует забывать, что одна Франция мало что могла сделать для сдерживания насилия: ситуация очень скоро вышла за границы, предусмотренные первоначальной французской позицией.

Взрыв насилия между хорватами, требующими независимости, и сербскими федералистами летом 1991 г. заставил Францию предложить в сентябре своим европейским союзникам создание сил разъединения. Однако

²¹¹ 15 января 1992 г. На этом настаивали также Австрия и Ватикан.

²¹² Де Монбриаль Т., ук. соч., с.148-149.

²¹³ Беседа с г-ном Шером 21 ноября 2003 г. – Архив автора.

оказалось, что Европа (ЗЕС) не располагает для этого ни военными средствами, ни необходимыми политическими институтами. К тому же, Великобритания тогда противилась любым перспективам вооружённого вмешательства в конфликт и противодействовала французскому плану, также как и ФРГ²¹⁴.

Весной 1992 г. кризис вступил в новую стадию обострения. В Боснии началась война между сербами и боснийскими мусульманами. Известия об «этнических чистках», проводимых сербской милицией в мусульманских районах Боснии, поставили французское правительство в трудное положение: требования Realpolitik, диктовавшие Франции позицию невмешательства, плохо сочетались с традиционной французской риторикой защиты прав человека. Положение тем более щекотливое, что Сербия исторически была связана с Францией (вспомнить хотя бы кануны двух мировых войн) и расценивалась французской дипломатией как стабилизирующая и объединяющая сила в регионе, охваченном стихией распада.

Западная солидарность и соображения координации действий Франции с её гуманитарной риторикой заставили Ф.Миттерана продемонстрировать моральную поддержку боснийским мусульманам: французский президент совершил рискованную поездку на открытие аэропорта в осаждённый сербами Сараево, незадолго до этого подвергшийся бомбардировке сербской артиллерии (22 июня 1992 г.).

Франция, так же, как её европейские партнёры и США, выступала против прямого военного вмешательства в конфликт, однако требовала (вместе с Великобританией) посылки нескольких тысяч солдат под эгидой ООН с гуманитарной миссией. «Голубые каски» были развёрнуты главным образом в районе Сараево и действовали в тяжёлых условиях: оказавшись между двух огней, они были вынуждены воздерживаться от применения

²¹⁴ Под грузом нацистского прошлого Г.Коль поставил условием участия сил Бундесвера в операциях за пределами зоны НАТО запрещение их применения в конфликтах на территориях, захваченных нацистской Германией. См.: Т. де Монбриаль, ук. соч. С.220.

силы, но не могли обеспечить разъединения воюющих сторон. Только в 1994 г., после сербских артиллерийских бомбардировок Сараево, НАТО выдвинула ультиматум сербам, чтобы заставить их убрать артиллерию с высот, окружающих боснийскую столицу. Что касается урегулирования боснийского кризиса, то Франция и Англия – две страны, наиболее активно себя проявившие в начале конфликта, были оттеснены американцами на второй план на заключительном этапе, при подписании Дейтонских соглашений.

Усилия французской дипломатии по урегулированию югославской проблемы вызвали критику внутри страны. Ю.Ведрин, оправдывая внешнеполитический курс ушедшего президента, объясняет это тем, что общественное мнение, помимо вовлечённости во внутриполитическую борьбу в преддверие парламентских выборов весны 1993 г., переоценивало потенциальные возможности французского вмешательства в конфликт. В основе такой позиции лежал психологический фактор, своего рода «обман зрения»: сопричастность Запада волнующим политическим событиям в бывшей Югославии усиливалась в сознании граждан-телезрителей видимостью «приближения» театра событий благодаря телевизионным репортажам. В то же время, после войны в Заливе большая часть общественного мнения на Западе поверила в существование «международного сообщества», в котором одержали безусловную победу западные ценности, ставшие универсальными, а также в то, что Запад отныне превратился в легитимного морального стража закона в современном мире и может осуществлять эти функции без особого риска для себя²¹⁵.

Между тем, события в бывшей Югославии, особенно война в Боснии и дальнейшее развитие конфликта между сербами и албанцами показали, что это был упрощённый и искажённый взгляд на вещи. Прежде всего, нельзя

²¹⁵ Védérine H. Les mondes de Francois Mitterrand: chap. XVIII: La tragédie yougoslave.

было говорить о силе международного сообщества в отсутствие единого подхода к вопросам преодоления конфликта даже среди стран Запада. Когда летом-осенью 1991 г. Франция предлагала послать в Хорватию силы разъединения, Великобритания не хотела вмешиваться в югославские дела, а Германия, хотя и заявила о поддержке этой инициативы, но отказалась участвовать в ней своими вооружёнными силами. США хотели избежать обращения в Совет Безопасности ООН, потому что не желали вмешательства СССР, а потом России. Однако кризис обнаружил явную слабость Франции в реализации собственных инициатив, также как недостаточность усилий стран Европейского Сообщества по поддержанию безопасности на континенте. И этот урок имел большое значение в свете французских планов усиления европейской идентичности европейской обороны.

Стремясь подчеркнуть свою незаменимость в деле поддержания стабильности в Европе, Вашингтон вначале избегал активно вмешиваться в югославские дела в рамках ООН (FORPRONU), а затем предпринял ряд действий, не согласованных с европейскими союзниками. США приостановили своё участие в рамках “Sharp Guard” в контроле за соблюдением эмбарго на поставки вооружения воюющим сторонам в Боснии (осень 1994 г.). Они поставили в трудное положение «голубые каски» ООН, когда зашла речь о возможной эвакуации FORPRONU, поскольку устранились от участия в конфликте в начале 1995 г. В то же время, США принимали решения об активном вмешательстве для реализации плана восстановления мира в 1993 г. и осенью 1995 г., также без консультаций с союзниками.

Правда, события лета 1995 г. (наступление в Краине, изменение соотношения сил в пользу хорвато-мусульман, успехи посреднической миссии американца Ричарда Холбрука) несколько примирили позиции США и европейских союзников. В итоге американскому президенту Б.Клинтону удалось помешать разгрому боснийцев и хорватов, избежав военного

вмешательства США в конфликт, сохранить единство НАТО и открыть путь к участию США в мирном урегулировании. В то время как ООН и Европа в течение 3-х лет разрабатывали «планы достижения мира», три месяца американской челночной дипломатии подготовили подписание Дейтонских соглашений. Поведение американцев в этом кризисе должно было показать европейцам, в том числе французам, что без США их вмешательство под эгидой ООН оказывается неэффективным, из чего следовал вывод о невозможности урегулирования конфликтов в Европе без американского присутствия.

Вместе с тем, у европейских стран НАТО, в первую очередь у Франции, возникал вопрос, можно ли рассчитывать на военные силы Альянса в деле поддержания европейской стабильности в отсутствие уверенности в участии в подобных операциях его главной опоры – США? Реализация новой функции НАТО, добавляющая к обороне обеспечение европейской безопасности, также как укрепление ЗЕС в качестве «европейской опоры» НАТО, т.е. намеченная реформа Североатлантического альянса, оказались под вопросом, особенно если учесть расширение НАТО на Восток.

Это не могло не беспокоить Францию. Судьба французских инициатив по поддержанию мира в бывшей Югославии напомнила французскому правительству Суэцкий кризис 1956 г., после которого Франция задумалась о национальной и европейской автономии в защите жизненных интересов стран Старого света²¹⁶. Выводы из ситуации предстояло сделать уже не Миттерану, а Шираку.

²¹⁶ См. об этом: Bozo F. La France et l'Alliance: les limites du rapprochement // PE. – 1995. - № 4.

ГЛАВА 3: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА Ж.ШИРАКА (1995-2002 ГГ.)

1. Роль европейского строительства в дипломатии Ж.Ширака

Подобно тому, как в пору биполярного мира Франция выступала за преодоление мирового раскола и против диктата двух сверхдержав, по окончании холодной войны она стремилась к многополярности в противовес единоличному диктату единственной сверхдержавы – США. Опорой этой политики, её инструментом и главным условием её реализации остаётся, как и в прошлом, Европа, объединённая в ЕС. Сегодня во Франции все, от кого зависит принятие главных внешнеполитических решений, согласны в том, что Европа является приоритетом международной политики страны.

Между тем, многое в политическом прошлом Ж.Ширака питало опасения европейских партнёров Франции относительно преемственности европеистского курса нового президента, поскольку речь идёт о Ж.Шираке - авторе «Призыва из Кошена» (6 декабря 1978 г.), в котором лидер недавно созданного Объединения в поддержку республики (ОПР), свободный от государственных обязанностей (в 1976 г. он вынужден уйти в отставку с поста премьер-министра), стремился отмежеваться от федералистского видения Европы, характерного для тогдашнего президента Франции В. Жискара д'Эстена, и усилить своё влияние в только что созданном им новом голлистском Объединении. «Призыв из Кошена» протестовал против европейской политики президента: «Нет политике наднациональности. Нет экономическому подчинению. Нет снижению международной роли Франции /.../. Нет Франции-вассалу империи торговцев»²¹⁷. В правление Ф.Миттерана Ж.Ширак выказывал враждебность Единому Европейскому Акту в стадии

²¹⁷ Цит. По: Gribinski J.-F. Jacques Chirac et l'Europe: une politique "réaliste" // RI et S. -Printemps 1997.- N25. P.66.

его обсуждения, противился вступлению Испании и Португалии в ЕЭС и идее единой европейской валюты, которой он предпочитал предложение Великобритании об «общей валюте», расценивая его как «менее интеграционистское».

Однако когда Ж.Ширак исполнял правительственные функции или в период президентских избирательных кампаний, его действия шли в проевропейском русле. Так было в 1986 г., когда в должности премьер-министра при первом «сосуществовании», не без нажима партнёра по правящей коалиции – СДФ, он превратился в защитника Единого Европейского Акта. На референдуме 1992 г. он, хотя и с оговорками, призывал голосовать «за» Маастрихт, в обоих случаях - несмотря на сильную оппозицию внутри ОНР во главе с Ф.Сегеном и Ш.Паскуа. При этом уступкой голлистскому евроскептицизму была «заниженная» оценка Маастрихта, как простого «этапа» на пути создания Союза, будущее которого виделось Шираку менее технократическим и менее федералистским.

Накануне президентских выборов 1995 г. Ж.Ширак оказался в трудном положении. С одной стороны, интеграция стала столь ощутимой реальностью, что любой политик, претендующий на высший пост в государстве, должен был согласиться с императивами европейского строительства. Ж.Жюльяр так прокомментировал заявления нового президента о его приверженности европейскому строительству: «Ж.Ширак стал европейцем? Он стал президентом, и этим всё сказано»²¹⁸.

С другой стороны, среди сил, поддерживающих кандидатуру Ж.Ширака, были как убеждённые европейцы (В.Жискар Д'Эстен, А.Жюппе, так и евроскептики из ОНР (Ф.Сеген и др.). Кроме того, неубедительная

²¹⁸ Le Nouvel Observateur, 25 mars-3 avril 1996. P.59.

победа идеи Маастрихтского договора на референдуме 1992 г. заставила всех кандидатов осторожно относиться к заявлениям по поводу европейского строительства. Не стоит забывать, что Маастрихт в большей степени поддерживали элиты, чем неимущие слои, к которым апеллировал в своей президентской кампании 1995 г. Ж.Ширак. Отчасти поэтому тема европейской интеграции не фигурировала среди приоритетов предвыборной кампании 1995 г. В то же время, все основные кандидаты (Ж.Ширак, Э.Балладюр, Л.Жоспен) подтверждали свою поддержку Маастрихтского договора и особенно реализации валютного союза. При этом, принимая идею в целом, Ж.Ширак выступил за отсрочку вступления Союза в силу (предусмотренного в Маастрихте на 1997 г.) до 1999 г. Впрочем, поскольку на Европейском Совете в Каннах соответствующее решение было принято большинством участников, предложение Ширака вписалось в общую тенденцию.

Европейское строительство является средоточием магистральных линий голлистской внешнеполитической концепции. По замыслу де Голля, формула западноевропейской интеграции должна была отвечать триединой идее: независимость и величие Франции могли воскреснуть лишь в опоре на единую и сильную Малую Европу, опирающуюся на государства-нации. При этом голлистский национализм и заложенная в основание европеистской интеграции идея наднациональности (какой она представлялась французским отцам-основателям ЕЭС, в частности, Ж.Монне и М.Шуману) далеко не всегда могли гармонично сосуществовать. Напряжённость этого конфликта постепенно ослабевала, особенно в годы правления либерал-центриста В.Жискар д'Эстена и социалиста Ф.Миттерана, изначально гораздо более европеистски настроенных, хотя и не отказавшихся от преемственности общего внешнеполитического курса Пятой республики, намеченного де Голлем. Важнейшим сдвигом в этом направлении стал Маастрихтский договор,

который не был бы заключён в существующем виде, будь у власти во Франции голлисты²¹⁹. Однако именно от этой новой планки интеграции должен был отталкиваться Ж.Ширак, намечая перспективы европейской политики в начале своего президенства, что само по себе определяло «несвободу» европейского выбора Ширака.

В то же время, и это было особенно важно в период борьбы за президентское кресло, в рядах ОНР отсутствовало единство в подходе к европейскому строительству. «Традиционалистское» крыло (Сеген, Паскуа) выступало против усиления наднациональных институтов ЕС, в то время как «реалисты» во главе с Ж.Шираком настаивали на «актуализации» и модернизации голлистского видения европейской интеграции. Речь шла о приспособлении её к новым международным условиям в интересах Франции – того государства-нации, за которое всегда ратовали голлисты, в духе политики самого де Голля, умело использовавшего наднациональные институты Сообществ, когда это было выгодно Франции.

После победы на президентских выборах Ж.Ширак, несмотря на давление традиционалистов, объявляет европейское строительство по графику, намеченному Маастрихтским договором, одним из приоритетов своей внешней политики. Главная причина такого «обращения» голлиста Ширака в европеизм²²⁰ связана со стремлением сохранить мировую роль Франции в новых геополитических условиях. Падение Берлинской стены и в плане окончания холодной войны, и в плане кардинального увеличения веса Германии в Европе и в мире сделала ЕС основной гарантией и опорой сохранения мирового влияния Франции.

²¹⁹ Накануне референдума 1992 г. Ширак высказался за Маастрихтский договор, хотя и с оговорками, а в ноябре 1994 г. он высказался в пользу референдума по вопросу о переходе к единой валюте и вернулся к своему предложению перед президентскими выборами 1995 г.

²²⁰ Речь идёт именно об «обращении», т.е. об отказе от прежних убеждений автора «Призыва из Кошена» (см. выше).

Другая причина связана с необратимостью успехов европейского строительства, увенчанного Маастрихтским договором. Ни один президент Пятой республики, пусть даже изначальный противник интеграции, не имеет средств для противодействия ей. Л.Коэн-Танюжи подчёркивает:

«Хотя внешняя политика Франции при Пятой республике и является сферой особой компетенции главы государства, европейское строительство одновременно слишком тесно связано с национальными судьбами и – парадоксальным образом – слишком автономно в своей динамике, чтобы быть предметом полной свободы действий президента»²²¹. Ж.-Ф.Грибински считает, что это связано с проблемой потери суверенитета, что подразумевалось вступлением в ЕЭС со времени подписания Римского договора 1957 г., даже если первоначально речь шла об ограничениях его лишь в экономической сфере. «Совершенно очевидно, что основополагающие акты Европейского Сообщества имеют мало общего с классическими договорами международного права: не оттого ли, что они учредили институты, которые способны устанавливать юридические нормы, большая часть которых прямо или автоматически применяется внутри юридических систем государств-участников ЕС. Таким образом, Европейское Сообщество, по мере увеличения различных европейских директив и регламентов, всё более предстаёт в качестве *принудительной структуры* (structure contraignante). И ни один правитель...не имеет возможности пренебречь этой реальностью»²²². Думается, этот «принудительный» характер ЕС не сводится к юридическим и нормативным обязательствам. Вопрос лежит в политической плоскости: страна стоит перед сознательным выбором между самостоятельным курсом или неуступчивой позицией в сочетании со стремлением активно влиять на результаты интеграции и

²²¹ Cohen-Tanugi L. La politique européenne de la France à l'heure des choix // PE . – 1995. - N4. - P.857.

²²² Gribinski J.-F. Jacques Chirac et l'Europe : une politique « réaliste » // RI et S. – 1997. – N°25. - P.70. Курсив мой – Е.О.

солидарностью с общим курсом ЕС. Самостоятельность подчас чревата серьёзными экономическими издержками (вспомнить хотя бы опыт первого правительства левых сил 1981-83 гг.). Неуступчивость, которая отличает в частности позицию Великобритании, также подчас приводит к отрицательному экономическому результату. Поскольку Франция превратилась в среднюю державу, не располагающую достаточными средствами для проведения самостоятельного курса без риска маргинализации, она может участвовать в решении важнейших международных проблем (геополитических, стратегических, экономических, экологических) главным образом на региональном уровне, а потому её интересы всё более связаны с ЕС. И эта связь всё более согласуется с голлистскими амбициями. Ж.-П.Буланж заметил, что тот факт, что Европа может являться при президенте-голлисте одной из осевых линий французской политики, показывает, до какой степени европейская интеграция стала «вариантом великого голлистского замысла, соответствующим концу века»²²³. Речь идёт о внутри и внешнеполитических аспектах этого замысла. Действительно, если вернуться к политическому контексту победы Ж.Ширака на выборах, то становится очевидным, что перенесение социальных задач на европейский уровень являлось достойным выходом из трудного положения. Ведь стержневая идея его «большого европейского проекта» - преодоление социального разрыва²²⁴ в масштабе ЕС, могла способствовать смягчению противоречия между двумя императивами начального этапа президентства. Трудно было примирить выполнение главного предвыборного обещания Ширака - «уменьшить социальный разрыв» во Франции с движением к Европейскому экономическому и валютному

²²³ J.-L.Boulanges // La Libération, 26 mars 1996.

²²⁴ La fracture sociale (социальный разрыв – фр.) – так в современной Франции характеризуют возросший разрыв между благополучной частью общества и слоями, находящимися на грани нищеты («новыми бедными»).

союзу, неумолимо навязывавшему сокращение бюджетных расходов. В то же время, идея преодоления социального разрыва на европейском уровне перекликалась с требованием Миттерана придать Европе социальное измерение, а потому выбивала важные козыри из рук политических оппонентов Ширака – социалистов и коммунистов.

Помимо этого, европейская тематика вписывается в очень важную для голлизма проблему роли Франции в обеспечении европейской безопасности. Ж.Ширак вынужден был признать, что все попытки его предшественника создать автономную европейскую оборону, центральное место в которой занимала бы Франция, оказались неудачными и что НАТО остаётся главной структурой обороны в Европе. Поэтому президент предпочёл, чтобы Франция приняла активное участие в «европеизации» НАТО, в создании «европейской оборонной опоры» внутри Альянса, способной уравновесить мощь США в этой организации. Для этого Франция по-прежнему должна оставаться пилотом европейского строительства, что определило европейский выбор Ж.Ширака.

Таким образом, европеизм Ширака диктуется, прежде всего, реализмом и прагматизмом французского президента, это выбор не сердца, но разума, и именно как таковой, он не порывает с голлистской традицией, подчиняя европейскую политику Франции идее утверждения её роли и могущества. В соответствии с этим, европейское строительство должно отвечать двум условиям: Франция должна занимать центральное место в ЕС, который, в свою очередь, должен обладать атрибутами мощного субъекта международных отношений, т.е. стать «Европой-державой» (*l'Europe-puissance*)²²⁵.

С этой точки зрения президенту Франции не к лицу были проявления евроскептицизма, способные создать политический капитал

²²⁵ См. об этом главу 2 § 2.

лидеру голлистов в оппозиции. А.Дюамель, анализируя причины консенсуса, сложившегося по поводу европейского единства во французских правящих кругах, заметил: «Против Европы могут выступить политические, но не государственные деятели»²²⁶. Именно поэтому в сфере европейского строительства между президентом-голлистом и премьер-министром социалистом с начала третьего «сосуществования» (с июня 1997 г. по весну 2002 г.) не существовало принципиальных разногласий.

В то же время, одной приверженностью курсу Маастрихта европейская проблематика президенства Ж.Ширака не исчерпывается. Начало 90-х гг. поставило в повестку дня вопрос о будущем Европейских Сообществ с точки зрения сочетания углубления интеграции с расширением Союза, и Франция по-прежнему претендует на ведущую роль в его решении.

2. Углубление интеграции и расширение ЕС

Решимость Ж.Ширака следовать курсом Маастрихта призвано было подтвердить назначение двух европейцев на высокие министерские посты в правительстве правых сил (1995-1997 гг.): А.Жюппе (ОПР) стал премьер-министром, министром иностранных дел – Э.де Шаретт (СДФ²²⁷). Европеистский курс нового президента после победы на выборах получил поддержку его партии. Ф.Сеген, выступавший против Маастрихта, в январе 1996 г. высказался в пользу евро²²⁸. Партия в целом совершила поворот в сторону европеизма. К Межправительственной конференции ЕС по

²²⁶ Duhamel A. Le consensus européen // Le Point. – 1997. - 7 mai.

²²⁷ СДФ – Союз за французскую демократию – праволиберальное политическое объединение, у истоков которого стоял В.Жиска д'Эстен.

²²⁸ В выступлении на франко-германском коллоквиуме в Экс-ля-Шапель 27 янв. 1996 г. См.: RE et S, N25, printemps 1997. P.69.

пересмотру некоторых положений Маастрихтского договора в ОПР обсуждался проект, в основу которого был положен доклад депутата П.Лелуша²²⁹. Заручившись поддержкой партии, Ж.Ширак выдвинул «большой политический проект для Европы», одним из слагаемых которого было «определение настоящей европейской социальной модели», нацеленной на уменьшение социального разрыва в масштабе ЕС²³⁰. Ж.Ширак стремился найти «третий путь», сочетающий в себе преимущества жёсткой американской системы свободного рынка труда и европейской социальной модели государства всеобщего благоденствия, которую он считает малоэффективной, поскольку она, предоставляя множество льгот безработным, не даёт им стимулов для поисков новых возможностей трудоустройства²³¹.

Возвращаясь к позитивному содержанию европейского политического проекта Ширака, можно выделить три проблемы, стоявшие в центре внимания французского президента с 1995 г. – это расширение ЕС, обновление отношений в франко-германской паре и усиление европейской политической идентичности, т.е. вопросы, связанные с углублением интеграции.

а. Франция и расширение ЕС на Восток

Задаче утверждения роли Франции в ЕС в обновлённом европейском контексте отвечает изменение отношения её правительства к расширению Союза на Восток, отмеченное, впрочем, всё той же двойственностью. Известно, что во время подготовки Маастрихтского договора Ф.Миттерану удалось настоять на принципе единой валюты только в обмен на согласие с

²²⁹ Vers l'Europe que nous voulons: les enjeux de la Conférence intergouvernementale de 1996. Pré-rapport du Groupe de travail RPR. Janv. 1996. – 27 p.

²³⁰ Проект Ширака см.: La Libération, 25 mars 1996.

²³¹ Эта идея была развита Ж.Шираком на встрече Большой семёрки по проблеме занятости в Лилле (апр.1996).

германским проектом постепенной федерализации ЕС и его расширения на страны ЦВЕ. Франция официально не выступала против их присоединения к Союзу, но она по-прежнему проявляла осторожность в этом вопросе. Во-первых, расширение на Восток только усилило бы вес ФРГ в ЕС благодаря историческим связям Германии со странами региона и даже оттого, что присоединение стран ЦВЕ поставило Германию в географический центр единой Европы. Во-вторых, для Франции были очевидны тяжёлые финансовые последствия расширения на Восток. Только распространение общей сельскохозяйственной политики и выгод структурной помощи на Чехию, Польшу, Венгрию и Словакию потребовало бы от Франции, по оценкам экспертов, увеличения взносов в бюджет Сообщества с 90 до 150 млрд. французских франков²³².

Поэтому в течение первого года своего президентства Ж.Ширак, продолжая линию Ф.Миттерана, противился всякому новому расширению Союза до тех пор, пока его институты не будут достаточно усилены, чтобы принять новых членов. В то же время, Ж.Ширак стремился развеять впечатление, что ставшее неизбежным расширение ЕС будет происходить вопреки воле Франции. С лета 1996 г. наметилось серьёзное изменение французских позиций в этом вопросе.

Ж.Ширак проявил тактическую ловкость, заявив в январе и в сентябре 1997 г., во время визитов в Польшу и Венгрию, что Франция положительно относится к их вступлению в ЕС и в НАТО до 2000 года. Миттерана считали нечутким к стремлению стран ЦВЕ в ЕС. Ширак выказал им понимание в этом вопросе, хотя в глубине души разделял мнение своего предшественника²³³. Предложения Миттерана о создании Европейской конфедерации вызвали слишком плохую реакцию в странах ЦВЕ, и поскольку Франция не в силах была помешать их присоединению к

²³² Прат А. Франция в Европе. - М.:Воскресенье, 1996. С.32.

²³³ RIS, N25, printemps 1997. P. 21.

западному сообществу, а США наоборот форсировали расширение НАТО на Восток, Ширак решил отказаться от противодействия этому движению. Незадолго до президентских выборов 1995 г. министр иностранных дел Франции А.Жюппе заявил, что «расширение станет великим делом двух предстоящих десятилетий /.../. Расширение на Восток соответствует нашим ценностям и нашим интересам»²³⁴. Благожелательность нового французского правительства имела целью помешать США выступать в роли лучшего политического и стратегического друга стран Восточной Европы, тем более что американцы предпочитали предоставить странам ЕС первенство в оказании экономической помощи посткоммунистическим государствам, и на национальном уровне в этом деле лидировала Германия²³⁵. Чтобы не отстать от ФРГ, Ширак заговорил даже об усилении «Веймарского треугольника», который, по его мнению, должен тесно связать Польшу с франко-германской парой в роли движущей силы европейского строительства. Французский президент стремился сделаться глашатаем расширения ЕС на Восток. Во время визита в Венгрию (янв.1997) он даже несколько погрешил против истины, заявив, что был «первым европейским руководителем, ратовавшим с 1989 г.» за вступление стран ЦВЕ в ЕС²³⁶. В пользу тезиса о декларативности этой позиции Ширака говорит тот факт, что он не мог не отдавать себе отчёта в нереальности вступления стран ЦВЕ в ЕС к 2000 г. В июне 1996 г. во Флоренции Совет ЕС постановил, что можно ожидать начала переговоров по этому вопросу не раньше аналогичных переговоров с Кипром и Мальтой, т.е. через полгода после завершения Межправительственной конференции ЕС (начавшейся в июле 1996 г. и завершившейся в июне 1997 г.) и в зависимости от её результатов. Франция настаивала на возможности переговоров только в случае, если все страны ЕС достигнут согласия по вопросам его будущего. Кроме того, принимая во внимание непростые

²³⁴ PE, 1995, N1. P. 246.

²³⁵ См.: Hérodote, 1993, N68.

²³⁶ Gribinski J.-L., op.cit. P.74.

условия, выработанные Комиссией по расширению ЕС и экономико-политическое положение в странах ЦВЕ, переговоры с первыми кандидатами на вступление в ЕС вряд ли были бы столь же краткими, как в случае с Австрией, Финляндией и Швецией (всего 13 месяцев). Известно, что соответствующие переговоры с Испанией и Португалией длились почти 7 лет. К тому же, французское требование поставить расширение ЕС на Восток в зависимость от успеха институциональных реформ Союза создавало возможность для дополнительной отсрочки процесса расширения.

Чтобы уравновесить смещение географического центра ЕС в случае расширения его на Восток, Франция стремилась к укреплению сотрудничества с Великобританией и Испанией. Были разработаны совместные оборонные программы Франции, Испании и Великобритании, выше говорилось о франко-британской активности в урегулировании боснийского кризиса в первой половине 90-х годов²³⁷. Отношения с Испанией укрепились благодаря общности подходов к проблемам южного Средиземноморья. Ж.Ширак приложил немало усилий для активизации политики ЕС в этом направлении, особенно до истечения срока французского президентства в ЕС (июль 1995 г.) и при подготовке евро-средиземноморской конференции в Мадриде (декабрь 1995 г.).

В то же время, вопрос о расширении ЕС на восток всё активнее продвигался в повестку дня Сообщества. Большую роль сыграли в этом интересы скорейшего расширения НАТО. Ситуация вокруг югославского кризиса 1999 г., в котором восточноевропейские кандидаты на вступление в НАТО (и в ЕС) продемонстрировали реальное стратегическое значение своей солидарности с действиями Альянса, сковав любые инициативы России в пользу Югославии, подтолкнули расширение ЕС. Парадоксальным образом именно Франции в период её очередного председательства в ЕС (второе полугодие 2000 г.) выпало организовать обсуждение конкретных сроков

²³⁷ См. также ниже: Франко-британское сотрудничество.

вступления новых членов, также как необходимых структурных реформ Союза.

б. Углубление интеграции: от Маастрихта к Амстердаму и Ницце

Ж.Ширак, также как его предшественники, убеждён, что только Европа может умножить возможности Франции играть в мире роль, соответствующую её амбициям. Поэтому, как и де Голля, Ж.Ширака отличает политический подход к европейскому строительству. Для него это строительство должно реализовываться в стремлении правительств ЕС к «реальной коллективной воле»²³⁸, в придании Союзу атрибутов «могущества»(puissance). Однако известно, что среди членов ЕС не существует единого видения его политического будущего в институциональном плане

Успехи европейской интеграции при Ф.Миттеране опирались на франко-германский тандем, но главной точкой преткновения голлистского национализма является федералистская тенденция углубления интеграции, за которую ратовала Германия, поддержанная странами Бенилюкса²³⁹. Поэтому Франция вместе с Великобританией выступает против углубления интеграции за счёт усиления наднациональности, в пользу развития межправительственных и представительных органов Сообщества. В то же время, английское видение будущего Европы, прежде всего как единого экономического пространства («l'Europe-éspace»), которую во Франции называют «беспозвоночной» Европой, совершенно не вписывается в концепцию усиления внешнеполитического могущества ЕС (Europe-puissance, что на русский правильнее было бы перевести «Европа-держава», по аналогии с понятием великой державы) или «Европы как центра силы»,

²³⁸ Duhamel A. //Libération, 21 avril 1996.

²³⁹ Правда, в последнее время наблюдается некоторый отход ФРГ (на федеральном уровне) от этой идеи, в то время как на уровне земель она всё более популярна.

на которую могла бы опереться Франция в утверждении собственного международного веса. Чтобы обеспечить своей стране ведущую роль в европейской интеграции, Ж.Шираку следовало найти пути синтеза близкого ей (в указанном смысле) английского варианта с устремлениями Германии, партнёрством с которой Франции не хотелось рисковать, особенно принимая во внимание стремительное усиление роли ФРГ в Европе. Однако рамки поиска такого синтеза и шансы на успех французских предложений в европейском строительстве были ограничены. Во-первых, признаки внутреннего неблагополучия, выразившегося в парализовавших Францию забастовках осени 1995 г., подрывали возможности Ширака влиять на европейский процесс, во вторых, в европейском замысле современного неоголлизма заложено изначальное противоречие. Франция стремится создать «Европу-державу» в опоре не на наднациональные институты, а на государства-нации, что, по ироничному замечанию Ж.-Л.Грибински, означает «сильную Европу со слабыми институтами»²⁴⁰. Поэтому европейский замысел Ширака казался лишённым собственной динамики и ясности. Оттого главной характеристикой европейской политики Ширака стал "реализм", приспособление к требованиям времени, а сама эта политика имела в тот период скорее «реактивный» характер. Она отвечала текущим задачам и событиям, и её следовало вписать в единый политический замысел, нацеленный на длительную историческую перспективу. Видимо, именно поэтому создавалось впечатление, что некоторым инициативам французского президента намеренно был придан декларативный характер. Так, центральной идеей его политического европейского проекта являлось преодоление социального разрыва, но в проекте не содержалось программы реализации этой инициативы. Более того, высказавшись за подписание социального протокола в рамках Амстердамского договора 1997 г., Франция

²⁴⁰ Автор перефразирует лозунг Миттерана: "A une Europe plus large - les institutions plus fortes" (расширенной Европе – усиленные институты). Gribinski J.-L., op.cit. P. 75.

воспротивилась включению в него новой главы относительно Пакта занятости (*Union pour l'emploi*), который мог бы способствовать преодолению социального раскола, поставив занятость в ряд приоритетов ЕС²⁴¹.

Придав европейскому строительству новый импульс заключением Маастрихтского договора, Ф.Миттеран сохранил осторожность в вопросе передачи суверенитета органам Сообществ. Однако в середине 90-х годов обнаружилась политическая слабость ЕС и в урегулировании конфликтов в бывшей Югославии, и в зонах постоянных европейских интересов – на Ближнем Востоке и в Африке. Кроме того, стало очевидным, что искомая реформа НАТО невозможна без совместных усилий большинства европейских стран, что введение европейской валюты требует решения вопроса о полномочиях наднациональных органов в экономической политике стран участниц и ЕС в целом, что расширение на Восток может оказаться губительным для Союза, если он предварительно не завершит институциональную перестройку.

Словом, назрела необходимость придать большую связность творению Маастрихта, наметить очертания Европы XXI века, что продиктовало созыв Межправительственной конференции ЕС в 1996 г. Она начала работу в Турине 29 марта, затем продолжила её в Амстердаме 17 июля 1997 г. и завершилась подписанием Амстердамского договора 2 октября 1997 г. Предложения Франции к этой конференции несли печать присущих Франции колебаний²⁴², усиленных голлистским акцентом. Социалист М.Рокар,

²⁴¹ См. критическое выступление Э.Гигу: Guigou E.//Le Monde, 12 oct.1996. Э.Гигу – ФСП, министр юстиции в правительстве Л.Жоспена, при Миттеране – советник президента и Генеральный секретарь межминистерского комитета по вопросам европейского экономического сотрудничества.

²⁴² На Европейском совете 1991 г. из 12 стран на вопрос председателя Комиссии Ж.Делора об отношении к трём сферам совместной компетенции (экономика, внешняя политика, внутренняя политика и права человека) 9 стран высказались за их передачу в компетенцию органов Сообщества, Великобритании и Дании – за то, чтобы две новых сферы не подлежали компетенции органов ЕС, но управлению межправительственных органов, а Франция (Р.Дюма) воздержалась. В результате архитектура Маастрихта осталась неопределённой, а Союз не получил настоящих механизмов для деятельности в двух новых сферах, предусмотренных договором: внешней политики и политики безопасности (PESC-фр.) и внутренней правовой политики.

анализируя позицию Ширака, писал: "Франция почти нема"²⁴³. Не вдаваясь в подобные преувеличения, понятные в устах лидера оппозиции, пожалуй, следует согласиться с теми исследователями, которые отмечают несколько противоречивый и формальный характер европейского проекта Ж.Ширака²⁴⁴. Достижения европейского строительства начала 90-х годов высоко подняли планку интеграции, и их развитие всё более затрагивало суверенитет государств-членов. Проблема сохранения национального суверенитета и национальной идентичности является одной из болевых точек голлизма, следовательно, трудно было бы ожидать от Ж.Ширака инициатив в федералистском духе, которому всё более подчинена логика евростроительства. Поэтому формальный активизм Ширака был призван компенсировать его сдержанность в сфере углубления интеграции.

К таким «компенсирующим» жестам относится стремление Ширака выступать на мировой арене от имени всей Европы, даже если европейские партнёры с ним не согласны. Особенно это проявлялось в отношениях с США, в заявлениях по урегулированию арабо-израильского конфликта, когда французский президент озвучил желание европейцев участвовать в переговорах. После возобновления Францией ядерных испытаний Ширак заговорил о согласованном европейском ядерном сдерживании: модернизация французского ядерного оружия должна была служить европейской ядерной обороне (правда, пока только гипотетической).

Возвращаясь к французским предложениям к Межправительственной конференции, необходимо подчеркнуть, что в самом отсутствии связности французской европейской программы прослеживается влияние постоянной линии Франции, со времён де Голля направленной против усиления наднациональности в Сообществе.

²⁴³ Rocard M. Les cinq cent jours de la diplomatie de J.Chirac// RI et S. – Printemps 1997 - N25. - P.35.

²⁴⁴ Например, см.: Gribinski J.-L. Jacques Chirac et l'Europe // RI et S. – Printemps 1997. - N25.

Позиция Франции в отношении реформы европейских институтов противостояла проектам федералистов (прежде всего стран Бенилюкса и Германии), стремящихся усилить роль Комиссии Европейских Сообществ (КЕС). По их мнению, подотчётность Комиссии Европарламенту способствовала бы усилению легитимности её деятельности. В предложенной конструкции Совет должен был стать органом, подобным верхней палате парламента (чем-то вроде Сената)²⁴⁵. Иную точку зрения представляла Великобритания, которую удовлетворило бы видение Европы, как единого рынка. Французская позиция, высказанная в частности в докладе П.Лелуша²⁴⁶, который лёг в основу линии Ширака, характеризуется, прежде всего, упорным неприятием превосходства институтов Сообщества над межправительственными органами. В докладе Лелуша сказано: «Не может быть и речи о том, чтобы создать европейское сверхгосударство/.../. С институциональной точки зрения центр политической гравитации (ЕС) не должен сосредотачиваться в паре Комиссия-Европарламент/.../, но, наоборот, в представительных органах государств, которые только и являются источником демократической легитимности Союза, т.е. в Совете и в парламентах»²⁴⁷.

Конкретные предложения Франции сводились к следующему:

- Францию не устраивало постоянное стремление Комиссии идти дальше полномочий, которые ей законно приданы основополагающими документами ЕС. По мнению Ж.Ширака, КЕС должна остаться органом, вносящим предложения, в то время как принятие решений остаётся за Советом ЕС; Комиссия должна получать от Совета императивный мандат;
- национальным парламентам следует поставить европейские органы под свой контроль;

²⁴⁵ В частности, это предложение изложено в европейской программе ХДС-ХСС, опубликованной в дек.1994 г.

²⁴⁶ О происхождении доклада см. выше.

²⁴⁷ Vers l'Europe que nous voulons: les enjeux de la Conférence intergouvernementale de 1996. P. 9.

- для этого необходимо учредить Парламентскую конференцию, состоящую наполовину из членов Европарламента, наполовину из депутатов, назначенных национальными парламентами, что в глазах Франции усилило бы легитимность Европейского сообщества.

- Французский проект поднимал также вопрос о председательстве в Комиссии: оно ограничено полугодом, что было целесообразным, когда в ЕЭС было шесть членов. Но с увеличением числа членов до 15 и далее полугодовой мандат оказывается слишком коротким для того, чтобы обеспечить преемственность деятельности. Кроме того, в области внешней и оборонной политики, где председательствующий должен представлять ЕС на международной арене, “чередование политических деятелей с ограниченным мандатом не может обеспечить Европе заслуживающий доверия имидж”²⁴⁸. Поэтому Франция предложила, оставив в управлении Общим рынком прежний принцип, учредить должность комиссара ЕС по внешней политике и политике безопасности - “M. ou M-me PESC”. Социалист М.Рокар посчитал это предложение «закамуфлированным отказом» от совместной выработки и проведения под единым руководством внешней и оборонной политики ЕС²⁴⁹. Тогда оно не встретило также особой поддержки у партнёров Франции. Снижая роль председателя Комиссии, введение нового поста усложняло конструкцию европейского здания: оставалось непонятным, кто будет в таком случае ключевой фигурой ЕС: председатель Комиссии или уполномоченный по внешней и оборонной политике? Между тем, в ответ на уступки по вопросам организации ЭВС в пользу германской позиции, Франции удалось добиться формальной победы в этом вопросе: Амстердамский договор предусматривал утверждение должности

²⁴⁸ Прат А. Франция в Европе.- М.: Воскресенье, 1996, с.103.

²⁴⁹ Rocard M., Les cinq cent jours..., op.cit. P.35.

Генерального секретаря ЕС, ответственного за совместную внешнюю и оборонную политику²⁵⁰.

* * *

Что касается будущей архитектуры Европы, то французское правительство, считая, что речь идёт о длительном и плохо предсказуемом процессе, выдвинуло идею «трёх кругов»: первый – это круг стран-членов ЕС, второй – внешний круг партнёрства и третий – круг стран ЕС, связанных отношениями «усиленной солидарности» (*solidarité renforcée*)²⁵¹. Сопоставляя эту идею с немецким планом создания «твёрдого ядра» и периферийных кругов европейского единства, французы настаивали на кардинальном различии между понятиями «усиленной солидарности» и «твёрдых ядер»: последнее они считали закрытым и «сосредоточенным на себе самом», в то время как план Франции означал усиленную солидарность между пилотами европейской интеграции, в частности между Германией и Францией, открытую для присоединения других стран, а потому способную стать двигателем политической конвергенции внутри ЕС. Франция предложила учредить Европейскую конференцию с участием членов ЕС и стран-кандидатов, в рамках которой все кандидаты получили совещательный голос. Реализация этого предложения стала успехом французской дипломатии.

Для примирения двух линий развития ЕС – его расширения и углубления – А.Жюппе предлагал Союзу сосредоточить свои действия на тех направлениях, где интеграция оказывается эффективнее национальной политики (в духе принципа субсидиарности) и стимулировать те страны, которые готовы дальше двигаться вперёд, а не отстающие, составляющие негативное исключение. Движение вперёд предусматривало создание

²⁵⁰ СВПБ – совместная внешняя политика и политика безопасности (фр. – PESC – Politique étrangère et de sécurité commune). В 1999 г., после косовской операции НАТО, первым на этот пост был назначен Х.Солана, бывший Генеральный секретарь НАТО.

²⁵¹ PE, 1995, N°1. P.247.

экономического и валютного союза (ЭВС – UEM)²⁵² и стремление к единой внешней политике и политике безопасности (PESC)²⁵³.

* * *

Учреждение Экономического и валютного союза было одним из достижений Ф.Миттерана, стремившегося таким образом “связать” возросшую экономическую мощь объединённой Германии в Европе. По сути, ЭВС означает отказ стран-участниц от одного из главных слагаемых суверенитета – независимой валютно-финансовой политики. Между тем, реализовать идею этого союза предстояло голлисту Ж.Шираку. До своего избрания президентом Ж.Ширак в целом принимал идею ЭВС, но настаивал на проведении национального референдума по этому вопросу. Но став президентом, он отказался от референдума и высказался за сокращение бюджетного дефицита, необходимого условия перехода к евро с 1 января 1999 г.²⁵⁴. Франция и Германия были согласны в том, что ЭВС должен способствовать углублению политической интеграции, однако вплоть до саммита ЕС в Люксембурге²⁵⁵ они расходились в вопросе о контроле над Центральным европейским банком (ЦЕБ).

Франция стремилась ограничить наднациональный характер институтов валютного союза. При обсуждении Пакта стабильности и будущего ЦЕБ накануне Европейского совета в Дублине (во время неоднократных встреч с Г.Колем) Ж.Ширак, вразрез с позицией Германии, отстаивал принцип политического межправительственного контроля над деятельностью ЭВС. Германия выступала за включение в Пакт стабильности санкций против страны, не соблюдающей экономические критерии, предусмотренные Пактом. Начиная с П.Береговуа, французы называли

²⁵² UEM – Union Economique et Monétaire.

²⁵³ PESC – Politique étrangère et de securité commune.

²⁵⁴ 26 октября 1995 г. См.: Le Monde, 27 oct. 1995.

²⁵⁵ 12-13 декабря 1997 г.

искомый межправительственный орган “экономическим европейским правительством”.

Кроме того, Франция хотела сохранить за Экономическим и финансовым советом, состоящим из министров экономики и финансов стран-участниц, контроль над обменным курсом евро. Этот “Совет евро” должен был стать “политическим собеседником” ЦЕБ.

Таким образом, Франция стремилась обеспечить примат политических, межправительственных органов над технократическим ЦЕБ, в то время как Германия хотела распространить на бюджетную политику стран ЕС логику “автопилотажа”²⁵⁶, изъяв эту политику из сферы политических амбиций и страстей на национальном и на европейском уровне.

На Брюссельской встрече в верхах в мае 1998 г. по вопросу о ЦЕБ Ж.Ширак высказался против подотчётности управляющего ЦЕБ главам центральных банков стран-членов союза в пользу его подотчётности главам государств и правительств или парламентским представителям, т.е. национальным представительным органам (Европейскому совету, Совету министров экономики и финансов, Европейскому или национальным парламентам).

В 1997 г. Франция согласилась подписать Пакт стабильности только в обмен на обещание Коля создать “политический противовес” ЦЕБ. Она предложила учредить политический орган, наделённый широкими полномочиями по контролю над деятельностью Банка – “Совет стабильности”. Кроме того, Ж.Ширак считал, что хотя директор ЦЕБ должен быть независимым от правительств, его кандидатуру следует обсуждать главам национальных центробанков после консультаций со своими правительствами²⁵⁷. Таким образом, Франция стремилась вывести ЦЕБ из-под контроля технократических и наднациональных органов. Однако

²⁵⁶ Adréani G. L'Europe des incertitudes.// Commentaire. - Printemps 1999. - № 85. P.24.

²⁵⁷ Le Figaro, 4 mai 1998: Выступление Ж.Ширака на TF-1 (3 мая 1998 г.).

французскому президенту не удалось настоять на своих предложениях: Пакт стабильности, подписанный министрами экономики и финансов стран ЕС в апреле 1996 г. в Дублине, является соглашением о строгом соблюдении бюджетной дисциплины 15-тью странами ЕС для ограничения роста бюджетного дефицита. Пакт предусматривал, что к стране-нарушителю, в которой инфляция будет превышать 3% ВВП, будут применяться автоматические санкции, однако, по настоянию Ширака (оппонентом которого был Г.Коль) было условлено, что санкции не будут применяться автоматически, но должны стать предметом политического решения Европейского совета. Бонн пошёл на смягчение своей позиции в этом вопросе ещё и по причине собственных экономических трудностей, тем более что социал-демократы ФРГ считали абсурдным вырывать бюджетные проблемы из социального контекста. По этому поводу они подписали совместную декларацию с французской Социалистической партией (СП).

ЦЕБ стал институтом, определяющим кредитно-денежную политику ЕС и независимым как от правительств стран-членов, так и от политических органов ЕС. Основной его целью является поддержание стабильного уровня цен в зоне евро. Создание Экономического и валютного союза усилило движение ЕС в сторону наднациональности: не только валютная, но и бюджетная политика Франции зависит отныне от деятельности ЦЕБ, решения в котором принимаются простым большинством и потому не определяются мнением представителей национальных банков. С целью обеспечения автономности деятельности ЦЕБ, члены директората получают на восемь лет мандат, не подлежащий продлению²⁵⁸. Проводя единую кредитно-денежную политику, ЦЕБ получает контроль над государственными финансами, валютными запасами и платёжным балансом

²⁵⁸ Директорат состоит из президента, вице-президента и 4-х членов. Также ЦЕБ управляет Совет управляющих, куда помимо членов директората входят 12 управляющих центробанками стран-участниц. Каждый член Совета располагает одним голосом, поэтому директор Люксембургского кредитно-денежного института, не являющегося даже центральным банком, имеет тот же вес, что и директора французского или Бундесбанка. См.: Прат А., ук. соч. С.44.

страны, а значит, ограничивает её суверенитет в налоговой и социальной сфере. Таким образом, ЭВС представляет собой пример полной передачи на европейский уровень сферы компетенции, причём, этот новый механизм детально определён. В то же время, его политический противовес – Совет евро, созданный по настоянию Франции благодаря её компромиссу с ФРГ, оставался неопределённым институтом.

Не было учтено также ещё одно важное условие Франции, правда, выдвинутое практически накануне Амстердама новым правительством социалистов. В своей предвыборной программе 1997 г. французские социалисты отдавали приоритет евростроительству, настаивая на гибком подходе к реализации принципов Маастрихта, на расширении круга участников единой валюты и на замене критериев строгой бюджетной экономии критериями солидарного роста и скоординированной политикой в сфере занятости и социального прогресса²⁵⁹. Однако Л.Жоспен выступил с критикой дублинского Пакта стабильности, считая его «чем-то вроде супер-Маастрихта, абсурдной уступкой в пользу немцев или определённых кругов в Германии. Поэтому, - заявлял лидер социалистов, - у меня нет причин считать себя связанным этим (пактом)»²⁶⁰. Это заявление не могло не вызвать опасений у европейских партнёров Франции, однако всё было за то, что новое правительство Л.Жоспена не пойдёт на риск противостояния внутри ЕС, тем более, что окружение премьер-министра, в том числе Ж.Делор (бывший председатель Европейской Комиссии) дало понять, что Жоспен стремится главным образом к лучшей координации экономической политики в зоне евро. Пакт стабильности предусматривал, что координация будет обеспечиваться Советом стабильности, объединяющим министров финансов зоны евро. СП желала добиться гарантий, что в число приоритетов будет

²⁵⁹ Le Monde, 3 mai 1997; Le Figaro, 14, 20 mai 1997.

²⁶⁰ Le Monde, 21 mai 1997.

включён и социальный аспект, в особенности проблема занятости²⁶¹. Группа Ф.Сегена из голлистской ОПР вместе с ФСП считала компромисс, достигнутый на Дублинском совете, недостаточным, поскольку осталось невыполненным одно из ключевых требований Франции о создании наряду с ЦЕБ «экономического правительства». По этому поводу Ж.Делор заявил: «15 должны дополнить правила бюджетной дисциплины применением ст.103 Маастрихта, которая предусматривает, что Европейский совет каждый год будет принимать общие направления экономической политики и средства для её реализации»²⁶².

Правящая до мая 1997 г. правая коалиция выступала за активное продвижение евростроительства при ведущей роли Франции, за введение евро 1 января 1999 г. и за развитие социальной Европы. Что касается последнего тезиса, то Жоспен по сути конкретизировал намерения Ширака.

Поэтому естественно, что смена правящего большинства не привела к серьёзным изменениям внешнеполитического курса. Новый премьер-министр Л.Жоспен, выступая перед Национальным собранием с правительственной декларацией, 19 июня 1997 г., заявил: « Политика, которую я намерен проводить на европейском направлении в рамках моей компетенции, нацелена на укрепление Европейского союза при условии, что он будет, прежде всего, служить народам, которые его составляют»²⁶³, и акцентировал внимание на стремлении нового правительства придать евростроительству больший социальный характер. Министр по европейским делам П.Московичи, вторя ему, заявил: «Главное отличие состоит в нашем стремлении сделать Европу пространством солидарности и социального сплочения, а не просто зоной свободной торговли»²⁶⁴. Новый премьер-министр выдвинул 4 условия перехода к евро:

²⁶¹ Le Monde, 5 juin 1997.

²⁶² Le Monde, 2 juin 1997.

²⁶³ Le Journal Officiel. Debats Parlementaires. – 1997. - N13. P. 10.

²⁶⁴ PIC, Bulletin du Ministère des Affaires étrangères. 3 avril 1998. P.12.

- включение в зону евро стран Южной Европы,
- адекватный паритет по отношению к японской йене и к доллару США,
- создание «экономического правительства» в противовес ЦЕБ²⁶⁵,
- управление зоной евро должно принимать в расчёт не только необходимость бюджетной стабилизации, но и социальные вопросы, в особенности проблему занятости²⁶⁶.

Однако, несмотря на поддержку в этом вопросе со стороны социалистов Европы, пришедших к власти в большинстве стран ЕС, это стремление Франции не продвинулось в своей реализации: на Амстердамском саммите ЕС в июне 1997 г. был принят лишь декларативный документ о социальных задачах Союза: о координации политики занятости, о минимальных стандартах в области здравоохранения, о гармонизации экологических критериев, о правовом равноправии мужчин и женщин.

Несмотря на то, что в итоге архитектура Валютного союза далеко не во всём отвечала французским предложениям, Ширак остаётся приверженцем ЭВС. Причины этой приверженности и прагматические, и политические. С прагматической точки зрения, жёсткое соблюдение императивных критериев Маастрихта соответствует неолиберальному) стремлению французских правящих кругов к модернизации экономики страны и к сокращению бюджетного дефицита. Проводником этой политики Ж.Ширак являлся ещё будучи премьер-министром при Миттеране (1986-1988 гг.). В 1998 г. он заявил: "То, что Франция смогла соответствовать этим критериям, важно/.../, потому что это – правила хорошего управления"²⁶⁷. В условиях глобализации потеря части национального суверенитета становится не столь драматичной, в то время как всё менее приемлемой становится

²⁶⁵ Эта идея не нашла сторонников среди социалистов Европы.

²⁶⁶ 4 условия выдвинуты на встрече 9-ти глав социалистических правительств стран ЕС в Мальмо, 5 июня 1997. См.: Le Monde, 7 juin 1997.

²⁶⁷ Chirac J. La conférence de presse du Président de la République. 26 avr. 1998.

опасность в одиночку противостоять финансовым рискам и международной конкуренции.

С политической точки зрения ЭВС является одним из рычагов усиления роли ЕС в мире, особенно перед лицом экономической мощи США и азиатских стран. Соглашаясь с этой позицией президента, Л.Жоспен взял на вооружение тезис (выдвинутый министром иностранных дел Ю.Ведрином), что евро играет решающую роль в рождении «Европы-державы»²⁶⁸.

В то же время, голосование Национального собрания 22 апреля 1998 г. по вопросу введения евро в банковских расчётах с 1 января 1999 г. обнаружило рост евроскептицизма в правящей элите: СП и СДФ голосовали за, ФКП, часть экологов и движение Ж.-П.Шевенмана, а также сторонники председателя ОНР Ф.Сегена выступили против²⁶⁹. Последовательная реализация перехода к единой европейской валюте в течение последующих лет облегчила Франции отказ от франка с 1 января 2002 г. Решение об этом было принято на Совете министров Франции 22 декабря 2000 г. Уже с 1 июля 2001 г. жалование государственным служащим стало выплачиваться в европейской валюте. Бюджет 2002 г. верстался исключительно в евро²⁷⁰.

* * *

Второй после ЭВС сферой «усиленного» сотрудничества и одной из новых «опор» (piliers) Сообщества, предусмотренных Маастрихтом, является внешняя политика и политика безопасности (ЕВПБ – PESC-фр.). В европейском проекте Ж.Ширака этой сфере отводится важная роль в утверждении европейского могущества (или «Европы-державы»). По словам премьер-министра А.Жюппе, «Европа должна обязательно обладать

²⁶⁸ La Libération, 30 août 1997.

²⁶⁹ ОНР поэтому воздержалось при голосовании (по призыву Жюппе) : Le Monde, 24 avril 1998.

²⁷⁰ Заявление министра финансов Франции Л.Фабиуса 22.11.00:
<http://news.lycos.de/news/fr/textidx.asp?cat=Politique&P.../200011222008MAW1181.ht>

военными возможностями в поддержку своих политических инициатив»²⁷¹. Уже говорилось, что Ж.Ширак предложил, чтобы олицетворением европейского единства в этой сфере стал «Высший представитель Союза» («M.PESC»). Французский президент считал, что отсутствие такого лица (кого-то вроде Генерального секретаря ООН) было одной из причин неудачи ЕС в урегулировании Боснийского кризиса²⁷².

Развивая эти предложения, новый премьер-министр Л.Жоспен выступил за расширение круга вопросов, по которым в ЕС принимаются решения квалифицированным большинством, на область внешней и оборонной политики, за подкрепление деятельности Европейского совета Советом ЗЕС (не на министерском, но на высшем уровне), за применение в ЗЕС принципа “конструктивного уклонения” при голосовании, предусмотренного Амстердамским договором²⁷³.

Вместе с тем, возможность реализации единого внешнеполитического курса ЕС в ближайшем будущем подвергалась во Франции сомнению. В условиях, когда по многим международным проблемам взгляды большинства европейских партнёров расходились с позицией Франции, многие задавались вопросом о том, целесообразно ли для неё настаивать на совместной внешней политике, если она неизменно оказывается в меньшинстве и находит меньше сторонников, чем Германия или Великобритания – “два верных лейтенанта Соединённых Штатов”²⁷⁴. В особенности остро встали эти вопросы в связи с французским протестом против американских бомбардировок Ирака в феврале 1998, когда в СБ ООН Франция, Россия и Китай осудили действия США, а другие страны ЕС присоединились к единоличному решению Клинтона. По этому поводу А.Пейрефит пишет: “Нам следует осторожно относиться к созданию механизмов проведения совместной внешней

²⁷¹ Juppé A. Quel horizon...? P.248.

²⁷² RE et S, N25, print. 1997. P.76

²⁷³ Jospin L. La politique de défense de la France// DN. – Novembre 1997. P.13.

²⁷⁴ Точка зрения, высказанная, в частности, автором «Европы на пути к войне», историком П.-М.Куто и А.Пейрефитом в «Фигаро»: Le Figaro, 17 juin 1997, 24 fevr.1998. Цитата из ст.Куто.

политики ЕС, т.к. мы не знаем, какой линии эти институты будут придерживаться. Здесь содержание должно предварять форму. Если речь идёт только о том, чтобы следовать за Вашингтоном, то неважно, сделает ли это каждый за себя или все вместе. Но если речь идёт о том, чтобы своей позицией заявить о существовании многополярного мира, тогда – да, Союз может заявить о себе»²⁷⁵.

Переходя к вопросу о совместной политике безопасности, следует отметить, что особую сложность представляет достижение согласия между несколькими подходами к этому вопросу внутри ЕС. К.Лалюмьер напомнила, что ЕС предстоит найти выход из разногласий между странами, приверженными своему нейтралитету (Австрия, Швеция, Финляндия, Ирландия), и приверженцами системы коллективной обороны, тем более что последние разделены на тех, кто предпочитает НАТО, и тех, кто настаивает на автономной европейской обороне²⁷⁶.

Для Франции главный интерес представляет в этой связи вопрос о взаимоотношениях ЗЕС и НАТО и о возможности превращения ЗЕС в действенный и автономный орган европейской безопасности. Таким образом, решение проблемы перемещается в плоскость евро-атлантической проблематики, а потому зависит не только от декларированной решимости стран ЕС. В этой же связи для Франции встаёт вопрос о её отношении к военной организации НАТО, и как мы видели, вопрос этот не имеет простого решения²⁷⁷. С одной стороны, Франция стремится освободить европейскую оборону от американской зависимости, сделав ЗЕС действенным военным инструментом политики безопасности. С другой стороны, она вынуждена признать, что именно в НАТО сосредоточены нити решения проблем европейской безопасности и в плане разрешения конфликтов, и в плане усиления европейской идентичности европейской

²⁷⁵ Le Figaro, 24 février 1998.

²⁷⁶ Lalumière C. Quelques remarques à propos de la CIG //La Tribune franco-allemande. - Mai 1996. - N9. P. 33.

²⁷⁷ См. выше: Часть 2, глава 2.

обороны. Франция руководствуется в своих стремлениях двумя соображениями: во-первых, это опасения, что США могут вернуться к изоляционизму и/или своими единоличными решениями ввергнуть Европу в конфликт, все издержки которого она будет должна нести самостоятельно; во-вторых, неудача попытки Франции вернуться в военную организацию НАТО «на коне» показала, что США не будут считаться с французскими амбициями, и потому лишь в европейском концерте ей может быть уготована первая скрипка.

Отсюда происходит озвученное А.Жюппе стремление Франции «в краткосрочной перспективе усилить единственный реальный институт проведения ЕС политики безопасности – ЗЕС, придав ему средства для эффективного проведения операций по поддержанию мира и оказанию гуманитарной помощи». Речь идёт в первую очередь о системах космического наблюдения²⁷⁸, о создании многонациональных сил и о возможности использовать под командованием ЗЕС некоторые силы и средства НАТО. «Европейцы не должны больше упускать возможности действовать/.../, как это было в Руанде, где Франция должна была вмешаться в одиночку; они не должны также оказываться в ситуациях, когда они будут вынуждены просить помощи у американцев»²⁷⁹.

Некоторые шаги в направлении реанимации ЗЕС были предприняты на Берлинском саммите НАТО в июне 1996 г. Согласно его решениям, силы НАТО могут быть переданы в распоряжение ЗЕС для проведения операций под его политическим контролем и стратегическим руководством. Однако сохранялось одно важное ограничение: необходимость решения Североатлантического совета, который будет наблюдать за их применением. Таким образом, США могут доверить европейцам проведение некоторых операций, в которых сами они не хотят участвовать, но сохраняют контроль

²⁷⁸ О совместном финансировании такой системы была договорённость с ФРГ, от чего немцы вскоре отказались, предпочитая полагаться на американскую систему разведки (см. главу 4).

²⁷⁹ Juppé A. Quel horizon pour la politique étrangère de la France? // PE. - Printemps 1995. N°1. P.248-249.

над политическим разрешением ситуации. Франция вынуждена была согласиться с этим условием, считая решения Берлинского саммита определённым достижением на намеченном пути.

Саммиты НАТО уточнили впоследствии концепцию Группы многонациональных межармейских сил (GFIM-фр.). Речь идёт о придании Альянсу более гибкого и более эффективного способа ускоренной мобилизации сил. Для этого намечалось провести внутреннее реформирование штабов с целью сократить их число. На Группу многонациональных сил возложена двойная задача: коллективная оборона и выполнение миссий по поддержанию мира и урегулированию кризисов. К концу 1997 г. были созданы три узловых штаба Многонациональных сил, что также должно было способствовать взаимодействию НАТО с ЗЕС и облегчить участие в этих операциях стран, входящих в ЗЕС, но не в НАТО (Франции и до января 1999 г. - Испании)²⁸⁰.

Позиция Франции натолкнулась на сопротивление Великобритании, которая не желала доверять ЗЕС проведение операций Многонациональных сил. Однако в пользу французской позиции высказался Брюссельский Совет НАТО (дек.1996), согласившийся с развёртыванием штабов этих сил в первую очередь для проведения операций, не предусмотренных ст.5 Вашингтонского договора²⁸¹.

В то же время, Франции не удалось добиться европеизации региональных командований НАТО²⁸². Она вынуждена была отказаться от возможности создания европейской оборонной идентичности вне НАТО. «Простая логика не позволяет об этом думать: если наши европейские союзники столь мало нас поддержали в конкретизации этого проекта внутри НАТО, нельзя надеяться на какую бы то ни было поддержку подобного

²⁸⁰ Assemblée Nationale. Avis présenté au nom de la Commission des Affaires étrangères sur le projet de loi de Finances pour 1998(N230). Nov/ 1997. T.V. Défence. P.21-22.

²⁸¹ Вмешательство в случае агрессии против страны-участницы или против её ВС.

²⁸² См. : Глава 4.

проекта вне НАТО», - заявил в Национальном собрании докладчик Комиссии по иностранным делам Ж.Мегар²⁸³. Кроме того, после Амстердамской конференции ЕС и Мадридского саммита НАТО стало ясно, что «военная сфера ЕС остаётся очень отдалённой перспективой»²⁸⁴. Однако, Франция и впредь собиралась настаивать на разделении ответственности внутри НАТО в интересах европейцев. При этом, отказавшись от возвращения в военную организацию НАТО, чтобы «распоряжаться своей судьбой»²⁸⁵, она хотела по-прежнему сохранить автономию принятия решений, не отказываясь от идеи евро-американского партнёрства: «В мире возросшей взаимозависимости евро-американское партнёрство в конечном счёте столь же необходимо Альянсу, сколь и стратегическому единству Европы»²⁸⁶. Логическим продолжением этого вывода стала позиция Франции в Косовском кризисе конца 1998-1999 гг.²⁸⁷

Важным достижением на пути к созданию общей внешней и оборонной политики ЕС явилось сближение позиций Франции и Великобритании, закреплённые в франко-британской Декларации Сан-Мало (дек.1998). Ж.Шираку удалось настоять на признании Великобританией необходимости автономной европейской обороны и внешней политики. Т.Блэр заявил, что «для Европы жизненно необходимо иметь собственный голос в международных делах»²⁸⁸. Т.Блэр и Ж.Ширак не исключали возможности проведения военных акций силами европейцев, причём Европа должна была «действовать в институционных рамках ЕС», т.е. Европейского совета и Совета министров обороны²⁸⁹. Вначале это признание расценивалось скорее как достижение на вербальном уровне, но инициативы Р.Кука и Ю.Ведрина, подготовившие встречу в Рамбуйе по Косово в начале 1999 г., говорили о

²⁸³ Assemblée Nationale..., ibid., p. 22.

²⁸⁴ Ibidem.

²⁸⁵ Ibidem.

²⁸⁶ Gnézotto N. Après Amsterdam, après Madrid: la stratégie du "gros dos" // La France et sa défense. Cahiers français. -1998. - N283. P. 46.

²⁸⁷ См. ниже, Глава 5.

стремлении двух стран проводить европейскую политику безопасности, противопоставить переговорный процесс американской тактике силового давления.

Военная операция 1999 г. против Югославии обнаружила неспособность ЕС вести самостоятельные операции по урегулированию кризисов, что заставило вновь вернуться к вопросу о европейской оборонной идентичности. Для этого надо было решить три группы проблем: единство воли, действенные механизмы управления и эффективные силы и военно-технические, в том числе разведывательные.

Для решения этих задач был созван Европейский совет в Кёльне (3-4 июня 1999). На нём были определены цели, которыми ЕС будет руководствоваться в урегулировании кризисов и военные средства для их реализации (национальные ВС или их сочетание, либо силы НАТО). Кёльнская декларация подчёркивала необходимость создания сил и механизмов быстрого реагирования на кризисы. «Для этой цели Союз должен обладать автономией, обеспеченной надёжными военными формированиями, и располагать структурами, с помощью которых он может принимать решение об использовании военной силы... *независимо от действий, предпринимаемых НАТО*»²⁹⁰.

Большое внимание в Кёльне было уделено “невоенному ответу на кризисы” и помощи терпящему военные бедствия гражданскому населению. Было решено оказать финансовую помощь странам, вовлечённым в конфликты, включая косовский, по обустройству лагерей беженцев, а также по экономическому возрождению и социальному развитию Боснии и Герцеговины²⁹¹. На Кёльнском саммите было заявлено о намерении ЕС играть ведущую роль в послевоенной экономической

²⁸⁸ Le Monde, 4-5 dec.1998.

²⁸⁹ Chirac J. L'Europe unie des Etats // Regard européen. – 1998. - 12/12. - N8. Курсив мой – Е.О.

²⁹⁰ La Déclaration de Cologne: <http://www.diplomatie.gouv.fr/europe/index.html#politique>

²⁹¹ Эта программа принята 27 июля 1999 г.: Le Monde, 28 juillet 1999 .

реконструкции Косово. В рамках работы саммита, 10 июня 1999 г. был подписан Пакт стабильности в Юго-Восточной Европе, и было очевидно, что ЕС будет играть главную роль в его реализации. В своей речи перед Ассамблеей ЗЕС (30 мая 2000 г.) Ж.Ширак подтвердил заинтересованность Франции в этом направлении внешней политики Сообщества: «ЕС должен найти выход из этого эндемического кризиса, т.к. он наносит ущерб самим его основополагающим принципам... Кроме того, только ЕС может принести в этот регион мир и стабильность»²⁹².

В ноябре 1999 г. в Лондоне, на ежегодной франко-британской встрече в верхах главным был вопрос о создании европейского корпуса быстрого развёртывания. Речь идёт о важной для голлистов и для Франции возможности решать проблемы в Европе, не прибегая к американской помощи. Франция предложила создать корпус в 40-60 тыс. человек, как временное объединение отдельных национальных частей, способное осуществить развёртывание в течение 60 дней. Срок разовой операции для этого соединения не должен превышать 1 года.²⁹³

В конце ноября 1999 г. было реализовано одно из предложений Франции - Высокий представитель ЕС по ОВПБ Х.Солана был назначен Генеральным секретарём ЗЕС, что способствовало постепенному слиянию двух организаций.

Совет ЕС в Хельсинки (10-11 декабря 1999) определил инструменты общей политики безопасности. В документах саммита указано, что этот процесс должен был завершиться к концу 2000 г., поскольку ЗЕС “выполнил своё историческое предназначение”. Для обозначения европейской оборонной политики был введён новый термин – PECSD (*politique europeenne commune de sécurité et de défense*) – ОЕПБО – общая европейская политика по безопасности и обороне в поддержку

²⁹² Chirac J., *op.cit.*, p. 2.

²⁹³ Le Monde, 27 novembre 1999.

ОВПБ (общей внешней политики и политики безопасности). Реализация ОЕПБО предусматривала защиту от так называемых «мягких угроз безопасности», покушавшихся не на границы и суверенитет государств-членов, но на здоровье общественного организма, что делало возможным использования европейских сил не только против террористов и наркоторговцев, но и под предлогом защиты прав человека, демократических принципов и т.д.

Таким образом, основными направлениями развития ОЕПБО, определенными в Хельсинки, стали невоенное управление кризисами и обеспечение самостоятельной способности ЕС проводить военные операции по реагированию на кризисы в соответствии с Петербургскими задачами в том случае, “если НАТО не будет вовлечена в их разрешение”²⁹⁴. Для этого предполагалось к 2003 г. создать на базе национальных армий корпус быстрого реагирования в непосредственном подчинении ЕС из 15 бригад (50-60 тыс. человек.)²⁹⁵.

В Хельсинки было решено создать новый институциональный механизм реализации ОЕПБО. 15 стран-членов ЕС договорились «придать Союзу способность принимать решения и предпринимать самостоятельные действия по разрешению кризисов в Европе»²⁹⁶. К марту 2000 г. должны были появиться новые органы при Совете ЕС:

- Комитет по политике и безопасности из представителей стран-членов ЕС для рассмотрения всех вопросов, относящихся к ОВПБ, в том числе и по ОЕВПБ;
- Военный комитет в составе военных представителей стран-членов (в том числе на высшем военном уровне в случае необходимости);

²⁹⁴ Барабанов О., ук.соч., с.93.

²⁹⁵ Европа, №3, март 2001. С.6.

²⁹⁶ Regards sur l'actualité, spt.-oct. 1999, N254. Chap.6. P.84.

- Военный штаб, занимающийся оперативными вопросами под началом Военного комитета²⁹⁷.

Решено было также создать к 2003 г. самостоятельные европейские силы обороны, суммарная численность которых составила бы максимум 80 тыс. человек со сроком развёртывания в случае кризисной ситуации в течение 1 месяца.

При этом общей основой безопасности ЕС остаётся НАТО. С всеобщего согласия проект создания европейского корпуса быстрого реагирования не означал создания европейской армии или подмены НАТО ЗЕС. Использование европейских сил предусмотрено только в случае, когда НАТО не пожелает вмешаться в урегулирование конфликта²⁹⁸. Эта оговорка не совсем соответствует духу французских предложений по созданию европейской оборонной идентичности, хотя и не противоречит ему. Она устраивает в первую очередь сторонников сохранения военного присутствия НАТО и США в Европе, в первую очередь, Великобританию. Французская дипломатия иначе расставляет акценты в этом вопросе. Для неё главное, чтобы «члены ЕС могли бы действовать коллективно на международной арене, когда затронуты их интересы, будь-то своими собственными средствами или с помощью средств НАТО». Целью строительства европейской оборонной и внешней политики для Франции является утверждение Европы в качестве самостоятельного центра силы, мирового полюса. А это означает, по словам Ж.Ширака, «определять свои собственные цели, проводить свою собственную политику»²⁹⁹. В то же время, Франция добилась превращения ЗЕС в оборонную опору ЕС: в мае

²⁹⁷ Европа, №3, март 2001. С.6.

²⁹⁸ Интервью Х.Соланы.// Европа. – Октябрь 2000. - №5.

²⁹⁹ Chirac J. Discours devant le Comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO, op.cit. P.4, 2.

2000 г. было окончательно заявлено о слиянии ЕС и ЗЕС³⁰⁰, а позже, с февраля 2001 г. ЗЕС официально прекратил своё существование и все ссылки на его структуры были исключены из договоров о Европейском союзе. Его функции были переданы институтам ОЕПБО³⁰¹, предусмотренным на саммите в Хельсинки³⁰².

На саммите ЕС в Ницце (7-11 декабря 2000 г.) к удовлетворению Франции было покончено с двойственностью концепции ЗЕС. В ст.17 Амстердамского договора были внесены изменения, согласно которым ЗЕС перестаёт одновременно быть вооружённой опорой ЕС и региональной тактической опорой НАТО. Ст. 25 создаёт надлежащие институты принятия решений и делает Комитет по политике и безопасности «рабочим стержнем» этого механизма.

В Ницце документ, уточняющий инструменты и задачи ОВПБ, был одобрен за 8 минут, правда, в основном речь шла о договорном закреплении положений франко-британской Декларации Сен-Мало 1998 г. и решений Хельсинкского саммита 1999 г. Было указано, что европейские силы быстрого реагирования являются автономной военной структурой, предназначенной для гуманитарных миссий, для предотвращения конфликтов, а также для развёртывания в кризисных районах.

В то же время было очевидно, что становление институтов реализации совместной оборонной политики ЕС заметно обгоняет выработку единой внешней политики Союза³⁰³. А именно эта проблема являлась центральной в проекте европейского внешнеполитического и оборонного единства, который Франция продвигает с начала 90-х годов. В отсутствие такого единства французская дипломатия отстаивает два важных принципа,

³⁰⁰ Assemblée Nationale. Rapport d'information déposé par la délégation de l'Assemblée Nationale pour l'Union Européenne, sur la politique étrangère, de sécurité et de défense commune de l'UE, présenté par M. A.Barrau, député. Le 16 mars 2000.

³⁰¹ ОЕПБО – Общая европейская политика безопасности и обороны.

³⁰² Traité de Nice. Journal Officiel de l'UE, 10 mars 2001.

³⁰³ La Serre de Fr. Le traité de Nice : déconstruction ou refondation de l'Union ? // PE. -2001. – N°2.

касающихся внешнеполитических и оборонных инициатив Союза. Во-первых, она не приемлет перехода к квалифицированному большинству при голосовании по этим вопросам. Во-вторых, она считает наиболее перспективным для продвижения к выработке общих подходов ЕС создание в этой области связей «усиленного сотрудничества» и совместных программ вооружений, объединяющих небольшую группу заинтересованных государств ЕС³⁰⁴. В период своего председательства в ЕС 2000 года при подготовке договора Ниццы, настаивая на институционализации «усиленного сотрудничества», Ж.Ширак имел в виду в первую очередь оборону и военные программы. Однако в Ницце было решено, что эти сферы не подпадают под правило установления «усиленного сотрудничества». Перед Ниццей на этом направлении Франция и Германия при участии ряда других стран ЕС добились солидных успехов. На франко-германском саммите в Майнце (июнь 2000 г.) было объявлено о возвращении ФРГ в совместный проект строительства европейского разведывательного спутника SAR-Lupe. ФРГ и Франция при поддержке Великобритании приняли решение о создании автономного военно-воздушного транспортного флота ЕС. Это программа строительства Аэробусов A400M³⁰⁵. Таким образом, Франция и её партнёры по-прежнему сохраняют возможность создавать «точечные» совместные программы производства вооружений, средств доставки и разведывательных спутников, но речь не идёт об установлении прочного единства целей и действий для сплочённой группы государств внутри ЕС в области ОВПБ.

В то же время, Франции не удаётся продвинуть свой проект создания европейской внешнеполитической идентичности. Наоборот, расширение ЕС на Восток всё более отдаляет эту перспективу, поскольку позиции французской дипломатии, особенно в отношении военно-

³⁰⁴ См, в частности: Juppé A., Védrine H. Quelle Europe voulons-nous ?// L'Express, - 2002. – 28 mars.

³⁰⁵ Les Ecos, 13 juin 2000.

дипломатического курса США, не встречают поддержки у новых членов и у стран-кандидатов. Яркой демонстрацией этой тенденции стал конфликт по поводу иракского кризиса. В преддверии Брюссельского саммита ЕС, который должен был, по замыслу Франции и Германии, принять совместную резолюцию по Ираку, без согласования с ЕС было опубликовано два коллективных письма европейских государств, заявивших о поддержке американской политики силового нажима на Багдад. Инициаторами первого, от 30 января 2003 г., были Х.-М.Аснар и Т.Блэр. Его подписали 8 стран (Великобритания, Испания, Италия, Дания, Португалия, Польша, Венгрия, Чехия). Второе, от 5 февраля, было подписано десятью восточноевропейскими государствами «Вильнюсской группы», стоящими на очереди в ЕС (Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Болгария, Румыния, Словения, Хорватия, Албания, Македония). Возмущение Франции вызвал тот факт, что всего за три дня до публикации «письма восьми» совет министров иностранных дел стран ЕС в Афинах в совместном коммюнике призвал продолжить инспекции ООН в Ираке. Тогда Франции казалось, что в опоре на франко-германское согласие ей удастся утвердить общую позицию ЕС в иракском кризисе в духе продвигаемой Парижем «европейской идентичности»³⁰⁶. Однако, как выяснилось, движение ЕС на Восток увеличило удельный вес «проамериканской» или проатлантической Европы. Если в 90-е годы XX в. предметом главной озабоченности Франции в связи с расширением ЕС на Восток было возможное усиление влияния Германии в ущерб её собственным позициям в Сообществе, то в начале XXI века сблизившиеся вновь Франция и Германия с беспокойством взирают на перспективы роста политического влияния США в Европе двадцати семи. Опасения Франции, что вступление новых членов с востока Европы может привести к размыванию европейской идентичности (как она её себе представляет),

³⁰⁶ Подробнее о содержании этого понятия см. ниже: Глава 3. 3: «Европа как центр силы».

оказались небезосновательными. Это возвращает нас к вопросу о гармонизации углубления и расширения ЕС, за которую неизменно ратует Франция с того момента, когда расширение на восток было поставлено в повестку дня Сообщества.

в. Проблема реформы европейских институтов в связи с расширением

ЕС: от Амстердама к Ницце

После успешного введения единой европейской валюты главным предметом беспокойства для французской дипломатии, наряду с продвижением Европейской внешней политики и политики безопасности, было расширение ЕС. Поддерживая этот процесс, французская дипломатия не могла скрыть двойственного отношения к нему. С одной стороны, движение ЕС на восток отвечало идеальной цели голлистского европейского проекта и французского мессианства: преодолению политического раскола Европы, распространению свободы и демократии на Восток. Когда саммит ЕС в Копенгагене принял критерии для стран-кандидатов в ЕС, то первым из них явилось установление демократических режимов, уважающих права человека и права национальных меньшинств. Расширение ЕС на восток и на юг Европы, кроме того, способствовало увеличению удельного веса Союза в мире, в том числе и в защите его торговых интересов³⁰⁷. С другой стороны, Франция отдавала себе отчёт в том, что страны ЕС должны взять на себя дополнительное финансовое бремя, чтобы обеспечить странам-кандидатам, переживающим процесс экономической и социальной либерализации, движение к благополучному западноевропейскому полюсу. В то же время, многочисленность стран-кандидатов ставила серьёзные вопросы о будущем функционировании Европейского союза, в котором будет не пятнадцать

³⁰⁷ Discours de monsieur J. Chirac devant le comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO, le 30 mai 2000 : http://www.elysee.fr/cgi-bin/auracom/aurweb/search/file?aur_file+discou.../UEO0005.htm

членов, как в 2000 году, а двадцать семь³⁰⁸. И это не считая Турции, с которой переговоры о вступлении ещё не начинались.

Франция стремилась к тому, чтобы расширение ЕС стало процессом контролируемым, предусматривающим углубление интеграции, реформу институтов ЕС и строгое выполнение определённых обязательств не только Европейским союзом, но и странами-кандидатами. Гармоничное сочетание углубления интеграции и расширения ЕС и разработка основ функционирования «Союза двадцати семи» стало приоритетом очередного французского председательства, пришедшегося на второе полугодие 2000 г. Ещё после Амстердамского договора, оставившего в подвешенном состоянии важные вопросы реформы европейских институтов³⁰⁹, Франция при поддержке Бельгии и Италии высказалась за созыв новой межправительственной конференции, предваряющей расширение ЕС. Такая конференция, согласно решению Совета ЕС в Хельсинки (декабрь 1999 г.), начала свою работу в феврале 2000 г. под председательством Франции. Её целью была выработка условий, корректирующих и дополняющих Амстердамский договор. Три вопроса, подлежащих обсуждению в ходе её работы, касались состава и распределения голосов в Комиссии и Совете ЕС. К этому добавлялся вопрос о пересмотре ст.43 Амстердамского договора о процедуре принятия решения о создании направлений «усиленного сотрудничества» ЕС. Франция выступала за изменение порядка назначения представителей стран-участниц в Комиссии для придания ей большей эффективности, за перераспределение голосов в Совете ЕС в пользу многонаселённых стран и за расширение сферы решений, принимаемых в Совете квалифицированным большинством, чтобы сузить область, в которой решения ЕС могли бы быть блокированы применением одним из членов

³⁰⁸ Кандидатами на вступление были признаны в 1998 г., в первую очередь: Венгрия, Польша, Чехия, Кипр, Эстония, Словения. В 2000 г. к ним добавились: Литва, Латвия, Словакия, Болгария, Румыния, Мальта.

³⁰⁹ См. об этом: La Serre de Fr. Le traité de Nice : Le traitement à minima des « reliquats d'Amsterdam » // PE. - 2001. - N°2. P.261.

права вето. Противниками французской позиции были Великобритания (по вопросу о расширении сферы принятия решений квалифицированным большинством), «малые» страны (недовольные её проектом реформы Комиссии) и Германия, которая требовала увеличения своего веса в Совете в связи ростом населения после присоединения восточных земель.

Этот план предусматривал:

- определение сроков реализации «социальной Европы»; шаги для создания европейского инновационного пространства; движение к «Европе граждан»;
- создание европейской общности, основанной на единстве ценностей, расширенной и усиленной реформированными институтами;
- договорное закрепление структуры европейской оборонной политики, заявленной в Хельсинкской декларации конца 1999 г.;
- создание условий становления «усиленного сотрудничества» для динамичного движения вперёд, по пути дальнейшей интеграции «Европы двадцати семи»³¹⁰.

Главные задачи Франции, таким образом, состояли в обеспечении эффективности работы институтов качественно и количественно растущего Сообщества, с тем, чтобы избежать возможности тормозящего влияния структуры, которая грозит стать слишком громоздкой.

Однако уже перед началом своего председательства в ЕС Франция столкнулась с рядом трудностей в реализации основных направлений заранее разработанного плана. Своего рода вызовом французскому проекту усиления европейской интеграции стало выступление министра иностранных дел ФРГ Й.Фишера 12 мая 2000 г.³¹¹, поставившего вопрос о перспективе движения к политической, федеративной Европе, о которой во французском проекте не

³¹⁰ Они озвучены в серии выступлений Ж.Ширака, Л.Жоспена и Ю.Ведрина, в частности, в выступлениях Ж.Ширака в парламентской Ассамблее ЗЕС 30 мая 2000 г. и в Бундестаге 27 июня 2000 г. см.: www.elysee.fr

³¹¹ Le Monde, 13 mai 2002.

было и речи. Отношения в обновлённой после ухода Г.Коля франко-германской паре Ширак-Шрёдер тогда ещё были лишены доверительности прежних лет из-за разногласий по вопросам субсидирования сельскохозяйственной политики ЕС и, особенно, по поводу требования Германии предоставить ей больше голосов в Совете ЕС в виду её возросшего демографического превосходства. В прежние годы инициативы такого масштаба выносились с франко-германского согласия. В данном случае предложение Й.Фишера, изначально снижало значимость французских инициатив в сфере реформы институтов, т.к. они и по масштабам, и в принципе были далеки от планки, заявленной германским министром. Его французский коллега, социалист Ю.Ведрин был вынужден опубликовать открытое письмо Й.Фишеру³¹². Его позиция могла бы резюмироваться формулой «да, но...». Призывая к созданию федерации, Фишер не предлагал копировать федеративное устройство ФРГ. Он говорил о возможности в недалёком будущем создать федерацию нескольких (а не сразу всех 27) государств-наций, что-то вроде прежней германской идеи «твёрдого ядра» внутри расширенной ЕС. Идея укрепления в ЕС связей «усиленной солидарности» группы стран, которую отстаивал Париж, в принципе была близка проекту Й.Фишера. Поэтому он мог бы вызвать поддержку французской дипломатии и даже стать основой совместной инициативы, если бы Франции не предстояло стать страной–председателем в период завершения межправительственной конференции по реформе институтов ЕС. Для Ведрина было очевидно, что как председатель ЕС, Франция должна предлагать консенсусные решения, а не провоцировать споры по наиболее болезненным вопросам, связанным с делегированием суверенитета и с европейской интеграцией «на двух скоростях» (одной – для узкого круга

³¹² Bayrou Fr., Cohn-Bendit D. Projet pour une Constitution de l'UE ; Védrine H. Lettre ouverte à Jochka Fischer // Le Monde, 11 juin 2000.

пионеров, другой – для «отстающих» и не готовых принять на себя всей полноты соответствующих обязательств).

Французская политическая элита расценила выступление Фишера как вызов дипломатии Парижа, её способности определить перспективы политической Европы. Реагировать надо было незамедлительно, но столь быстрый и вынужденный ответ не мог быть ни оригинальным, ни достаточно связным. Позицию голлистов в вопросе о политическом будущем и архитектуре ЕС отражал проект Ж.Тубона и А.Жюппе, выступивших в пользу межправительственной Европы³¹³. Свои взгляды на вопрос изложили также сторонники движения к федеративной Европе – лидер либералов-европеистов (СФД) Ф.Бейру и независимый депутат Европарламента Д.Кон-Бендит (герой «красного мая» 1968 г.), но оба они не принадлежали кругу французских руководителей.

Повести итог президентства Франции и работе межправительственной конференции должен был саммит ЕС в Ницце в декабре 2000 г. Из-за разногласий его участников этот саммит стал самым продолжительным в истории ЕС. Недоброжелатели Франции утверждали, что это было следствием недоработок страны-председателя³¹⁴. На деле, слишком большая заинтересованность сторон в эффективном функционировании ЕС с точки зрения обеспечения наиболее благоприятных для себя условий принятия решений делала затруднительными поиски компромиссов. В итоге был принят документ, получивший название договора Ниццы³¹⁵. Ряд его положений был благоприятен французской позиции, но в целом итог Ниццы скорее оказался неудачным для французской дипломатии.

Довольно скромными были достижения по продвижению плана «социальной Европы», «Европы граждан». Разработанная

³¹³ Toubon J., Juppé A. Projet de Constitution pour l'Europe (Our Constitution for Europe// The Economist. – 2000. – 28 octobre).

³¹⁴ Le Monde, 7 decembre 2000.

³¹⁵ Traité de Nice. Journal Officiel de l'UE . 10 mars 2001.

межправительственной конференцией по предложению Франции Хартия основных (фундаментальных) прав – важный шаг навстречу «Европе граждан» - не вошла в текст договора даже в качестве преамбулы, но лишь как приложение. Также в приложение к заключительному заявлению саммита попали шесть французских предложений по социальным вопросам. Когда на лиссабонском саммите ЕС в марте 2000 г. по настоянию Великобритании была принята либеральная стратегия адаптации к «новой экономике»³¹⁶, Париж получил в качестве компенсации мандат на выработку в дополнение к этой жёсткой стратегии плана действий, имеющего целью утверждение «социальной европейской модели». Франция предложила обширную программу, включающую основные ориентиры социальной политики ЕС на ближайшие пять лет:

- увеличить число и повысить качество вакантных рабочих мест;
- уравновесить гарантии занятости и мобильность политики занятости;
- бороться против «социального исключения»³¹⁷;
- модернизировать социальную защиту;
- уравнивать в социальных правах мужчин и женщин;
- усилить социальный аспект политики расширения ЕС и внешней политики Союза.

В текст документа, подписанного в Ницце главами государств, из этой обширной программы вошла фраза о том, что европейская модель характеризуется «неразрывной связью экономических достижений и социального прогресса»³¹⁸.

В то же время, главная задача Ниццы – приспособить институты ЕС к его расширению – была выполнена, и отчасти даже с пользой для французских позиций в Союзе.

³¹⁶ Речь идёт об экономической модели эры глобализации, либерализма и технологического прогресса.

³¹⁷ Термином «социальное исключение» (exclusion sociale) называют во Франции деклассирование или невозможность социальной адаптации обездоленных в благополучном государстве всеобщего благоденствия.

³¹⁸ Le Monde, 7 decembre 2000.

Главным успехом Франции было решение о перераспределении голосов в Совете ЕС. Дело в том, что расширение ЕС до 15 членов сместило баланс между большими и малыми государствами в пользу последних, и в Ницце Франция и Германия добивались восстановления влияния «грандов» (Франции, Германии, Великобритании, Италии, к которым должны были добавиться Испания и, к неудовольствию последней, Польша). До Ниццы у четырёх крупных государств было по 10 голосов. В результате саммита Франции удалось сохранить паритет с Германией, что было для неё принципиально важно. Отныне в четвёрке «грандов» каждый располагает 29 голосами, Испания, а после вступления и Польша имеют по 27 голосов. В качестве компенсации неудовлетворённая таким решением Германия получила усиление своего веса в институтах Сообщества. Так, «условие демографического подтверждения» предполагает, что всякое решение Совета ЕС должно быть принято представителями, по крайней мере, 62% населения Союза. Кроме того, в пользу Германии было произведено распределение мест в Европарламенте. Она получила 99 мест, в то время как Франция, Великобритания и Италия – по 72.

Менее удачным для Франции было решение по вопросу о пороге квалифицированного большинства. Франция стремилась облегчить принятие решений после расширения Союза, снизив этот порог, однако в Ницце он был повышен с 71% до 73,4%.

Нельзя назвать успехом французской дипломатии и статьи договора, определяющие сферу вопросов, которые могут быть решены не единогласно, а квалифицированным большинством. Франция стремилась расширить эту сферу. Но по настоянию Великобритании из текста договора были исключены статьи о голосовании квалифицированным большинством по вопросам социальной и налоговой политики. Договор распространил принцип квалифицированного большинства на голосование по вопросам, касающимся международных обменов на рынке услуг и интеллектуальной

собственности (последнее – к неудовольствию Франции). Однако французским дипломатам удалось отстоять принцип единогласия в области культуры (кино и аудиовизуальной продукции), в образовании и здравоохранении. Важным успехом было распространение принципа квалифицированного большинства на вопросы сотрудничества в сфере гражданской юстиции (исключая права семей). Но в отношении контроля на внешних границах ЕС, передвижения иностранцев из третьих стран и предоставления убежища соответствующее решение было отложено до 2004 г. До 2007 г. отложен вопрос о переходе к квалифицированному большинству в решении вопросов о помощи ЕС отсталым регионам. Этого хотели нынешние её главные получатели – Испания, Португалия и Греция, боявшиеся быть потеснёнными более бедными странами Восточной Европы.

Также отложено было решение вопроса о будущем составе Комиссии ЕС, после его расширения до 27 членов. Франция, как и другие крупные страны, считала, что при сохранении прежнего принципа формирования Комиссии (по одному члену от каждого государства), механизм её работы замедлится, поскольку достичь согласия между двенадцатью комиссарами легче, чем между пятнадцатью и тем более между двадцатью семью. Кроме того, получится, что вес демографически преобладающих стран снизится по сравнению с малыми государствами³¹⁹. Поэтому крупным странам было бы выгодно ограничение количества членов Комиссии с принципом ротации её членов с тем, чтобы, постоянно обновляясь, она могла бы отражать не баланс интересов государств, но общие интересы стран ЕС. Оппозиция малых стран сделала такое решение в Ницце невозможным, и оно было отсрочено до 2005 г.

³¹⁹ См.: Ж.-Л.Буланж (Le Figaro , 6 novembre 2000): «В сегодняшней Европе государства с населением более 35 млн. представляют 80% населения, но имеют только 50% комиссаров. В Европе 27-ми у комиссаров-выходцев из стран, которые будут представлять 74% населения, останется только 20% мест в исполнительном органе ЕС».

Принципиальное значение для французской дипломатии имел вопрос об «усиленном сотрудничестве». Ж.Ширак неоднократно заявлял о необходимости иметь в рядах ЕС «группу первопроходцев» (*groupe pionnier*) - «головное соединение, которое быстрее движется вперёд, к цели, избранной с общего согласия»³²⁰. Ж.Делор и Й.Фишер называли это «авангардом». При этом Франция была заинтересована, прежде всего, в создании подобного «авангарда» в области внешней и оборонной политики Сообщества. Амстердамский договор требовал единодушия внутри ЕС по вопросам «усиленного сотрудничества». Франции удалось добиться отмены права вето в этом вопросе. Для группы «усиленного сотрудничества» достаточно желания восьми государств (Франция считала возможным начать с трёх-четырёх участников). В то же время, французская дипломатия не смогла преодолеть сопротивления Великобритании, которая воспротивилась созданию связей усиленного сотрудничества в самой дорогой для Франции области – в обороне и внешней политике. В результате победила линия Лондона, который желал, чтобы европейская оборона строилась исключительно на межправительственных инициативах, но ни в коем случае не на структурах Сообщества. В итоге в области европейской оборонной и внешней политики речь может идти только о «точечных» альянсах, способных выдвинуть определённую инициативу по насущному вопросу. В ЕС не составилось ядра государств-членов, разделяющих и продвигающих общее видение роли Европы в мире и роли ЕС в европейской безопасности. В этом смысле Ницца не оправдала надежд французской дипломатии.

В то же время, саммит в Ницце положил начало обсуждению перспектив дальнейшего движения ЕС к политическому и гражданскому единству³²¹. Несовершенство его решений было признано тем фактом, что в

³²⁰ Discours de M. J. Chirac devant le Comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO le 30 mai 2000. *ibidem*. P.4.

³²¹ Déclaration sur l'avenir de l'Union Européenne (Annexe au Traité de Nice), *ibidem*.

Ницце было объявлено о начале нового этапа реформы европейских институтов, который должен закончиться в 2004 г. В этот период должна быть решена судьба Хартии основных прав и выработана Конституция Союза, для чего предполагалось созвать Конвент из представителей государств, институтов Сообщества, национальных парламентов (всего 105 делегатов). Идея принятия Конституции ЕС была выдвинута Ж.Шираком в речи в Бундестаге 27 июня 2000 г.³²² При этом президент Франции уточнил, что, говоря о будущем устройстве ЕС, он ни в коем случае не думает о создании европейского супер-государства, которое заменит государства-нации и ознаменует конец их существования в качестве самостоятельных игроков на международной арене. Вторя президенту, голлист А.Жюппе настаивал на проекте политического объединения, основанного на «федерации государств-наций»³²³.

Работа Конвента началась в феврале 2002 г. и была закончена летом 2003 г. К удовлетворению Франции, её направлял патриарх европейской политики, бывший президент республики, В. Жиска д'Эстен. Главным требованием к работе Конвента была максимальная открытость обсуждения. Проект, представленный Жиска д'Эстеном, полностью менял политическую конструкцию ЕС. Он предполагал ввести посты президента и вице-президента, должность министра иностранных дел. Комиссию ЕС – его главный исполнительный орган, в проекте предлагалось сократить до 13 комиссаров, изменив тем самым принцип «одна страна - один комиссар» принципом ротации, предложенным ещё в период обсуждения договора Ниццы. Парламент должен, по мнению французской делегации, состоять из двух палат: первая представлять государства, вторая – граждан государств. По мнению голлистов (проект А.Жюппе), президент ЕС должен назначаться Европейским советом в

³²² Chirac J. Discours prononcé devant le Bundestag le 27 juin 2000 // http://www.elysee.fr/cgi-bin/auracom/aurweb/search/file?aur_file=disco.../RFA0006D.htm . P.6.

³²³ L'Express, 28.03.2002 , p. 113. Термин «федерация государств-наций» предложен Ж.Делором.

Страсбурге. Позже Ж.Ширак внёс предложение об изменении порядка председательства в самом Совете. Вместо того чтобы доверять его главе государства-председателя ЕС, сменяемому каждые полгода, он предложил членам Совета избирать достойного кандидата на достаточно длительный срок. Это был бы президент, олицетворяющий Европу в глазах всего мира, в частности, перед лицом США³²⁴. В целом французскими проектами предусматривалось усиление межправительственного и национального акцента в архитектуре Сообщества. Кроме того, замысел проекта расценивался как попытка Франции и ряда крупных государств ЕС отстранить малые государства от принятия ключевых решений в будущей расширенной единой Европе. Председатель еврокомиссии Р.Проди резко высказался против проекта Жискара д'Эстена: "Этот проект ставит под угрозу систему контроля и равноправия властей в ЕС. Он может породить неравенство между странами – членами Союза и разрушить доверие между ними"³²⁵. После публикации проекта Жискара д'Эстена главы 17 европейских государств (включая 9 новых членов) заявили, что наложат на проект вето. Конфликт удалось погасить, поскольку председатель Конвента не настаивал на принятии собственных предложений. Текст Конституции был представлен на обсуждение европейцев в июне 2003 г.

Отсрочка принятия Конституции ЕС удовлетворяла французскую дипломатию. Ю.Ведрин считал, что для европейского политического единства («Европы-державы») недостаточно учредить институциональные механизмы. Важнее, чтобы европейцы смогли выработать общее видение главных мировых проблем³²⁶. Такая осторожность вполне понятна. Во-первых, федеративное устройство Европейского Сообщества – идея, которая плохо воспринимается во Франции. Во-вторых, расширение на восток и отсутствие единого видения мировых проблем внутри старого,

³²⁴ La Croix, 7 mars 2002.

³²⁵ Le Monde, 24 avril 2003.

³²⁶ L'Express, 28.03.2002. P.113.

западноевропейского ядра ЕС внушает опасения за судьбу европейской политической идентичности. Вопрос о военном вмешательстве в Ираке зимой 2002-2003 гг. обнаружил острые разногласия внутри ЕС между англо-испанской позицией, поддержанной всеми странами-кандидатами из бывшего восточного блока, и Францией, ФРГ и Бельгией, осудившими несанкционированное применение силы. Ж.Ширак тогда вызвал возмущение в Восточной Европе, выступив с резкой отповедью странам-кандидатам: «Эти страны упустили в данном случае хорошую возможность промолчать. Откровенно говоря, я считаю их поведение легкомысленным и безответственным, т.к. при первом же испытании они отказались от совместных действий с Европейским союзом, куда они намереваются вступить»³²⁷. Раздражение французского президента вполне понятно: стало очевидным, что для новых восточноевропейских членов ЕС политическая солидарность с США в рамках НАТО гораздо важнее солидарности с Францией внутри ЕС. Расширение на восток укрепит американские позиции и проатлантическую ориентацию в Евросоюзе и затруднит становление европейской внешнеполитической идентичности, проводником которой видит себя Франция. Поэтому усиление европейских институтов в отсутствие общей политической воли вряд ли может способствовать в ближайшем будущем реализации надежд, которые возлагает Франция на Европу. Это не означает, однако, что европейское политическое единство не входит в круг её приоритетов. Напротив, оно составляет основу не только её европейского, но и глобального проекта.

3. Европа как центр силы

³²⁷ Выступление Ж.Ширака на пресс-конференции после чрезвычайного саммита ЕС в Брюсселе: Le Monde, 17-18 février 2003.

Европа (ЕС) остаётся сегодня приоритетом французской дипломатии и приобретает особое значение в связи с главным вопросом французской политики, разрывающейся «между высокомерием и отчаяньем». Это вопрос о роли Франции в мире. Во французской политической элите существует согласие относительно значения ЕС для внешнеполитической стратегии страны. Министр иностранных дел в правительстве левых сил (1997-2002 гг.) Ю.Ведрин был согласен с президентом-голлистом в том, что европейское строительство для Франции является конструктивным ответом на «гегемонистские попытки США»³²⁸. Европейское сообщество для Франции служит беспрецедентным примером сотрудничества государств-наций, умножающим их вес в мире. Выступая за углубление интеграции, Франция видит в новых европейских институтах, в частности, в единой европейской валюте, важную предпосылку для формирования Европы, как центра силы (Европы-державы), а также для того, чтобы уравновесить в мире господство доллара. Той же двойной цели служит и согласованная в рамках ЕС единая оборонная и внешняя политика, за которую ратует Франция. Способность страны сохранить свой ранг «средней державы с мировой ответственностью» во многом зависит от её участия в эффективных международных организациях, особенно в «сильной Европе»³²⁹.

Главное в глобальном проекте Франции – создать единую Европу, обладающую внешнеполитическим могуществом, «Европу-державу». Она должна стать опорой французской стратегии многополюсного мира. «Многополярный мир, к которому мы взываем, станет источником равновесия и гармонии», - заявил Ж.Ширак в выступлении перед Парламентской ассамблеей ЗЕС. Это выступление стало развёрнутой программой французского видения роли ЕС в мире. Цель французской дипломатии, - заявил Ж.Ширак, – «сделать Европу игроком первого

³²⁸ Le Figaro, 29 aout 1997.

³²⁹ Из выступления Ю.Ведрина перед послами Франции: Le Figaro, 29 aout 1997.

плана в современном мире/.../Европа-держава? Политическая Европа? Независимо от формулировки, речь идёт о необходимости играть главную роль во имя мира во всём мире»³³⁰. Будь-то «Европа-держава» или «политическая Европа», для Франции понятие включает в себе желание видеть в будущем ЕС центр силы, «державу» не в смысле государственного единства, а в смысле обладания мировым весом, способностью защитить свои экономические и политические интересы, свою безопасность и свою систему ценностей, то есть в полном соответствии с французским пониманием внешнеполитического могущества³³¹.

Первым условием такого могущества является, по замыслу французской дипломатии, способность ЕС обеспечить безопасность и мир в своих границах, иметь силы для разрешения конфликтов. Для этого необходимо, во-первых, располагать единой внешнеполитической волей и необходимыми инструментами (действенными структурами и вооружёнными силами). Кроме того, в урегулировании конфликтов Франция отстаивает принципы, которые она считает основой европейской идентичности – это «уважение к собеседнику, поиски решения путём переговоров». В случае необходимости применения силы Франция настаивает на том, чтобы это вмешательство осуществлялось на основе устоявшихся и всеми признанных международных правил. Единственным органом, обладающим легитимностью решения о применении силы, Ж.Ширак назвал СБ ООН³³². Специфику европейского подхода французский президент выразил формулой: «лучше заставить право уважать ценности, чем заставлять уважать права силой»³³³.

³³⁰ Chirac J. Discours devant le Comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO le 30 mai 2000, *ibidem*. P. 1.

³³¹ См. главу 1: Проблематика «могущества» во французской теории международных отношений.

³³² Chirac J. Notre Europe. Discours prononcé devant le Bundestag le 27 juin 2000, *ibidem*. P. 2.

³³³ *Ibidem*.

Первыми среди этих ценностей стоят демократия и защита прав человека. В соответствии с французской теорией международных отношений, внешнеполитическое могущество было бы неполным без способности сформулировать определённое универсальное послание миру, выступая носителем великой идеи. Ж.Ширак поставил эту идею даже выше стремления к миру, которое лежит в основе проекта политической Европы. «То, что объединяет Францию и Германию и их партнёров, это, конечно, глубокое стремление их народов к миру. Но это также, и даже, может быть, прежде всего, определённое представление о человеке, которое определило цели европейского проекта. Это свобода, достоинство, терпимость, демократия. Вот почему принадлежность к Союзу означает безграничное принятие идеалов и ценностей, лежащих в его основе»³³⁴. Франция отстаивает своё видение будущей Европы как единого этического пространства. В период своего председательства в ЕС 2000 г. она сумела добиться внесения в текст Амстердамского договора 1997 г. поправки о санкциях к стране ЕС, в которой существует угроза правам человека. Такая необходимость возникла в начале 2000 г. в связи с приходом к власти в Австрии правительства с участием пяти представителей ультраправой Австрийской партии свободы Йорга Хайдера. Франция вместе с 14-ю странами ЕС выступила за замораживание контактов с Австрией. Ю.Ведрин отметил, что контакты с Австрией – членом ЕС будут сведены к минимуму, но страны ЕС будут проявлять бдительность и оказывать нажим с целью помешать этому правительству проводить политику в соответствии с неонацистской программой АПС. Позиция в австрийском вопросе была своего рода предупреждением, призванным показать будущим членам ЕС политический характер европейской интеграции³³⁵. В знак протеста представители Франции и Бельгии демонстративно оставили свои места

³³⁴ Ibidem.

³³⁵ Goulard S. La France , « pratiquante, non croyante ? » // PE. - 2000. – N°2.

пустыми на очередном заседании ОБСЕ, когда там должна была выступать министр иностранных дел Австрии³³⁶. По предложению Франции на саммите в Ницце (декабрь 2000 г.) была пересмотрена статья 7 Амстердамского договора. В ней речь шла о санкциях, принимаемых ЕС в случае серьёзного и упорного нарушения прав человека в стране-члене ЕС. Отныне Сообщество может высказаться по поводу явного риска нарушения этих прав и принять рекомендации, призванные отвести эту угрозу. Заслушав страну, о которой идёт речь, Совет ЕС, по предложению Комиссии и с одобрения парламента, большинством в 4/5 голосов может принять соответствующее решение³³⁷.

Выше говорилось о том значении, которое придавал Ж.Ширак, также как до него Ф.Миттеран, строительству социальной Европы. Франция хочет видеть в Европе модель социального развития. Министр иностранных дел в правительстве Л.Жоспена Ю.Ведрин сформулировал специфику и преимущества этой модели: «Моя цель – это чтобы Европа выдвинулась в мире как континент, с которого надо брать пример. В одной части Европы мы унаследовали определённый тип общества, основанный на определённом равновесии между новаторством и социальной защитой, динамичным развитием экономики и социальными гарантиями, на подлинном культурном и лингвистическом разнообразии, на определённой форме демократии, на искусстве жить/.../. Между европейскими странами существуют различия, но в целом они составляют особый мир, политический и демократический, которого не найти больше нигде на земном шаре». Перефразируя немецкую поговорку: «счастлив, как Бог во Франции», Ю.Ведрин хотел бы, чтобы можно было сказать: «счастлив, как бог в Европе»³³⁸.

³³⁶ Le Monde, 9-10 février 2000. Санкции были сняты в сентябре 2000 г. Й.Хайдер назвал это «унижением Ширака», который был самым решительным сторонником санкций: «Ширак возомнил себя Наполеоном, забыв, что карьера последнего закончилась при Ватерлоо».

³³⁷ La politique européenne de la France. Charte européenne des droits fondamentaux : www.diplomatie.fr/europe/politique/fiches/fiche18.html

³³⁸ Juppé A., Védérine H. Quelle Europe voulons-nous ? // L'Express. - 2002. - 28 mars. P.110.

От имени Европы Франция предлагает собственную концепцию глобализации. В своей книге о Ф.Миттеране Ю.Ведрин так представляет французское видение созидающей роли Европы в процессе глобализации: «Главной идеей европейской политики Миттерана в 90-е годы было создание Европы, способной существовать и иметь вес завтра, между Америкой и Азией, чтобы быть в состоянии цивилизовать глобализацию, чтобы обеспечить нашу безопасность, наше процветание и защитить нашу культуру, наши идеи, наш способ существования и, после радикальной реформы, нашу социальную организацию»³³⁹.

Нынешний президент Франции стремится внести подобный проект от имени всего Сообщества. «Европейский союз заявляет о себе. Он ратует за международную систему, в которой торговля была бы более сбалансированной; в которой внимательнее бы относились к улучшению благосостояния людей, больше бы уважали культурное разнообразие мира. Он выступает за подлинную солидарность между бедными и богатыми странами и подаёт пример активной политики помощи развитию. Он борется за мир, чтобы прекратилось варварство»³⁴⁰.

Направленность этого проекта очевидна: он противостоит одновременно и американской, и азиатской социально-экономической модели глобализации, и стихийной глобализации «без хозяина, глобализации финансовых рынков, которые никогда не прекращают своей работы, глобальной экономики, перед императивами которой отступают государства и от которой зашкаливает геополитический компас». Для французских политиков неприемлемой является глобализация «в данный момент однополярная, то есть американская, в отсутствие других держав, способных быть её противовесом». Ю.Ведрин считает заслугой Ф.Миттерана то, что он

³³⁹ Védérine H. Les mondes de François Mitterand, op.cit. P. 758.

³⁴⁰ Chirac J., op.cit. P.3.

был «наименее склонен позволить Франции *раствориться во всемирной англофонной и американо-азиатской магме*»³⁴¹.

Таким образом, в том смысле, какой придавал Т. де Монбриаль превращению Франции в Европу³⁴², Франция перенесла свои планетарные амбиции на европейский уровень. Это вовсе не означает отречения от национальной идентичности. Европа служит Франции для умножения внешнеполитического могущества. Видный французский дипломат А. Фроман-Мёрис, выказывая своё скептическое отношение к возможностям Франции в одиночку утвердить своё могущество в мире, считает: «переплавка нашего влияния в европейском горниле является более чем когда-либо единственно разумной политикой»³⁴³.

В то же время, политически единая Европа означает для Франции в ближайшей перспективе единство внутри влиятельной группы европейских государств – ветеранов ЕС (усиленное сотрудничество), основанное на общности экономических, политических достижений, интересов и ценностей. В настоящее время в это единство плохо вписываются страны-кандидаты из Восточной Европы, вызывающие раздражение Франции своей проамериканской ориентацией.

Говоря об усиленном сотрудничестве, Франция имеет в виду, прежде всего, крупные страны европейского ядра – Европы двенадцати. В первом ряду стоит Германия, в некоторых вопросах – Великобритания. Однако если соотносить близость их видения роли Европы в мире, то у Германии и Франции больше общего: обе страны строят усиление своего престижа в мире на единой Европе, в то время как глобальные амбиции Великобритании основываются на особых отношениях с США. В то же время, для Великобритании наиболее важно усиление ЕС как экономического полюса процветания.

³⁴¹ Védérine H., Les mondes de François Mitterrand, op.cit. P. 549. Курсив мой – Е.О.

³⁴² См. выше: Глава 1.

³⁴³ Froment-Meurice H. Une politique étrangère pour quoi faire ? // PE. – 2000. – N°2. P.332.

4. Отношения в франко-германо-британском треугольнике

Франко-германская пара в глазах Франции продолжала оставаться необходимым элементом внутреннего европейского согласия, однако соотношение сил и роли в ней изменились после объединения Германии. Уже Э.Балладюр говорил об обновлении «франко-германского контракта», имея в виду три направления:

- переход к единой европейской валюте,
- культурное сближение между двумя странами, подразумевающее не только взаимное знакомство с языком и культурой, но и с политической культурой «в духе отношений солидарности двух народов, уважающих свою идентичность»³⁴⁴,

- новые принципы сближения между двумя странами: никакой усиленной солидарности без Франции и ФРГ и никакой усиленной солидарности между Францией и ФРГ, которая не была бы открыта для других членов ЕС, желающих и способных участвовать в этих отношениях.

В свете изменений соотношения сил в ЕС Ж.Ширак привнес новый аспект в вопрос об обновлении отношений в франко-германской паре: в этом контексте он заговорил о необходимости тесного европейского сотрудничества с Великобританией. Во время первого визита Дж.Мейджора в Париж Ж.Ширак заявил: «В настоящем состоянии Европейской интеграции качество франко-германских отношений является главным для дальнейшего продвижения, но этого не достаточно/.../. Мы не сможем построить Европу без Англии»³⁴⁵. Не стоит забывать, что и де Голль, и Миттеран прибегали к подобной тактике «треугольника», чтобы уравновесить влияние ФРГ в

³⁴⁴ РЕ, 1995, N1. P.248.

³⁴⁵ 9 июня 1995 г. :Le Monde, 10 juin 1995.

Европе. В то же время, Германия к тому времени поддерживала гораздо более тесные связи с Англией.

Говоря о роли Великобритании в европейском строительстве вкупе с франко-германской парой, Ширак намекал, что концерт суверенных наций останется для него фундаментальным принципом европейской политики. Кроме того, не стоит забывать, что, присоединившись к идее Европейского валютного союза, Ширак придавал большое значение потенциальному участию в нём Англии: подчеркнув важную роль последней в прогрессе ЕС, французский президент тем самым хотел подтолкнуть британского премьера к решительному присоединению к ЭВС. В то же время, приведённое высказывание призвано напомнить, что франко-германская пара по-прежнему будет играть центральную роль в интеграционном процессе. В пользу последнего говорили и решительная поддержка Шираком перехода к европейской валюте, и сближение оборонных концепций двух стран, в особенности – шаги Франции в атлантическом направлении. В качестве ответного шага в 1997 году Германия решительно, но безуспешно поддержала французское требование передачи Южного регионального командования НАТО европейцу. Сотрудничество в урегулировании кризиса в бывшей Югославии также привело к консолидации франко-германской пары: в Боснии франко-германская бригада осуществляла свою первую операцию по поддержанию мира.

Крупным достижением франко-германского сотрудничества стало заключение двустороннего соглашения в Нюрнберге (9 декабря 1996 г.), дополненного подписанием «Единой франко-германской концепции в области обороны и безопасности». Речь шла не только о сближении позиций, но и о продвижении к автономии европейской обороны. Германия согласилась с интеграцией ЗЕС в ЕС. Взамен Франция вынуждена была отказаться от признания собственной исключительности в ядерной области, поскольку в тексте Концепции было записано, что «высшей гарантией

безопасности Союзников являются стратегические ядерные силы Альянса, в особенности ядерные силы США»³⁴⁶. Это перечёркивало стремление Франции сделать собственные ядерные силы основой автономного европейского ядерного сдерживания.

Оправдывая такой компромисс, Д.Верне напоминает историю отклонения Францией договора о ЕОС (СЕД – фр.): «Мы уже не в 1954 г., но немного надо, чтобы из рядов правящего большинства и оппозиции вышла когорта интегрисов³⁴⁷ Европы, специалистов по антигерманизму, тоскующих по «национальной обороне». Отказываясь от Европы в НАТО, они получают НАТО без Европы, подобно тому, как противники ЕОС, отказавшись от перевооружения Германии в Европе, получили перевооружение Германии в НАТО»³⁴⁸. Напомним, что голлисты были яркими противниками ЕОС, поэтому заключение Ж.Шираком Нюрнбергского соглашения можно расценивать как проявление реализма. Французский президент смирился с натовской, прежде всего американской опекой, отдавая себе отчёт в невозможности создать чисто европейскую оборону.

Неудивительно, что такое отступление от традиций Пятой республики в области безопасности вызвало резкую критику. А.Жокс заявил, что текст франко-германской концепции отвечает интересам США: «подчинение намерениям США сегодня принимает форму активного создания автономной опоры Альянса вокруг франко-германского ядра, которое могло бы освободить Америку от обязанности поддерживать порядок в Европе классическими методами вмешательства, и позволило бы ей реализовать свою великую мечту: царить благодаря своему технологическому и

³⁴⁶ RI et S, N25, print.1997. P.76. Полный текст Концепции см.: Politique étrangère de la France. La Documentation française. Janv.-févr. 1997.

³⁴⁷ В данном случае под интегрисами следует понимать политическое направление националистически и консервативно настроенных сторонников «Франции, единой по религии, по происхождению, по крови».

³⁴⁸ Vernet D. Défense européenne: La querelle de Nuremberg. //Le Monde. – 1997. - 31 janvier. CED – Communauté européenne de défense – Европейское оборонительное сообщество. Речь шла о перевооружении Германии в рамках ЕОС, однако из-за противодействия Национального собрания Франции, не ратифицировавшего договор, это перевооружение состоялось в НАТО, а не в рамках европейских структур.

финансовому превосходству и никогда больше не использовать свои наземные войска»³⁴⁹.

Франко-германские отношения не свободны от противоречий. Ряд важных шагов Франции в сфере безопасности – переход к профессиональной армии, возобновление ядерных испытаний - был предпринят без предварительной консультации с ФРГ³⁵⁰. В то же время, важные инициативы Франции в области совместной программы вооружений остались нереализованными из-за слабой заинтересованности ФРГ: в конце 90-х годов она отказалась финансировать совместную программу разведывательных спутников Гелиос 2 и Орус.

Серьёзные трения вызывает вопрос о взносах в бюджет ЕС, и особенно они обострились в преддверие Берлинского саммита 1999 г., посвящённого бюджетной реформе Союза в перспективе ближайших семи лет. Реформа призвана обеспечить возможность приёма новых членов³⁵¹. Германия и другие страны-доноры (Нидерланды, Австрия и Швеция) выступили с требованием бюджетной экономии за счёт урезания расходов на общую аграрную политику и поддержку отстающих регионов. Франция решительно выступила против, поскольку её сельское хозяйство является главным получателем субсидий ЕС на структурную перестройку и охрану окружающей среды³⁵². Упорство Ширака не позволило канцлеру ФРГ Шрёдеру добиться более справедливого распределения финансового бремени в ЕС, хотя он неоднократно заявлял, что Германия не может постоянно расплачиваться за все проблемы ЕС. Франция согласилась лишь на некоторое снижение чистого взноса ФРГ в бюджет Сообщества. Одной из причин уступчивости Шрёдера было желание восстановить пошатнувшийся престиж

³⁴⁹ Le Monde, 7 fevr. 1997.

³⁵⁰ В Германии общество придерживается принципа всеобщей воинской обязанности, хотя можно говорить о постепенной эволюции этого отношения, что выразилось в Совместной франко-германской концепции.

³⁵¹ Известия, 27 марта 1999.

³⁵² Assemblée Nationale. Rapport fait au nom de la Commision des finances sur le projet de loi de finances pour 2001. N 2624. P. 15.

ЕС после скандала с отставкой Европейской комиссии, обвинённой в коррупции.

В области совместной внешней политики ЕС, несмотря на уступки Германии по поводу французских предложений об учреждении поста генерального комиссара по внешней политике (“М. PESC”), в 90-е годы у Франции и ФРГ отсутствовало общее видение будущей роли Европы в мире: мечтая о возвращении к сильной Европе (в географическом смысле – к Западной Европе), Франция не представляла, как может являться таковой расширяющаяся Европа с её меняющейся геометрией. На деле за этими сомнениями стоял важный для Франции вопрос о будущей мировой роли объединённой Германии³⁵³.

Приход к власти в Германии канцлера Г.Шрёдера породил во Франции опасения по поводу будущего франко-германской пары, тем более, что тот заявил, что «не чувствует себя обязанным делать какие-либо уступки в пользу Франции»³⁵⁴. Речь шла в первую очередь о вопросе финансирования сельскохозяйственной политики ЕС. Слова Шрёдера отражали новую расстановку сил в ЕС: Германия, оставаясь «экономическим гигантом», перестала быть «политическим карликом», а Франция наоборот потеряла ряд преимуществ, обеспечивавших ей особый политический вес в Европе, ибо те были производными послевоенного геополитического порядка: постоянное членство в СБ ООН, обладание собственным ядерным оружием, монопольное влияние в франкофонном мире, роль в диалоге Восток-Запад. Впрочем, не стоит забывать, что и прежде ФРГ демонстрировала равнодушие к некоторым преимуществам, предлагаемым ей Францией в обмен на твёрдую партнёрскую поддержку, особенно в ядерной области. С другой стороны, основой жизнеспособности франко-германской пары была и остаётся совместная ориентация на единую Европу как условие обеспечения

³⁵³ Richt R. Pouvoirs présidentiels et société civile // RI et S. – 1997. – N°25. P. 61.

³⁵⁴ L'Express, 25.02.09: L'imprévisible Schroder.

их международного веса. Не случайно Ж.Ширак и Г.Коль, как и их предшественники, начиная с де Голля и Аденауэра, избегали обсуждения геополитических вопросов, предпочитая достигать компромиссов там, где того требовали общие интересы. В том же духе шло обсуждение франко-германских инициатив к Межправительственной конференции по внесению дополнений к Маастрихтскому договору: обе стороны отдавали приоритет евро, т.е. решающему шагу на пути к глубокой экономической интеграции посредством перехода к единой валюте, но были осторожны в вопросе о реформе институтов, в котором между ними существовали существенные разногласия.

Франция и ФРГ неизменно считают, что политическое измерение ЕС должно углубляться и что ни одна европейская инициатива не может состояться без их активного участия. Франко-германская встреча в верхах в Тулузе (май 1999 г.) показала, что совместные инициативы по единой внешней и оборонной политике ЕС идут в русле, намеченном в Нюрнберге. Речь шла о наделении ЕС автономными средствами на случай кризисов и о создании с этой целью европейского корпуса быстрого реагирования³⁵⁵. В июне 2000 г. на франко-германском саммите в Майнце ФРГ заявила о решении участвовать в совместном с Францией строительстве грузовых военных самолётов и разведывательного спутника³⁵⁶.

Наметились некоторые сдвиги в плане сближения позиций по поводу будущей институциональной архитектуры ЕС. Опыт германского объединения определил некоторую трансформацию позиции федерального правительства. Аналитики тогда предсказывали, что оно впредь не будет по-прежнему активно продвигать проект европейской федерации и форсировать расширение ЕС на Восток³⁵⁷. Обсуждение договора в Ницце показало, что обе страны выступают за расширение Союза при сохранении и укреплении

³⁵⁵ Le Monde, 30-31 mai 1999.

³⁵⁶ Le Monde, 14 juin 2000.

³⁵⁷ Ehrhard H.-G. Paris-Bonn après l'alternance: continuité ou renouvellement? // PE. - 1999. - N°1.

уже имеющегося западноевропейского костяка ЕС, придав ему большую слитность. Германия отдавала себе отчёт в трудностях, связанных с расширением ЕС на Восток. Поэтому она вместе с Францией отстаивала принципы распределения голосов, обеспечивающие преимущество крупным странам. Кроме того, Германия и Франция выступали за создание сфер «усиленного сотрудничества», хотя германский проект "твёрдого ядра" ЕС и не был поддержан Францией по причинам тактического порядка. Она не хотела обвинений в стремлении учредить Европу "двух скоростей". В то же время, в преддверии Ниццы Франция была непримирима в вопросе о предоставлении Германии дополнительных голосов в Совете ЕС, т.к. не хотела допустить нарушения франко-германского паритета в этом органе. Тогда Шрёдер призвал Ширака уступить, как того требует долг гостеприимного председателя, стремящегося к согласию. Эта реплика напомнила французскому президенту его собственные слова, обращённые к германскому канцлеру в разгар споров о финансировании сельскохозяйственного рынка ЕС, 1999 г., когда Германия была его председателем³⁵⁸.

В паре Ж.Ширак – Г.Шрёдер отношения продолжали развиваться скачкообразно, от кризиса к кризису, однако, к удовольствию Франции, постепенно стала определяться одна тенденция. ФРГ всё более заявляла о своей приверженности к европейской внешнеполитической идентичности в противовес силовому давлению США в мире, и в этом её позиции сближались с французскими. Причина крылась в пацифизме основной электоральной базы правящей коалиции социалистов и экологов. Несмотря на разногласия по проекту Европейской конституции, Франция и ФРГ вместе выступили против решения США о выходе из договора по ПРО. Министры иностранных дел двух европейских стран обвинили США в односторонних действиях, подчеркнув значение, которое Франция и

³⁵⁸ La Libération, 11 novembre 2000.

Германия придают процессу консультаций, начатому американским правительством (о противоракетной обороне) и готовности США «вести их в тесном сотрудничестве с партнёрами из ЕС»³⁵⁹. Из этого заявления видно, что поворот в сторону усиления франко-германского дипломатического сотрудничества отражает не только внутривнутриполитическую расстановку сил в ФРГ. Франко-германская пара сблизилась благодаря схожему отношению к перспективам развития мирового сообщества, благодаря неприятию однополярного мира, гегемонистской стратегии США и их тактики силового решения проблем. Пиком франко-германского политического согласия стала совместная позиция в иракском кризисе, заявленная зимой 2002-2003 гг.

* * *

По-прежнему опираясь в европейском строительстве на тандем с Германией, Франция пыталась компенсировать возросший дисбаланс сил в этой паре сближением с другими странами ЕС. Примером тому являются поиски средиземноморской солидарности с Испанией и Италией и, в особенности, шаги к укреплению франко-британских отношений в их европейском аспекте.

В современных условиях Великобритания становится всё более важным фактором европейской интеграции. Изначально эта страна расценивалась Францией в качестве «троянского коня» США в Европе, что служило главным основанием для упорного противодействия де Голля её вступлению в ЕЭС. Если прежде Великобритания играла в Европе прежде всего роль привилегированного партнёра США, то после падения Берлинской стены ситуация в евро-атлантических отношениях существенно меняется. Роль привилегированного собеседника и надёжного союзника США в Европе оспаривалась у Лондона и Берлином, и Парижем (причём, главным фактором этой надёжности является не единомыслие и безусловная поддержка, а сила и решимость отстаивать общие идеалы и интересы). Кроме

³⁵⁹ На встрече Г.Шрёдера и Ж.Ширака в Париже в мае 2001 г.: Le Figaro, 11 mai 2001.

того, Великобритания представляет в ЕС собственное видение перспектив интеграции, которое не может не приниматься в расчёт франко-германской парой, поскольку в ней не существует полного совпадения позиций в этом вопросе.

Взаимное стремление Франции и Великобритании к более тесному сотрудничеству в Европе проявилось в пору объединения Германии, перед лицом возможного смещения оси европейской интеграции в Центральную Европу, а потому отвечало, прежде всего, политическим амбициям двух стран. Париж постоянно подчёркивает близость исторических традиций и геостратегической ситуации Франции и Великобритании:

- обе страны не могут отказаться от влияния в мировой политике: две старые нации слишком долго были великими державами, чтобы сосредоточиться лишь на собственных проблемах. Однако перед лицом претензий США на единоличное мировое лидерство и роста экспансии азиатских стран Великобритания и Франция могут опереться в поисках влияния только на ЕС. Обе страны являются единственными в ЕС обладателями собственного ядерного оружия и постоянными членами СБ ООН, поэтому старое партнёрство Антанты должно было бы возродиться в рамках ЕС;

- их сближает совместное отстаивание принципа Европы государств, противостояние наднациональным тенденциям в ЕС, проводником которых долгое время являлась Германия. Вместе с ФРГ Франция защищает идею сильной Европы, основанной на общности интересов и институтов ЕС, однако вместе с Великобританией французы предпочли бы слабые институты (в частности, Еврокомиссию) с перераспределением полномочий в пользу национальных правительств и парламентов³⁶⁰.

Во время своего визита в Великобританию в мае 1996 г. Ж.Ширак сделал европейскую проблематику центральной темой своих выступлений. В

³⁶⁰ Le Figaro, 16 mai 1996: Lambrochini Ch.: Le piège à éviter.

Палате Общин он заявил: « Господа англичане, Европа состоится, и она не состоится без вас». В то же время, он не забыл подчеркнуть, что, хотя «участие Соединённого Королевства и франко-британская дружба необходимы для европейского замысла, /.../ франко-германское сотрудничество остаётся его определяющим элементом»³⁶¹. Сочетание этих заявлений заставило задуматься о перспективе создания франко-англо-германского треугольника или, как это прозвучало на пресс-конференции Ширака в Лондоне, о «браке втроём» между тремя странами. На вопрос о возможном лидере в подобном союзе Ж.Ширак ответил, что в «браке втроём» не бывает руководителя, подчеркнув, что «в любом случае, не существует эффективного европейского строительства без британцев: «Это является предметом наших постоянных усилий»³⁶².

Главной целью заявлений Ширака было преодоление определённого евроскептицизма английского общества и присоединение Великобритании к евро. В обмен французский президент обещал поддержку внутри ЕС в вопросе об экспорте британской говядины. Однако Лондон продолжает воздерживаться от принятия евро, отстаивая своё видение будущего ЕС, прежде всего как единого рынка, что расходится с французским стремлением придать Европе политическое измерение.

Наиболее удачным примером развития франко-британского партнёрства являются совместные инициативы в области европейской безопасности, что может составить ядро «усиленной солидарности» внутри ЕС. В Боснии франко-британские войска составили костяк сил быстрого реагирования, а затем – многонациональных сил IFOR; Дж.Мейджор был, чуть ли не единственным европейским лидером, поддержавшим возобновление французских ядерных испытаний в 1995 г. (Коль выразил понимание, но не одобрение). Выше было сказано о франко-британской

³⁶¹ Ibid.: Chirac milite pour l'Europe.

³⁶² Le Monde, 16 mai 1996.

программе производства и разработки вооружений. В этой области линия франко-британского сотрудничества является наиболее успешной из всех двусторонних линий внутри ЕС³⁶³.

Однако не стоит из этого делать вывод о совпадении взглядов Франции и Великобритании на будущее евро-атлантического партнёрства: Лондон не поддерживает стремления Франции к перераспределению полномочий в региональных командованиях НАТО в пользу европейцев и в целом продолжает оставаться наиболее верным защитником американской точки зрения на реформу НАТО.

Если задуматься над содержательной стороной понятия франко-англо-германского треугольника, то следует признать, что он имеет большое значение для французской политики в Европе. Во-первых, развитие привилегированного диалога с британской стороной позволяет Франции компенсировать увеличивающийся дисбаланс во франко-германской паре. Дело в том, что франко-британскую и франко-германскую линию нельзя назвать параллельными: как правило, Франция интенсифицирует поиски согласия с одним из партнёров, когда буксует сотрудничество с другим. Во многом именно поддержка Великобритании (и Испании) позволила Шираку отстоять на Берлинском саммите ЕС в марте 1999 г. интересы единого сельскохозяйственного рынка перед лицом ФРГ. В свою очередь, франко-германский тандем служит реализации стремления Франции к «политической Европе». В 2002 г. особая позиция Парижа и Берлина, осудивших военное разрешение иракского кризиса, могла бы стать примером европейской внешнеполитической идентичности, если бы она могла найти поддержку Великобритании и других членов ЕС. Однако именно в этом кризисе проявилась основная линия Лондона в отношении европейских инициатив в сфере дипломатии и безопасности – использовать своё участие в ЕС для успеха англо-американского военно-политического

³⁶³ В 1998 г. у Франции и Великобритании было 22 совместных программы. См. подробнее: DN, 1998, N4.

сотрудничества. Интересы этого тандема будут, видимо, всё сильнее представлены в ЕС по мере его расширения на Восток.

Французская тактика усиления сотрудничества с Великобританией в европейском строительстве в сочетании с укреплением франко-германского тандема была нацелена на создание подобия «триумvirата», способного в будущем двигать вперёд единую и расширенную Европу. Кроме того, Франция рассчитывала добиться усиленного сотрудничества с Великобританией в областях, в которых она не могла ожидать поддержки Германии (в отстаивании полномочий межправительственных органов ЕС, в осуществлении операций по поддержанию мира в Африке и на Балканах, в стратегическом диалоге по ядерным проблемам, начало которому было положено созданием франко-британской ядерной комиссии, в отказе Франции от воинской обязанности)³⁶⁴. Реализация европейской внешней политики и политики безопасности началась с франко-британской декларации Сен-Мало 1998 г. Великобритания видела в сотрудничестве с Францией развитие своей дипломатической стратегии «по всем азимутам». Отчасти же оно было направлено против франко-германского преобладания в ЕС, которое в Лондоне считали слишком дирижистским и антилиберальным в том, что касалось социально-экономической политики ЕС.

В противовес французским намерениям, тактика Т.Блэра состоит в том, чтобы создавать комбинации сотрудничества между различными странами, заинтересованными в тех или иных конкретных программах и проектах. Так, в дополнение к франко-британской инициативе Сен-Мало в феврале 2002 г. был принят итало-британский план действий по либерализации рынка труда и энергии, которому решительно противится Франция. Но тогда же было выдвинуто франко-испано-британское предложение о выборном Президенте ЕС, который должен возглавить Совет Сообщества. Эта тактика поиска

³⁶⁴ Charillon F. De Suez à Skopje : un nouveau partenariat franco-britannique pour le XXI-e siècle ? // PE – 2001. – N°4. P. 953.

меняющихся партнёров для продвижения совместных европейских инициатив позволяет Великобритании занимать центральное положение в ЕС и влиять на ход важнейших переговоров (кроме тех, что ведутся по поводу евро). В этом плане стремление Франции и Германии к усилению политического ядра ЕС расходится с британской тактикой, что затрудняет становление «триумvirата», способного динамично двигать вперёд Европу двадцати семи. Успеху французских планов в этом направлении мешают принципиальные разногласия. «До тех пор, пока Лондон будет колебаться между Брюсселем и Вашингтоном, пока британское население будет в массе своей противиться европейской интеграции и пока франко-германское сближение будет спотыкаться о проблемы финансирования сельскохозяйственного рынка, три страны не смогут осуществлять лидерство, в котором так нуждается ЕС»³⁶⁵, - заключает специалист по франко-германским отношениям Ганс Старк.

На мой взгляд, перечисленные причины далеко не равнозначны. В настоящее время главным противоречием между франко-германской парой и Великобританией состоит в разном стратегическом видении будущего международного сообщества и роли в нём Европы. Великобритания, также как и Франция озабочены сохранением мирового влияния в условиях, когда они больше не являются великими державами. Пути решения этой проблемы у них различны. Лондон устраивает роль привилегированного союзника США - единственной великой державы современного мира, а поэтому американское лидерство вписывается в эту стратегию. Для Франции и Германии многополюсный мир и многосторонность принятия глобальных решений являются приоритетами. Опорой сохранения или восстановления мирового влияния может быть только ЕС в качестве самостоятельного центра силы. В этом видятся перспективы сохранения франко-германского тандема в европейском строительстве. Один из ведущих французских

³⁶⁵ Stark H. Paris, Berlin, Londres vers l'émergence d'un directoire européen ? // PE. – 2002. – N°4. P. 982.

германистов А.Гроссер считает, что при схожести взглядов на необходимость утверждения мировой роли Европейского союза, между Францией и ФРГ существует одно фундаментальное различие. Если Франция уже полвека стремится строить Европу, общее могущество которой может усилить её позиции в мире, то после второй мировой войны предполагалось, что у Германии не будет больше глобальных амбиций. После объединения Германия, несмотря на трудности интеграции восточных земель и на экономические проблемы, безусловно, находится на подъёме в том, что касается её внешнеполитического престижа. Однако её дипломатии присуще «самоограничение» (Selbstbeschränkung) - понятие, которое, как считает А.Гроссер, вовсе не употребляется во французском языке. Речь идёт о «добровольном отказе от престижа, в ещё большей степени от мелкого тщеславия во имя концепции международных отношений, которая не должна быть излишне национальной»³⁶⁶.

А.Гроссер любит и знает современную Германию. Его круг общения – германские интеллектуалы, безусловно, неизменно давали ему доказательства справедливости этих слов. Многие высказывания сегодняшних руководителей немецкой дипломатии в связи с ролью франко-германской пары свидетельствуют в пользу утверждения А.Гроссера. ФРГ проявила большую заинтересованность в преодолении франко-германских разногласий 1999-2001 гг. (по поводу финансирования сельскохозяйственного рынка и реформы институтов ЕС). Рассуждения об изоляции и ослаблении позиций Франции в Европе ставят германскую дипломатию в неловкое положение. Оставаясь самым крупным государством ЕС, она не хочет брать на себя роль единоличного лидера сообщества, тем более что её позиция обычно находит больше понимания у малых стран, а её экономическое присутствие и политическое влияние в странах-кандидатах гораздо сильнее, чем французское. Но в духе «самоограничения» она боится,

³⁶⁶ Grosser A. Leux staturs internationales diffrentes // La Croix. - 2001. - 31 octobre.

что мысль о её единоличном лидерстве может напугать её партнёров и тем самым повредить её интересам в Европе. Й.Фишер заявил, вернувшись из Ниццы: «Мы не можем позволить себе пересечь запретную черту, чтобы перейти из европейской Германии в германскую Европу». Отсюда его заинтересованность в сохранении франко-германского тандема и заявление, что «искушение изолировать Францию будет иметь фатальные последствия». В той же речи министр иностранных дел ФРГ подтвердил мысль о различиях французского и германского взглядов на Европу, высказанную А.Гроссером: «Для Франции Европа всегда была средством продвинуть свои национальные интересы, в то время как для Германии Европа являлась национальным интересом»³⁶⁷. В своё время искренность Вилли Брандта, исповедовавшего подобную позицию морального самоограничения, вызывала подозрения у Ж.Помпиду. Французские историки и аналитики нередко возвращаются к понятию «неуверенность», отражающему отношение во Франции к прочности франко-германского содружества. Известный историк Ж.Сутту назвал свою книгу, посвящённую политико-стратегическим франко-западногерманским отношениям, «Сомнительный альянс»³⁶⁸. Специальный номер общественно-политического журнала «Эспри», темой которого была современная Германия, назвали «Германия наших сомнений», чтобы не называть «Германия тревоги нашей», перефразируя знаменитый роман Дж. Стейнбека³⁶⁹. Я могу только заметить, что «самоограничение» - понятие, бытующее в германской политике уже полвека, но *только* полвека, и насколько оно станет константой внешнеполитической идентичности Германии, можно будет судить через поколения. Однако события начала 2003 года (общая франко-германская позиция в иракском вопросе, январская декларация о тесном политическом

³⁶⁷ Le Monde, 17 décembre 2000.

³⁶⁸ Souttou G.-H. L'alliance incertaine. Les rapports politico-stratégiques franco-allemands. 1954-1996. - P. : Fayard, 1996.

³⁶⁹ L'Allemagne de nos incertitudes. Numéro spécial. Esprit, mai 1996. На память сразу приходит название романа Дж.Стейнбека «Зима тревоги нашей».

союзе) позволяют говорить о том, что через сорок лет после заключения франко-германского Елисейского договора сотрудничество двух стран в европейском строительстве остаётся важным вектором развития ЕС. Останется ли он определяющим – зависит от новой расстановки сил в Европе двадцати семи. Но уже сейчас можно утверждать, что сохранение франко-германского мотора европейской интеграции более благоприятно для выживания «европейской» Европы и для общей стратегии многополярного мира.

ГЛАВА 4: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ФРАНЦИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИЗИСОВ 90-Х ГОДОВ

1. Трансформация стратегической культуры Франции в середине 90-х гг

В начале 90-х гг., в связи с коренными изменениями геополитического порядка, меняются роли практически всех актёров на международной арене, в частности, роль Франции. Основные координаты её международного положения были заложены в 60-е годы. Они определялись:

- обладанием собственным ядерным оружием,
- политическим строем новой республики с особой ролью президента в иностранных делах,
- рамками холодной войны и биполярного миропорядка.

Кроме того, положение Франции мыслилось её правящими кругами в тесной связи с определённой стратегической культурой, т.е. совокупностью стратегических границ, в которых страна осмысливает свою историю¹. События к.80-х – нач.90-х гг. показали, что практически все эти координаты нуждались в серьёзном пересмотре.

Ушла в прошлое связь проблем безопасности Франции с её географией, когда физическая открытость восточных границ делала её территорию уязвимой для противника. По выражению Д.Давида, после 1945 г. противник «покинул» Францию дважды: в 40-х гг. её «наследственный враг» - Германия (ФРГ) становится её союзником, на рубеже 80-х-90-х распался Варшавский договор. Если прежде, в течение веков французская дипломатия и оборона были организованы вокруг вопроса о прямом соприкосновении с

¹ Анализ изменений стратегической культуры Франции в середине 90-х годов был дан Д.Давидом в лекции, прочитанной в МГИМО в 1995 г.

противником, в начале 90-х гг. отпала необходимость защиты собственной территории от иностранного вторжения.

Одно из слагаемых национального суверенитета – население, защищающее свою территорию с оружием в руках, воплощённое в массовой армии и системе всеобщей воинской обязанности², отныне, когда национальной территории больше никто не угрожает, теряет своё прежнее значение³. Вопрос о профессионализации армии по примеру США и Великобритании стал яблоком раздора во французском политическом классе. Во время избирательной кампании 1995 г. голлист Ж.Ширак высказался за постепенный переход к профессиональной армии, Ф.Леотар (Республиканская партия) вместе с большинством военных по-прежнему считал необходимым сохранение воинской обязанности в сочетании с развитием профессиональных соединений для ведения внешних операций в рамках ООН. Э.Балладюр занял более нюансированную позицию. Выступая в IHEDN - Высшей школе национальной обороны ⁴10 мая 1994 г., он заявил, что такая «смешанная» армия не должна существовать вечно. Предусмотренное военными 20%-е сокращение численности французских ВС в паре с профессионализацией армии должно было дать 10%-ную бюджетную экономию⁵. Что касается Миттерана, то он всегда демонстрировал приверженность всеобщей воинской обязанности, являвшейся одним из главных и священных проявлений республиканской гражданственности.

По окончании холодной войны все крупные индустриальные страны, кроме Франции, сократили расходы на оборону и более чем на четверть уменьшили численность вооружённых сил, независимо от того, была ли в них профессиональная армия или всеобщая воинская обязанность.

² С 1793 г., когда декретом Конвента был объявлен массовый призыв в армию.

³ Guisnel J. Défense: l'heure des choix.// L'Etat de la France en 95-96. P.592-593.

⁴ IHEDN – Institut des hautes études de la défense nationale.

⁵ Guisnel J. Défense: l'heure des choix// L'Etat de la France 95-96. P.593-594.

страна	1988	1995	измен. числ. в %
Германия	488 700	339 900	- 30,4%
США	2 163 200	1 547 300	- 28,5%
Великобритания	316 700	236 900	- 31,5%
Франция	456 900	409 000	- 10,5% ⁶

Во Франции также встаёт вопрос о сокращении военных расходов. Ф.Эйсбург, президент французского комитета Международного института стратегических исследований⁷, считает, что в этой области Франция в 1989-94 гг. шла против течения: выполнение её военных программ требовало ежегодного увеличения расходов на оборону.

Большинство в ФСП высказывалось за сокращение военного бюджета, П.Моруа на партийном конгрессе указал на своевременность этого сокращения в связи с распадом Варшавского договора, но Миттеран считал, что преобразования в Восточной Европе ещё не стали необратимыми и что мир далёк от стабильности⁸.

В результате военные расходы Франции всё-таки начали снижаться, но сократились в период с 1990 по 1994 гг. лишь на 4%, т.е. значительно меньше, чем расходы других крупных стран НАТО, а V-я статья бюджета, касающаяся расходов на неядерные силы, осталась на прежнем уровне, в то время как в США и Германии она была урезана соответственно на 40% и на 50%. Это позволило Франции усилить свои позиции в области обороны по сравнению с другими странами НАТО и ЕС. Однако в более длительной перспективе это имело противоположный эффект, т.к. позволило продолжать работу над программами совершенствования вооружений, запущенными в период второго сосуществования, без поправки на изменение международной ситуации. В результате, к середине 90-х гг. стало очевидным, что множество

⁶ Heisbourg F. La France et sa défense.// PE. – 1995. - № 4. P.983.

⁷ IISS – International Institute for Strategic Studies, находящийся в Лондоне.

⁸ Le Poign et la Rose, N130, janvier 1990.

дорогостоящих и сильно продвинувшихся программ, которые трудно остановить, делает затруднительным насущное сокращение военных расходов, в то время как в конце 80-х ещё не поздно было сделать выбор в пользу программ, наиболее перспективных с точки зрения изменения стратегических рамок национальной обороны.

В итоге, как считает Ф.Гейнсбург, «Франция рисковала снова пойти против течения, но на этот раз с более тяжёлыми последствиями не только с точки зрения её операционных возможностей и военно-промышленного потенциала, но и с точки зрения места Франции в мире»⁹. Дело в том, что сильная и автономная оборона была одним из главных козырей Франции в мире и в Европе, в частности, в уравнивании франко-германской пары – центрального элемента французской внешней политики. Поэтому резкое сокращение или замораживание французских военных программ грозило стабильности франко-германского партнёрства в Европе. Уменьшение вклада Франции в политику обороны и безопасности влекло за собой невозможность компенсировать экономическое, демографическое и финансовое преобладание объединённой Германии.

Со времён де Голля Франция считается планетарной державой, но то, что она может сделать в изменившемся мире своими средствами, становится всё менее значительным. Если в 60-х-70-х гг. французский десант из двухсот парашютистов в Чёрной Африке мог серьёзно повлиять на стабилизацию политической ситуации, то в начале 90-х гг. их усилия оказываются тщетными. За двадцать лет наращивание вооружений в этом регионе, а также развитие этнических конфликтов и рост общей политической нестабильности привели к качественным изменениям масштабов средств, необходимых для эффективного вмешательства, если предположить, что такое вмешательство может вообще быть здесь результативным

⁹ РЕ. – 1995. - № 4. Р. 987.

Конечно, у Франции оставалось преимущество обладания собственным ядерным оружием. В начале 60-х годов оно помогло преодолеть страх военного поражения, довлевший над французами ещё с разгрома 1870 г. и усиленный предвоенной капитулянтской политикой правительств Третьей республики и военной катастрофой 1940 г. Концепция ядерного сдерживания сделала в глазах французов атомное оружие средством избежать какой бы то ни было военной угрозы.

Ещё в феврале 1990 г. министр обороны Ж.-П.Шевенман заявил, что Франция продолжит ядерные испытания, поскольку они необходимы для модернизации её ядерного арсенала¹⁰. В то же время, становилось всё более очевидным, что военные кризисы, поразившие Европу, да и не только Европу с конца 80-х годов, нельзя разрешить с помощью ядерного нажима. В апреле 1992 г., в момент начала деятельности правительства П.Береговуа, Ф.Миттеран объявил мораторий на испытания и, несмотря на резкие протесты начальника Генерального Штаба, адмирала Ж.Ланксада, в мае 1994 г., повторил, что мораторий сохранится, пока он останется у власти. Впервые во Франции был нарушен консенсус президента и парламентского большинства по вопросу о ядерных испытаниях, поскольку правое большинство выступило за возобновление испытаний.

Можно предположить, что Ф.Миттеран перед лицом вечности стремился вернуться к позиции, традиционной для французской католической церкви. Она состоит в понимании, что военный атом способен обеспечить Франции мир. Ядерное оружие – необходимое зло, которое следует принимать, однако оно остаётся глубоко аморальным. Ядерные испытания были постоянным напоминанием об этой аморальности¹¹.

¹⁰ Социал-демократия и проблемы европейской безопасности и разоружения в 80-е. годы / Под ред. И.Н.Ундасынова. М.: 1991.

¹¹ См. об этой точке зрения в: Assemblée Nationale (N308). Avis présenté au nom de la Commission de la Défense Nationale sur le projet de la loi de finances pour 1998 (N230). - Nov. 1997. - P.12.

Вслед за тем, пусть с большим опозданием, Франция присоединилась 3 августа 1992 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия, что логически могло привести к полному отказу от испытаний. 4 июля 1993 г. Франция подключилась к переговорам по Договору о всеобъемлющем прекращении ядерных испытаний. Тогда же она дала согласие на участие в переговорах по Конвенции о запрещении производства ращепляющих материалов в военных целях.

Перед президентскими выборами 1995 г. Л.Жоспен – кандидат от СП уверил избирателей в продолжении курса, начатого Миттераном¹². Однако, новый министр обороны Ф.Леотар и премьер-министр Э.Балладюр заявили, что они «не исключают» возобновления ядерных испытаний¹³. Таким образом, смена президента в 1995 г. могла повлечь за собой возврат к традиционной для голлизма и для Пятой республики политике, основывающей обороноспособность и международный вес страны на её ядерном арсенале.

2. Неоголлистская революция в обороне

а. Судьба французского ядерного сдерживания: возобновление ядерных испытаний

Первый президент Пятой республики генерал де Голль, закладывая новый внешнеполитический курс, начал с армии и обороны. Ж.Ширак действовал в том же духе: первой громкой акцией нового французского президента было возобновление ядерных испытаний. Как заметил известный политический обозреватель А.Дюамель, «последняя серия ядерных испытаний была призвана показать миру, что его(Ширака) Франция намерена отдавать предпочтение тому, что она считает национальным интересом, перед всеми другими соображениями»¹⁴.

¹² Jospin L. La France et l'Europe dans le monde. Orientations en matière de politique internationale, de politique européenne et de défense //Vendredi. - 1995. - 14 avril.

¹⁴ La Libération, 21 avril 1996.

Кроме того, эти испытания заканчивали серию работ по модернизации французского атомного оружия, что позволяло приступить к сокращению сил ядерного сдерживания, (которое вписывалось в мировую тенденцию ядерного разоружения), но в опоре на усиленную ядерную мощь.

Ж.Ширак задумал настоящую революцию в обороне: в первые годы его президенства окончательно определился выбор в пользу профессиональной армии с переносом центра тяжести оборонных программ на модернизацию и эффективность вооружённых сил. В международной сфере планы Ширака вписывались в классический голлистский курс на создание коллективной европейской мощи, главной вдохновительницей и главной военной силой которой стремилась стать Франция.

Плоды первого решительного шага нового президента Франции для её международного престижа оказались сомнительными. Решение о возобновлении ядерных испытаний на атолле Мороруа представлялось разрывом с предшествовавшей политикой Ф.Миттерана, выражавшего уверенность, что его преемники на президентском посту продолжат политику разоружения и нераспространения ядерного оружия, начатую им в 1993 г.¹⁵. Ещё тогда Ж.Ширак упрекал премьер-министра Э.Балладюра за то, что тот не оспаривал точку зрения президента, однако в дебатах с кандидатом социалистов Л.Жоспеном между 1-ым и II-ым турами президентских выборов он выказал меньшую категоричность. После победы на выборах Ж.Ширак показал, что рискует взять на себя принятие непопулярного как во Франции, так и за границей решения, исходя из высших интересов страны. В определённой степени такое поведение вписывалось в голлистское видение Франции – суверенной и гордой, в одиночестве противостоящей нападкам и непониманию на международной арене. В своём выступлении перед отъездом на встречу Большой семёрки Ширак настаивал на окончательном характере

¹⁵ Заявление Ф.Миттерана 5 мая 1994 г.: Le Monde, 5 mai 1994.

своего решения, стремясь усилить впечатление о твёрдости нового внешнеполитического курса.

Окружение Ширака предвидело негативную реакцию стран Тихоокеанского региона, но оно столкнулось с осуждением ЕС и общественного мнения в самой Франции, где 60% опрошенных высказались против решения президента, хотя примерно столько же согласились с сохранением французских сил ядерного сдерживания¹⁶. Возобновляя ядерные взрывы, Ширак был убеждён, что Франции необходимо закончить серию испытаний, если она хочет сохранить надёжность и дееспособность своего ядерного арсенала. Однако он выбрал крайне неудачное время для реализации своего решения – 50-летие Хиросимы и Нагасаки. Кроме того, окончание холодной войны изменило отношение к самому ядерному оружию и во Франции, и в целом в Западной Европе. Соглашаясь с тем, что без ядерного сдерживания холодная война могла бы перерасти в третью мировую войну, европейцы пришли к мысли, что прекращение противостояния двух лагерей должно привести к переосмыслению и трансформации ядерного сдерживания. Атомное оружие, как показало мощное антиракетное движение в Западной Европе в начале 80-х гг. (впрочем, почти не затронувшее Францию), жителям континента казалось более опасным, чем любая другая угроза. Поэтому возобновившая испытания Франция предстала в качестве страны высокомерной, эгоистичной, игнорирующей интересы и чувства своих соседей и союзников. Понятно, что последовавшие вслед за этим решением предложения Ж.Ширака сделать французские ядерные силы основой автономной европейской обороны были отвергнуты членами ЕС, в первую очередь Германией, хотя Г.Коль и отнёсся с пониманием к возобновлению французских ядерных испытаний, что должно было укрепить франко-германскую дружбу. Но общественное мнение ФРГ не поддержало в этом своего канцлера. Критика в адрес Франции раздавалась и со стороны

¹⁶ PE, 1995, N4. P.854.

правительств Нидерландов, Бельгии, Италии. Таким образом, первая решительная акция нового президента произвела эффект, прямо противоположный задуманному. В глазах мира и, в особенности, в глазах Европы демонстрация ядерной силы со стороны Франции была проявлением безответственности, тем более что она совпала с периодом мощных социальных выступлений в самой Франции, ставших показателем её внутренней уязвимости, и конечно никак не могла компенсировать растущей политической и экономической мощи Германии.

б. Концепция национальной безопасности и реформа армии

Коренной пересмотр французской концепции национальной обороны был обусловлен кардинальными изменениями мирового порядка в связи с окончанием холодной войны. Ж. Ширак решил воплотить эти изменения в новой военной политике, провозглашённой в феврале 1996 г.¹⁷. Глубокие изменения в военно-стратегической доктрине Франции¹⁸ определили широкую реформу, настоящую “революцию в обороне”, затрагивающую все области оборонной политики страны. Суть этих изменений изложена в Декларации по оборонной политике премьер-министра А.Жюппе и министра обороны Ш.Миллона, в апреле 1996 г.¹⁹

Первым соображением, диктующим переход к новой оборонной доктрине, французы считают откат российской армии с Эльбы к востоку от реки Березины, падение её материальной мощи и исчезновение советской угрозы: « Передовая линия нашей обороны в Европе и в рамках НАТО находится на таком удалении от национальной территории, которое не имеет прецедентов в нашей истории. Образ нации, вооружённой для защиты своих

¹⁷ В телевыступлении президента 22 февраля и в его выступлении перед командным составом французских ВС 23 февраля 1996 г.

¹⁸ Эти изменения отражены в Белой книге по обороне 1994 г.: *Le Livre Blanc la Défense*. 1994.

¹⁹ *Assemblée Nationale. Déclaration du Gouvernement sur la défense par M. A. Juppé, premier ministre, et par M. Ch. Millon, ministre de la défense. Cel. 4.4042(2654). Mis en distr. le 3 avril 1996.*

границ и обороны своей земли, больше не соответствует потребностям нашей обороны»²⁰.

Помимо изменений геополитического порядка, здесь действовали и экономические императивы: снижение оборонных затрат диктовалось необходимостью восстановления бюджетного равновесия, связанного с приоритетной задачей борьбы с безработицей. В 90-е годы произошло падение спроса на вооружения, а значительная часть военных расходов Франции покрывалась доходами от экспорта оружия. Добавим, что только Франция в годы холодной войны имела структуру ВС, подобную сверхдержавам (в отличие от Китая, Великобритании и Японии): ядерные силы из трёх составляющих (наземной, воздушной и морской), ВМС, снабжённые авианосцем с катапультами и военными контингентами в различных регионах мира. В то же время, военная мощь Франции никогда не была достаточной для того, чтобы она могла в одиночестве обороняться, а, следовательно, в большей степени определялась её амбициями, нежели возможностями и уже поэтому требовала серьёзного пересмотра.

По окончании холодной войны одна Франция в Европе не последовала всеобщему сокращению военных расходов, и пик их роста пришёлся на 1991 г.²¹ Только с 1992 г. начинается незапланированное сокращение военных программ; тогда же, в начале 90-х гг., уменьшается доля расходов на ядерную составляющую французской обороны: с 1990 по 1995 их доля в бюджете на вооружение сокращена с 30% до 20%.

Встав во главе государства, Ж.Ширак провозгласил курс не на количественное уменьшение, а на качественное изменение военного бюджета и всей оборонной политики. В своём выступлении 23 февраля 1996 г. он озвучил формулу «более эффективной, но менее дорогостоящей обороны»²².

²⁰ Ibid. P.4.

²¹ 195 млрд. франков по текущему курсу: La France et sa défense. Cahiers français. – 1997. - N283. P.24.

²² Le Monde, 24 février 1996.

Несомненное влияние на французских политиков и военных оказало новое видение войны, предложенное стратегами США. Его породили геополитические изменения к. 80-х – нач. 90-х гг., а также мощные технологические перспективы совершенствования вооружений и средств информации. Речь идёт о “новом оперативном искусстве”(NAO – *Nouvel Art Opérationnel*). Его основные положения были представлены французскому читателю в книге Ф.Жере ”Завтра война”²³. Суть нового сценария будущих войн – массированные вооружённые удары, точно спланированные и направленные, с целью разрушения “нервных центров” противника, предварительно обнаруженных многочисленными средствами разведки по всей глубине вражеских боевых порядков. В отличие от США, во Франции ещё в 1997 г. принципиально отвергали любую доктрину, допускающую ведение боевых действий в Европе. В противоположность доктрине ядерного сдерживания, возможность войны в Европе пробуждала воспоминания о двух разрушительных мировых войнах. В то же время, американские стратеги настаивали, что речь идёт о принципиально иной войне. Окончание блокового противостояния в Европе позволило им провозгласить пришествие новой эпохи и нового понимания войны, окрещённого “войной информационной эры”.

Первое отличие этой войны – она не предусматривает прямого соприкосновения с противником: высокие военные технологии позволяют использовать для поражения нервных центров противника самонаводящиеся и радиоуправляемые ракеты и самолёты – “невидимки” и разведывательные беспилотные самолёты, недоступные для радаров. Речь, следовательно, идёт о высокотехнологичной “войне на расстоянии” с минимизацией риска для нападающей стороны.

²³ Géré Fr. *Demain la guerre*. - P.: Calmann-Lévy, 1997. Исходная доктрина изложена в документах “Air-Land Battle 2000” (т. наз. Доктрина Роджерса) и FM 100/5 (оперативная стратегическая доктрина армии США).

Второе отличие состоит в первостепенной роли информации, в частности, разведки. Эффективность военных действий предусматривает в качестве одной из главных составляющих “сбор, обработку, распространение и распределение информации”²⁴.

Несмотря на некоторые скептические замечания по частностям новой стратегии, она произвела большое впечатление на французских политиков и военных. “Новое оперативное искусство” предусматривает нечто вроде виртуальной технократической войны, потери в которой для стороны, наносящей удар, сведены к минимуму, войны, которую граждане нападающих стран могут наблюдать по телевизору, составляя себе о ней представление, запланированное авторами её “сценария”, благодаря правильно “обработанной и распределённой” информации. Первой пробой такой операции в реальных условиях была “Буря в пустыне”, второй - война против Югославии в 1999 г.

Требования “нового оперативного искусства” сочетаются и с задачами поддержания французского международного престижа, и с провозглашённой французским президентом “революцией в обороне”, и с изменениями, произошедшими во французской стратегической культуре.

Новая стратегия позволяет Франции с её ограниченными силами по-прежнему не замыкаться лишь на защите национальной территории. Согласно заявлению А.Жюппе, “оборона Франции не является и никогда не была замкнутой на себе самой /.../ Она вписывается в европейскую международную перспективу. Надо ли /.../напоминать, что Франция является одновременно континентальной и морской державой, исторически повёрнутой к центру и к востоку нашего континента, но также и к Средиземноморью и к Африке?”²⁵.

Национальные возможности проведения глобальной политики усиливаются членством в НАТО и в ЗЕС; они подкреплены жизненной заинтересованностью в прогрессе военно-политического сотрудничества в

²⁴ Ibid. P. 105-110.

²⁵ Déclaration du gouvernement ... P.5.

рамках ЕС, определяющей рамки двустороннего взаимодействия с европейскими соседями Франции, особенно с Германией.

Мировая ответственность Франции в области безопасности обусловлена постоянным членством в СБ ООН и рангом ядерной державы, а также её интересами в Африке и на Ближнем Востоке. Последнее определяется как “обязательства солидарности” (*engagements de solidarité*).

Специфику стратегической политики Франции с основания Пятой республики А.Жюппе определил как «сочетание стратегической автономности с уважением тех отношений солидарности, которые она установила в мире»²⁶. Таким образом, Франция стремилась по-прежнему сохранить за собой ранг державы с европейской и мировой ответственностью, а для этого ей было необходимо подкрепить свою дипломатическую активность военной эффективностью.

Этой задаче отвечала военная реформа. Она затронула и стратегическую военную доктрину Франции не без влияния “нового оперативного искусства”. Прежняя теория трёх кругов обороны («экзагонального», т.е. собственно французской территории, атлантического и мирового)²⁷ уступила место ситуационному подходу (“*approche par scénarios*”), а прежние приоритеты: ядерное оружие и многочисленная армия²⁸, сменились новыми. Это увеличение силы развёртывания соединений, коалиционные действия (взаимодействие с союзниками), усиление роли разведки, профессионализация армии.

Изменилась и концепция обеспечения национальной безопасности. В декларации министра обороны Ш.Миллона говорится: «Обеспечивать нашу безопасность перед лицом внешней угрозы в меньшей степени означает

²⁶ Ibid. P.5.

²⁷ Эта доктрина, существовавшая с конца Алжирской войны и вплоть до конца холодной войны, изложена в Белой книге по обороне 1972 г.: *Le Livre Blanc sur la Défense*. 1972.

²⁸ В 1989 г. французские сухопутные силы насчитывали 280 000 солдат, 2\3 из которых – призывники. Из них 50 тыс. находились в ФРГ. Общая численность ВС составляла 550 000 чел., 7% которых (39 000 чел.) служили в «третьем круге» – в зоне глобальной ответственности Франции и состояли из профессионалов.: *La France et sa défense*, N283. P.24.

противостояние возможной агрессии, нежели борьбу с очагами пожара, которые могут возникнуть вокруг нас и, иногда, вдали от нас»²⁹.

Впервые новая военная доктрина и сценарий «войн информационной эры» были опробованы французами вместе со всей военной организацией НАТО весной 1999 г., в войне против Слободана Милошевича. Участие Франции в этой операции под эгидой США было логическим продолжением поисков особого места в новом европейском и мировом порядке, геополитической, военной и европейской стратегии Франции.

Организация и оснащение французских вооружённых сил в свете новой стратегической концепции должны были претерпеть существенные изменения, которые, как уже говорилось, были столь масштабны, что получили название «революции в обороне». Её реализация планировалась на 6 лет, т.е. до 2002 г., и предусматривала:

- переход к профессиональной армии с существенно сокращённой численностью персонала (на 143 тыс. чел.)³⁰,
- сокращение военного бюджета до 185 млрд. фр. в год (на 1997-2002 гг.), что, тем не менее, сохранит за Францией первое место среди стран ЕС в области оборонных расходов,³¹
- рационализация политики военного оснащения,
- модернизация французских ядерных сил.

Профессионализация армии означает:

- создание корпуса внешнего вмешательства для участия в операциях по поддержанию мира и гуманитарных акций,
- постепенный отказ от обязательной военной службы, на смену которой придёт краткосрочный призыв граждан на 5 дней для тестирования физических способностей, школьной, технической и психологической подготовки (так называемые «rendez-vous citoyen»),

²⁹ Déclaration du gouvernement... P.12.

³⁰ Déclaration du gouvernement... P.15.

³¹ La loi de programmation militaire pour les années 1997-2002. (июль 1996).

- набор добровольцев по срочному контракту,
- резкое уменьшение регулярной армии (кроме жандармерии) за счёт значительных премий досрочно увольняемым отставникам,
- сокращение армейской недвижимости.

Рассуждая о будущем французской армии, министр обороны Ш.Милон говорил о контингенте в 50 тыс. человек для развёртывания в рамках НАТО с одновременным набором 30 и 5 тыс. для действий сразу на двух разных театрах военных действий сроком на один год³².

Соответственно, уходит в прошлое модель смешанной армии (из призывников и профессионалов) эпохи ядерного сдерживания - армии, которая строилась для противостояния предполагаемой массированной агрессии с Востока Европы. Франция должна прийти к профессиональной армии, лучше приспособленной к новым, более разнообразным и более непосредственным вызовам национальной безопасности (терроризм, наркотики, религиозные и этнические конфликты, деятельность мафиозных картелей). Её армия должна стать менее многочисленной и менее дорогостоящей.

Что касается ядерного щита французских вооружённых сил, то геополитические изменения и соображения бюджетной экономии привели к упразднению его наземной составляющей. Правительство Жюппе отказалось от замены устаревших наземных баллистических ракет на плато Альбион³³. Комментируя это решение, Ш.Миллон заявил, что доктрина ядерного сдерживания генерала Де Голля не потеряла своей актуальности. Речь идёт о модернизации французских ядерных сил: решение президента Ширака касается как отказа от наземной составляющей, так и модернизации морской (океанской) и воздушной составляющих стратегических ядерных сил³⁴.

³² Déclaration du gouvernement ...P.13.

³³ Замена ракет SS 135-S 3D ракетами M4 потребовала бы инвестиций в размере от 10 до 30 млрд. фр.: La France et sa défense. - N283. P. 31.

³⁴ La Déclaration du gouvernement...P.14.

При этом французское правительство неизменно подчёркивает, что ядерное сдерживание Франции не замыкается в национальных рамках. Франция настойчиво продолжает голлистский курс на европеизацию французской ядерной мощи, вернее, на согласование ядерного сдерживания в рамках ЕС на базе модернизированных французских ядерных сил³⁵.

«Революция» в оборонной промышленности Франции диктуется двумя соображениями. Первое состоит в признании коренного изменения стратегических подходов: оборона больше не покоится на законе количества, но на высокой эффективности разведки, техники и персонала. Второе заключается в следовании традиционному голлистскому принципу стратегической автономии Франции. Отсюда первостепенная важность обладания собственной технологической и промышленной базой обороны, в особенности для создания высокотехнологичного военного снаряжения и оборудования, в частности, собственных спутников, данные которых позволили бы Франции производить самостоятельный анализ стратегической обстановки в любой точке земного шара³⁶. Последнее соображение требует отдельного пояснения, особенно в свете уроков косовского кризиса.

Министр обороны заявил в своей Декларации 1996 г. об успехе французского разведывательного спутника Гелиос-1, определившем продолжение программ создания средств космической разведки: планы создания Гелиоса-2 и радарного спутника Орус, совместно с Германией, и, возможно, с Испанией и Италией³⁷. На этой основе французские военные надеялись основать «европейский полюс» военной разведки, открытый для расширения на все заинтересованные страны ЗЕС, что стало бы важным шагом к усилению европейской оборонной идентичности. Однако оптимистический тон этой декларации маскирует не столь обнадеживающую реальность. Дело в том, что возможности французских средств космической

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid. P.12.

³⁷ Déclaration du gouvernement...P.15.

разведки и по сей день, в 1999 г. остаются очень ограниченными и не идут ни в какое сравнение с мощностью американской разведки, что делает абсолютно невозможной французскую и европейскую оборонную автономию в этой области. Размышляя о соотношении позиций США и их европейских союзников по НАТО во время косовской операции (весной 1999 г.), и в более широком плане – об отношениях между США и Европой в рамках общих военных операций, Ж.Бламон, советник генерального директора CNES³⁸ (Национального центра космических исследований), считает, что «космическая разведка стала фактором умножения сил на трёх уровнях: стратегическом, тактическом и оперативном. Причём, умножения сил для США, но не для их союзников, которых тщательно отстраняют от главного, не допускают к сведениям и тем более к их анализу. Следовательно, они не могут влиять ни на одно важное решение»³⁹. Американские средства космической разведки абсолютно господствуют на новом европейском военном театре: 50 спутников США непосредственно задействованы в операциях по разведке, координации и наведению ударов. За ними стоит огромная секретная машина, вырабатывающая стратегию и тактику, но «не Альянса, а США, господствующих над Альянсом»⁴⁰. Единственный французский спутник Гелиос-1 мало что может дать в условиях, когда облаками закрыто 80% театра военных действий. Это неравенство в средствах разведки, по мнению Ж.Бламона, позволяет США создать непреодолимую дистанцию между союзниками, поскольку силы европейцев, задействованные в конфликте, не имеют доступа ни к общему видению театра, которым обладает американское командование, ни к стратегическому выбору целей, ни к оценке результатов ударов. В этом контексте становится понятным, почему американцам удалось уговорить Германию отклонить предложение Франции

³⁸ CNES – Centre national d'études spatiales.

³⁹ Blamont J. La France en retard d'une guerre // Le Monde. – 1999. – 23 avril.

⁴⁰ Ibidem.

о совместной работе над программой Гелиос-Орус⁴¹: «могущество заключается в системе, а не в нескольких спутниках»⁴². Ж.Бламон считает, что Франции необходимо принять политическое решение, нацеленное на создание системы космической разведки, которой она сможет поделиться со своими соседями по ЕС, что может стать необходимой предпосылкой создания автономной европейской военной мощи.

Следующей составляющей «революции» в оборонной промышленности должна была стать концентрация национальных индустриальных мощностей вокруг «полюсов» специализированных производств, способных включиться в европейские комплексы, противостоящие американской конкуренции: производство и потребление военной продукции должны быть всё более организованы в европейском масштабе⁴³. Кроме того, была предусмотрена реорганизация управления важнейшими военно-промышленными компаниями⁴⁴. Что касается придания европейского измерения производству военной продукции, то большие надежды, которые Франция возлагала на совместные европейские проекты, оправдываются только отчасти. Так, франко-англо-итальянский проект строительства военных фрегатов «Horizon» (решение от 1992 г., подписан в июле 1994 г.) в апреле 1999 г. отложен Т.Блэром по соображениям бюджетной экономии. Зато остался в силе трёхсторонний проект создания противовоздушных ракет для оснащения фрегатов (РААМС) с теми же участниками⁴⁵.

⁴¹ Гелиос-1 запущен Францией совместно с Испанией и Италией. Это спутник, передающий изображение объекта. Программа «Гелиос-Орус» предусматривала создание и радарного спутника («Орус»). Речь идёт о трёх разведывательных спутниках и двух спутниках-радаров, срок деятельности которых ограничен 3 годами. При этом программа была растянута до 2015 г. Предполагалось, что она будет финансироваться совместно с Германией, но, ссылаясь на бюджетные соображения, а также под нажимом американцев, Германия отказалась от участия (осенью 1997 г.), отдав приоритет развитию своей бронетанковой техники и отказавшись от идеи независимых от американцев средств космической разведки. Позже ФРГ вернулась в европейский проект создания средств космической разведки (см. выше, Глава 3: отношения в франко-германо-британском треугольнике).

⁴² Ibidem.

⁴³ Déclaration du gouvernement... P.6.

⁴⁴ См. подробнее: Le Monde, 2 juin 1997.

⁴⁵ Le Monde, 28 avril 1999.

В конце десятилетия был завершён проект создания авианосца «Шарль де Голль» с перспективой строительства второго авианосца, а также проект создания самолётов «Рафаль»⁴⁶. Приоритетность этих программ подчёркивает глобалистские устремления Франции в области безопасности. Речь идёт о сохранении оперативных возможностей французских ударных, в том числе ядерных, сил вне национальной территории.

К лету 1997 г., когда правительство А.Жюппе должно было уйти в отставку, многие аспекты намеченной реформы обороны остались в начальной стадии: вопрос об отмене обязательной военной службы был принят парламентом уже при новом правительстве, ему же предстояло разблокировать ряд программ по реорганизации военной промышленности, в частности по приватизации ряда крупных военных компаний. Новому правительству пришлось проводить военную реформу в условиях, когда социальные программы и требования бюджетной экономии диктовали новое сокращение оборонного бюджета на 1998 г.

Новая правящая коалиция согласилась с профессионализацией армии и сделала её приоритетом политики нового правительства. Однако Л.Жоспен предложил свести «rendez-vous citoyen» к однодневному призыву «подготовки к обороне» (l'appel de préparation à la défense), что вызвало возмущение в рядах правой оппозиции⁴⁷. Летом-осенью 1997 г. в Национальном собрании развернулась острая дискуссия вокруг правительственного проекта сокращения военного бюджета на 1998 г. Проект предусматривал аннулирование субсидий на развитие армии. Притом, что предыдущее правительство заморозило 1,8 млрд. франков, новое правительство предложило сократить кредиты на оснащение армии ещё на 2 млрд. и снизить стоимость программ вооружений на 30%. В целом в бюджете на 1998 г. речь

⁴⁶ Déclaration du gouvernement...P. 15.

⁴⁷ Le Figaro, 24 sept. 1997.

шла об общем сокращении расходов на оборону на 10 млрд. франков, т.е. о военном бюджете в 185 млрд.⁴⁸.

Хотя президент Ширак выразил надежду, что такое серьёзное сокращение бюджета диктуется необходимостью соответствия критериям Маастрихта и потому имеет исключительный характер и коснётся только бюджета на 1998 г., правая оппозиция (РПР и ЮДФ) голосовала против. Лейтмотивом выступлений была фраза: «Наша оборона в опасности»⁴⁹. Правым республиканцам вторил Национальный Фронт: Мэр Тулона Ж.-М. Ле Шевалье в открытом письме президенту заявил: «Ваш долг – следить, чтобы правительство, сравнимое с правительством Народного Фронта 1936 г., не разоружило Францию»⁵⁰.

Между тем, в развитие общих направлений военной реформы были приняты три закона о военных программах на 1997- 2015 гг. Предполагается, что в результате их реализации Франция будет располагать новой моделью армии⁵¹.

⁴⁸ Le Monde, 7-8 sept. 1997.

⁴⁹ Le Figaro, 24 sept. 1997.

⁵⁰ Le Monde, 21 aout 1997.

⁵¹ См. подробнее: Tiroch B. Une politique de défense nouvelle. Les armées françaises à l'horizon 2015.//La France et sa défense. Cahiers français, N 283, 1997, p.30; Schmidt Chr., Dussauge P. Les mutations du système français d'armement.// Ibid., p. 70.

3. Франция и НАТО на рубеже XX-XXI веков: новое видение трансатлантического сотрудничества

а. Уроки кризисов начала 90-х годов

Распад Варшавского договора и исчезновение «советской угрозы», казалось, создавали условия для пересмотра атлантической концепции западноевропейской безопасности, центром которой была руководящая роль США. Автономия европейской обороны на протяжении последних десятилетий была в центре французской политики: решение 1966 г. о выходе из военной организации НАТО на деле отражало стремление де Голля отдать решение вопросов западноевропейской безопасности в руки европейцев. Противостояние в Европе двух военных блоков отодвигало этот проект в область теории или отдалённого будущего. Но с окончанием холодной войны и в связи с новыми шагами в объединении Европы, связанными с Маастрихтом, Париж мог вернуться к своей идее: стратегическая Европа останется пустым звуком, если она должна будет зависеть от США в обеспечении собственной обороны⁵². Поэтому Франция отказывалась помещать будущую европейскую стратегическую идентичность в НАТО, в то время как её европейские партнёры намеревались строить европейскую оборону в «европеизированном» Альянсе. Собственные оборонные возможности были необходимы ЕС с точки зрения французского проекта строительства европейского центра силы, способного уравновесить американскую внешнеполитическую мощь. Франция хотела «вытеснить» США из Европы.

Одним из возможных ответов на исключительность американской гегемонии в мире могла стать, по замыслу Миттерана, единая Европа. Идея французского президента состояла в том, чтобы восстановить европейское

⁵² Bozo F. La France et l'OTAN. De la guerre froide au nouvel ordre européen // Travaux et recherches de l'Ifri. – P.: Masson, 1991.

могущество, способное стать противовесом как американскому, так и азиатскому миру на будущие десятилетия. Эта концепция получила название «Europe-puissance» (Европа-держава). Можно утверждать, что Европа стала для Ф.Миттерана главным ответом на вызовы времени, оспаривавшие французские позиции в мире с конца 80-х гг. Выше говорилось о роли углубления интеграции перед лицом германского объединения. Одним из противовесов американскому мировому диктату, а также возможному усилению азиатского давления, будь-то экономический прессинг азиатских индустриальных «тигров» или религиозно-политическое давление исламского мира, должна стать Совместная оборонная и внешняя политика (PESC) стран ЕС.

При заключении Маастрихтского договора французское правительство отдавало себе отчёт в том, что в 1992 г. такое единство было скорее отдалённой перспективой, идеалом. Во-первых, европейские государства создавались на протяжении XVII-XIX вв. как государства-нации, и их внешнеполитические устремления, историческая память их народов формировались зачастую в борьбе с соседями, которые сегодня составляют с ними единое Сообщество. Поэтому необычайно трудно добиться «синтеза» их внешнеполитических устремлений. Во-вторых, США не хотели бы, чтобы существовала настоящая европейская автономия в вопросах обороны, а будущее европейской обороны зависело главным образом от того, чего захотят американцы.

Поэтому Франция продолжала настаивать на автономности собственных ВС по отношению к военной организации НАТО: она хотела оставить за собой возможность самостоятельной политики. В начале 90-х гг. Миттеран выступил за строительство автономной европейской обороны к 2000 году⁵³. Но на совещании 15-ти министров обороны НАТО в Брюсселе в мае 1991 г. было

⁵³ Un nouvel horizon...Ibid.; Ehrhart H.-G. La sécurité européenne vue par le PS et le SPD//Documents de Paris. - Dec. 1991.

принято решение о создании Сил быстрого реагирования НАТО и ударного корпуса из 16-ти многонациональных дивизий⁵⁴, что предусматривало сохранение гегемонии США. Речь шла об использовании войск и структуры НАТО для разрешения конфликтов в Европе в качестве инструмента СБСЕ. Таким образом, создавались предпосылки для превращения НАТО в военную основу европейской безопасности. На вербальном уровне Миттеран считал, что главную роль в урегулировании международных конфликтов, в том числе и в Европе, должна играть ООН, однако уже тогда операция «Буря в пустыне» показала, что ООН является лишь средством узаконить военное вмешательство США в Персидском заливе в глазах мировой общественности. Все попытки Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра участвовать в урегулировании конфликта были блокированы Дж.Бушем. Поэтому Франция настаивала на том, что безопасность Европы должна быть обеспечена в рамках трёх структур: СБСЕ, Совета НАТО и ЗЕС⁵⁵. Позиция Франции была близка позиции России, руководство которой считало, что военные силы, действующие от имени СБСЕ, должны быть формироваться прежде всего за счёт стран-участниц СБСЕ.

Ещё одним важным направлением французской политики по усилению европейской идентичности в деле обеспечения безопасности в регионе была борьба за увеличение роли ЗЕС в качестве «европейского столпа НАТО». Среди конкретных шагов в этом направлении можно отметить включение в состав франко-германского корпуса военного персонала из Бельгии, Люксембурга, Испании с целью реорганизовать его в Еврокорпус.

Усиление европейской идентичности и автономность европейской обороны, естественно, не входили в число приоритетов США. После падения Берлинской стены американцам требовались новые оправдания сохранения

⁵⁴ По предложению Великобритании.

⁵⁵ На сессии ЗЕС в мае 1992 г.

военного присутствия и вмешательства в Европе и самого существования НАТО. Так появился американский проект, ставящий НАТО в центр европейской безопасности (между 1989 и 1995 гг.) Его главная идея состояла в том, что Атлантический Альянс должен стать главной структурой на территории «от Ванкувера до Владивостока» (Дж.Буш, 1991).

Говоря о поэтапном расширении сферы деятельности НАТО, США намеревались придать ей новые функции - действия по поддержанию мира, что подразумевало выход за рамки зоны действия Североатлантического договора. Эволюция НАТО, предложенная США, вызвала некоторую настороженность со стороны Франции⁵⁶. В первоначальные планы Франции не входило ни расширение НАТО на Восток, ни особая роль НАТО в диалоге со странами Центральной и Восточной Европы. Франция предпочла бы, чтобы присоединение бывших социалистических стран к либеральному миру происходило в рамках европейских структур. Перед лицом дезинтеграции социалистического содружества Миттеран выдвинул план создания Европейской Конфедерации, который, однако, был отвергнут восточно-европейскими странами (см. выше).

1991-92 гг. были отмечены противостоянием Франции и администрации Буша, опасавшегося, что американское лидерство в Европе будет оспариваться французской дипломатией, которая требовала максимальной самостоятельности ЕС в деле обеспечения безопасности. Однако, опыт разрешённых и неразрешённых конфликтов, накапливающихся в Европе, успокоил одновременно и американцев, и европейцев, лишившихся излишней самонадеянности. Поэтому 1993-94 гг. благоприятствовали примирению линии Клинтона, выказывавшего большую, чем Буш благожелательность к идее европейской идентичности, и французской политики, которая была теперь отмечена большим прагматизмом и строилась

⁵⁶ Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992). - М.:Наука. 1993.

с учётом новых реалий. Парадоксальная ситуация, сложившаяся в 1992 г., когда ВМС и ВВС одних и тех же стран, которые были участниками и НАТО, и ЗЕС (Франции, Великобритании, Бельгии, Испании, Италии и Португалии), участвовали в обеспечении эмбарго против Югославии в рамках обеих структур, что породило ненужные сложности в координации действий. В результате в июле 1993 г. на заседаниях Советов ЗЕС и НАТО Франция согласилась с тем, чтобы передать эти операции натовскому командованию в Южной Европе. После 1993 г. операции в Боснии проводились только под эгидой НАТО⁵⁷. Таким образом, на том этапе спор был явочным порядком решён в пользу Альянса.

Обсуждение Маастрихтского договора в 1990-1991 гг. сопровождалось борьбой двух точек зрения на будущее ЗЕС (Западно-европейского Союза)⁵⁸:

- ЗЕС как военная опора (*bras armé*) ЕС (позиция Франции);
- ЗЕС как европейская опора НАТО (позиция остальных участников Альянса).

В Договоре спор не разрешён: в нём присутствуют обе точки зрения. Франция первоначально настаивала на первой, но к середине 90-х гг. всё больше склонялась ко второй: в Париже должны были признать, что, несмотря на намеченную в перспективе единую европейскую оборонную и внешнюю политику, безопасность Европы ещё долго будет оставаться в ведении НАТО. Исключая возвращение к первоначальному освобождению ЗЕС от военных

⁵⁷ Soetendorp B. La construction d'une défense européenne // RietS. - Hiver 2002-2003.

⁵⁸ Французская аббревиатура – UEO – Union d'Europe Occidentale. Созданный в Брюсселе в 1948 г. и дополненный протоколом 1954 г., ЗЕС включает 10 государств-членов ЕС: ФРГ, Бельгию, Испанию(1990), Францию, Грецию(1995), Италию, Люксембург, Нидерланды, Португалию(1990), Великобританию, 3 ассоциированных члена (Исландия, Норвегия, Турция) и 5 наблюдателей (Австрия, Дания, Финляндия, Ирландия, Швеция), а также 10 ассоциированных партнёров из Центральной и Восточной Европы и страны Прибалтики. Ст. 5 договора о ЗЕС идёт дальше соответствующей статьи Вашингтонского договора о НАТО: она предусматривает в случае вооружённой агрессии против одной из стран оказание автоматической помощи “всеми имеющимися средствами”. Однако, ст.4, добавленная в 1954 г., передала НАТО чисто военную компетенцию ЗЕС. С этого времени главной задачей ЗЕС стало наблюдение над соблюдением ФРГ обязательств в сфере обороны и вооружений. С 1984 г. ЗЕС вступил в стадию “реактивации”: с 1985 г. два раза в год собирается Совет ЗЕС на уровне министров обороны, а также создаются агентства для развития кооперации в деле вооружений.

полномочий в пользу НАТО⁵⁹ в области обороны *stricto sensu*, на что партнёры Франции не согласились бы, Париж делал ставку на утверждение европейской автономии в области безопасности в широком смысле слова. Однако такое разделение теоретических задач не выдержало испытания в войне в бывшей Югославии. На фоне разногласий по поводу признания Словении и Хорватии (в начале 1992 г.) желание Франции придать ЗЕС основную роль в югославском кризисе не соответствовало реальным возможностям европейцев. На деле присутствие ЕС в конфликте ощущалось лишь в той мере, в какой Франция, Великобритания и другие страны ЕС предоставляли свои военные силы для операций, осуществлявшихся от имени ООН в 1992 г. Эти силы не опирались на структуры ЗЕС, в то время как роль НАТО неуклонно возрастала. Это заставило Францию осторожнее отнестись к вопросу о европейской оборонной идентичности, поскольку обнаружило ограниченный характер оперативных возможностей ЗЕС и его зависимость от НАТО.

В итоге Франции не удалось оспорить роль НАТО и США в европейской безопасности. Трансформация НАТО в конце 80-х – начале 90-х гг. касалась не американского военного присутствия в Европе, а других аспектов: европейской автономии в обороне и функций Альянса⁶⁰.

Развитие событий на Балканах поставило перед странами ЕС новые задачи в области безопасности, закреплённые на Совете ЗЕС (июнь 1992 г.) в Петербургской декларации, активным сторонником которой была Франция. Так называемые «петербургские миссии» включали: гуманитарные и спасательные операции, поддержание мира, урегулирование кризисов, миротворчество⁶¹. Для выполнения этих задач страны ЕС должны были выделять силы, организованные согласно принципу многонациональности. Петербургские задачи были закреплены в Амстердамском договоре 1997 г.

⁵⁹ 20 декабря 1950 г. пять первоначальных членов ЗЕС (Франция, Великобритания и страны Бенилюкса) решили передать военные полномочия Брюссельского пакта НАТО, чтобы избежать «двойного действия» или дублирования ЗЕС и НАТО. Эта мера была подтверждена Парижскими соглашениями 1954 г.

⁶⁰ Le discours de François Mitterand à l'Ecole supérieure de guerre. 11 avril 1991.

⁶¹ Le Monde, 19 juin 1992.

Однако, несмотря на постепенное определение механизмов деятельности ЗЕС и целей общей оборонной политики ЕС (на Совете ЗЕС в Нордвейке в ноябре 1994 г.), Франция должна была согласиться, что тот не располагает ни инструментами, ни силами, ни механизмом для оперативного руководства и стратегического планирования. Главным препятствием на пути становления европейской оборонной идентичности было отсутствие у других членов ЕС сознания необходимости дублировать устоявшуюся и эффективную модель НАТО сомнительными европейскими структурами. Весьма скромной уступкой Франции было внесение в декларацию Совета ЗЕС в Нордвейке заявления о «необходимости выработать представление о той роли, которую ЗЕС стремится играть на мировой арене»⁶².

Итогом эволюции французской позиции стал Брюссельский саммит НАТО (январь 1994 г.), на котором европейская оборонная идентичность была единодушно одобрена Альянсом. Франция не сразу присоединилась к идее европейской опоры НАТО, но фактически признала необходимость «взаимодополняемости» НАТО и пары ЕС-ЗЕС⁶³. Подписавшись под концепцией европейских сил, «отделяемых, но неотделимых» (*separables, mais non séparées*), Франция признавала, что основой развития европейской обороны и безопасности остаётся НАТО.

В том же направлении идёт эволюция французской политики в отношении функций и задач НАТО. В первые годы после окончания холодной войны Франция не признавала за Альянсом роль гаранта безопасности вне границ, предусмотренных ст.5 Вашингтонского договора, что входило в противоречие с позицией американцев, стремившихся расширить сферу компетенции Союза в условиях исчезновения советской угрозы. Эта позиция Франции проявилась на Лондонском саммите НАТО в июле 1990 г. и вписалась в привычную логику противостояния всяким

⁶² Déclaration ministérielle, Réunion du Conseil des Ministres de l'UEO. Déclaration de Noordwijk, 14 novembre 1994 // www.weu.int

⁶³ Le Livre blanc sur la défense. La documentation française. - P. : 1994. P.54.

попыткам «политизировать» НАТО, которые Франция воспринимала, как стремление США присвоить себе монополию в отношениях Восток-Запад и тем самым усилить своё влияние на союзников⁶⁴.

Франция не желала искусственного усиления американского лидерства в регулировании отношений между прежними противниками в Европе при посредстве НАТО, что предусматривалось программой расширения Альянса на Восток под предлогом распространения стабильности в ЦВЕ⁶⁵. Отсюда сдержанность Франции в отношении СОСОНА (Совета Северо-Атлантического сотрудничества), отсутствие энтузиазма в отношении приёма новых членов и, особенно, противодействие возможному выходу НАТО за рамки, предусмотренные ст.5⁶⁶. США расценивали это как отзвук традиционного для Франции «обструкционизма» в отношении НАТО и даже как решимость «лишить НАТО кислорода» для необходимой регенерации в условиях окончания холодной войны⁶⁷.

Однако события в бывшей Югославии заставили Францию согласиться с выполнением НАТО задач по поддержанию коллективной безопасности под эгидой СБСЕ или ООН. Это было подтверждено на встрече министров обороны НАТО в Осло в июне 1992 г. и в Брюсселе в декабре 1992 г. Развитие Боснийского кризиса привело к всё большему вмешательству НАТО: предоставление в распоряжение штаба сил ООН (FORPRONU)⁶⁸ в Загребе натовских средств управления и связи, операции по установлению контроля в Адриатике и в воздушном пространстве над Боснией (“Chap Guard” и “Deny

⁶⁴ Такой же была позиция Франции во время обсуждения доклада Армеля (Harmel) в 1967 г. о будущих задачах Альянса в свете разрядки. В докладе, в частности, говорилось, что «коллективная оборона есть фактор стабильности в мировой политике... Участие СССР и США необходимо для урегулирования политических проблем в Европе». Цит. По: Де Монбриаль Т., ук. соч. С.215. Подробнее см.: Bozo F. Deux stratégies pour l'Europe. De Gaulle, les Etats-Unis et l'Alliance Atlantique (1958-69).- P.: Plon, 1996.

⁶⁵ Употребляемая французская аббревиатура – PECO – Pays de l'Europe Centrale et Orientale.

⁶⁶ Ст.5 гласит: «Стороны договариваются, что вооружённое нападение на одного или нескольких участников в Европе или Северной Америке рассматривается ими как нападение на все договаривающиеся стороны» и предусматривает оказание незамедлительной помощи: таких мер, какие они сочтут необходимыми, включая применение военной силы для восстановления и поддержания безопасности Северо-Атлантического региона.

⁶⁷ Bozo F. La France et l'Alliance. P.867.

⁶⁸ FORPRONU – Forces de protection des Nations Unies.

Flight”). С лета 1993 г., когда стало ясно, что реализация плана установления мира в Боснии с помощью многонациональных сил будет проходить под эгидой НАТО, были достигнуты договорённости, что в случае необходимости Альянс мог бы играть основную роль в безопасности Европы и что Франция будет всецело участвовать в такого рода операциях. По сути, такая позиция была настоящим поворотом во французской политике в отношении НАТО: она означала согласие на расширение компетенции НАТО за рамки ст.5 и возможность французского военного участия под эгидой НАТО. Из этого не следовало, что Миттеран предполагал вернуться в военную организацию Альянса. Мотивы этого поворота лежат в уроках Боснийского кризиса, показавшего, что для Франции – страны, задействовавшей наибольшие военные и дипломатические средства в конфликте, одинаково опасно как самоустранение США от попыток урегулирования кризиса, так и самостоятельное вмешательство американцев вне рамок Североатлантического Союза. Кроме того, успехи американцев в урегулировании кризисов в Персидском заливе и в Боснии создавали опасность маргинализации Франции, её непричастности к силам, эффективность которых была столь наглядно продемонстрирована. Речь шла о приспособлении политики Франции и НАТО к новому стратегическому контексту в Европе.

Сближение с Альянсом проявилось и на институциональном уровне: с весны 1993 г. французский представитель вернулся в Военный комитет НАТО для обсуждения мероприятий, выходящих за рамки использования ст.5, в которых участвовала Франция⁶⁹. На встрече министров обороны НАТО в Севилье (сентябрь 1994) было заявлено, что впредь не исключается французское участие в этих встречах. Несмотря на сдержанное отношение к планам реформы НАТО, Франция в 1992 г. присоединилась к созданию Совета

⁶⁹ В декабре 1995 г., уже при новом президенте Ж.Шираке Франция заявила, что она постоянно будет участвовать в заседаниях Комитета.

североатлантического сотрудничества (COCONA), а в 1993 г. - к программе «Партнёрство во имя мира» и в 1994 г. – к принципам расширения Альянса на восток.

Организационное сотрудничество дополнилось операционным: во время саммита НАТО в Брюсселе (январь 1994) Франция подписалась под концепцией создания GFIM⁷⁰, предложенной США. Тем самым она не только признала возможность для европейцев, в частности для ЗЕС, призвать на помощь коллективные силы НАТО для вмешательства на периферии ЕС, но также перспективу вхождения французских сил в соединённые многонациональные вооружённые силы НАТО, приспособленные к действиям, выходящим за рамки ст.5.(GFIM), с участием и под контролем американцев. Впервые с 1966 г. в повестку дня было поставлено возобновление военных связей Франции с НАТО. Доказательством этого стала поддержка Францией ультиматума НАТО с требованием снятия сербской блокады Сараево, выдвинутого во время саммита в Брюсселе в феврале 1994 г. Впервые за последние десятилетия у французского правительства появился повод для заключения, что франко-американская пара стала «наиболее зримым фактором динамизма» Альянса⁷¹.

Однако то, что эта оптимистическая оценка исходит от голлиста А.Жюппе, министра иностранных дел в правительстве Э.Балладюра и премьер-министра правительства правых в первые годы президенства Ж.Ширака, не должно вводить в заблуждение относительно политического источника сближения Франции с НАТО в середине 90-х годов: его порой искали во влиянии правого парламентского большинства и правительства Балладюра, пришедшего к власти в марте 1993 г., в то время как дипломатические неудачи начала 90-х годов списывали на «выдохшихся»

⁷⁰ Groupes de Forces interarmees multinationales – GFIM – Группы многонациональных межармейских сил НАТО.

⁷¹ Juppé A. Quel horizon pour la politique étrangère de la France?// PE. – 1995. - N1. P. 245-259.

социалистов⁷². Изменение французской позиции было следствием реалистичной оценки возможностей ЕС в области безопасности и способности Франции увлечь своих европейских партнёров и союзников идеей европейской оборонной идентичности.

б. Неоголлистская формула трансатлантического сотрудничества

Продолжая курс на нормализацию отношений с НАТО, Ж.Ширак следовал по пути своего предшественника по двум стратегическим линиям: сближение с военной организацией НАТО и европеистское видение будущего Североатлантического альянса. Франция извлекла уроки из трансформации стратегического контекста после холодной войны. В классической голлистской традиции особые отношения Франции с НАТО вписываются в стремление уравновесить американское влияние в Европе, вернув старому континенту, а главное – Франции, былое значение. В своё время де Голль попробовал преодолеть американскую гегемонию тремя способами:

- в 1958 г. он предложил реформировать НАТО, создав внутри неё франко-англо-американский триумвират, который должен был стать во главе либерального мира;

- в 1961-1962 гг. план Фуше, инспирированный де Голлем, предлагал создать политический союз европейских государств;

- в 1963 г. он пытался реализовать идею франко-германской пары – ядра западноевропейской интеграции, которое должно было дистанцироваться от США.

Ни реформа НАТО, ни план Фуше, ни франко-германский тандем (в том виде, который хотел ему придать де Голль) тогда не были приняты партнёрами Франции. Единственным воплощением стремления Франции к военной и политической независимости от США стал её выход из военной

⁷² Moisi D. De Mitterrand à Chirac // PE. – 1995. - N4. P. 853.

организации НАТО. Поэтому во французском политическом лексиконе с 1966 г. существует разграничение понятий. Атлантический Альянс подразумевает коалицию государств, взаимные обязательства которых сформулированы Вашингтонским договором 1949 г., не предусматривающим автоматизма военных обязательств в случае агрессии против одного из его участников. НАТО – организационная форма Альянса, сложившаяся в 1951-52 гг., в результате подписания различных соглашений, которые учреждали объединённые военные командования и интегрированную военную систему и ограничивали суверенитет стран-участниц. Критике со стороны Франции подвергалась именно НАТО, но не Альянс, поскольку голлистская концепция атлантического союза была концепцией альянса (Union, Alliance) в его традиционной форме – союза, «функционирующего на основе обычных принципов коалиции, но не затрагивающих ни в коей мере понятия национального суверенитета»⁷³.

Известно, что все европейские партнёры Франции продолжали принимать американское лидерство и считали его оправданным, демократичным и удобным, отвечающим задаче обеспечения их безопасности. Что касается европейской идентичности безопасности, то для них по-прежнему важнее было единство в экономическом благополучии и стабильности, нежели политическая и военная ответственность ЕС. Однако Франция после Маастрихта не прекращала попыток усилить политическую и оборонную идентичность ЕС, стараясь опереться на франко-германскую ось интеграции: она настаивала на автономизации европейской обороны от НАТО в опоре на ЗЕС, затем стремилась явочным путём, «снизу», независимо от институтов Альянса и ЕС, организовать эффективные действия европейцев в области европейской безопасности. В центре этой деятельности стояло учреждение Еврокорпуса (1993-95 гг.), но после неудачного для европейцев опыта урегулирования конфликта в Боснии, Франция вынуждена была

⁷³ Giradet R. Problèmes contemporaines de défense nationale. - P. : 1974. P. 143.

смириться с тезисом об утверждении европейской оборонной идентичности в опоре на НАТО (в дек.1995).

В середине 90-х годов Франции не удалось добиться сближения позиций с Великобританией, которая была удовлетворена достижениями Маастрихта, не желала нарушать привилегированного партнёрства с США в рамках НАТО и противилась идее политического единства ЕС, обладающего какой-либо компетенцией в области обороны. В итоге, Ж.Ширак оказался перед выбором: смириться с концепцией ЕС как, прежде всего, единого рынка свободной торговли, присоединившись к признанию американского лидерства в вопросах безопасности, или маргинализироваться, отстаивая в одиночку европейскую независимость от США в военно-политической области. Ф.Миттеран считал, что такая маргинализация вредит внешнеполитическим позициям Франции и предпринял ряд шагов по возвращению страны в рабочие органы НАТО: 5 декабря 1995 г. Франция заявила о решении участвовать в работе Военного комитета НАТО⁷⁴, а «Белая книга по обороне» 1994 г. свидетельствует о снижении французских претензий в вопросах европейской автономии: речь отныне идёт лишь об урегулировании кризисов на европейской периферии, если США заявят о решении воздержаться от участия в этом урегулировании. Ответственность за европейскую оборону возлагается на НАТО⁷⁵. Анализируя эти изменения, французский международник Н.Гнезотто видит в них переоценку французскими верхами евро-американских отношений: *не соперничество, а взаимозаменяемость*⁷⁶.

Существуют две основные причины пересмотра отношений Франции с военной организацией НАТО. Обе кроются в уроках её глобалистской политики 90-х годов. Во-первых, война в Заливе выявила необходимость пересмотреть видение роли армии и военного вмешательства Франции

⁷⁴ Военный комитет НАТО вырабатывает рекомендации для улучшения совместной обороны и директивы для союзного командования.

⁷⁵ Le Livre Blanc sur la Défense. 1994.

⁷⁶ Gnezotto N. France – OTAN – Europe: la difficile conjugaison des contraires// La France et sa defense. - N283. P.43. Курсив мой – Е.О.

исключительно собственными силами. У неё недостаточно собственных разведывательных средств (особенно космических) для наведения авиационных ударов, и французские военные должны были обращаться к службам спутниковой разведки США. Во-вторых, не участвуя в военной организации и в военном планировании НАТО, Франция оставалась в стороне от большой мировой политики, которая перестала разыгрываться между двумя мировыми полюсами и сосредоточилась вокруг интересов США. Изменение геостратегического контекста поставило под вопрос возможность продолжения голлистом Ж.Шираком традиционной для всех президентов Пятой республики, но в сущности - голлистской политики в отношении НАТО. Однако голлистская традиция по-прежнему ощущается в новом курсе, унаследованном от социалиста – Ф.Миттерана. Он характеризуется двумя составляющими: сближением с НАТО в сочетании с созданием европейской оборонной идентичности внутри Альянса.

Обе составляющие взаимообусловлены (и в этом видится голлистская преемственность): Франция заявляет о готовности вернуться на своё место в НАТО, если Альянс оставляет возможность для создания в рамках своей организации подлинной европейской идентичности. В Декларации правительства по оборонной политике А.Жюппе изложил три принципа французской позиции в отношении НАТО:

- необходимость развития собственных политических и военных возможностей стран ЕС и усиления так называемой “европейской опоры” НАТО - ЗЕС⁷⁷. Премьер-министр заявил, что европейская оборона не будет строиться ни вне Альянса, ни в противовес ему;

- необходимость обновления отношений НАТО и Франции для активизации участия последней в реформе НАТО: ”В момент, когда мы извлекаем уроки из окончания холодной войны, и в то время, как утверждён

⁷⁷ Ссылка на декларацию, приложенную к Маастрихтскому договору: «ЗЕС будет развиваться в качестве оборонной составляющей ЕС и средства усиления европейской опоры Атлантического Альянса».

принцип расширения ЕС и НАТО, у Франции нет причин устраниваться от готовящейся реформы политических и военных органов Альянса, тем более, что именно она желала и требовала этой реформы”;

- зависимость будущего французского участия в обновлённой НАТО от той доли ответственности, которая может быть возложена на европейские страны НАТО в духе нового трансатлантического партнёрства, к которому призывают президент и правительство Франции⁷⁸.

В развитие этих предложений, на межправительственной конференции ЕС в Турине (29 марта 1996 г.)⁷⁹ Франция подтвердила своё желание вписать европейскую оборону в компетенцию ЕС, выступая за подчинение, а в перспективе – за слияние ЗЕС и ЕС. В декабре того же года Париж заявил о желании прийти к согласию с союзниками по НАТО относительно полноправного участия французских представителей в обсуждении внутренних проблем Альянса, включая вопросы ядерной стратегии⁸⁰. Совет НАТО в Берлине (3-4 июня 1996 г.) одобрил идею проведения сессии Совета НАТО на уровне министров обороны с полным участием французских представителей. Первая такая встреча состоялась уже 14 июня того же года в Брюсселе.

Что касается требования Франции относительно создания зримой европейской оборонной идентичности, воплощением которой ей виделся ЗЕС внутри обновлённой НАТО, оно было одобрено на Берлинском саммите НАТО (июнь 1996), что, по мнению Франции, знаменовало важный поворот в стратегии Альянса. В Коммюнике было заявлено, что одна из задач обновления НАТО “состоит в развитии европейской идентичности в сфере обороны и безопасности внутри Альянса”⁸¹.

⁷⁸ Assemblée Nationale. Déclaration du gouvernement ... P.7. О необходимости новых отношений между европейскими и американскими партнёрами по НАТО Ж.Ширак высказался в речи, произнесённой в IHEDN (Institut des Hautes Etudes de la Defense Nationale) 8 июня 1996 г.

⁷⁹ Центральным вопросом этой конференции, также как Амстердамской конференции, завершившей начатое в Турине (18 июня 1997 г.), было внесение изменений в Маастрихтский договор.

⁸⁰ Речь Э. де Шаретта на сессии МИД Совета НАТО 5 декабря 1995 г. и в IHEDN 2 апреля 1996 г.

⁸¹ Conseil ministeriel de l'OTAN. Communiqué Final. Berlin, 3 juin 1996.

Однако реальное положение внутри НАТО свидетельствует о том, что провозглашённое в Берлине усиление европейской оборонной идентичности в рамках реформы НАТО зависело, прежде всего, от доброй воли США. Американцев устроило бы более активное участие европейцев в действиях, которые США считали необходимыми для обеспечения европейской безопасности, но под эгидой США. Франция же связывала нормализацию отношений с военной организацией НАТО и создание европейской оборонной идентичности внутри НАТО, а также возрастание военно-политической мощи ЕС. «Надо строить нашу европейскую политику совместной обороны, к чему нас обязывает Маастрихтский договор /.../. Наша цель должна состоять в том, чтобы сделать из Европейского Совета высшую инстанцию разработки и принятия решений в этой области, особенно в рамках ЗЕС /.../. Вооружённая опора Союза – ЗЕС должен срочно создать недостающие ему сегодня средства ведения операций. Только при этом условии он сможет играть роль, предусмотренную другой реформой – реформой НАТО. Таким образом, наша европейская политика неотделима от нового трансатлантического партнёрства, контуры которого я обрисовал перед Конгрессом США», - заявил президент Ширак по возвращении из США в июне 1996 г.⁸²

Разность французского и американского видения реформы НАТО была очевидна, и потому, несмотря на заявления Франции о намерении вернуться в военную организацию НАТО, осложнения во франко-атлантических отношениях начались, как только Ж.Ширак захотел реализовать своё новое видение роли Европы в НАТО. В июле 1996 г. Франция представила свою концепцию военной организации интегрированной структуры Альянса, и основным требованием этой концепции было перераспределение сферы компетенции между европейцами и американцами.

Во-первых, Франция поддержала назначение генерала-европейца (англичанина) заместителем Верховного главнокомандующего союзных сил в

⁸² Речь Ж.Ширака в IHEDN// Le Monde, 9 juin 1996.

Европе (американца). Планировалось, что этот заместитель сможет при определённых условиях взять под свой контроль операцию европейских сил по урегулированию кризисов⁸³, например, в рамках ЗЕС. Под его командованием могли бы действовать группы многонациональных вооружённых сил (GFIM)⁸⁴ из представителей генеральных штабов и армий европейских участников НАТО, т.е. “отделимые”, но не “отдельные” от НАТО. Для подобных действий каждый раз требовалось бы согласие Совета НАТО и согласие американцев, так как они могли бы наложить вето на оснащение этих сил командными средствами, средствами связи, разведки и обработки информации, а следовательно, ЗЕС не смог бы действовать без НАТО.

Во-вторых, Франция предложила, чтобы два стратегических командования НАТО в Европе – SACEUR(Европа)⁸⁵ и SACLANT(Атлантика)⁸⁶ по-прежнему оставались у американцев, а подчинённые им региональные командующие (Севера и Юга) назначались бы из европейцев. Это требование Франция обосновывала двумя мотивами: необходимостью установления более сбалансированного евро-американского партнёрства в НАТО и тем, что последние два командования более приспособлены для проведения антикризисных операций в Европе под эгидой ЗЕС⁸⁷.

Конкретизируя требование передать южное командование европейцам, французы добивались этого назначения для своего представителя⁸⁸, что оказалось неприемлемым для американцев, поскольку они менее чем когда-

⁸³ В Косово сухопутными силами НАТО командовал англичанин - генерал Джексон.

⁸⁴ GFIM – Groupes de Forces Interarmées Internationales.

⁸⁵ SACEUR – Верховное командование союзных сил в Европе имеет задачей обеспечение безопасности от крайнего севера Норвегии до Турции.

⁸⁶ SARLANT – Верховное командование союзных сил в Атлантике обеспечивает безопасность Атлантики от Северного Полюса до Тропика Рака и от территориальных вод США и Канады до берегов Европы и Африки(кроме Британских островов).

⁸⁷ Isnard J. Rénovation des commandements ou un simple réplâtre //Le Monde, 29-30 juin 1997.

⁸⁸ Одновременно о своих претензиях на этот пост заявляла Испания. AFSOUTH – Южное командование союзных сил отвечает за безопасность в Средиземноморье.

либо были расположены превращать отношения со своими европейскими союзниками в равноправное партнёрство и понимали, что возвращение Франции в военную организацию НАТО в тот момент отвечало, прежде всего, французским интересам, а потому не должно было сопровождаться никакими уступками со стороны США. Со своей стороны, французские наблюдатели справедливо заключили, что на деле вопрос о южном командовании стал показателем истинных намерений США относительно европейской оборонной идентичности, о которой договорились страны НАТО на Берлинском саммите 1996 г.: ”В отличие от почти всех своих союзников, французский Генеральный штаб считает, что реально, на практике, не произошло изменения положения НАТО в Европе и что, вместо настоящей реформы, на сегодняшний день можно говорить лишь о простом подновлении фасада”⁸⁹.

Несмотря на это неутешительное заключение, Франция продолжала придерживаться курса, определённого в декабре 1995 г., когда Миттеран принял решение о возвращении французского министра обороны в Совет министров обороны НАТО и начальника Генерального штаба Франции в военный комитет Альянса. Вес страны в этих органах определялся правилом “одна страна – один голос” (как и в Совете министров иностранных дел НАТО) и принципом консенсуса в принятии решений.

Заявляя о намерении Франции вернуться в военную организацию НАТО, Ж.Ширак стремился к утверждению страны на ключевых позициях в Альянсе, дабы она возглавила процесс становления европейской оборонной идентичности. Французский президент объявил о своём решении в преддверие Мадридского саммита НАТО (лето 1997). Одним из центральных вопросов этого саммита было приглашение в организацию первых очередников из Восточной Европы: Чехии, Польши и Венгрии. Франция ожидала от этой встречи в верхах демонстрации доброй воли своих

⁸⁹ Isnard J. Renovation ... // Ibid. См. также: Gnezotto N. L'Union et l'Alliance: les dilemmes de la défense européenne // Notes de l'IFRI, N 2, 1996.

союзников в отношении французских предложений. К требованию отдать Франции пост Верховного командующего Южным театром добавилось желание видеть среди первых восточно-европейских кандидатов на вступление в НАТО Румынию, Словению и Болгарию. Однако из-за отсутствия серьёзной поддержки со стороны европейских партнёров Франции⁹⁰ и категорического отказа США уступить европейцам Южное командование на Средиземноморье (в месте дислокации 6-го флота США) ни одно из условий Франции не было выполнено, и предполагаемое возвращение страны в военные структуры НАТО на Мадридском (июльском) саммите не состоялось⁹¹.

Ширак выступил в Мадриде против упоминания в итоговом документе прибалтийских стран в качестве возможных кандидатов на вступление (второй волны) в НАТО, но поддержал в этой роли кандидатуры Румынии и Словении. Кроме того, Франция отказалась платить за расширение НАТО. Ширак заявил, что поскольку в современной Европе нет необходимости в тяжёлых структурах и больших количествах вооружений, финансирование и расширение НАТО должно идти за счёт самих новых членов, а также за счёт перераспределения имеющихся ресурсов⁹².

Возникла своего рода тупиковая ситуация, выход из которой должно было искать новое правительство под руководством Л.Жоспена. Считалось, что, находясь в оппозиции, социалист Л.Жоспен занимал в отношении НАТО более голлистскую позицию, чем голлист Ж.Ширак. Возвращение Франции в НАТО вызывало серию опасений относительно сохранения позиций Франции

⁹⁰ По вопросу о южном командовании сходную с французской позицию занимала Испания, которая также отказалась от вступления в военную организацию НАТО (планировавшегося на время Мадридского саммита) из-за неуступчивости США в этом вопросе, тем более, что Великобритания противилась удовлетворению испанских условий из-за Гибралтара. Испания присоединилась к военной организации НАТО с 1 января 1999 г. после урегулирования ряда вопросов.

⁹¹ Le Figaro, 1 juillet 1997. Хотя по поводу соответствующего заявления министра иностранных дел нового правительства Франции, Ю.Ведрина (4 июля 1997 г.) Елисейский дворец выразил неудовольствие, считая его преждевременным, поскольку подобные заявления – прерогатива президента.

⁹² Le Monde, 10 juillet 1997.

в мире. Они высказаны, в частности, в статье П.Бонифаса, вышедшей накануне Мадридской встречи, весной 1997 г.:

- возвращение происходит в момент, когда Франция сокращает свои вооружённые силы. Совпадение этих двух процессов уменьшает международный вес страны;

- Франция будет стеснена в отстаивании собственных требований в франко-американских трениях, поскольку возвращение в НАТО происходит потому, что она признаёт превосходство США;

- даже если Франция формально не вернётся в военные структуры НАТО, она уже подала сигнал, что отказывается от своей обособленности. Из особого союзника она превращается в обыкновенного, нормального (во Франции говорят о «банализации» её позиции среди союзников по НАТО);

- последнее лишает европейцев всякой альтернативы в ориентации автономной европейской обороны: хотя эта альтернатива далеко не всегда принималась европейскими союзниками, только Франция потенциально могла бы заинтересовать новых членов ЕС и НАТО (страны ЦВЕ), показав им, что они могут полагаться не только на США⁹³.

До парламентских выборов Л.Жоспен открыто выступил против решения Ж.Ширака о возвращении страны в военные структуры НАТО. Отталкиваясь от голлистской традиции в отношении НАТО, Жоспен возвратился к пацифистской социал-демократической идее роспуска военных блоков: «Позиция Франции была оригинальной, она была принята нашими партнёрами /.../. Если мы могли занимать такую позицию в годы существования Варшавского Договора, почему мы не можем этого делать теперь, когда для нас не существует реальной угрозы?»⁹⁴.

Относительно создания автономной европейской обороны внутри НАТО, Жоспен заметил: «Сейчас самый неподходящий момент для того,

⁹³ Boniface P. Op. cit. // RI et S. - printemps 1997. P.26.

⁹⁴ Выступление по RF-1 03.02.97 // Le Monde, 5 fevr. 1997.

чтобы ставить такого рода вопросы», и попутно осудил «тенденцию к гегемонии США». Кроме того, социалисты выступили против расширения НАТО на Восток⁹⁵. О преждевременности заявлений о полном возвращении Франции в военную организацию НАТО предупреждал в начале 1997 г. министр иностранных дел в правительстве Жоспена, социалист Ю.Ведрин: «Франция возвратилась в 1995 г. в НАТО, надеясь таким образом повлиять на изменение американской позиции и позиции своих европейских партнёров. Она одним махом раскрыла свои карты и теперь находится в затруднении перед лицом США, менее чем когда-либо желающих делиться властью в Альянсе, который скоро будет расширен, но не реформирован»⁹⁶.

Не случайно результаты внеочередных парламентских выборов весны 1997 г. накануне Мадридской встречи в верхах были прокомментированы в окружении Генерального секретаря НАТО Х.Соланы следующим образом: «Блокирование обсуждения вопроса о передаче командования Юга европейцу и приход к власти в Париже правительства левых сил делают перспективы возвращения Франции маловероятными»⁹⁷. Однако, в большей степени, чем смена правительства во Франции, отклонение французских требований США привело к совпадению позиций президента и нового премьер-министра при подготовке Мадридской встречи⁹⁸.

В то же время, Л.Жоспен оставил возможность для диалога с союзниками по НАТО, выдвигая следующие принципы франко-атлантических отношений:

- подтверждение солидарности Франции в случае агрессии, предусмотренной договором,
- решительная поддержка Францией всех операций союзников по урегулированию кризисов,

⁹⁵ См. статью М.Покара: Le Monde, 19 avril 1997.

⁹⁶ Le Monde, 31 janv. 1997.

⁹⁷ Le Monde, 7 juin 1997.

⁹⁸ Jospin L. La politique de défense de la France// DN. - Novembre 1997. P.11.

- усиление европейской идентичности в области европейской обороны и безопасности внутри Альянса, неразрывно связанное с перераспределением полномочий между американцами и европейцами,

- развитие отношений Франции и России в рамках Основополагающего Акта Россия – НАТО, так же как со странами ЦВЕ, поскольку качество отношений с Восточной Европой является одним из ключей к европейской стабильности⁹⁹.

Правительство левых сил по сути продолжило линию, начатую при Ф.Миттеране: избегая демонстративных шагов, Франция постепенно возвращается к конструктивному участию в натовских структурах. Министр обороны А.Ришар заявил по этому поводу 10 февраля 1998 г.: “Мы намерены прочно занять своё место при обсуждении новой стратегической концепции и внутренних реформ Альянса. Для нас важно присутствовать в системе GFIM¹⁰⁰, в особенности в постоянных штабных структурах и в Группе оперативного планирования/.../. Мы стремимся к оперативному взаимодействию с нашими союзниками”¹⁰¹.

В итоге, стратегическая линия Франции по созданию европейской оборонной идентичности, связанной с реформой НАТО, а также стремление к обретению особого веса внутри европейской составляющей НАТО, оказались нереализованными. Однако французское правительство, верное курсу на создание автономной европейской обороны в опоре на ЗЕС, постепенно продвигало идею совместной оборонной и внешней политики (PESC) ЕС, т.е. становления европейской оборонной идентичности «снизу». Паллиативными мерами в этом направлении можно считать двусторонние соглашения Франции с ФРГ и Великобританией. При этом Франция рассчитывала на свои преимущества в ядерной и космической областях.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ GFIM – CJTF (Combined Joint Task Forces) – Groupe des Forces Interarmées Multinationales.

¹⁰¹ PIC, Bulletin du Ministère des Affaires Etrangères, 11.02.98. P.19.

В Нюрнберге в декабре 1997 г. на франко-германском Совете по обороне и безопасности было заявлено: «Обе страны готовы начать диалог о роли ядерного сдерживания в контексте европейской оборонной политики»¹⁰². В декабре 1998 на франко-британской встрече в верхах в Сен-Мало было заявлено о планах создания новой оси европейской обороны двух европейских ядерных держав – Лондон-Париж, которая должна составить основу союзных европейских вооружённых сил¹⁰³. Министр обороны А.Ришар, выступая перед Национальным собранием с докладом о военном бюджете на 1998 г., заявил о близости французских и британских позиций в существенном для взаимоотношений с НАТО и США вопросе: «Традиционная идея европейской обороны вне НАТО не реалистична/.../. Но Франция не отказывается от своей автономии в принятии решений, и точка зрения Великобритании не очень далека от её точки зрения. Другие страны, кажется, согласны со своим второстепенным участием в операциях под руководством американцев; эта идея не подходит ни Франции, ни Великобритании». При этом А.Ришар напомнил, что «во время Югославского кризиса европейцы предпочли бы иметь возможность выработать и реализовать самостоятельно пути восстановления мира»¹⁰⁴.

В свете последующих событий (косовского конфликта) следует остановиться на достигнутой к 1998 г. степени участия Франции в военных структурах НАТО:

1. Франция по-прежнему сохраняет автономию решений в области обороны и безопасности, что, по мнению А.Ришара, тяжело отражается на её бюджете, в то время как другие европейские страны добровольно согласились «пользоваться американским ядерным зонтиком»¹⁰⁵. Выбор Франции состоит в том, чтобы взять на себя расходы по обеспечению её независимости, не

¹⁰² Там была принята «Совместная концепция в области обороны и безопасности»//Le Monde, 10 dec. 1997.

¹⁰³ Известия, 5 дек. 1998.

¹⁰⁴ Assemblée Nationale. Avis, présenté au nom de la Commission des Affaires étrangères, sur le projet de la loi de Finances pour 1998 (N230). Col. 4.38.12(307-5). N307. (Nov.1997). P.30-31.

¹⁰⁵ Выражение А.Ришара.

отказываясь при этом от совместных военных программ с союзниками, притом, что долговременные перспективы Франции и союзников разнятся.

2.Франция не участвует: в Комитете оборонного планирования¹⁰⁶ и в Группе ядерного планирования¹⁰⁷.

3.Франция участвует в Совете НАТО, объединяющем министров иностранных дел и, в случае необходимости, в Совете глав государств и правительств; она имеет постоянных представителей в постоянных органах Совета НАТО, а при главных командованиях НАТО существуют французские военные миссии.

4.Франция представлена в Международном секретариате, в задачи которого входит реализация решений Генерального Совета НАТО, и в многочисленных гражданских комитетах и агентствах Альянса.

5.Отношения Франции и НАТО конкретизированы благодаря заключению многочисленных конфиденциальных соглашений, определяющих процедуры применения французских сил в случае, если она решит выступить на стороне союзников.

6.Создание Еврокорпуса с участием Франции повлекло за собой подписание соглашения между начальниками германского и французского Генеральных штабов и Верховным командующим союзных сил в Европе относительно взаимодействия между Корпусом и НАТО.

7.Франция продолжает участвовать в ряде инфраструктур НАТО – в электронной системе наземных средств противовоздушной обороны (НЭИДЖ), в Агентстве по снабжению запчастями, техническому обслуживанию и

¹⁰⁶ Орган, принимающий решения по вопросам, прямо связанным с обороной, и со всеми аспектами, относящимися к объединённым военным структурам НАТО. Собирается 2 раза в год. В нём представлены министры обороны и постоянные послы стран НАТО.

¹⁰⁷ Собрания Группы происходят теперь совместно с Комитетом оборонного планирования. В Группе разворачивается обсуждение всех вопросов, касающихся роли ядерного оружия в рамках стратегии ядерного сдерживания и оборонной политики НАТО. Поскольку ГЯП создана в декабре 1966 г., Франция никогда в ней не участвовала.

ремонту техники (НАМСА), в Конференции глав национальных департаментов вооружений (КНАД), в Военном бюро стандартов (БМС), в Исследовательском центре по противолодочным операциям (САКЛАТСЕИ), в Управлении по эксплуатации трубопроводов в Центральной Европе (Марсель-Зальцбург, Гавр-Дюнкерк-Карлсруэ) – СЕОА, в Центре исследований в области противовоздушной обороны. Франция давно участвует в системе воздушной тревоги НАТО. В настоящее время она всё полнее интегрируется в программу высшей инфраструктуры, которая должна стать системой командования и контроля над воздушными операциями НАТО.

8. Франция несёт часть расходов по различным статьям бюджета НАТО, в частности, бюджета инфраструктуры.

9. Франция принимает участие во всех политических действиях Альянса на уровне Совета и на уровне рабочих групп и комитетов, зависящих от Совета.

10. Французские силы были широко задействованы в операциях НАТО в бывшей Югославии¹⁰⁸, что позволило Франции полноправно участвовать в обсуждении мер по урегулированию» этих кризисов в Военном комитете НАТО.

11. Франция участвует в манёврах НАТО (ежегодно около 20 наземных, 12 морских и 10 учений по отработке взаимодействия армий). В то же время, она провела 40 учений вне НАТО и участвовала в 25 учениях в рамках программы «Партнёрства ради мира».

12. Сближение Франции с военной организацией НАТО, о котором было официально заявлено в Декларации министра иностранных дел Франции А. Жюппе 5 декабря 1995 г. на Совете НАТО, характеризуется:

- участием французского министра обороны в совещаниях Совета министров обороны НАТО;

¹⁰⁸ Deny Flight, SHARP GUARD (НАТО и ООН), IFOR (в Боснии), SFOR, в бомбардировках Югославии и союзных силах в Косово весной 1999 г.

- участием в Военном комитете и связанных с ним органах. Статус французского представителя в нём изменён 14 марта 1996 г.: из главы военной миссии он превратился в Военного представителя при Военном комитете;
- укреплением связей с региональными командованиями НАТО;
- полным участием в рамках НАТО в текущих разработках по обновлению военных структур¹⁰⁹.

Таким образом, на конец 1997 г. положение Франции по отношению к военным структурам НАТО можно охарактеризовать как «полу-участие», и эта незавершённость процесса возвращения в союзную организацию в целом устраивала французские правящие круги по нескольким причинам. Прежде всего, франко-американские трения вокруг выдвинутых Францией условий (европеизация южного командования) показали, что Франция возвращается в НАТО не в качестве долгожданного партнёра, а скорее как блудный сын, обязанный подчиняться установленным внутренним правилам. Кроме того, во французском правящем классе, в первую очередь, между президентом и правительством, не было единства ни по поводу возвращения в НАТО, ни по вопросу о будущем Альянса. В частности, социалисты по-своему подходили к проблеме расширения НАТО на Восток.

Точка зрения нового парламентского большинства была изложена в докладе Комиссии Национального собрания по иностранным делам (декабрь 1997 г.)¹¹⁰. Председатель Комиссии Ж.Мегар напомнил о первоначальном принципе взаимоотношений стран Восточной Европы с НАТО - «партнёрство ради мира». Он позволял развивать интенсивное сотрудничество в военной сфере, но не затрагивал обязательств по ст.5¹¹¹.. Этот принцип был одобрен Брюссельским саммитом НАТО в январе 1994. Тогда, казалось, идея

¹⁰⁹ Fsemblée Nationale. Avis présenté au nom de la commission des Affaires Etrangères sur le projet de loi de Finances pour 1998. (N230). Nov. 1997. T.V: Défense. Col. 4.3812(307-5), N307.

¹¹⁰ Op. cit.

¹¹¹ Ibid. P.37.

расширения уступила место принципу сотрудничества, договоры о котором заключались с каждой страной отдельно, причём, к этим странам применялся уравнительный подход. В результате 27 стран стали партнёрами НАТО, что позволило им участвовать в манёврах и операциях, не касающихся применения ст.5. В Синтре 30 мая 1997 г. страны НАТО и эти партнёры приняли решение об учреждении Совета евро-атлантического партнёрства, чтобы позволить новым партнёрам принимать более деятельное участие в решениях, в частности, по урегулированию кризисных ситуаций (не предусмотренных ст.5). Предполагалось, что планирование в сфере партнёрства будет сближаться с натовским планированием, и что программа натовских расходов должна распространяться и на партнёров. По мнению Комиссии Национального собрания, эта ориентация способствовала вызреванию системы коллективной европейской безопасности, но решение о расширении НАТО на Восток, по мнению Франции, опрокинуло этот процесс¹¹².

Решение Мадридского саммита НАТО (8 июля 1997 г.) о начале переговоров по поводу вступления Польши, Чехии и Венгрии в 1999 г., по мнению авторов доклада, диктовалось соображениями, чуждыми стратегической целесообразности, но отвечало настойчивым просьбам стран ЦВЕ, тем более что Россия категорически протестовала против этого, а также соответствовало стремлениям США, для которых расширение НАТО на Восток сделалось приоритетом с 1994 г.¹¹³.

В докладе было выдвинуто два возражения против расширения НАТО.

Во-первых, оно могло показаться попыткой «ущемить(ligoter) Россию, в то время как следовало бы её *приручить*, интегрировать в систему». Первоначальный принцип партнёрства имел то преимущество, что

¹¹² Ibid. P.17.

¹¹³ Французы усматривали в этом не только результат давления со стороны лоббирующих групп (польских, венгерских, чешских), но и широкие перспективы, которые расширение открыло для американского ВПК, не говоря уже об американском стремлении создать противовес ЕС, который не способен к столь быстрому расширению.

предоставлял России доступ к срочной информации о натовских инициативах, не давая ей при этом права вето. Поэтому он прекрасно соответствовал переходному периоду в отношениях России с Западом, «когда она уже не является противником, но не стала ещё партнёром, заслуживающим стопроцентного доверия»¹¹⁴. Таким образом, расширение НАТО в определённой степени закрепляло недоверие к России, несмотря на подписание Основополагающего Акта Россия-НАТО, придававшего России особый статус в отношениях с Альянсом: гарантии нераспространения ядерного оружия на территорию новых восточных союзников НАТО и создание постоянного Совета НАТО-Россия, который должен собираться на регулярной основе, а также в случаях кризисов или любой ситуации, угрожающей миру и стабильности. Примером подобного недоверия к России французы считали решения НАТО против «сербских экстремистов» в Боснии-Герцеговине, о которых Россию даже не проинформировали. В то же время, противодействие России расширению НАТО на Восток в глазах французских аналитиков было чревато ростом в ней антизападных настроений в случае, если расширение состоится.

Второе соображение против расширения на Восток касалось его принципа. Решения Мадридского саммита устанавливали дискриминацию по отношению к странам, не вошедшим в первую тройку, то есть, по крайней мере, к девяти государствам¹¹⁵.

Таким образом, после Мадридской встречи в рассуждениях представителей правящего большинства по поводу расширения НАТО, также как и по поводу будущего франко-атлантических отношений, чувствовались голлистские мотивы: антиамериканизм, стремление к повышению роли ЕС, открытость идее Европы от Атлантики до Урала для обеспечения стабильности и безопасности континента. В то же время, Франция явно не

¹¹⁴ Ibid. P.18.

¹¹⁵ Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Македония, Албания, Болгария (и возможно, позже, Украина).

намерена была оставаться вне круга стран (возглавляемых США), допущенных к принятию решений по обеспечению европейской безопасности. Доказательство тому – признание факта, что европейская безопасность невозможна без НАТО. Нельзя сказать, что во французских дипломатических кругах не раздавались предостережения против сближения с НАТО на американских условиях. В частности, посол Ф.Гютманн, бывший генеральный секретарь французского МИД, в начале 1998 г. выразил опасение, что в случае, если европейские партнёры Франции не окажутся готовыми к решению вопроса о реформе НАТО в пользу усиления европейской оборонной идентичности, а Франция всё же согласится авансом заплатить за гипотетическое создание европейской оборонительной опоры сближением с НАТО, идущим дальше его межправительственных структур, то страна будет вынуждена следовать политике НАТО, направляемой США¹¹⁶.

После мадридского «кризиса» в отношениях Франции с НАТО три события определили французскую стратегию строительства евро-атлантического партнёрства: франко-британская Декларация Сен-Мало 1998 г., военная операция НАТО против Югославии 1999 г. и события 11 сентября 2001 г.

Известно, что Францию и Великобританию разделяют разные взгляды на евро-атлантическое партнёрство и на европейскую автономию в области безопасности. В 80-е и в начале 90-х годов Франция опиралась на ФРГ, чтобы преодолеть сопротивление внутри Европейского сообщества планам создания европейской обороны. Но ФРГ, тесному взаимодействию с которой Франция обязана успехом многих своих инициатив в этой области, также не разделяет отношения Франции к роли НАТО и США в Европе. Для Германии НАТО остаётся несущей опорой архитектуры европейской безопасности, гарантирующей американское присутствие в Европе, которое в Берлине считают обязательным. Это присутствие включает всю гамму операций от

¹¹⁶ Gutmann F. Après Madrid, Amsterdam, Luxembourg... La France, l'Europe et l'OTAN // DN. -Fevrier 1998. P.5.

коллективной обороны до урегулирования кризисов, а смысл собственной Европейской политики безопасности заключается в выполнении Петербургских задач. В случае кризиса, как считают в ФРГ, принятие решения о политическом и военном вмешательстве должно быть возложено на НАТО. Франция с этим не согласна. Она придаёт решающее значение большей реальной автономии ЕС и самой Франции от НАТО, то есть от США. Кроме того, с началом распада Югославии франко-германские отношения в области безопасности стали менее плодотворными из-за нежелания ФРГ вмешиваться в Боснийский кризис. Неблагоприятная реакция общественного мнения Германии на возобновление французских ядерных испытаний и решение Франции о профессионализации армии, которое создавало разницу между двумя национальными моделями вооружённых сил, нарушили динамичное сотрудничество франко-германской пары в становлении европейской оборонной идентичности. Оставшись в одиночестве, Франция должна была признать, что европейская оборона не может строиться без НАТО. Французская дипломатия избрала тогда единственно возможную тактику «Троянского коня», напоминающую британскую в отношении европейской оборонной идентичности. Париж решил действовать не только в рамках европейских институтов, но и в Альянсе, создавая в нём механизмы, позволяющие проводить автономные операции силами ЕС в опоре на средства НАТО, тем более что у неё уже имелись солидные наработки в области взаимодействия между европейскими союзниками. Движение в военную организацию НАТО было прервано в 1997 году, из-за вышеописанных разногласий вокруг французских условий такого возвращения. Из кризиса французскую евро-атлантическую политику вывело в 1998 г. изменение позиции Великобритании. Договор Сен-Мало решил для Франции сразу три проблемы. Ушло в прошлое упорное сопротивление Великобритании планам европейской оборонной автономии, была компенсирована потеря динамики франко-германской пары, открылись новые перспективы отношений Франции

с НАТО. Но провозглашённая в Сен-Мало решимость Франции и Великобритании придать ЕС институты, позволяющие принимать решения в области внешней политики и политики безопасности и военные средства для реализации этих решений, не означала единства целей. Для Парижа договор Сен-Мало был прежде всего частью европейского проекта. Для Лондона, как считает британский исследователь Дж. Ховорт, он был средством спасти Альянс, в котором полностью нарушилось равновесие¹¹⁷. Т.Блэр был убеждён, что без создания собственных военных сил ЕС именно НАТО может погибнуть. Осознание европейцами исчезновения угрозы с востока Европы привело к пренебрежению в странах ЕС оборонными программами и увеличило диспропорцию между военными потенциалами этих стран и США. В отсутствие у США решимости осуществлять полномасштабное военное вмешательство в Европе самоустранение европейцев от защиты собственной безопасности могло иметь катастрофические последствия. В 1998 г. стало очевидным, что нарастание этнического напряжения в Косово чревато новым конфликтом, а у европейцев не имеется средств ему помешать. ЗЕС в этом контексте не мог расцениваться в качестве надёжного института решения проблем, а потому само его будущее было проблематичным. Таким образом, и британское правительство вынуждено было признать, что новые задачи и расширение зоны ответственности НАТО ставили под вопрос структуру европейской безопасности, сложившуюся ещё в годы холодной войны.

Если задуматься о результатах французской политики реформы евро-атлантических отношений, то их можно охарактеризовать как «полу-успех». Подключение Великобритании к процессу становления автономии европейской безопасности изменило содержание, которое первоначально вкладывала в него Франция. По сути, речь шла отныне о разграничении полномочий между НАТО и ЕС в сфере обороны. И по-прежнему для успеха любой инициативы внутри ЕС требовалось согласие США.

¹¹⁷ Howort J. La France, l'OTAN et la sécurité européenne // Ibidem. P. 1006.

Для Франции период после Сен-Мало и до институционализации европейской внешней и оборонной политики в Ницце в 2000 г. был наполнен борьбой со стремлением США контролировать этот процесс, ограничив его рамками НАТО, что было зафиксировано на вашингтонском саммите Альянса, в новой стратегической концепции НАТО в апреле 1999 г.¹¹⁸.

Такое решение было прямым следствием косовского кризиса. С начала 90-х годов в отношении любой инициативы по реализации европейской оборонной идентичности вставал вопрос, не нацелена ли она против присутствия американских сил в Европе. История урегулирования европейских кризисов 90-х годов уверила европейцев в необходимости такого присутствия. Но одновременно всё больше обнаруживалось, с одной стороны, расхождение интересов США и стран ЕС относительно методов и целей антикризисного вмешательства, с другой стороны, политическое, военное и стратегическое бессилие европейцев, что способствовало постепенному повороту сомневающихся в сторону французской идеи европейской оборонной идентичности. Особенно остро эти черты проявились во время подготовки и проведения натовской операции против Югославии весной 1999 года. Франция приняла в ней полномасштабное участие, хотя первоначально не разделяла линии США на военное урегулирование косовского конфликта¹¹⁹. Она предпочла действовать в согласии с НАТО, под эгидой американцев, чтобы избежать изоляции и участвовать в послевоенном урегулировании. Вместе с тем, эта операция извратила линию, которой придерживалась французская дипломатия в вопросах европейской безопасности. Она нарушила диалог с Россией, создававший потенциальные возможности урегулирования кризисов силами участников Большой Европы. Тем самым было поставлено под вопрос одно из слагаемых глобальной голлистской стратегии. Опыт урегулирования косовского кризиса обнаружил

¹¹⁸ Le Concept Stratégique de l'Alliance. Washington, 23-24 avril 1999// www.nato.int.

¹¹⁹ См. ниже: Глава 5.

также складывающееся по желанию США распределение ролей между США и их европейскими союзниками. Вооружённые силы США берут на себя осуществление «войны высоких технологий» на расстоянии, предоставляя европейцам нести главное бремя долгосрочной стабилизации и поддержания мира после конфликта. В Боснии, Македонии и Косово европейцы осуществляли 80% операций по стабилизации¹²⁰. В некоторой степени такое разделение функций повторяло принцип «щита и меча», против которого восстал де Голль во времена холодной войны.

Натовская операция против Югославии обнаружила ещё одно слабое место Франции и в целом ЕС с точки зрения перспектив реформы евро-атлантических отношений: огромную разницу в военных потенциалах США и стран Сообщества. Министерство обороны Франции выработало предложения, согласно которым в каждой военной программе, где европейцы отстают от США, должны быть предприняты усилия, чтобы сократить этот разрыв¹²¹.

На этом фоне в течение всего 1999 года американская дипломатия вела переговоры с союзниками из ЕС, настаивая, чтобы при создании европейской обороны были соблюдены следующие условия:

- во-первых, не допустить дублирования функций и институтов ЕС и НАТО;
- во-вторых, избежать дискриминации стран-членов НАТО, не являющихся членами ЕС (прежде всего, речь шла о Турции);
- в-третьих, не нарушать евро-атлантического единства¹²².

После Сен-Мало Пентагон стремился сохранить за НАТО право «первого отказа». Это означало реализацию любого европейского проекта вмешательства только после консультаций с НАТО и в случае, если Альянс (т.е. США) отказывается в нём участвовать. Кроме того, в случае, если

¹²⁰ Adréani J., op.cit. P. 995.

¹²¹ Ministère Français de la Défense. Les leçons de Kosovo. - P. : Ministère de la Défense, 1999.

¹²² Etat-Unis/ Europe : réinventer l'Alliance / Sous la dir. De J.Beltran et F.Bozo. - P. : IFRI, 2001.

операция затрагивает других членов Альянса, не являющихся членами ЕС (например, Турции), их интересы должны быть учтены. Если США добились признания, что вмешательство ЕС предусматривается только в тех случаях, когда Альянс отказывается участвовать в операции, то Греция отказалась согласиться на обязательные консультации с Турцией, поскольку это затрагивало её интересы в двух взрывоопасных точках: на Балканах и на Кипре. Главное, что должно было успокоить США, это отказ европейцев от создания *стратегического* Генерального штаба. Генеральный штаб ЕС, основанный благодаря Хельсинкской декларации 1999 г. и решениям саммита ЕС в Ницце (2000 г.), стал главным *органом военной экспертизы и связи* между Военным комитетом ЕС и военными силами, имеющимися в распоряжении Сообщества¹²³. Руководство операциями должно было поручаться, в зависимости от обстоятельств, или Генеральному штабу НАТО (SHAPE), или национальным штабам стран ЕС. Таким образом, США избежали риска создания европейской командной структуры, параллельной существующей в НАТО.

Разумный компромисс был достигнут благодаря британской дипломатии, но ей ближе были интересы партнёрства с США. Разногласия между двумя европейскими странами проявились, в частности, в Ницце. Ж.Ширак считал, что европейские силы быстрого реагирования должны предназначаться для действий, независимых от НАТО. Т.Блэр настаивал, чтобы они действовали в согласии с НАТО.

В то же время, успехи строительства европейской оборонной идентичности не означали преодоления глубоких и сущностных разногласий по этому поводу внутри ЕС. После Сен-Мало европейцы предпочитали двигаться вперёд, не давая ответа на важный вопрос о том, что на самом деле объединяет их в области единой обороны. Французские аналитики

¹²³ Rapport de la Présidence au Conseil Européen de Nice. Annexe III // www.europa.eu.int.

констатируют, что практически каждая страна ЕС видит сочетание автономности и атлантизма по-своему¹²⁴.

Новые факторы европейской безопасности, проявившиеся после событий 11 сентября 2002 г., заставили задуматься о достижениях европейской обороны. Несмотря на то, что трагические дни той осени были отмечены эмоциональными проявлениями самой тесной атлантической солидарности, в последующие месяцы стали проявляться евро-американские и особенно франко-американские разногласия по вопросам безопасности. Французское руководство было уязвлено скептическими отзывами Дж.Буша возможностях европейцев в сфере безопасности, пренебрежительным отказом США от военной помощи Франции в Афганистане, а также предпочтением, которое они отдавали «коалициям по (их) выбору», поскольку Франция вряд ли могла оказаться в числе избранных. В свою очередь, Франция и другие страны ЕС не были согласны с политикой США в ближневосточном конфликте. Европейцы считали неправильным ставить знак равенства между антитеррористической борьбой и жестокими репрессиями правительства Шарона против палестинцев. В итоге в начале 2002 г. создалось впечатление о растущих евро-американских разногласиях не столько по поводу целей и интересов, сколько по поводу концепции международной жизни. Главным ответом стран ЕС на возрастание угрозы со стороны международного терроризма стали меры не военного, а в основном полицейского и юридического характера. Во главе европейской оппозиции силовому курсу США естественным образом встала Франция. Во-первых, только Франция с её доктриной обороны по всем азимутам и претензиями на глобальную роль выдавалась из общего ряда континентальных стран НАТО, привыкших к войнам на своей или соседней территории и специализировавшихся внутри Альянса в средствах статичной обороны, в то время как американцы

¹²⁴ Adréani G. L'Europe de la défense : y a-t-il encore une ambition française ? // PE. – 2002. - №4. P. 999; Howort J. La France, l'OTAN et la sécurité européenne // Ibidem. P. 1011.

придавали НАТО мобильность, стратегию и средства разведки. Во-вторых, со времён де Голля Франция настаивала на специфике европейских политических интересов, а Ф.Миттеран, также как Ж.Ширак постоянно напоминали о европейской внешнеполитической идентичности. Они видели эту идентичность не в пацифизме или нейтрализме, но в защите европейской линии, принимающей применение силы, не отказываясь при этом от умеренности, добровольности и уважения к международному праву, в небрежении которым французская дипломатия упрекает США. Франция не согласна с новой американской доктриной «упреждающей войны» и, благодаря своему участию в международных организациях, старается создать противовес силовому курсу США в политике международной безопасности.

25 сентября 2002 г. на саммите НАТО в Варшаве Д.Рамсфельд предложил создать в НАТО Силы быстрого реагирования, способные действовать в любой точке земного шара в поддержку американских операций по разрешению кризисов. Программа конкурировала с силами быстрого реагирования, предусмотренными ОЕПБ. У некоторых европейских стран, опасавшихся больших расходов, связанных с созданием собственных сил ЕС, возник соблазн предпочесть американское предложение как менее обременительное и обеспечивающее руководящую роль и ответственность США. Ещё в феврале того же года министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин, выступая перед Сенатом, критиковал подобные настроения европейских союзников¹²⁵. Французская позиция была высказана министром обороны Франции М. Аллиот-Мари. Во-первых, он заявил, что Силы быстрого реагирования НАТО должны не подменить, а дополнить аналогичные европейские силы (FRRE). Во-вторых, Франция сдержанно отнеслась к возможности использовать силы быстрого реагирования НАТО вне

¹²⁵ Védrine H. Audition devant la Commission des Affaires Etrangères, de la Défense et des Forces Armées du Sénat. Paris, 13 février 2002 // www.france.diplomatie.fr/actual/declarations/bulletin.asp

геостратегической зоны Альянса и отвергла возможность их применения в упреждающих акциях¹²⁶.

Вместе с тем, 11 сентября 2001 г. продемонстрировало неотложный характер реализации ОЕПБО. Во-первых, администрация Буша показала, что она отдаёт предпочтение национальным интересам США и делает акцент на Азию, борьбу против государств-изгоев и новую программу ПРО. До 11 сентября она афишировала свою незаинтересованность в европейских союзниках по НАТО и необходимость в международной поддержке почувствовала только после свершившейся трагедии, но это осознание не изменило небрежения США к многосторонним решениям. Начало операции американской военной авиации в Афганистане было ознаменовано установлением новых правил взаимодействия внутри НАТО. Союзники США и вообще различные организации могли принимать участие в антитеррористической войне США, но не было и речи о совместной выработке стратегии и принятии решений даже внутри Альянса. Расширение географической сферы деятельности НАТО означало для европейцев приглашение сделаться орудием глобальной политики США. Размышления о евро-атлантическом партнёрстве вступили в новую стадию.

Во-вторых, стало очевидным, что поддержание стабильности в Европе для США отошло на второй план по сравнению с приоритетными геополитическими задачами, география которых сместилась на Восток. Балканы же остались для европейцев сферой интересов, которых США не разделяют. Франции этот регион представляется естественным полем применения механизмов и средств ОЕПБО, предусмотренных в Хельсинки¹²⁷. Между тем, растущая европеизация операций НАТО на Балканах стала воплощением тактических возможностей ЕС, со всеми их достижениями и недостатками, главным из которых является несоответствие средств высоте

¹²⁶ Le Monde, 25 septembre 2002.

¹²⁷ Chirac J. Discours devant le Comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO. Ibidem. P. 2.

поставленных задач. Главным и труднопреодолимым недостатком является для Франции и для ЕС в целом технологический разрыв с США, который после 11 сентября 2001 г. возрастает в связи с увеличением американского военного бюджета.

Европейцы по-прежнему не могут самостоятельно обеспечить собственных потребностей в обороне и безопасности. Они не располагают ни достаточными средствами космической разведки, ни транспортной военной авиацией. Этот дисбаланс не позволяет всерьёз оспаривать гегемонию США и говорить ни о Европе в качестве самостоятельного мирового центра силы, ни о реформе евро-атлантических отношений в пользу возрастания роли европейцев в принятии геостратегических решений. Перестройка этого дисбаланса в средствах и в функциях является целью французского евро-атлантического проекта. Но она требует огромных научных, финансовых и организационных усилий, которые вряд ли кажутся необходимыми менее амбициозным союзникам Франции по НАТО и ЕС, привыкшим полагаться на американскую военную мощь, тем более, в отсутствие непосредственной военной угрозы их территории. Пожелания лидеров ведущих стран ЕС – Франции, Германии и ФРГ об усилении интеграции военной промышленности и совместных программах вооружений сталкиваются с недостатком политической воли и финансовых средств. В своё время Германия отложила на несколько лет финансирование совместной программы создания разведывательного спутника. В сентябре 2002 г. Великобритания отказалась от совместного с Францией проекта строительства авианосцев, выбрав для экипировки двух будущих британских авианосцев самолёты вертикального взлёта¹²⁸. В отличие от Франции, Великобритании новейшие вооружения нужны, чтобы поддерживать высокий уровень взаимодействия с силами США. Франция и Германия, более склонные к автономности европейской обороны, оказались в более стеснённом положении, чем британцы. Из-за

¹²⁸ Stark H. Paris, Berlin, Londres... Op.cit. P. 982.

принадлежности к зоне евро они должны строго контролировать государственные расходы. Даже если расходы Франции выше германских, разрыв между финансовыми возможностями Парижа и Лондона увеличивается, несмотря на заявления правительства П.Раффарена о выделении на военные расходы в 2003 г. 2% ВВП (вместо ранее предусмотренных 1,8%) и принятие программы военного оснащения на 2003-2008 гг. Французский военный бюджет предусмотрено увеличить на 13, 3 млрд. евро для того, чтобы достичь уровня британских расходов¹²⁹. Правда, эта цифра включает и расходы на жандармерию, которых нет в британском военном бюджете.

Важной проблемой является также сокращение разрыва между вложениями европейцев (как единого целого) в оборону и отдачей от этих усилий. Робертсон, бывший министром обороны Великобритании и ставший затем генеральным секретарём НАТО, заметил, что военные расходы всего ЕС равны 2/3 того, что выделяют на нужды обороны США. Но это не означает, что европейцы располагают 2/3 американских возможностей. Страны ЕС имеют менее 1/3 средств на закупку вооружений и оборудования, менее 1/5 бюджета исследований и только 10% от сил развёртывания США¹³⁰. Главная причина такого разрыва в качестве вооружённых сил состоит в сохранении крупных сухопутных армий — дань прошлому, когда существовала непосредственная угроза границам, и большие расходы на содержание аппарата руководства из-за дублирования создающихся институтов Сообщества и оставшихся 15-ти национальных оборонительных систем стран ЕС.

Сокращение имеющегося разрыва вряд ли возможно в имеющихся рамках совместных межправительственных программ сотрудничества в производстве вооружений, черпающих средства из национальных оборонных

¹²⁹ Délégation à la Communication et à l'Information de la Défense. Création D'CoD septembre 2002. Projet de loi relative à la programmation militaire pour les années 2003 à 2008.

¹³⁰ Adréani J., op.cit. P. 983.

бюджетов. Франция является сторонником соединения финансовых усилий стран ЕС в области военной модернизации. Выступая двигателем создания европейской оборонной идентичности, она не может и не хочет нести бремя военной модернизации в одиночку, как это могли позволить себе США после второй мировой войны. Французский аналитик Ж.Адреани считает, что «можно было бы облегчить реконструкцию систем европейской обороны, компенсируя затраты странам, прилагающим наибольшие усилия для модернизации своих сил и вооружений; поощрять совместные военные программы стран ЕС, компенсировать разницу в расходах на оборону, которая гораздо больше внутри ЕС, чем по две стороны Атлантики»¹³¹. Для финансирования не только национальных, но и совместных программ военной модернизации из бюджета ЕС, во многом благодаря усилиям Великобритании, не было создано соответствующих институциональных предпосылок. Согласно решениям Совета ЕС в Ницце, на эту область не распространяются сферы «усиленного сотрудничества». К тому же, в Ницце было решено, что для создания таких сфер необходимо согласие минимум восьми стран ЕС, а пока ещё ни один совместный оборонный проект не собирал такого количества участников.

Для создания общей европейской политики и оборонного бюджета Франция и Германия выступили 24 ноября 2002 г. с предложением превратить ОЕПБО в Европейский союз безопасности и обороны, обладающий общей политикой вооружений, предусматривающий условие о взаимной защите и реализующий принцип «усиленного сотрудничества»¹³². Дело в том, что до сих пор в основополагающих документах ОЕПБО не было упоминания о принципе солидарности, в отличие от Брюссельского договора о ЗС (ЗЕС) или Вашингтонского договора о НАТО, которые были порождены иными геополитическими условиями. После растворения ЗЕС в ЕС европейские

¹³¹ Ibidem. P. 996.

¹³² Le Monde, 25 novembre 2002.

страны НАТО не связаны обязывающими условиями оказания автоматической помощи в случае агрессии и сохранили только гарантии, прописанные в Вашингтонском договоре. Их безопасность благодаря этому сосредоточена в НАТО. Франко-германское предложение сводится к тому, чтобы Европейский союз обороны, который может иметь в большей степени политическую, чем военную природу, включал всю гамму вызовов безопасности и гарантировал всем странам, решившим развивать совместные средства обороны, что они могут прибегнуть к принципу солидарности, даже если соответствующее обязательство будет подписано ограниченным числом государств, связанных усиленным сотрудничеством.

Расстановка сил на международной арене в начале XXI века изменила условия евро-атлантического партнёрства, что заставило Францию сменить тактику, не изменяя при этом главной стратегической задачи. В существующих условиях не может быть и речи о сбалансированном партнёрстве внутри НАТО, которое раньше было центральной идеей атлантической политики Франции. Главными рычагами её дипломатии в этой сфере являются международные организации в первую очередь, СБ ООН, НАТО, которую она хочет сделать центром обсуждения проблем безопасности, и Европейский Союз с его растущим влиянием в мире и с его Общей внешней и оборонной политикой. Активная роль и сохранение ведущих позиций в этих организациях является залогом действенности французской дипломатии. Она считает своей задачей защиту принципов международного права и многостороннего характера принятия решений, касающихся глобальной или региональной безопасности. В более узком смысле, Франция видит свою роль в НАТО в качестве военной державы, одновременно состоящей в Альянсе, участвующей в его Силах быстрого реагирования, но только на двусторонней основе, оставляя за собой право обсуждения и окончательного решения.

ГЛАВА 5: ФРАНЦИЯ – «ПЛАНЕТАРНАЯ ДЕРЖАВА»

1. Проблема сохранения роли Франции как мировой державы

Вопрос о геополитической роли Франции решался не только на путях европейского строительства и реформы евро-атлантического партнёрства. Маастрихтский договор был, пожалуй, главным и последним впечатляющим успехом активной внешнеполитической линии Ф.Миттерана. Помимо него и вслед за его подписанием французскую дипломатию преследовала серия неудач: её инициативы буксовали, казалось, она начинала терять вес на международной арене не только в пользу могущественных США, но и в пользу Германии. Стремление президента сохранить международную стабильность и внешнеполитические позиции Франции в условиях развала Ялтинско-Потсдамской геополитической системы навлекло на него обвинения в консерватизме, в приверженности отжившему миропорядку, что давало повод говорить, что «Париж отстал на одну войну»¹³³. Именно в этом упрекали Миттерана его политические противники или неблагожелательные наблюдатели. Внешняя политика Миттерана, столь успешная в годы первого президентства, всё более попадала под огонь критики. Главный редактор журнала “Politique Etrangère” D.Моизи объяснял внешнеполитические промахи президента “то ли усталостью и болезнью, то ли эрозией власти”¹³⁴, Ф.Моро Дефарж (IFRI) – сочетанием в личности Миттерана абстрактного гуманизма, реализующегося главным образом в великодушных декларациях, с консерватизмом в практических действиях: “В то время как мир расстаётся со статичным периодом холодной войны, /.../ Ф.Миттеран демонстрирует верность своей натуре – литератора, романтика, циника и глубокого

¹³³ Moreau Défarge Ph. Tenir son rang// L’Etat de la France 1995-96. - P.: La Découverte, 1996. P.590.

¹³⁴ Ibidem. P. 852.

консерватора, чья тяга к изменениям ограничивается революционными декларациями и идеалистическими положениями, но который ближе к Бисмарку или Меттерниху, нежели к президенту Вильсону”¹³⁵.

Ю.Ведрин, тогдашний дипломатический советник Миттерана и министр иностранных дел Франции (в правительстве Л.Жоспена), оправдывая своего патрона, переводит вопрос в иную плоскость. Центральной мыслью его книги “Миры Франсуа Миттерана”¹³⁶ является существование глубокого несоответствия между тем представлением, которое Франция составила о своём влиянии в мире, и реалиями современного взаимозависимого мира: “На самом деле, без преувеличения можно сказать, что в последний раз Франция осуществляла решающее влияние на мировые дела во время заключения Версальского договора”, - считает Ю.Ведрин. Поэтому главным в оценке внешнеполитических инициатив Ф.Миттерана в пору стремительных геополитических изменений является вопрос, осталось ли место для независимой политики Франции и каким полем для манёвра располагает ещё такая держава, как Франция, в мире? ¹³⁷

Реальность была такова, что США и Германия – две державы, получившие главные дивиденды от окончания холодной войны, оттеснили Францию с авансены международной политики, и произошло это вовсе не из-за недостатка внешнеполитической активности французского президента. Проблема для Франции состояла в том, что её независимая политика, обеспечивавшая ей в прошлом особое место в мировом соперничестве двух лагерей, хотя и ставила своей задачей «преодоление Ялты», на деле понимала это преодоление как процесс, а не как результат, стратегически опираясь на постоянное соперничество Запада и Востока. Пострадали и позиции Франции в Европейском сообществе. Не имея экономического веса Германии, она потеряла территориальное и демографическое преобладание, которое перешло

¹³⁵ Moreau Défarge Ph. Op.cit. P.590.

¹³⁶ Védrine H. Les mondes de François Mitterand. - P.:Fayard, 1997.

¹³⁷ RI et S. - Hiver 1996. - N24. P.15.

к усилившемуся соседу. Пожалуй, лишь одно неизменное преимущество оставалось в арсенале французских амбиций: принадлежность к ядерному клубу. Но в изменившихся международных условиях ценность его казалась не такой безусловной, как прежде.

Тенденция осуждения внешнеполитического курса социалистов особенно характерна для середины 90-х годов и, думается, была связана с борьбой за президентское кресло¹³⁸ в большей степени, чем с объективным анализом реальных просчётов дипломатии ушедшего Миттерана. Главный вопрос, возникавший тогда у французских наблюдателей, касался изменения геополитической роли страны. Франция и окончание холодной войны: победа или поражение? – именно так ставили вопрос и сторонники, и противники Миттерана. Независимо от этого различия, французская политическая элита ощущала снижение международной роли Франции и необходимость пересмотра дипломатического наследия Миттерана¹³⁹. Прошедшие после ухода Миттерана годы позволили перенести вопрос в плоскость более или менее объективного анализа достижений и неудач его внешнеполитического курса, тем более что первые уроки были извлечены ещё в бытность Ф.Миттерана президентом¹⁴⁰. То обстоятельство, что именно в пору его президентства произошли коренные геополитические изменения, делало Миттерана ответственным за неблагоприятные последствия этих изменений для международного престижа Франции в глазах общественного мнения.

Мы видели, что в своей внешнеполитической деятельности к 80-х-начала 90-х гг. Миттеран руководствовался идеей сохранения или утверждения веса Франции в новом мировом порядке, имея для этого меньше условий и средств, чем в годы холодной войны. Эта ограниченность средств в конечном счёте привела Францию к вынужденному отказу от

¹³⁸ В 1995 г. во Франции состоялись президентские выборы.

¹³⁹ Так ставит вопрос Ф.Бозо во Введении к специальному номеру РЕ, посвящённому внешней политике Франции первой половины 90-х гг.: РЕ. – Hiver 1995/96. – N°4. P.847.

¹⁴⁰ Первые итоги этих размышлений изложены в сборнике: Mitterand et la sortie de la guerre froide / Sous la dir. de S.Cohen. – P. : PUF, 1998.

специфической французской позиции, будь-то вопрос об объединении Германии, иракский кризис, вопрос о судьбе бывшей Югославии или о европейской обороне, что неизменно записывалось в пассив политики президента-социалиста.

То же можно сказать о выборе Миттерана в пользу многосторонних солидарных действий в критических международных ситуациях, особенно в вопросах обеспечения безопасности. Неудача или перехват Соединёнными Штатами всех французских инициатив в этом направлении заставляли правительство социалистов сделать упор на преимуществах и предпочтительности многосторонних действий, тем более, что только такие действия могли снизить эффект американской вездесущности и очевидность гегемонии США. Сегодня неизбежность и приоритет подобных действий общепризнаны французскими политиками. В середине 90-х годов это стремление Миттерана «успеть на уходящий поезд», дабы избежать маргинализации французской политики, встречало острую критику справа.

Р.Жиар озаглавил свою статью в «Фигаро»: «Иллюзии многосторонности»¹⁴¹. Упрекая Миттерана в том, что он сфокусировал свою политику на многосторонних действиях, Жиар считает, что Франция не может «подчиниться дискредитировавшей себя ООН и нерешительной Европе. Поэтому ей необходимо собственное видение мира, собственные инициативы, иначе она станет тем, чем прежде бывала только в периоды упадка: средней нацией среди множества других»¹⁴². Миттерана упрекали в недостатке национального честолюбия, которого у него, пожалуй, было даже в избытке, так же как и здравого смысла, чтобы заметить после трёх лет тщетных попыток заявить о новой глобальной ответственности Франции, что оспаривать этот груз ответственности ей не под силу.

¹⁴¹ Les fantasmes du multilateral.//Le Figaro, 15 avril 1996.

¹⁴² Ibidem.

Вторым камнем преткновения во внутренней французской дискуссии по вопросам определения внешнеполитического курса, особенно в 1993 году, в момент смены правящего большинства и прихода к власти правительства Э.Балладюра, был вопрос о наличии национального консенсуса по международным проблемам. Оно ставилось под сомнение, прежде всего, противниками социалистов, стремившимися укрепить позиции правительства правых в принятии внешнеполитических решений. Об этом писал в начале нового «сосуществования» советник Ж.Ширака П.Лелуш¹⁴³. Лелуш предупреждал о невозможности «мягкого» сосуществования в области внешней политики, на манер предыдущего (1986-88 гг.). Он считал, что «старый миф» французского консенсуса в области обороны и внешней политики ушёл в прошлое с концом холодной войны. Между тем, принятие внешнеполитических решений по-прежнему осталось зоной исключительной компетенции президента. Правая оппозиция, сформировавшая правительство в 1993 г., заявляла устами Лелуша о необходимости полного переосмысления военной политики Франции, её места в Европе, её отношений с НАТО, её политики на Востоке, её арабской политики и помощи развивающимся странам. Кроме того, наличие неотложных внешнеполитических вопросов, например, о продлении пребывания десятка тысяч французских солдат в трёх горячих точках: в Камбодже, в Сомали и особенно в бывшей Югославии, требовало, по мнению Лелуша, принятия срочного решения, и это решение, должно было соответствовать мнению правительства и Национального собрания, большинство которого было в оппозиции к президенту. К тому же, некоторые международные проблемы европейской или внешнеторговой политики (в рамках ГАТТ), касающиеся валютных, тарифных и сельскохозяйственных проблем, уже потому не могли, по мнению голлистов, оставаться в исключительной компетенции президента, что были связаны с внутренней экономической и социальной политикой.

¹⁴³ Lelouche P. La France, la cohabitation et le nouveau désordre mondial // La Libération, 30 mars 1993.

Все аргументы нового правящего большинства, ставящего под сомнение возможность сохранения национального внешнеполитического консенсуса, на деле были нацелены на ограничение внешнеполитических полномочий Миттерана. Одной из предложенных формул было создание Совета национальной безопасности, подобного тем, что существовали в Великобритании, ФРГ, США, «даже в России», в составе президента, премьер-министра, министра обороны и начальника Генерального Штаба. Советник Ж.Ширака считал, что только в опоре на согласованные действия президента и парламентского большинства можно было решить неотложную задачу актуализации (“aggiornamento”) французской внешней политики.

Несмотря на предостережения голлистов, второе «сосуществование» 1993-95 гг., по мнению наблюдателей, было в области внешней политики гораздо менее конфликтным, чем первое, 1986-88 гг.¹⁴⁴. Между премьер-министром и президентом не было личного соперничества за президентское кресло, в то время как ближе к выборам 1995 г. усилилось соперничество внутри голлистского лагеря – между Ж.Шираком и Э.Балладюром, что в частности отразилось на конфликте между министром иностранных дел А.Жюппе и министром внутренних дел Ш.Паскуа в 1994-95 гг. по вопросу о выборе позиции в алжирском вопросе. Жюппе склонялся к диалогу правительства с исламистами, а Паскуа настаивал на том, чтобы Франция оказала поддержку мерам безопасности, предпринимаемым алжирским правительством против исламистов.

Что касается разногласий между президентом и правительством, то наиболее серьёзным был вопрос о приостановке Миттераном ядерных испытаний в апреле 1992 г., против чего протестовали голлисты. Но этот вопрос в период «сосуществования» был отложен, поскольку ядерная ответственность продолжала оставаться «заповедной зоной» президента. В остальном внешнеполитические мероприятия, проводимые правительством

¹⁴⁴ Bozo F. La politique étrangère de la France. P.101.

Балладюра, вписывались в логику курса, определившегося в 1992-93 гг., когда страной безраздельно правили социалисты.

В югославском конфликте принципы французской политики остались прежними: ставка на политические решения, поддержка сил разъединения. Поскольку ситуация ухудшилась, Париж проявлял с весны 1993 г. дипломатическую активность в плане более тесного сотрудничества с союзниками: осенью 1993 г. был обнародован план Жюппе-Кинкеля, весной 1994 г. создана контактная группа по Югославии, в феврале 1994 г. по инициативе Франции и США НАТО выдвинула ультиматум боснийским сербам по поводу Сараево. В то же время, действия сил ООН, несмотря на создание «зон безопасности» и натовскую поддержку с воздуха, не могли сдержать продвижение боснийских сербов, а 1994-95 гг. были ознаменованы острыми противоречиями между администрацией Клинтона, с одной стороны, и Францией и Великобританией – с другой. США выступали за снятие эмбарго на поставки оружия мусульманам в Боснии и за воздушные бомбардировки позиций боснийских сербов, но исключали американское присутствие в этом районе, что усугубило тяжёлое положение английских и французских контингентов «голубых касок» ООН.

На этом фоне происходила эволюция внешнеполитического курса Франции в отношении европейского строительства и НАТО. Что касается ЕС, то торжество по поводу вступления в силу Маастрихтского договора 1 ноября 1993 г. было омрачено как внутрифранцузскими разногласиями, обнаружившимися в пору референдума, так и расхождениями внутри франко-германского тандема европейского строительства в югославском конфликте. Появление новых акцентов и новых подходов (в частности, проект Пакта стабильности вместо идеи Ф.Миттерана о Европейской конфедерации, большая активность в защите французских внешнеторговых интересов в

ГАТТ¹⁴⁵, новые шаги в сторону НАТО) были не только следствием «обновления» внешнеполитического персонала (новый глава правительства и министры обороны и иностранных дел), но и «делом времени» – результатом осмысления процессов, взорвавших *status quo* в мире и Европе в конце 80-х гг. и давших зримые плоды к 1993 г., когда более или менее определённо обозначились перспективы развития основных «стрессовых» ситуаций и становление главных силовых центров нового миропорядка.

Преемственность внешнеполитического курса в условиях Пятой республики в случае смены правящего большинства априорно определяется доминирующей фигурой президента, который сохраняет за собой «сектор особой компетенции» в области обороны и безопасности, а также консенсусом в отстаивании национальных приоритетов, намеченных ещё де Голлем. В итоге, практический, а не теоретический консенсус второго сосуществования был обусловлен сужением рамок, в которых Франция могла осуществить свою политику «активизма» и независимости. Главным препятствием такой политики продолжал оставаться американский гегемонизм.

Основа внешнеполитического могущества – проблема обеспечения безопасности населения и территории – во Франции, как и в других европейских странах, не могла рассматриваться исключительно в военной области и в национальном масштабе. Речь шла о выработке новой концепции безопасности, которая менее чем когда-либо могла быть исключительно национальным делом. Выше уже говорилось, что к концу второго президентского срока Миттерана его дипломатия всё больше склонялась к многонациональным международным действиям. Защитником этого курса, в частности, был дипломатический советник президента Ю.Ведрин. Он исходил из того, что в многополюсном и взаимозависимом мире рамки

¹⁴⁵ Твёрдая позиция Балладюра на уругвайском раунде переговоров в ГАТТ увенчалась подписанием соглашений о квотах и тарифах, выгодных французским производителям.

самостоятельной внешней политики Франции, как и любого другого государства, значительно сужаются: очень редко государство может единолично принять решение. Для этого необходимо согласие пяти, десяти, пятнадцати государств. «Суверенитет осуществляется сообща»¹⁴⁶.

Включение Франции в различные международные объединения, как считает Ю.Ведрин, не отнимает у неё свободы манёвра. Ограничения суверенитета, налагаемые участием в международных организациях, содержат положительные аспекты. В обмен государство может получить преимущества в виде «возмещения суверенитета» (*souveraineté recupérée*). Поиски консенсуса внутри этих организаций ведут к уступкам, выгодным национальной дипломатии, как это было в случае с ФРГ, согласившейся на ускоренное создание валютного союза в обмен на благожелательную позицию Франции в деле германского объединения. Сотрудник Миттерана считал, что у Франции постоянно сохраняется «выбор позиции «на скандинавский манер» – скромной, открытой для сотрудничества..., согласной раствориться в общем хоре» и возможностью действовать по-голлистски, т.е. «как можно дольше выступать глашатаем дела чести», под флагом республиканского мессианства, как это было свойственно французской дипломатии со времён первого президента Пятой республики¹⁴⁷. По мнению окружения Миттерана, функция обеспечения национального суверенитета Франции на международной арене должна была состоять в «адаптации к международному окружению, в воплощении национальной идентичности, в сохранении геополитического равновесия, в защите определённого набора общечеловеческих ценностей, среди которых для Франции на первом месте стоят мир и демократия»¹⁴⁸. Эти слова принадлежат уже Ю.Ведрину – министру иностранных дел в правительстве Л.Жоспена¹⁴⁹, но обозначенная ими позиция закладывалась

¹⁴⁶ In: Cohen S. Mitterand et la sortie de la guerre froide.- P.: PUF, 1998.

¹⁴⁷ Le Debat, mai-aout 1997.

¹⁴⁸ Cohen S. Mitterand et la sortie de la guerre froide. P. 12.

¹⁴⁹ Т.е. в период третьего «сосуществования», открытого победой левых сил на внеочередных парламентских выборах в мае – июне 1997 г., при президенте Ж.Шираке.

ещё при Миттеране. Общий внешнеполитический итог второго президентского срока Миттерана был неутешительным: окончание холодной войны привело к снижению международной роли Франции и к изменению баланса сил в Европе не в её пользу. Что касается её места в новом мировом порядке, то выбор теперь был за новым президентом, голлистом Ж.Шираком.

* * *

С каждой сменой президента во Франции вновь встаёт вопрос о преемственности во внешней политике. История Пятой республики свидетельствует о преобладании преемственности над изменениями, поскольку ни интересы Франции, ни союзнические обязательства не меняются со сменой президента, однако новые черты, отмеченные печатью личности и темперамента президента, всегда более показательны.

С точки зрения международной политики Франции приход к власти Ж.Ширака – не просто смена президента. В 1995 г. к власти после 21-летнего перерыва вернулись голлисты, и потому речь могла идти о реванше голлистской дипломатии. Известный политический комментатор А.Дюамель отметил, что во внешнеполитическом стиле Ж.Ширака утвердились «инстинкт волюнтаризма и вкус к разнообразию»¹⁵⁰. Что касается волюнтаризма, то во внутриполитическом плане его проявления были сильно ограничены вялым экономическим ростом и высоким уровнем безработицы, поэтому он проявился главным образом на международной арене. В этом нашли своё отражение и стремление преодолеть дипломатическую пассивность последних лет правления Миттерана, и личный темперамент нового президента, и голлистская традиция.

Что касается разнообразия, то к традиционным французским геополитическим предпочтениям добавилась активность в Азиатско-

¹⁵⁰ La Libération, 12 avril 1996.

тихоокеанском регионе (АТР). Как и при де Голле, Франция снова развернулась лицом к изолированному Китаю.

К середине 90-х годов стало очевидным, что международная ситуация, на которой строилась планетарная роль Франции в годы Пятой республики, ушла в прошлое. Этого нельзя сказать о французских амбициях. П.Бонифас, видный французский международник, заметил по этому поводу: «Нельзя быть президентом Французской Республики, сверх того, голлистом, не имея чёткой и высокой идеи... о той роли, которую Франция должна играть в мире. Любой президент Франции с конца второй мировой войны должен был столкнуться с дилеммой, до каких пределов продвигать сотрудничество с нашими партнёрами, не рискуя потерять собственную автономность? До каких пор сотрудничество служит увеличению поля деятельности страны и когда оно начинает его ограничивать?»¹⁵¹.

1995 год – время прихода к власти президента Ж.Ширака, был отмечен определённой стабилизацией международной обстановки, взорванной бурными событиями 1989-1991 гг. Стало очевидным, что США остались единственной сверхдержавой, хотя они ещё продолжали воздерживаться от внешнего вмешательства, особенно в европейские дела. В то же время Россия – другой важный партнёр глобальной дипломатии Франции прошлых десятилетий – продолжала переживать период, который во Франции лояльно называли “переходным”. Один из главных векторов французской политики – европейское строительство – сохранил своё значение. Но политика интеграции была осложнена слабым экономическим ростом и наметившимся евроскептицизмом населения. Всё больший экономико-политический вес приобрели в глазах французской дипломатии Китай, Япония и Южная Америка. Франция по-прежнему была озабочена процессами ближневосточного урегулирования и ростом исламского фундаментализма, а

¹⁵¹ П.Бонифас – директор IRIS – Institut des relations internationales et stratégiques. Близок руководству ФСП. In: RI et S, N 25, printemps 1997. P.19.

также положением в Африке, где продолжались гражданские войны, экономический застой и политическая нестабильность. Этот неблагоприятный фон осложнял внешнеполитические перспективы нового президентства, тем более что последние годы правления Миттерана были отмечены падением активности французской дипломатии и неудачей ряда её инициатив.

Личные качества Ж.Ширака, казалось, были призваны преодолеть неблагоприятные обстоятельства и придать новый импульс французской внешнеполитической активности. Окружение Ширака делало упор на такие его черты, как простота в общении, отсутствие формализма, человеческая теплота, решительность и активность, которые должны были контрастировать с образом ушедшего президента, к концу жизни преобредшего имидж “старого мудреца, несколько отстранённого от суеты”. Напор и динамичность Ж.Ширака, его непредсказуемость из недостатков могли превратиться в преимущества. Качества, благодаря которым Ширак выиграл президентские выборы – настойчивость, бесстрашие и волюнтаризм, легли в основу его внешнеполитической стратегии. С первых шагов на этом поприще деятельность лидера голлистов была отмечена особыми чертами, отразившими его личный стиль. Первой отличительной чертой этого стиля является то, что Ж.Ширак придаёт исключительное значение личным контактам, что делает его дипломатию похожей на ”международную избирательную кампанию” (выражение П.Бонифаса), в которой личная симпатия к кандидату играет большую роль, чем оценка его политики. В целом, это соответствовало тому духу внешней сердечности и дружбы, который установился между руководителями ведущих мировых держав по окончании холодной войны, в годы быстрого потепления отношений Запада с новым руководством СССР. Однако Ф.Миттеран и “без галстука” оставался в рамках корректных, доброжелательных, но официальных отношений. Ж.Ширак стремится поставить на службу французским внешнеполитическим интересам свои хорошие отношения с государственными лидерами, причём не

только с Ельциным, Колем, Шрёдером, Клинтон и Мейджором или Блэром, но и с президентами латиноамериканских и африканских государств.

Вторая отличительная черта внешнеполитического стиля Ж.Ширака состоит в сочетании судьбоносных и принципиальных дипломатических шагов (например, в ядерной области или в отношении НАТО) с прагматическими и конкретными действиями, направленными на обеспечение экономических интересов Франции. Ж.Ширак видит прямую связь между экономическим здоровьем страны и расширением её влияния в мире. Эта идея лежала в основе внешнеполитических позиций Великобритании, США и Германии на протяжении, по крайней мере, последних полутора столетий, но в дипломатической культуре Франции идея величия страны и её дипломатического достоинства плохо сочеталась с активным продвижением экономических интересов. Так было и при Миттеране. Известно, что в 1964 г. де Голль после встречи с японским премьером заявил, что вместо политического деятеля он встретил торговца транзисторами. Когда же Ширак отправляется в Японию, он не гнушается проталкивать интересы французских производителей самолётов или скоростных поездов и заявляет, что задачей Франции является удвоение экспорта в Азию и утроение экспорта в Японию¹⁵².

П.Бонифас считает, что стиль Ширака характеризуется “скорее оптимизмом воли, чем пессимизмом разума” (последнее, по-видимому, относится к стилю Миттерана), его коллега Д.Моизи отметил “горячий, прямой, порой несколько беспорядочный активизм” нынешнего французского президента. В 1995 г. казалось, что “благодаря темпераменту, в той же мере, что и расчёту, новый президент стремился нарушить установленный status quo, который, в конце концов, сумел навязать его предшественник»¹⁵³.

¹⁵² Boniface P. La politique étrangère du président J.Chirac // RI et S. - Printemps 1997. – N 25. P..23.

¹⁵³ Moisi D. De Mitterand à Chirac // PE. - 1995. - N4. P.853.

Голлист А. Жюппе, возглавивший кабинет министров после выборов 1995 г., приступал к своим обязанностям с полным сознанием трудностей, стоящих перед французской внешней политикой¹⁵⁴: “Мы отдаём себе отчёт в том, что следующее двадцатилетие станет периодом перехода, потрясений, может быть даже конвульсий. Наша задача состоит в том, чтобы стараться привнести в него больше права, больше порядка, поменьше насилия и, в особенности, поменьше оружия массового поражения. Я всегда считал, что *Франция должна видеть мир таким, какой он есть, но что она не должна принимать его таким, какой он есть*”¹⁵⁵.

Отвечая на обвинения в адрес чересчур амбициозной политики Франции, А.Жюппе заявил: “Франция /.../ способна добиться результатов, которые весьма мало соотносятся с простой арифметикой её могущества”¹⁵⁶ и определил три основные зоны внешнеполитической активности страны:

- Европу, т.е. её непосредственное окружение;
- сферу её мировой ответственности, где особая роль отводится диалогу с Россией и США;
- “сферу сотрудничества и предпочтений”, т.е. Средиземноморье и Африку.

Эти направления в целом являлись традиционными для внешней политики Пятой республики. Как уже было отмечено, в плане разнообразия Ж.Ширак добавил к ним АТР.

Внешнеполитические методы Ж.Ширака также вписывались в голлистскую логику: если вы боитесь, что вас не услышат из-за вашей слабости, говорите громче. Так вы сможете изменить соотношение сил в свою пользу. Для французов разрыв между декларативной политикой и реальным весом не обязательно является свидетельством отсутствия реализма.

¹⁵⁴ А.Жюппе занимал пост министра иностранных дел в правительстве Э.Балладюра с 1993 до президентских выборов 1995 г., что обеспечивало преемственность внешнеполитического курса нового правительства.

¹⁵⁵ Речь на праздновании 20-летия САР – Centre d’analyse et de prévision МИД Франции 25 января 1995 г. In: PE, 1995, N1. P. 246. Курсив мой – Е.О.

Наоборот, преувеличенные амбиции могут способствовать улучшению национальных позиций на мировой арене¹⁵⁷. В пользу этого убеждения свидетельствует, в частности, поведение де Голля в 1943-1946 гг.

С началом своего президентства Ж.Ширак активно взялся за решение узловых международных проблем. И первой его заботой было подтверждение ядерного статуса Франции. Он возобновил ядерные испытания, прекращённые Миттераном, и предложил соседним странам европеизировать французские силы ядерного сдерживания, стремясь тем самым придать новый импульс автономной европейской обороне, а также настаивал на принципиально новом подходе к решению югославской проблемы. Подобные волевые действия заставили мир снова заговорить о Франции и должны были способствовать сохранению за ней статуса державы с мировой ответственностью. Такая тактика демонстративных шагов была особенно характерна для первых лет пребывания Ж.Ширака у власти. Но с самого начала, а особенно в конце 90-х годов волюнтаризм французского президента вступал в противоречие с изменившимися международными условиями, что заставляло французскую дипломатию давать «обратный ход». В частности, глобальное осуждение возобновлению ядерных испытаний в Тихом океане вынудило Ж.Ширака сократить сроки их проведения число взрывов до шести вместо восьми, предусмотренных в этой серии. В 1999 г. российское направление французской дипломатии было поставлено под вопрос из-за резких заявлений Ж.Ширака по чеченской проблеме. Понадобилось два года, чтобы преодолеть ответную отчуждённость нового российского президента и возобновить франко-российский диалог на высшем уровне.

Другим ограничителем внешнеполитического волюнтаризма президента явилось растянувшееся на пять лет (1997-2002 гг.) «сосуществование» с правительством левых сил во главе с социалистом Л.Жоспеном. Премьер-министр потребовал себе полномочий в

¹⁵⁷ Op. cit. P. 22.

дипломатической области, которую предпочитал видеть сферой «разделённой» (*partagée*) ответственности, в то время как голлистская традиция привыкла видеть внешнюю политику и оборону сектором исключительной ответственности президента (*secteur réservé*)¹⁵⁸. Следует заметить, что далеко не всегда это ограничение действовало во благо. Дипломаты, аналитики и общественное мнение Франции сходятся во мнении, что сосуществование лишало французскую политику необходимой динамики и инициативности, особенно на её европейском направлении. Анализируя скромные результаты французского председательства в ЕС в 2000 г., Т. Де Монтбриаль заявил: «Сегодня Франция скована длительным сосуществованием, несовместимым с осуществлением подлинного международного лидерства»¹⁵⁹.

Следует согласиться с заключением Ф.Шарийона относительно факторов формирования современного внешнеполитического курса Франции: «Реальность часто диктует больший прагматизм тем, кто принимает решения, чем тем, кто наблюдает/.../. Она состоит из целей, приоритетов, *но также и из границ*»¹⁶⁰. В соответствии с особенностями двух политических сил, сменяющих друг друга у власти, после ухода Ф.Миттерана эти границы, как правило, больше принимаются во внимание социалистами, чем голлистами. Выше были приведены слова Ю.Ведрина, министра иностранных дел в правительстве Л.Жоспена, объясняющие преимущества многосторонних согласованных действий на международной арене. Не Франция в качестве направляющей руководящей силы в Западной Европе, а Франция вместе со своими союзниками и в согласии с главными тенденциями мировой политики – вот достойная роль, за которую ратовали с середины 90-х годов социалисты. П.Бонифас – автор вышеупомянутой брошюры «Является ли ещё Франция великой державой?» - предупреждал, что эликсир с надписью: «Стремление к

¹⁵⁸ Massot J. *Alternance et cohabitation*. - P.: La Documentation Française, coll. « Les études », 1997.

¹⁵⁹ Le Figaro, 31 janvier 2001. См. схожие высказывания Л. Де Барошеза в «Фигаро» (Le Figaro, 11 mai 2001) и редакционную статью газеты «Монд» (Le Monde, 29 novembre 2000).

¹⁶⁰ Charillon Fr., Kesler M.-Ch. *Un « rang » à réinventer // Les politiques étrangères*. - P.: La Documentation Française, 2001. P.103. Курсив мой – Е.О.

могуществу» следует «употреблять умеренно»¹⁶¹. «Разглагольствования на старую тему о необходимости поддерживать наш ранг, что одновременно и противоречит теме упадка, и дополняет её, хоть сколько-нибудь реалистичному наблюдателю кажутся зачастую просто смешными /.../. Они только усиливают восприятие Франции, пропитанной предрассудками, сияющей отстоять собственные эгоистические интересы. Неумеренная демонстрация могущества ослабляет её. Истинное достоинство состоит в реализме»¹⁶². Из всех французских лидеров последнего десятилетия наиболее смелое высказывание в том же духе позволил себе бывший премьер-министр Л.Жоспен. Во время своего визита в Иерусалим в марте 2000 г. он заявил: «Я хотел бы, чтобы Франция не преувеличивала своего значения на международной арене». Патриотический еженедельник «Марианна» обрушился с резкой критикой на премьер-министра, его окружение из левых интеллектуалов и на либералов, которых подозревает в схожих мыслях. Это означает, - пишет автор статьи, что для них «голлизм уже умер». Заявление Жоспена он расценил как признание бессилия Франции оказывать серьёзное влияние в процесс ближневосточного урегулирования и, в более широком смысле, сохранять активную независимую позицию внутри НАТО, что было продемонстрировано во время косовского кризиса. Компенсацией могущества и проявлением «реализма», по мнению «Марианны», является обращение к морализаторской риторике и в случае с Косово, и тогда, когда Франция решила возглавить «крестовый поход» против Австрии в связи с победой Хайдера¹⁶³. Критикуя скромность премьер-министра, автор напоминает, что упадок Франции после второй мировой войны не мог помешать де Голлю бороться за утверждение ведущей мировой роли страны. Смысл этого напоминания в противопоставлении двух подходов к внешнеполитической стратегии Франции. Из них двоих голлистская стратегия Ж.Ширака ближе к

¹⁶¹ Boniface P. La France est-elle encore une Grande puissance ? P. 119.

¹⁶² Ibidem. P.130-131.

¹⁶³ Marianne, 6-12 mars 2000, pp. 15-16.

традиционной французской политике могущества, чем «реализм», предложенный новым социалистическим руководством.

Надо отметить, что фундамент, на котором строит свою стратегию могущества французский президент, по сути, не отличается от замысла Жоспена. Только то, что социалисты называют реализмом, для Ширака является оправданием амбиций. «Сила внешней политики состоит, прежде всего, в её внятности, способности отражать особое видение мира, в стремлении вписать каждую дипломатическую инициативу в общую перспективу» - так определил Ж.Ширак основу глобальных претензий Франции¹⁶⁴.

Франция сохраняет важные рычаги международного влияния: постоянное членство в СБ ООН, ядерное оружие, участие в Большой восьмёрке, она является влиятельным членом международных организаций и объединений и располагает второй в мире дипломатической и культурной сетью. Но она лимитирована своими военными и финансовыми возможностями, качественно уступающими США. О значении проблемы мирового ранга Франции для её политической элиты говорит характерное высказывание Ю.Ведрина, который, будучи социалистом, остался более близким амбициозному курсу Ф.Миттерана, нежели скромному реализму Л.Жоспена. На своей первой встрече с послами Франции в качестве министра иностранных дел (1997-2002 гг.) он заявил: «Как нам определить своё место в этом контексте? Слова здесь имеют большое значение. Франция не является ни одной из многих, ни «средней» державой, что является несвойственным ей обозначением. Это и не единственная держава – гегемон. Это и не «сверхдержава» в классическом смысле. Что же она собой представляет? Она является одной из 7 или 8 держав с мировым влиянием, то есть больших

¹⁶⁴ Chirac J. Discours devant les Ambassadeurs de la France, 29 août 1996// Le Monde, 26-27 août 1996.

(великих) стран мира, которые располагают средствами настоящей глобальной политики»¹⁶⁵.

В соответствии с главной стратегической осью французской дипломатии и с определившимися рамками нового геостратегического контекста, во второй половине 90-х годов стали намечаться тактические линии утверждения планетарной роли страны. В целом, их сводят к четырём направлениям:

- выработка «универсального послания», призванного распространять и утверждать в мире французское видение организации международной жизни и её особую концепцию глобализации;
- постоянное присутствие в крупных международных событиях, в том числе в разрешении кризисов;
- выбор в пользу многосторонней дипломатии и пропаганда идеи многополюсного мира;
- борьба за установление сбалансированного диалога с США, против однополярности и тактики силового давления¹⁶⁶.

Французская дипломатия является глобальной, поскольку она стремится откликнуться на любое событие, в любой точке мира. Этим французская глобальная ответственность отличается от региональной, которую разделяет большинство влиятельных государств. Глобальное видение подразумевает также стремление влиять на решение проблем, затрагивающих всё человечество. Во французском МИД принят термин «глобальные вызовы». Им отвечают усилия Франции в области разоружения, сотрудничества, помощи развитию, охраны окружающей среды, борьбы с эндемией и эпидемиями, с наркотиками, терроризмом и организованной преступностью. Французские гуманитарные послания адресованы всему миру, и Париж стал обязательным местом для визитов лидеров ведущих государств и международных

¹⁶⁵ Védérine H. Discours devant les ambassadeurs de la France 28 août 1997.

¹⁶⁶ Charillon F., Kessler M.-Ch. Op.cit. P. 104.

организаций. Поддержание этого статуса очень существенно, что было доказано, в частности, болезненной реакцией Ж.Ширака на длительное уклонение от визита во Францию нового президента России В.В.Путина. Пропаганде французских культурных достижений и развитию изучения французского языка в мире придаётся исключительно большое значение. Французский МИД ставит себе целью сделать французский язык посредником в возобновившемся диалоге Севера и Юга, создав тем самым альтернативу англо-американскому доминированию¹⁶⁷. Стремление к постоянному присутствию в мире облечено в этическую риторику. Франция выступает в качестве демократии, давшей рождение правам человека и не может себе позволить мириться с их нарушением. Вербальный фон французской дипломатии полон ссылками на права человека и призывами к защите правового государства и демократии. Франция является одной из немногих стран, ратифицировавших статус международного трибунала по правам человека, утверждённый на Конференции ООН в Риме в 1998 г.

Французская геополитика основана на идее многополюсного мира. С окончанием холодной войны ушло в прошлое биполярное деление мира, экономический прогресс новых индустриальных стран Азии больше не позволяет говорить о промышленной гегемонии Запада, но в мире сохраняется дисбаланс, не устраивающий Францию: это глобальное политическое лидерство США. Претендуя на глобальное присутствие, Франция особенно дорожит влиянием в «ближних» географических сферах. Помимо Европы, с которой она себя отождествляет, стремясь сделать ЕС полюсом силы, эти сферы включают бывшие «заповедные владения» Франции - Средиземноморье и Африку. Снижение авторитета Франции в этих регионах является постоянным предметом для беспокойства. Излишне говорить, что там французские позиции страдают от натиска американцев.

¹⁶⁷ Raymond J.-F. L'action culturelle extérieure de la France. P.: La Documentation Française, 2000.

Американский фактор постоянно присутствует в размышлениях о глобальной роли Франции, поскольку внешнеполитическое могущество является категорией относительной. Оно может утвердиться только в соотношении с мощью и влиянием других государств, и благодаря признанию других государств, среди которых на первом и недостижимом месте оказались США. Их первенство утверждалось и находило себе подтверждение в ходе международных кризисов 90-х годов, в то время как сами США признавали за Францией роль великой державы только до 1940 г., т.е. до её поспешной капитуляции перед Гитлером.

2. Франция – США: две модели мира

а. Проблема американского лидерства в свете войны в Персидском заливе

Борьба против американских претензий на мировую гегемонию является одной из традиций и важным слагаемым независимого внешнеполитического курса Франции, основы которого были заложены де Голлем. Но со второй половины 70-х годов процессы глобализации и политической и экономической интеграции стран Запада приводят к усилению солидарности Франции с развитыми индустриальными демократиями. В годы первого септената Миттерана, совпавшие с очередным пиком холодной войны, солидарность с США, особенно в вопросах безопасности, питалась антисоветизмом французского президента. В свою очередь, США, которые всегда критиковали проект создания французских ядерных сил, смирились с их существованием как с данностью. Были преодолены и франко-американские разногласия в арабо-израильском конфликте¹⁶⁸. Франция и

¹⁶⁸ Прежде французские руководители противопоставляли американским схемам ближневосточного урегулирования свои предложения, которые были ближе к требованиям арабских государств и учитывали права палестинцев. Теперь Франция признала необходимость гарантий безопасности Израиля, на чём постоянно настаивали США.

США совместно разработали программу борьбы с терроризмом. Франция присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия после 35 лет упорного нежелания в него вступать, а это означало отказ в будущем от поставок ядерных продуктов и технологий странам-изгоям, в первую очередь, Ираку.

Правда, спорные моменты между Францией и США остались: они касались взаимоотношений Франции и НАТО, что порождало у американцев постоянные сомнения в лояльности Франции к этой организации. Несмотря на изменения в расстановке сил в Европе и мире, Ф.Миттеран, оставаясь в рамках голлистской дипломатии, продолжал направлять её в русло политики державы с мировой ответственностью. Выше было отмечено значение участия в урегулировании международных кризисов с точки зрения французской «дипломатии престижа». Первым серьёзным испытанием этих амбиций после окончания холодной войны стала война в Персидском заливе.

Вторжение Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г. поставило французскую дипломатию в сложное положение. С одной стороны, постоянное членство в Совете Безопасности ООН и атлантическая солидарность диктовали необходимость совместного отпора агрессору, а жёсткая позиция США не оставляла возможности поисков компромисса и умиротворения. С другой стороны, будущее независимой политики Франции на Ближнем и Среднем Востоке, прежде не совпадавшей с американскими приоритетами, ставилось под сомнение присоединением к коалиции, вдохновителем, организатором и доминирующей силой в которой являлись США.

С сентября 1990 г. Ф.Миттеран заявлял о том, что Франция не может поступиться принципами международного права и устраниваться от мировой ответственности вплоть до отпора агрессору военными средствами. В ближайшем окружении президента эта позиция разделялась далеко не всеми. Министр обороны Ж.-П.Шевенман предупреждал о последствиях присоединения к антииракской коалиции под руководством США и подал в

отставку после начала военных действий в январе 1991 г. Для общественности главным мотивом этой отставки стали пацифистские убеждения бывшего министра обороны. Что касается Миттерана, он объяснял своё решение принять участие в военной операции против Ирака тем, что, оставаясь в стороне, Франция неизбежно лишилась бы какой-либо роли в будущем урегулировании кризисов в этом районе¹⁶⁹. Решение Франции состояло в том, чтобы присутствовать вместе с американскими союзниками в разрешении кризиса, насколько это позволяют средства, но дипломатически дистанцироваться от жёсткого курса США. Вплоть до истечения срока американского ультиматума Ираку, Франция считала, что следует пытаться избежать открытого военного столкновения. В своей речи в ООН 24 сентября 1990 г. Ф. Миттеран призвал Ирак объявить о намерении вывести войска из Кувейта. Франция оспаривала целесообразность военной операции на территории Ирака и отправила эмиссаров в арабские государства региона с предложением созвать международную конференцию по урегулированию арабо-израильского конфликта. Это вызвало недовольствие США. Инициатива, выдвинутая Францией в разгар Иракского кризиса, была расценена американцами, как попытка отвлечь внимание мирового сообщества от Ирака и Кувейта, увязав арабо-израильский и иракский вопросы¹⁷⁰. Подозрительность американцев была связана и с тем, что они не могли забыть отказа Франции пропустить через своё воздушное пространство их самолёты, направлявшиеся бомбить Ливию, хотя с того времени прошло 9 лет.

Несмотря на то, что после начала «Бури в пустыне» участие Франции в военных операциях под руководством Пентагона было полным и безусловным¹⁷¹, дивиденды от этого участия были минимальными. Оно не

¹⁶⁹ Об этом пишет журналист и писатель П. де ля Горс: De la Gorce P. Une politique étrangère faite de contradictions // Le Temoignage chretien. - 1996. - 12 janvier.

¹⁷⁰ Об этом пишет посол Франции в США (1989-1995): Adréani J. Les relations franco-américaines // PE. - 1995. - N4. P.891.

¹⁷¹ Франция направила для участия в военных операциях против Ирака 15 000 человек.

обеспечило Парижу политической роли в урегулировании конфликта. В то же время, Франция отказалась от самостоятельного диалога с Ираком, с которым её связывал ряд перспективных экономических проектов. По завершении операции США стали рассматривать Ближний и Средний Восток как сферу своих интересов. После победы над Ираком Вашингтон активно продвигал идею установления прочного мира на Ближнем Востоке. В течение двух лет, начиная с Мадридской конференции и заканчивая Осло, при посредничестве США и, формально, СССР (потом России) произошли важные сдвиги в решении арабо-израильских проблем. Французская дипломатия, ратовавшая за палестино-израильский диалог, была оттеснена на второй план, хотя Франция играла в становлении этого диалога не последнюю роль, настойчиво защищая права палестинцев на политическую самостоятельность в обмен на признание ими Израиля и гарантии его безопасности. Не следует забывать, что ещё 2 мая 1989 г. Ф.Миттеран добился от Ясера Арафата признания, что статьи Хартии ООП, предусматривающие разрушение Израиля, «устарели»¹⁷².

Лавры ближневосточного урегулирования достались американцам: арабо-израильские договорённости стали творением американского Госдепартамента. Франция даже не была приглашена на Мадридскую конференцию по Ближнему Востоку и должна была наблюдать, как американцы отдают своим новым сирийским союзникам опеку над Ливаном – давней зоной французского влияния. После «Бури в пустыне» США заговорили о рождении нового мирового порядка, и понятно, что исключительное лидерство в нём они оставляли за собой.

Французское общественное мнение было травмировано американским натиском. Вопрос о роли Франции в мире зазвучал с новой остротой, тем более что в нём слышны были отголоски германского объединения.

Главный мотив американских претензий к Франции – упреки в том, что она ненадёжный союзник. Главный мотив французских претензий к США –

¹⁷² Bozo F. La politique étrangère de la France. P.99.

убеждение, что американцы хотят заставить весь мир «шагать с ними в ногу», «равняться на них», с чем французы категорически не согласны. Кроме того, рассуждая о дружбе с США, французские политики задаются вопросом: «можно ли на равных дружить со слоном?»¹⁷³. Ю.Ведрин так определяет формулу отношения Франции к США: «Франция не равняется на США, хотя является их другом и союзником» (*ami, allié, mais non aligné*). Он считает, что «США могут быть гегемонистскими, не желая этого, просто потому, что они принимают решения, соответствующие их интересам, не отдавая себе отчёта в том, насколько это затрагивает интересы других стран»¹⁷⁴. По свидетельству Ведрина, Миттерана постоянно раздражала манера американских президентов (особенно Р.Рейгана) представлять дело так, чтобы все усвоили, что президент США является мировым лидером и что его союзники сплачиваются вокруг него – поведение, свойственное Рейгану во время встреч Большой семёрки. Для Миттерана речь шла не только об эмоциональном раздражении. Эта позиция определялась сознанием, что после исчезновения единственного равнозначного оппонента США в лице СССР Соединённые Штаты стали мировой доминантой. А Франция не желала раствориться в общей массе стран, так или иначе являющихся объектами американской политики. Эта позиция нашла отражение в программном документе, излагающем новые внешнеполитические ориентиры СП («Новые горизонты для Франции и социализм»)¹⁷⁵: «Наступило время, когда политическая ориентация, лежащая в основе практических действий государств, будет определяться не идеологией, а, как и в прошлом, историческими и географическими мотивами». «Выход из Ялты», т.е. преодоление послевоенного раскола мира, приобретает, по мысли теоретиков СП, иное звучание в свете возможности

¹⁷³ Так ставит вопрос министр иностранных дел Франции в правительстве Л.Жоспена Ю.Ведрин: Védrine H. La politique étrangère de la France. // RI et S. - Hiver 1996. – N24. P.17.

¹⁷⁴ Ibidem.

¹⁷⁵ Un nouvel horizon pour la France et le socialisme // Le Poing et la Rose. – Janvier 1992. - N135. P.33-34.

реализовать проект многополюсного мира, основанного на правовых нормах, а не на силе и гегемонии одного государства.

Неудачи во многом инерционной политики первой половины 90-х годов заставили окружение президента Ж.Ширака искать новые принципы отношений Север-Юг, также как и отношений с США и Россией. Франция исходила из того, что новый мировой порядок находится в стадии становления (французские аналитики часто употребляют термин «мировой беспорядок» – *le désordre mondial*), и предстоящие десятилетия представлялись ей периодом перехода, потрясений и конфликтов. Поэтому Франция видела свою задачу в том, чтобы привнести в процесс становления новой международной системы “больше права, больше порядка, меньше насилия, в особенности, меньше оружия массового уничтожения”¹⁷⁶. Это относилось и к Балканам, и к странам Юга (арабский мир, Средиземноморье, включая Балканы, Чёрная Африка), и к постсоветскому пространству.

б. Противоречия франко-американского партнёрства на рубеже веков

Во времена холодной войны дипломатия Пятой республики делала ставку на советско-американские противоречия в рамках блокового противостояния, провозглашая своей целью преодоление гегемонизма двух сверхдержав, что подразумевало особые отношения с США, для которых Франция всегда оставалась самым строптивым из западных партнёров, и особые отношения с СССР, для которого Франция стремилась сделаться “мостом” в диалоге с Западом. В 1995 г. А.Жюппе заявил: “Сегодня наши устремления нацелены в другом направлении: мы должны выработать партнёрство нового типа с США и Россией, которые, в свою очередь, должны определить собственную роль в мире, сделать так, чтобы Европу не оставили вне основных процессов региональной интеграции, находящихся в стадии

¹⁷⁶ Védrine H. Op.cit. P.246.

становления”¹⁷⁷. Окончание холодной войны изменило условия дипломатической игры: объединение Германии нарушило равновесие в Европе, а распад СССР и ослабление России – равновесие в мире. Поэтому линия утверждения особой мировой роли Франции уже не проходит между Западом и Востоком, а направлена против американского гегемонизма, и под словом “многополярность” сегодня во Франции понимают сопротивление господству одной сверхдержавы – США¹⁷⁸. В то же время, Франция отдаёт себе отчёт в том, что в создающемся миропорядке у ЕС и у США единое будущее, основанное на общности либеральных ценностей и на понимании собственной универсальной миссии, которая состоит в утверждении этих ценностей в глобальном масштабе. Другое дело, что в признании общего будущего для Франции очень важно сохранить своё особое положение, которое Ж.Ширак назвал “*выдающимся, но хрупким*”¹⁷⁹, что и создаёт напряжённость между двумя странами. Франко-американские отношения, как, впрочем, и во времена холодной войны, отмечены этой двойственностью.

Особенно наглядно это проявляется, когда речь идёт об участии в урегулировании кризисов, в частности, в Боснии в 1995 г. Отличие французской позиции в этом кризисе от позиции США состояло в требовании сохранить эмбарго на поставки вооружений воюющим сторонам¹⁸⁰. Первоначально Миттеран обнаружил стремление к компромиссу с Сербией. В начале конфликта, в декабре 1991 г., по воспоминаниям Ю.Ведрина, президент сказал в одном из интервью: « Вы спрашиваете, кто агрессор, а кто жертва? Я не в состоянии ответить на этот вопрос»¹⁸¹.

До конца лета 1995 г. американцы отказывались от военного вмешательства в боснийский конфликт. Ширак, став президентом, начал настойчиво добиваться активного вмешательства в Боснии вначале – в опоре

¹⁷⁷ PE. – 1995. - №4. P.250.

¹⁷⁸ Hanski P. Chirac: “la voix de la France” c’est moi.// La Libération, 28 aout 1997.

¹⁷⁹ Из выступления Ж.Ширака перед послами Франции 27 августа 1997.

¹⁸⁰ Сенат США проголосовал за снятие эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам 24 июля 1995.

¹⁸¹ Védérine H. Les mondes de François Mitterrand. P. 603.

на ООН (Forpronu), затем, особенно после кризиса с взятием сербами в заложники отряда «голубых касок», среди которых было много французов, наблюдая бессилие ООН, французский президент стал решительно призывать Клинтона к вмешательству в опоре на силы Альянса. Это явилось главной темой его обращений к американцам во время первого же визита в США в июне 1995 г. в качестве председателя ЕС. Однако, хотя настойчивость французского президента и активность французского контингента в Боснии сыграли не последнюю роль в выборе позиции США, в конечном итоге враждующие стороны сели за стол переговоров в результате американских акций: европейской поездки Р.Холбрука и натовской военной операции «Решительная сила» (30 августа -14 сентября)¹⁸². Это позволило американской дипломатии на конечной стадии переговоров (Дейтон 1 и 21 ноября 1995 г.) взять на себя руководство подписанием соглашений между боснийцами, сербами и хорватами, не учитывая позиции европейцев и в частности французов. Моральной компенсацией Франции стало официальное подписание Дейтонских соглашений (21 ноября 1995 г.) в Париже 14 декабря 1995 г.¹⁸³. Франция выступила инициатором вмешательства США в подобные конфликты, но была недовольна тем, что плоды успеха присвоила себе дипломатия США. Четыре года спустя она попробовала избежать этого в разгар косовского конфликта, но столь же неудачно.

Другим примером того же ряда являются франко-американские разногласия вокруг проблемы европейской оборонной идентичности и реформы евро-атлантических отношений. США всегда были сторонниками европейской интеграции, но выступали за европейскую оборону внутри НАТО. Франция изначально придерживалась противоположного мнения. Однако трудности боснийского урегулирования привели её к осознанию структурной слабости европейских оборонных институтов и необходимости

¹⁸² Это была самая крупная военная операция НАТО с момента основания.

¹⁸³ См. подробнее: Hassner P. Ex-Yugoslavie: le tournant? // PI. - Automne 1995. - N69. P.207; Tardy F. Le president Chirac et la Bosnie-Herzegovine.// RI et S. - Printemps 1997. - N25. P.141.

сотрудничества с США в деле обеспечения европейской безопасности, а, следовательно, к невозможности создания европейской оборонной идентичности вне НАТО. Это признание было воспринято как серьёзный поворот во французской оборонной политике. Но этот поворот сопровождался оживлением инициированного Францией обсуждения реформы евро-атлантического партнёрства в ЕС, и это обсуждение показало, что по ряду вопросов Франция, прежде являвшаяся в НАТО «маргиналом», начинает находить поддержку у европейцев: в выработке механизмов создания Многонациональных сил, в учреждении поста заместителя командующего Saseur и, особенно, в требовании европеизации Южного командования, поддержанном Германией. В результате франко-американские отношения, потеплевшие благодаря Шираку в первый год его президентства, стали ухудшаться, особенно в течение 1996 г., поскольку споры вокруг европейской обороны совпали во времени с кризисом в районе Великих африканских озёр и с разногласиями по кандидатуре Генерального секретаря ООН. Франция противилась избранию африканца Кофи Аннана, которого поддерживали США. «Во франко-американском соперничестве, - считает американский исследователь С.Серфети, - ООН одновременно является и театром, и яблоком раздора. Франция упрекает США в том, что они используют ООН в качестве инструмента своей силовой политики, как это было в Персидском заливе»¹⁸⁴. С.Серфети считает, что даже в контексте постоянных франко-американских ссор «на грани развода», которые характеризуют двусторонние отношения времён холодной войны, можно говорить о «резком ухудшении» их в 1996 г.¹⁸⁵.

Серьёзные расхождения по существу подхода к будущему международных отношений между лидерами двух стран обнаружились во время второго визита Ж.Ширака в США в феврале 1996 г. Лейтмотивом

¹⁸⁴ Serfaty S. France-Etats-Unis: la querelle permanente // RI et S. – 1997. - N25. P.52-54..

¹⁸⁵ Ibid. P.53.

выступлений французского президента была глобализация, т.е. проблемы организации мирового порядка, призыв к многополярности и признание мировой ответственности как Франции, так и США. В контексте только что проведённых ядерных испытаний эти выступления Ж.Ширака утвердили американское общественное мнение в том, что США опять имеют дело с голлистской Францией¹⁸⁶. От совпадения темпераментов Ж.Ширака и Б.Клинтона напряжённость только усугублялась. Итогом плохо скрываемой напряжённости на фоне провозглашённого Францией возвращения в НАТО явился резкий отказ Клинтона удовлетворить французские условия этого возвращения, что повлекло за собой отказ Франции подтвердить своё присоединение к военной организации Альянса на Мадридском саммите 1997 г.

США постоянно вменяют в вину Франции её амбициозность и нежелание безоговорочно принять их руководящую роль в обеспечении общего будущего либерального мира. Одним из проявлений французского «высокомерия» в Америке посчитали возобновление Шираком ядерных испытаний. США выразили «глубокое сожаление» по этому поводу уже после первого из шести взрывов и недвусмысленно попросили Францию воздержаться от их продолжения¹⁸⁷, однако во французских правящих кругах восприняли это заявление Клинтона как дань интересам избирательной кампании. Но поскольку взрывы на французском ядерном полигоне сопровождались заявлениями Ширака о стремлении к их полному прекращению в будущем, Франция поставила США в затруднительное положение на переговорах по полному запрещению испытаний. Французское предложение о полном запрещении взрывов малой мощности (10 августа 1995 г.) застало американцев врасплох, заставив их высказаться в том же духе.

¹⁸⁶ Ibid. P.52-54.

¹⁸⁷ Grand C. Op.cit. // RI et S. -1997. - №25. P.160.

За проблемой запрещения ядерных испытаний стоит расхождение между двумя странами в оценке значения ядерного сдерживания после окончания холодной войны. Речь идёт о различном видении его перспектив и разных возможностях Франции и США. В июне 1996 г. было объявлено об усилении франко-американского технического сотрудничества в области ядерного вооружения, но 13 мая 1996 г. Франция объявила о прекращении своего участия в программе противоракетной обороны Meads по бюджетным соображениям¹⁸⁸.

Напряжённым является франко-американский диалог в решении целого ряда международных проблем, в частности, экономических. У Франции неизменно вызывает протест стремление США обеспечить свои политические и экономические интересы законами, вотируемыми американским Конгрессом, но ущемляющими европейцев, поскольку США стремятся придать им универсальный характер. Речь идёт о законе Амато о санкциях против Ирана и Ливии и о законе Хелмса-Бартона «о свободе и демократической солидарности с Кубой». Франция отказалась подчиниться американским требованиям, считая для себя необязательным исполнение законов, принятых парламентом другого государства. Между США и Францией существуют трения в связи с протекционистскими мероприятиями обеих сторон. В декабре 1999 г. в Сиэтле на сессии ВТО Клинтон критиковал ЕС за субсидии сельскохозяйственным производителям. В первую очередь эта критика была адресована Франции, получающей большую часть помощи ЕС. В свою очередь, повышение США в марте 2002 г. ввозных пошлин на сталь (до 30%) вызвало резко отрицательную реакцию стран ЕС и в частности Франции¹⁸⁹. ЕС заявил о решимости обратиться в ВТО для выработки принудительных мер в отношении снижения пошлин американцами.

¹⁸⁸ Tetrais B. Op.cit. P.95.

¹⁸⁹ Le Monde, 6 mars 2002.

Особенностью международной ситуации после конца холодной войны является включение в национальные стратегические доктрины экономических интересов, которыми державы более чем прежде руководствуются в определении внешнеполитического курса. Связь экономической экспансии с интересами региональной безопасности наглядно проявляется в франко-американских дипломатических столкновениях по поводу урегулирования на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и в Центральной Азии. Франция упрекает США в корыстном подходе к ближневосточному урегулированию, к проблемам Ливии и Ирака. Она считает, что недопустимо подчинять задачи международного мирного посредничества национальным торговым соображениям лоббирующих групп американского Конгресса. Этими мотивами Франция объясняла до нового иракского кризиса 2002- 2003 гг. свою «гибкую» позицию по выполнению санкций ООН против Ирака в противовес твёрдой позиции США. В разгар нефтяного кризиса в Европе в сентябре 2000 г. газета «Либерасьон» писала, что выходом из него было бы снятие эмбарго на иракскую нефть, против чего резко выступали США, которым высокие цены на нефть выгодны, т.к. приводят к падению евро, поскольку все расчёты за нефть производятся в долларах¹⁹⁰. Франция также имеет серьёзные экономические интересы на Среднем Востоке. Только их существование представляется Парижу следствием исторических связей с регионом, которому Европа оказывает значительную финансовую помощь¹⁹¹. Заявляя о собственной позиции в вопросах мирного урегулирования на Ближнем и Среднем Востоке, Франция, к неудовольствию США, настаивает на участии в международных переговорах от имени Европы. Речь идёт о переговорах по борьбе с терроризмом (саммит в Шарм-эль-Шейхе) или о возобновлении мирного процесса на Ближнем Востоке. Активизация «арабской политики» Франции, началом которой послужил визит Ж.Ширака в

¹⁹⁰ La Libération, 11 septembre 2000.

¹⁹¹ Tetrais B. Ibidem. P. 96.

Ливан весной 1996 г., привела к росту франко-американской напряжённости. Через несколько дней после этого визита началась израильская бомбардировка Ливана (операция «Гроздь гнева»), что побудило Францию вмешаться в урегулирование конфликта. Несмотря на противодействие США, Франция была признана наблюдателем соглашения о прекращении огня.

Африка является особой областью франко-американских трений. В 90-х годах США избрали здесь путь односторонних действий, в то время как Франция наоборот считает необходимым прибегать к международным силам под эгидой ООН в вопросах безопасности и к экономической помощи развитию через международные организации (МВФ, ЕС, агентства ООН и др.). Поэтому во Франции с неудовольствием отнеслись к попытке американского вмешательства в Сомали в 1993 г., а затем к африканскому турне У.Кристофера в октябре 1996 г. Вашингтон тогда выдвинул собственную концепцию «Сил противодействия африканским кризисам», которая была воспринята в Париже как конкурирующий проект, поскольку ранее, в 1994 г. было выдвинуто аналогичное франко-английское предложение.

В целом, уроки международных кризисов 90-х годов и усиливающийся разрыв с США в военной мощи, в политическом и экономическом влиянии укрепили французскую политическую и интеллектуальную элиты в убеждении, что США являются бесспорной сверхдержавой и что Франция, имея полное право защищать свои законные интересы, не должна больше самообольщаться и претендовать на соперничество с этим мировым гигантом. Об этом было заявлено новым министром иностранных дел Франции, социалистом Ю.Ведрином на ежегодном совещании послов в августе 1997 г. Близкий к нему аналитик П.Бонифас назвал этот призыв к умеренности «эвристической (коперниковой) революцией нашей дипломатии». Соглашаясь с министром, директор Института стратегических исследований пишет: «Было

бы не только иллюзорно, но и просто смешно думать, что Франция может конкурировать с США в категориях могущества /.../. Соединённые штаты не имеют ни равных, ни соперников; они являются первой глобальной державой в истории». Далее П.Бонифас перечисляет все слагаемые могущества, в которых согласна французская политологическая традиция¹⁹² и которые, по его мнению, присущи сегодня в полной мере лишь США: « Это единственное государство, располагающее всеми военными средствами – атомным оружием, силами развёртывания, спутниками, высокоточным оружием и т.д.; первой экономикой мира с неоспоримыми инновационными возможностями и гибкостью; с культурой, служащей полюсом притяжения для всего мира. Прежние империи – римская, китайская или монгольская – были региональными, а не мировыми империями. Никакая другая держава не может претендовать на соперничество в четырёх главных сферах, составляющих мировое могущество: военной, экономической, технологической и культурной. Но что, конечно, делает США ещё более сильными, - это признание их превосходства всеми странами. Оно было психологически приятно всеми мировыми лидерами. Это, безусловно, знак их подлинной гегемонии. В то время как они всё более сдержаны в применении силы, все уверены, что (США) являются единственными абсолютно надёжными защитниками»¹⁹³. Восхваление Америки в этой книге П.Бонифаса характерно для определённого и сравнительно недолгого этапа франко-американских отношений. Она вышла в серии «Библиотека гражданина», предназначенной для широкого читателя, и имела очевидный политический заказ. После кризиса франко-атлантических отношений, произошедшего в связи с амбициозными требованиями, выдвинутыми президентом-голлистом в правление правых сил, она была призвана пропагандировать достижения правительства социалистов и лично нового главы МИД, объявивших о

¹⁹² См. Глава 1.2.

¹⁹³ Boniface P. La France est-elle encore une grande puissance ? P.71.

необходимости отказаться от голлистских амбиций в пользу реализма. Конкретной задачей дипломатии Ведрина, с которой, впрочем, был согласен и Ж.Ширак, было преодоление отчуждения между Францией и остальными членами НАТО, возникшего после Мадридского саммита 1997 г.¹⁹⁴. В поддержку нового курса П.Бонифас призывает: «Перед лицом американского мастодонта Франция должна избегать двух рифов, на которые она попеременно натывается: высокомерия и самоуничтожения, самодостаточности и самобичевания. Реализм является единственной стоящей амбицией, которая заключается в том, чтобы не идти против течения /.../. Никогда не надо *в одиночку* бороться с Соединёнными Штатами, и тем более после того, как Франция хорохорилась перед всем миром. Всякий раз, когда Франция пыталась делать это, она бывала жестоко наказана»¹⁹⁵. Логическим воплощением подобного взгляда на вещи было полномасштабное присоединение Франции к натовской операции против Югославии весной 1999 г.

Однако косовский кризис не знаменовал собой завершения французского сопротивления миру по-американски. Несмотря на проявленную Францией солидарность, он стал очередным испытанием франко-американского сотрудничества¹⁹⁶. На первый взгляд, участие Франции в военных операциях НАТО против Югославии под американским командованием говорило об отходе от голлистской традиции независимой внешней и оборонной политики. Косовский кризис продемонстрировал готовность Франции с её ограниченными военными возможностями сотрудничать с США в разрешении кризисов. П.Бонифас, в целом скептически оценивающий результаты политики Ж.Ширака в косовском конфликте, считает, что эта война «отвечала необходимости показать незаменимость

¹⁹⁴ См. подробнее: Глава 4.2(б): Неоголлистская формула трансатлантического сотрудничества.

¹⁹⁵ Boniface P. Ibidem. P.72. Курсив мой – Е.О.

¹⁹⁶ Подробнее см. ниже: Франция в югославском кризисе.

Альянса в Европе после исчезновения советской угрозы»¹⁹⁷. В то же время, с точки зрения отдалённых перспектив французской внешней политики, конфликт обострил болезненный для Франции и для ЕС вопрос о степени зависимости европейской безопасности от готовности США быть вовлечёнными в дела европейцев. Один из американских аналитиков охарактеризовал стремление Франции в долгосрочной перспективе умерить роль США в европейской безопасности «битвой за душу Европы»¹⁹⁸. Разделение ролей внутри НАТО¹⁹⁹ и отказ американцев от участия в наземных операциях на косовской территории напомнили времена холодной войны, когда Западная Европа не могла рассчитывать на вмешательство США всякий раз, когда этого хотели бы европейцы (например, Суэцкий кризис). В то же время, косовский кризис поставил с новой остротой вопрос, будут ли и впредь США всякий раз вовлекать европейцев в конфликты по своему желанию, даже если европейские союзники предпочли бы воздержаться от такого участия. Именно уроки Косово позволили Франции на Вашингтонском саммите НАТО 1999 г. получить поддержку её союзников по ЕС. В спорах вокруг автономной европейской обороны решения сместились в пользу французской, а не американской позиции. Группы многонациональных межармейских сил (GFIM)²⁰⁰ предоставляют европейцам возможность использовать средства НАТО в рамках исключительно европейских операций. Несмотря на взлёты и падения, с тех пор Франция смогла оказывать всё более заметное влияние на политику стран ЕС благодаря тому, что она защищает тезис о наличии у европейцев собственных интересов, отличных от интересов США. Показательно, что американская политическая элита склонна видеть именно французское влияние во всех американо-европейских разногласиях.

¹⁹⁷ Boniface P. Les leçons du conflit de Kosovo // PietS. - Hiver 1999-2000. - N 36. P. 65-66.

¹⁹⁸ Kramer S.Ph. Les relations franco-américaines à l'épreuve de la crise de Kosovo // PE. – 2000. – N2. P. 364.

¹⁹⁹ См. выше: Глава 4. 2 (б).

²⁰⁰ GFIM – Groupes des forces interarmées multinationales.

Вопрос о взаимном отражении внешнеполитических позиций и общественного мнения во франко-американских отношениях представляет особый интерес. В отношении французов к США и американцам традиционно смешаны, с одной стороны, притяжение и соблазн, а с другой – зависть и отчуждённость²⁰¹. Потребность объяснить чувства французов к США появилась в связи с годовщиной американской трагедии 11 сентября 2001 г. и наступившим вскоре после него периодом взаимного раздражения между американцами и французами. Тысячи французов пришли 11 сентября 2001 г. к американскому посольству выразить солидарность народу, пострадавшему от терроризма. На следующий день после взрывов в Нью-Йорке в газете «Монд» появилась статья А.Дюамеля «Все мы американцы»²⁰². Это была самоидентификация, продиктованная эмоциональным сочувствием французов и европейцев к их союзнику и к прежде неуязвимой сверхдержаве, подвергшейся смертельной опасности. Ж.Ширак первым из лидеров европейских государств приехал в США 18 сентября. Но он не ограничился выражением сочувствия американцам, а изложил два принципиальных пожелания Франции: чтобы американские ответные меры не привели к «столкновению цивилизаций», и что, прежде чем сформулировать стратегию ответного удара, следует поразмышлять о глубинных причинах 11 сентября²⁰³. Однако ожидания, что события 11 сентября заставят США склониться к многосторонним действиям, не оправдались. Франция была разочарована изменением отношения США к НАТО и к перспективе обретения нового равновесия внутри Альянса. С ноября 2001 г. стало ясно, что Вашингтон укрепился в тактике односторонних действий и решений, затрагивающих судьбы всего мира. США отказались от французской помощи в

²⁰¹ Bureau J.-Fr. L' étranger dans le champs de vision des Français // PE. -2002. – N4 ; Depuis un an : l' image des Etats-Unis s' est fortement dégradé en France // Le Monde, 11 septembre 2002 ; Montbrial de T. De la relativité de l' antiaméricanisme // Le Monde, 5 octobre 2002 ; Roger Ph. Notre antiaméricanisme révèle avant tout nos propres peurs // La Libération, 21 septembre 2002.

²⁰² Nous sommes tous Américains // Le Monde, 12 septembre 2001.

²⁰³ Le Monde, 21 septembre 2001 ; Interview de H. Védrine // Le Monde, 22 septembre 2001.

антитеррористической операции в Афганистане, мотивируя свой отказ тем, что французы, мол, потратят несколько месяцев на обсуждение условий своего участия и на призывы к переговорам, чтобы потом выделить всего несколько самолётов и пару батальонов и взамен требовать принятия их плана урегулирования. С начала 2001 г., когда в ответ на призыв Дж.Буша (29 января) уничтожить «ось зла» Ю.Ведрин обвинил американского президента в «упрощённом» взгляде на вещи, начинается очередной франко-американский дипломатический конфликт, отразившийся в резком росте антифранцузских настроений в США и заставивший французское общественное мнение вернуться к традиционному антиамериканизму. Ю.Ведрин хотел предупредить США, что опасно сводить все проблемы мира к одной только антитеррористической борьбе и бороться с терроризмом только военными средствами. Нарастание массовых выступлений против глобализации от Сиэтла к Генуе, острые разногласия между западными и мусульманскими странами на сентябрьской (2001 г.) конференции в Дурбане по проблемам расизма, ксенофобии и нетерпимости обнаружили пропасть, отделяющую Запад от других народов. В этих условиях единство западных демократий, их диалог с остальным миром и их стремление в рамках этого диалога предложить решение проблем, тяжёлым бременем лежащих на человечестве и способных стать поистине угрожающими, может быть результативнее простых силовых решений, предлагаемых США. Корни этих проблем Ю.Ведрин видел в «громадной несправедливости» и «крайней бедности». Между тем, - отметил французский министр иностранных дел, - «никогда ещё не было американской администрации, которая бы так мало советовалась со своими союзниками, относилась бы к ним столь пренебрежительно»²⁰⁴. Упрёк справедливый: Вашингтон предпочитает лишь ставить своих союзников в известность о важнейших дипломатических шагах, связанных с мировыми проблемами. Так было с решением о денонсации США Киотского протокола,

²⁰⁴ Entretien avec H.Védrine : Le « védrinisme » existe-il ? // PI. - Printemps 2002. - N 95. - P. 12-14.

о чём К.Райс сообщила своему французскому коллеге Ж.-М. де ля Саблиеру в Белом доме в начале марта 2000 г.²⁰⁵. Между тем, Франция выступала за обстоятельные переговоры по этому вопросу. О выходе США из ПРО Ж.Ширак узнал накануне соответствующего заявления, 30 апреля 2002 г. от Дж.Буша по телефону²⁰⁶. Известно, что Франция была против этого шага, считая договор по ПРО фактором стабильности. Ж.Ширак заявил, что нарушение договора по ПРО усилит гонку вооружений, милитаризацию воздушного и космического пространства и напряжённость с Россией. 26 апреля 1999 г. официальный представитель французского МИД выступил против создания США самостоятельной системы противоракетной обороны²⁰⁷. 15 июня 2000 г. в телефонном разговоре с В.В.Путиным Ж.Ширак заявил, что Франция, так же как ФРГ, выступают против изменения договора по ПРО.

Неприятные для США возражения Франции против их односторонних действий привели к тому, что своё первое европейское турне в июне 2001 г. Дж.Буш начал не с Парижа и Берлина, как это прежде было принято, а с Барселоны и Варшавы. Тогда же, 14 июня 2001 г. на саммите США-ЕС Ширак с общего согласия европейцев поднял вопрос о Киотском протоколе. После 11 сентября этот вопрос отступил на второй план, но французский президент не переставал раздражать Дж.Буша своими поучениями. Со своей стороны, американские официальные лица дали понять европейским союзникам, что в антитеррористической войне в Афганистане они не будут советоваться с ними, но лишь информировать их о ходе операции²⁰⁸.

Возвращаясь к ссоре между США и Францией в связи с замечанием главы французского МИД об «упрощённом подходе» Буша к борьбе с терроризмом, следует отметить крайнюю резкость ответа К.Пауэла. Даже в

²⁰⁵ США денонсировали Киотский протокол 14 марта 2000 г.

²⁰⁶ Le Nouvel Observateur, 16 mai 2002. P. 16.

²⁰⁷ Déclarations du porte-parole du Quai d'Orsay, 26 avril 1999// www.france.diplomatie.fr/actual/bulletin.asp

²⁰⁸ К.Райс пригласила к себе 3 октября 2001 г. послов Франции, Великобритании и Германии, чтобы поставить их в известность, что именно она будет регулярно их информировать об операции в Афганистане: Ibidem. P. 22.

смягчённом переводе он звучит неприлично: «Ведрина мучают газы»²⁰⁹. Ухудшение отношений нарастает в связи с решением США об экспорте стали и об увеличении сельскохозяйственных дотаций (что создавало преимущества американским производителям), с разногласиями по ближневосточной проблеме и с перспективой нападения на Ирак. Начиная с февраля 2002 года можно констатировать возвращение французского общественного мнения к его традиционному антиамериканизму и, что менее привычно, настоящий рост франкофобии в США. На весну 2002 г. пришёлся пик этого роста. Масла в огонь подлили антисемитские провокации во Франции в связи с новым витком противостояния Израиля и палестинцев. Французам стали приписывать в США враждебность Израилю и общий антисемитизм, припоминая им преступления вишистского режима, а выход во второй тур президентских выборов лидера Национального фронта Ж.-М. Ле Пена усилил подобные нападки, инспирированные произраильским лобби в США. В американской прессе была развёрнута беспрецедентная антифранцузская кампания. В газете «Вашингтон Пост», в частности, заявлялось, что во Франции замышляется «второе окончательное решение» еврейского вопроса. Французский посол в США Ф.Бюжон де л'Эстан вынужден был публично вступить за честь своей страны. Его ответ «Клевета на Францию» был опубликован в той же газете²¹⁰. Постепенно накал франкофобии начал спадать, но столкновение двух типов национального сознания – американского и французского – вызвало во Франции дискуссию интеллектуалов вокруг отношения французов к США²¹¹.

Исследователь франко-американских отношений Ж.Вайс считает, что в основе напряжённости между двумя обществами лежит столкновение двух проектов мироустройства. «Каждый оспаривает самоидентификацию другого, обвиняет другого в чрезмерных амбициях и в претенциозном стремлении

²⁰⁹ Vaisse J. Etats-Unus : le regain francophile // PI. - Automne 2002. - N 97.

²¹⁰ Bujon de l'Estang Fr. A Slender of France // Le Monde, 25 juin 2002.

²¹¹ См., например: Le Point, 18 octobre 2002, а также: Todd E. Après l'empire. - P. : Gallimard, 2002 ; Ziegler J. Les nouveaux maîtres du monde. - P. : Fayard, 2002 и нижеприведённые издания.

поучать остальной мир». Автор считает американскую франкофобию «выражением обострённой ксенофобии и шовинизма. Она никогда не бывает более злобной, чем в моменты, когда Америке противоречат, когда она подвергается нападкам или насмешкам, как американцы могли подумать после известного интервью Ю.Ведрина/.../. Это один из способов положить конец страхам, проистекающим из потери самоидентификации, и вновь утвердиться, иногда благодаря проявлению ненависти, в своей идентичности по отношению к другому»²¹².

В свою очередь, Ф.Роже в своей книге «Американский враг», анализируя значение французского антиамериканизма, считает, что тот образует во Франции традицию негативного дискурса, который соединяет французов, несмотря на идеологические расхождения между ними²¹³.

Особняком стоит группа малочисленных, но влиятельных в леворадикальных кругах интеллектуалов и политиков, которые по инерции холодной войны видят в США единственного последовательного защитника свободного мира от русского (советского) «варварства». Восхваление США в них оборачивается унаследованной со времён антисоветизма русофобией. В этом смысле особенно показательны книги двух философов – А.Глюксмана и Ж.-Ф.Ревеля²¹⁴. Оба считают антиамериканизм главным врагом свободного мира. А.Глюксман – в годы молодости был активным маоистом. В годы холодной войны он привык ненавидеть СССР, и в России он видит продолжение советской «империи». Именно Глюксман организовал известное турне представителей чеченских террористов по Франции. Он посвятил свою книгу исследованию современного нигилизма, проявлением которого он считает, в частности, исламский терроризм (включая палестинский, но исключая чеченский). Он предостерегает французское общественное мнение

²¹² Vaisse J. Op.cit. P. 116.

²¹³ Roger Ph. L'Ennemi américain. - P.: Le Seuil, 2002. P. 120-122.

²¹⁴ Glucksmann A. Dostoievski à Manhattan. - P.: Robert Laffont, 2002 ; Revel J.-Fr. L'Obsession anti-américaine. P., Plon, 2002, p.257.

от поддержки правительства в его несогласии (вместе с Россией и Китаем) с американским тезисом о необходимости разрушить «ось зла». Выражение «ось зла», - считает французский философ, - стало «моментом истины» для так называемой антитеррористической коалиции. «Путин почувствовал себя затронутым, так же как китайские руководители. Он не ошибся. Под предлогом борьбы с терроризмом некоторые правители сами, при случае, не отказываются от террористических методов, чтобы заставить замолчать в своих странах борцов за независимость, оппозиционеров, демократов и всех недовольных, то есть уничтожить их, как в случае с чеченцами и с Тибетом»²¹⁵. Борьба против «оси зла» может быть направлена, таким образом, против всех проявлений государственного терроризма, и Франции следует не противиться ей, а её поддерживать. Надо помнить и быть благодарным США, что они спасли мир от фашизма и коммунизма, и в настоящее время являются единственным оплотом против разрушительного нигилизма террористических организаций и государств, - заключает А.Глюксман.

Позже, во время очередного обострения франко-американских отношений из-за Ирака, историк и экономист Н.Баверез, не разделяя радикальных взглядов А.Глюксмана, предупредил об опасности «раскола Запада». Для всего мира «раздоры среди западных стран и невнятность европейской позиции ослабляют ценности демократии и усиливают подрывающие их хаос и разложение»²¹⁶.

Напряжённость между Францией и США является следствием нескольких причин. Главной являются мировые амбиции обеих стран при несопоставимости средств для их удовлетворения. США остаются единственной сверхдержавой, и хотят закрепить своё мировое лидерство. Франция может утвердить свою глобальную роль только в многополярном мире. В середине 90-х годов в мире сложилась ситуация, в которой США

²¹⁵ Glucksmann A. Interview à G.Ackerman // PI. - Automne 2002. - N97. P 161.

²¹⁶ Baverez N. La fracture de l'Occident // Le Point. – 1597. - 14 février 2003. P. 25.

стремятся безраздельно занять пространство, освободившееся в результате распада СССР и ослабления России, и к которому равнодушна Франция.

Кроме того, США с их бурным экономическим ростом и особенно ростом занятости (недостижимым и непостижимым для французов), с их активной силовой политикой, в том числе и в зоне европейских интересов, заставляют Францию признать своё первенство, чем существенно сужают её поле деятельности на мировой арене.

После окончания холодной войны постоянное франко-американское соперничество в различных регионах мира за политическое влияние и за выгодные контракты приобрело новую остроту в связи с жёсткой борьбой за рынки вооружений. Это соревнование обретает собственную логику развития, поскольку объекты влияния успешно играют на франко-американском соперничестве, радуясь появлению политической, военной и экономической альтернативы.

Почему именно Франция выступает на Западе в роли соперника США? Дело в том, что она является единственной европейской страной, которая стремится утвердиться в мире, предлагая западную политико-культурную модель, альтернативную США: “республиканскую, демократическую и солидарную”, в отличие от американской модели, которая во Франции представляется “индивидуалистической, проникнутой протестантским духом и подверженной сильному влиянию лоббирующих группировок”²¹⁷. К этому добавляется стремление сохранить позиции французского языка на международной арене, тем более что в крупных международных организациях (ООН, Юнеско и др.) он является единственным конкурентом английского. В своё время Франция настаивала на избрании Генеральным секретарём НАТО Х.Соланы против американского кандидата Уффе Эллемана-Енсена, поскольку тот не владел французским языком²¹⁸.

²¹⁷ Prigent F., Tertrais B. Op. cit. P 97.

²¹⁸ Сегодня, 26 окт.1996.

В то же время, наряду с мотивами франко-американской напряжённости, существуют достаточные основания для франко-американского сотрудничества. В настоящее время, более чем во времена холодной войны, дипломатия Пятой республики тяготеет к опоре на международные структуры, будь-то НАТО, ЕС или ООН. Поэтому всё большее значение придаётся во Франции евро-атлантическим отношениям, составляющим главные рамки франко-американского партнёрства. Причём, там, где де Голль говорил о независимости (европейской обороны, например), Ширак говорит об автономии. Но Франция не собирается сливаться с линией США, что по-прежнему делает её строптивым партнёром. Следует добавить, что в отличие от времён холодной войны, независимые инициативы Франции перед лицом американцев стали находить сторонников в ЕС, как это случилось в период очередного обострения франко-американских отношений в связи с иракским кризисом 2002-2003 гг.

3. Позиция Франции в косовском кризисе: проблема гуманитарного вмешательства

Последние годы XX века стали не только календарным, но и своего рода логическим рубежом, обозначившим последствия распада послевоенного мирового порядка. Черты новой системы международных отношений стали проявляться в разрешении косовского конфликта. Окончание холодной войны не уничтожило напряжённости в Европе между Западом и Востоком. Похоже, оно лишь отодвинуло границы отчуждённости на восток. Страны Европейского Сообщества впервые после второй мировой войны приняли участие в военных операциях на континенте. Главной целью воздушной войны против Югославии было объявлено создание единой демократической Европы.

Несмотря на то, что позиция Франции перед лицом распада Федеративной Республики Югославии традиционно считалась наиболее “просербской” среди стран ЕС, руководители французской дипломатии неизменно выступали против политики этнических чисток, проводимой режимом Милошевича. Этим принципом руководствовалось французское правительство и в боснийском конфликте, и в анализе косовской проблемы. В 1996 г. министр обороны Ш.Миллон назвал «боснийскую драму» «кислотой, способной разьесть Европу». «Идеология этнической чистки, - заявил министр, - является покушением на политические и демократические основы наций, она перечёркивает 50 лет европейского строительства и идеалы мира»²¹⁹. После подписания Дейтонских соглашений острота конфликта в Боснии была снята, но французские военные сохраняли там своё присутствие в рамках международных миротворческих сил. Между тем, с начала 1998 г.²²⁰ в Косово, лишённом автономии в 1989 г., заявила о себе новая радикальная сила – Армия освобождения Косово, которая, в отличие от лидера косовских албанцев И.Руговы, верного тактике «пассивного сопротивления» Белграду, решила добиваться возвращения автономии Косово вооружённым путём. Ответная реакция Милошевича – наращивание военных и полицейских сил в Косово и репрессии против мирного албанского населения края – определила стремление Франции привлечь международное сообщество к решению косовской проблемы (франко-германская инициатива от ноября 1997 г.). Франция выступала за мирное сосуществование народов региона, за стабилизацию положения на Балканах. Министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин в январе 1999 г. определил пути этой стабилизации: «демократизация государственных и политических структур и политической жизни стран региона, развитие их экономики» с целью «европеизации Балкан» (т.е. их приобщения к ЕС). Франция участвовала в поисках политического

²¹⁹ Déclaration de M. Ch.Millon à l'Assemblée Nationale. Cel.4.4042(2654). Doc. Mis en distribution le 3 avr.1996. P.11.

²²⁰ 28 февраля 1998 г. начинаются карательные акции югославской армии в Косово в Дренице.

решения косовского вопроса, предложив формулу: «ни статус кво, ни независимость, а определение существенной автономии», ратовала за возобновление работы контактной группы по бывшей Югославии на уровне министров иностранных дел (в сентябре 1998 в Нью-Йорке), содействовала принятию СБ ООН резолюции по Косово (№1199), определяющей рамки действия НАТО и ОБСЕ²²¹. Когда Б.Клинтон в разгар скандала с Моникой Левински выдвинул Югославии ультиматум, угрожая ей бомбардировками, Франция продолжала настаивать на мирном урегулировании конфликта путём переговоров. По инициативе министров иностранных дел Франции и Великобритании, Ю.Ведрина и Р.Кука, в Рамбуйе, а затем в Париже в конце февраля - начале марта 1999 г. проходили два раунда переговоров между лидерами косовских албанцев и сербским правительством. Стороны не встречались напрямую, и связь между ними поддерживали иностранные посредники. В разгар переговоров в Рамбуйе во Францию с визитом, который планировался как однодневный, прилетела госсекретарь США М.Олбрайт. Она медлила с отъездом, пока стороны не приостановили переговоры на две недели, до 14 марта. На второй раунд приехали только албанцы, которые поставили свою подпись под соглашениями, дающими им автономию и предусматривающими ввод на территорию Косово сил НАТО для наблюдения за выполнением соглашений. С последним пунктом был категорически не согласен С.Милошевич. Он отказался подписать Парижские соглашения. Тогда Ж.Ширак, который был прежде склонен винить в неуступчивости обе стороны, заявил, что соглашения сорваны Белградом. Инициативу переговоров с Югославией перехватил американец Р.Холбрук, прибывший в Белград, чтобы вынудить Милошевича выполнить условия ультиматума:

- остановить операции югославской армии и полиции в Косово,
- подписать под планом косовской автономии,
- разрешить ввод в провинцию сил НАТО.

²²¹ Интервью Ю.Ведрина «Известиям» // Известия, 12 янв.1999.

22 марта Милошевич направил Ю.Ведрину и Р.Куку письмо, в котором заявил, что Франция и Великобритания должны стыдиться угрожать маленькой Югославии, «защищающей свою территорию от сепаратизма», и отвергал план Рамбуйе о косовской автономии. Главы государств и правительств стран Альянса находились в это время в Берлине на заседаниях Атлантического Совета. Они подписались под совместным заявлением 19-ти участниц НАТО, и согласились с тем, что «перед лицом упорной неуступчивости Белграда и продолжения репрессий» Генеральный секретарь НАТО должен принять решение о «самом широком спектре воздушных операций»²²². Холбрук в это время вылетел в Белград, чтобы в последний раз попытаться вынудить Милошевича к выполнению условий ультиматума. 23 марта он настоял на встрече с сербским президентом, который отказался подчиниться давлению НАТО. Тогда Генеральный секретарь НАТО Х.Солана принял решение о начале воздушных ударов по Югославии. Он был поддержан всеми натовскими союзниками, и Франция не составила исключения. 24 марта авиация НАТО начала бомбардировки Сербии, и Франция заявила, что она «полна решимости полностью в них участвовать»²²³. В этом были единодушны президент и премьер-министр страны. В правительстве министры-коммунисты и министр внутренних дел, пацифист Ж.-П.Шевенман настаивали на дипломатическом разрешении конфликта²²⁴. Лидер ортодоксальных голлистов Ш.Паскуа заявил о своём выходе из ОНР и вместе с ультраправым депутатом интегристского толка Ф.де Вилье объявил о создании единого избирательного блока к выборам в Европарламент. Осевая линия этого блока – противодействие американскому гегемонизму и миропорядку, в котором действия одного государства или блока не сочетаются с уставом ООН.

²²² Le Monde, 24 mars 1999.

²²³ Заявление Л.Жоспена: Le Monde, 25 mars 1999.

²²⁴ Le Monde, 31 mars 1999.

Между тем, французское правительство направило 40 самолётов «Мираж» для бомбардировки Югославии. В редакционной статье газеты «Монд» этот шаг называли «историческим поворотом»²²⁵. Отдавая себе отчёт в рискованности подобных акций, французское правительство посчитало, что риск соответствует планке поставленной задачи: «избежать возврата к варварству в Европе».

Операция НАТО против Югославии была беспрецедентной, поскольку впервые с основания Альянса – организации, задуманной для обороны своих членов, она начала войну против суверенного государства, не угрожающего ни территориям, ни армиям стран НАТО, ни вообще какому-либо сопредельному государству (как это было, например, с Ираком и даже с Боснией, т.к. сараевское правительство призвало Альянс на свою защиту), и сделала это без прямого разрешения ООН. Легитимность такого шага была сомнительной²²⁶. Депутат-социалист Ж.-Д. Бьянко выразил мнение, распространённое в левых кругах: «Воздушные удары осуществляются в неясных юридических рамках»²²⁷. Признавая сомнительность юридической легитимности операции, Франция заявила о том, что в данном случае речь шла о законности политического плана²²⁸. Россия, которая была категорически против применения силы в отношении Югославии и дала понять, что Е.М.Примаков откажется от своего визита в США в случае нанесения ударов НАТО, осудила их как акт агрессии против суверенного государства – первый после второй мировой войны, и потребовала вмешательства ООН.

С точки зрения осевой идеи французской внешней политики, а особенно в голлистской перспективе, участие Франции в натовской операции против Югославии можно было бы считать не только беспрецедентным, но и порывающим с традицией. Во-первых, солидаризируясь с решением

²²⁵ Ibidem.

²²⁶ Le Monde, 25 mars 1999.

²²⁷ Ж.-Л.Бьянко занимал пост генерального секретаря Елисейского дворца во время войны в Персидском заливе. Le Monde, 31 mars 1999.

²²⁸ Le Monde, 25 mars 1999.

натовского командования, на время военной операции Франция поставила свои ВВС под его контроль. Операция против Югославии, получившая название «Союзные силы», была подчинена интегральному военному командованию НАТО. Несмотря на то, что с 1966 г. Франция не участвует в военных структурах НАТО, по этому случаю она вошла в союзные ВС, т.е. в подчинение американскому генералу У.Кларку (Верховному командующему союзных сил в Европе), а её силы, базирующиеся в Македонии, были подчинены адмиралу Дж.Эллису – командующему Южно-Европейским театром НАТО. Напомним, что именно этот пост Ж.Ширак оспаривал у американцев, желая видеть во главе Южного штаба в Неаполе европейца. Французские офицеры участвовали в планировании и ведении операций и пользовались данными натовской, а по сути – американской разведки. Франция предоставила в распоряжение неаполитанского командования НАТО свои вертолёты, самолёты и авианосец «Фош»²²⁹. Также как и Генеральные штабы всех стран коалиции, за исключением Пентагона, французский Генеральный штаб не имел полного, постоянного и всеобъемлющего видения операций. Только офицеры, расквартированные в Неаполе и в САОС (Combined Air Operation Center) на базе в Виченце под Венецией, имели доступ ко всей информации. Такое подчинение французских сил натовскому, а точнее американскому военному командованию означало, что Франция признала НАТО единственным на данный момент военным инструментом европейской безопасности. Старые голлисты, бывшие советники Ж.Помпиду заявили по этому поводу в «Фигаро»: «Эта война – *не наша война*. Тягостно, что Франция потеряла своё положение свободного арбитра, полную независимость своей дипломатии и командование своими солдатами»²³⁰.

²²⁹ См. подробнее о составе этих сил: Ibidem. Доля Франции в военных действиях НАТО в Косово равняется 12%: Le Monde, 23 juin 1999.

²³⁰ Le Figaro, 8 avril 1999. Это высказывание перефразирует знаменитые слова де Голля: «Если Франции предстоит вести войну, надо, чтобы это была *её война*». – Курсив мой – Е.О.

Кроме того, Франция изменила практике политического диалога по вопросам европейской безопасности с Россией, и единственным символическим шагом в сторону России был ночной звонок Ж.Ширака Б.Н.Ельцину с целью предупредить новоиспечённого члена Большой восьмёрки о решении, принятом НАТО в обход России и ООН.

Несмотря на эти соображения, если иметь в виду не средства, а цели французской дипломатии, нельзя однозначно говорить о разрыве Ж.Ширака с голлистской внешнеполитической практикой ни в плане утверждения планетарной роли Франции, ни в стратегии европейского строительства. Ставкой Франции в Косовском конфликте явилась борьба за будущее единой Европы, за включение в неё Балкан, что делало необходимым преодоление причин нестабильности в регионе.

Главная идея выступлений французского президента перед нацией в дни косовского конфликта – борьба Франции и её союзников – в первую очередь «европейских демократий» против бесчеловечного режима С.Милошевича: «Европа не может смириться с тем, что на её земле существует человек и режим, которые уже около десяти лет предпринимает этнические чистки, убийства, кровопролития в Словении, Хорватии, Боснии, а теперь в Косово. Следствием этих операций стали более 200 тыс. убитых и миллионы беженцев/.../. Необходимо остановить эскалацию варварства и отнять у этого режима средства для проведения подобных операций»²³¹.

Милошевича поставили в один ряд с Гитлером, во-первых, из-за масштабов этнических чисток, а во вторых, соотнося косовскую драму с событиями кануна второй мировой войны, когда западные демократии проявляли недопустимую безответственность к тиранам типа Гитлера и Муссолини. « Можем ли мы принять тот факт, что в сердце Европы какой-то режим практикует этнические чистки? Если мы это принимаем, то мы знаем, куда может завести демократические страны подобная трусость», - напомнил

²³¹ Выступление Ж.Ширака по радио и телевидению 29 марта 1999 г.: Le Monde, 31 mars 1999.

Ж.Ширак в теле-радио-выступлении 3 мая²³². По убеждению французского президента, его страна вместе с европейскими союзниками в косовской операции преследовала столь дорогие французской внешнеполитической пропаганде цели морального порядка. Речь шла о создании в Европе единого этического пространства демократии и уважения прав человека: «Сегодняшняя битва имеет исключительный характер. Она не основывается на экономических или стратегических соображениях, но на концепции морали и чести наций. Согласиться терпеть ужасы, свидетелями которых мы являемся, значит - /.../ позволить гангрене бесчеловечности вновь утвердиться на нашем континенте. В центре европейского проекта /.../ лежит идея гуманизма», - заявил Ж.Ширак²³³.

Таким образом, информационно-пропагандистское обеспечение косовской операции питалось идеями гуманитарного вмешательства во имя строительства единой Европы. Французские СМИ неустанно напоминали публике о 4 000 косовских беженцев, каждый час пребывавших на границы сопредельных стран, о зверствах сербской армии и полиции против албанских жителей Косово²³⁴. 63% французов после десяти дней бомбардировки поддерживали действия своего правительства (по опросу 26 марта – 57%)²³⁵.

Проблема беженцев в начале апреля стала одной из главных забот Запада. На первый взгляд, новая американская стратегия «войны высоких технологий информационной эры», опробованная против Югославии в 1999 г., прошла неплохую проверку. Югославии был нанесён большой урон практически без потерь и общественное мнение стран НАТО, благодаря эффективной информационной поддержке, было на стороне правительств. Но после двух недель бомбардировок стало ясно, что политические расчёты инициаторов операции оказались ошибочными. Бомбардировки не привели ни

²³² Le Monde, 5 mai 1999.

²³³ Ibidem.

²³⁴ Известия, 6 апреля, 8 мая 1999.

²³⁵ Известия, 6 апреля 1999. Le Monde, 23 avril 1999.

к быстрой капитуляции Белграда, ни к радикализации сербской оппозиции против Милошевича. Но они повлекли за собой патриотическое сплочение сербов, наращивание этнических чисток и в итоге, из-за огромного скопления беженцев, угрозу гуманитарной катастрофы, которая угрожала сопредельным с Косово странам, и без того переживающим серьёзные экономические и политические трудности. США, европейские страны, Канада и Турция решили открыть свои двери 100 тыс. беженцев, продолжая оказывать тем, кто нашёл приют в балканских странах, гуманитарную помощь. Франция выделила на эти цели 75 млн. франков²³⁶, однако заявила о том, что не намерена принять «массу» беженцев. Она предпочитала их пребывание в соседних с Косово странах и посылку туда гуманитарной помощи. «Крайне важно, чтобы беженцы могли возвратиться домой», - так пояснил французскую позицию Л.Жоспен²³⁷.

В то же время, для восстановления справедливости в отношении косовских албанцев страны НАТО впервые использовали бомбардировки суверенного европейского государства, что привело к лишениям и жертвам среди мирного сербского населения. Через месяц после начала операции французский президент заявил: «Надо решительно продолжить начатую операцию, делая всё для того, чтобы она не затронула гражданское население»²³⁸.

Это заявление президента было сделано в связи с решением С.Милошевича об одностороннем прекращении огня в Косово. НАТО решила не прекращать бомбардировок, пока Милошевич не выполнил её условий из пяти пунктов:

- прекращение наступления югославской армии и полиции и репрессий в Косово,

²³⁶ Le Monde, 5 avril 1999.

²³⁷ Германия и Австрия, например, заявили о готовности принять 10 тыс. беженцев каждая: La Libération, 5 avril 1999. На деле во Франции оказались 2 354 косовара, в то время, как в Великобритании – 330: Известия, 8 апреля 1999.

²³⁸ Le Monde, 5 mai 1999.

- отвод оттуда всех военных и полицейских сил,
- обеспечения права беженцев вернуться в Косово,
- возвращение к политическим рамкам косовского урегулирования на основе соглашений в Рамбуйе (автономии Косово),
- ввод в Косово международных сил безопасности (KFOR)²³⁹. Позже Ж.Ширак озвучил другой вариант – ввод сил по поддержанию мира под эгидой СБ ООН²⁴⁰.

Однако, с этого момента вновь, как и в преддверие переговоров в Рамбуйе, обнаружилось расхождение между позицией США и некоторых европейских стран, в первую очередь Франции, по вопросу о перспективах и путях косовского урегулирования. США делали ставку исключительно на силовое давление, в данном случае – на наращивание бомбовых ударов, чтобы вынудить Белград к капитуляции. Европейцы хотели вернуться к первоначальной стратегии, которую во Францию называли “стратегией двойного пути”: военная угроза и поиски дипломатического разрешения конфликта²⁴¹.

За этими расхождениями стояло разное видение будущего европейской безопасности. Американцы представляли её организацию в виде “трезубой короны”, каждая вершина которой соответствует определённой задаче, и модель её действия должно было опробовать Косово: НАТО обеспечивает безопасность и оборону, ЕС – дипломатию и экономическое развитие, ОБСЕ – защиту прав человека²⁴². В косовском кризисе ЕС был инициатором переговоров в Рамбуйе, ОБСЕ посылал в Югославию гражданских наблюдателей, НАТО руководила военной операцией против Белграда. Выше было сказано, чем европейцы мотивировали необходимость силового нажима на С.Милошевича. Американцы же были заинтересованы в начале военной

²³⁹ Le Monde, 8 avril 1999.

²⁴⁰ Вариант, предложенный Ж.Шираком в теле-радио-обращении 3 мая: Le Monde, 5 mai 1999.

²⁴¹ Le Monde, 25 mars 1999.

²⁴² Le Monde, 23 avril 1999. P.3.

операции, потому что она должна была продемонстрировать преимущества новой американской стратегической концепции (предложенной взамен прежней 1991 г.). Эта операция позволила опробовать в Европе сценарий «войны высоких технологий». В более общем плане, её успех снял бы все вопросы относительно необходимости существования НАТО и американского присутствия в Европе после окончания холодной войны. То, что война не закончилась, как это, видимо, предполагалось, к 23 апреля, т.е. к юбилейному вашингтонскому саммиту НАТО, приуроченному к его пятидесятой годовщине, несколько омрачило юбилейные торжества.

Сразу после начала бомбардировок политический обозреватель газеты “Монд” А.Фрашон писал: “Вмешательство европейцев в Косово необходимо и Европе – дабы подтвердить реальность Единой оборонной политики и политики безопасности (PESC – фр.) и европейской обороны, и американцам, поскольку в США далеко не все готовы к роли единственного мирового жандарма»²⁴³. В начале апреля министр обороны А.Ришар, как бы отвечая на тот же вопрос (а именно он стоит за всеми французскими комментариями к событиям), объяснял единодушие президента и премьер-министра в косовском вопросе тем, что “они исходят из общего подхода к проблеме. Оба имеют идентичное и очень реалистичное видение Европы – видение, в котором доминирует стремление создать противовес американской мощи”²⁴⁴.

Здесь мы возвращаемся к вопросу о разрыве и преемственности дипломатической традиции голлизма в связи с участием Франции в натовской операции против Югославии. Французские дипломаты были не согласны с обвинениями в том, что Франция поддалась влиянию США. Для них значение участия европейцев в операции состояло скорее в том, что «впервые в нём проявилась единая европейская внешняя политика, инициаторами которой были Франция и Великобритания. Впервые речь шла о совпадении

²⁴³ L’Amérique et le besoin de l’Europe // Le Monde. – 1999. - 25 mars.

²⁴⁴ Le Monde, 9 avril 1999. P.16.

взглядов европейцев (начиная с заседаний контактной группы, в которой участвовали также Германия и Италия), отличных от линии США /.../. Однако, чтобы обрести истинную реальность, этот знак должен сопровождаться волей европейцев к созданию средств проведения их собственной политики, как об этом заявили Франция и Великобритания в Сен-Мало»²⁴⁵.

Интересно, что, поддерживая бомбардировки, французы были настроены антиамерикански. Они считали, что основной мотив США в Балканской войне – удовлетворение собственных амбиций и военных интересов, а не защита прав человека и что основную роль в системе европейской безопасности должна играть Европа, а не США. Для американцев речь шла о вмешательстве в Европейские дела, в то время как для европейцев – о строительстве Европы. Поэтому в разрешении конфликта европейцы всё более задумывались о перспективах существования Балкан внутри Европы и о будущем самой Европы. Парадокс ситуации заключался в том, что в разгар косовского конфликта, когда ВВС Франции были поставлены под командование американских генералов, одной из центральных тем французской дипломатии и публицистики являлась реализация автономной европейской обороны и Совместной оборонной и внешней политики ЕС.

Вербальный фон происходящих событий очень важен. Он проясняет не только мотивы, но и опасения, стоящие за решениями французских руководителей – традиционный страх французской дипломатии потерять собственное лицо. Однако натовская операция в действительности сделала на какое-то время второстепенным спор между «новой американской стратегической концепцией» и стремлением европейцев к Совместной оборонной и внешней политике и к автономной европейской обороне. НАТО продолжала оставаться для европейцев не только воплощением американского военного присутствия в Европе, но и главным орудием политики европейской

²⁴⁵ Rosé de F. Les leçons de Kosovo.// Le Monde, 5 avril 1999, p.2. *Посол Франции.

безопасности, однако не без оговорок. Итогом первых недель бомбардировок стало сомнение в эффективности исключительно силового давления. Настаивая на продолжении бомбардировок «с целью разрушить военный и репрессивный аппарат сербов»²⁴⁶, Франция заявила о необходимости поисков дипломатических решений. Она стремилась подключить к процессу косовского урегулирования Россию и ООН²⁴⁷. «Я убеждён, что ООН должна сыграть свою роль /.../, координировать операции помощи беженцам, потом обеспечить их возвращение. Она должна гарантировать их безопасность в автономном Косово и придать легитимность многонациональным силам, которые надлежит там развернуть», - заявил французский премьер-министр. 8 апреля он позвонил Генеральному секретарю ООН К.Аннуну и потребовал, чтобы тот «приступил к своим обязанностям». Председатель Комиссии Национального собрания Франции по вопросам обороны П.Киле заявил, что «недопустимо, чтобы ООН занималась лишь последствиями кризиса – драмой беженцев, отказываясь интересоваться глубокими причинами конфликта»²⁴⁸.

Франция была среди инициаторов подключения к процессу косовского урегулирования России. Открытость к возобновлению диалога с Москвой была продемонстрирована в Брюсселе 7 апреля: в коммюнике встречи Совета НАТО была снята присутствовавшая ранее формулировка о необходимости введения в Косово интернациональных сил под руководством НАТО, с которой категорически была не согласна Россия. Благодаря этому были возобновлены дискуссии с Россией в рамках контактной группы по Югославии 7 апреля.

Вторая половина апреля - начало мая были наполнены поисками компромисса с Милошевичем при посредничестве России (миссия В.С.Черномырдина) при непрекращающихся бомбардировках Югославии.

²⁴⁶ Речь Л.Жоспена в Национальном собрании 8 апреля 1999 г.: Le Monde, 8 avril 1999.

²⁴⁷ Ibidem. См. там же выступление Ж.Ширака по радио и телевидению 6 апр. 1999 г. Эти заявления сделаны в связи с заявлением Милошевича об одностороннем прекращении огня 7 апреля.

²⁴⁸ Le Monde, 9 avril 1999.

Важным сдвигом Франция считала признание Россией необходимости введения международных *военных* сил в Косово²⁴⁹. Таким образом, стратегия европейцев, в первую очередь – Франции, состояла в том, чтобы отвлечь США от искушения силой, способствовать дипломатическому урегулированию проблемы, как можно больше задействовать Москву в своих демаршах, чтобы обеспечить им наиболее широкую легитимность. Франция считала, что, несмотря на резкое осуждение Москвой натовских бомбардировок, базой совместных действий с российской дипломатией является её согласие с целями натовской операции – с планом косовской автономии, которую «требуется сейчас навязать Сербии силой». Это, по мнению французских аналитиков, «придаёт политическую связность военному вмешательству»²⁵⁰, поскольку НАТО не ведёт речи о независимости Косово и таким образом не поддерживает требование КОА. Следует отметить, что такую стратегию Франция предлагала ещё до начала бомбардировок, однако реализация её стала возможной только тогда, когда быстрое победоносное окончание войны оказалось сомнительным.

В начале мая страны Большой восьмёрки откликнулись на предложение Б.Н.Ельцина собраться в Бонне для выработки общей позиции по урегулированию кризиса. Россия в целом приняла 5 пунктов НАТО, настаивая на вводе в Косово международных сил под эгидой ООН, а не НАТО и на обязательном разоружении Освободительной армии Косово (КОА).

Интенсификация бомбардировок, рост числа жертв среди мирного населения и, в качестве одного из таких примеров – «случайное» разрушение посольства КНР в Белграде (в ночь на 8 мая), отбросили назад процесс поисков дипломатического выхода из конфликта при российском посредничестве. Министр иностранных дел России И.Иванов отменил свой визит в Лондон, назначенный на 8 апреля. Б.Н.Ельцин осудил бомбардировки

²⁴⁹ Выделено мной – Е.О. Le Monde, 26 avril 1999.

²⁵⁰ Le Monde, 25 mars 1999.

центра Белграда как «варварский бесчеловечный акт», Китай потребовал срочного созыва СБ ООН. Французский президент и германский канцлер старались спасти положение: Ж.Ширак вылетел в Москву, Г.Шрёдер – в Пекин. Цель визита французского президента в Москву состояла в скорейшем преодолении «мини-кризиса» в международном сообществе внутри Косовского конфликта. Дело в том, что европейцы стремились вернуть ход конфликта в рамки резолюций ООН. Политическая неэффективность бомбардировок поставила в повестку дня вопрос о наземных операциях против Югославии. Конгресс США запретил Клинтону применять ВС страны в подобных операциях без своего согласия. В Европе лишь Т.Блэр выступил в пользу их проведения. Остальные европейские участники НАТО, Франция в том числе, не хотели вести наземную войну²⁵¹. Прежде всего, сухопутные операции превратили бы «войну техники», «войну на расстоянии» в настоящее столкновение между европейскими нациями, в войну *par excellence*. Результат таких действий для стран НАТО был бы сомнителен, и при любом исходе наземная война в Югославии породила бы на долгие годы новый раскол в Европе. Кроме того, европейцы не были готовы к подобным операциям с организационной точки зрения. Немаловажное значение имела и сомнительность поддержки подобной операции французским общественным мнением, тем более что множась «ошибки» натовских военных, повлекшие за собой жертвы среди мирного сербского населения, ставили вопрос о несоразмерности цели и цены военной операции НАТО против Милошевича.

Косовский конфликт послужил катализатором процесса реанимации ЗЕС и показателем возможности и эффективности проведения Совместной внешней политики и политики безопасности (PESC – фр.). На совещании министров иностранных дел и обороны стран ЗЕС в Бремене (в начале мая 1999 г.) было решено перевести ЗЕС под эгиду ЕС, создать систему единого

²⁵¹ Le Monde, 23 avril 1999.

командования, выработать концепцию единой европейской обороны. Обновлённый ЗЕС должен сосредоточиться на разрешении региональных конфликтов типа косовского и стать инструментом проведения гуманитарных и миротворческих операций²⁵². На вашингтонском саммите НАТО, в апреле 1999 г. США пошли навстречу стремлению европейцев реализовать решения берлинского (1994 года) саммита Альянса о европейской идентичности европейской обороны. США согласились на расширение полномочий заместителя главнокомандующего союзных сил в Европе. Традиционно этот пост занимал европеец, а в то время – британец. Последний отныне мог управлять чисто европейскими операциями и планировать самостоятельно операции по поддержанию мира (но не во время кризисов), опираясь на европейские войска из контингентов, приданных НАТО²⁵³. Европейцы хотели бы также, чтобы ресурсы НАТО передавались им для ведения подобных операций, причём, чтобы это делалось автоматически и не подлежало праву вето. В Вашингтоне проблемы европейской идентичности европейской обороны (ЕИЕО) обсуждались в качестве внутринатовских проблем, как вопросы взаимоотношений между НАТО и ЕС, однако вопрос об идентичности ЗЕС и ЕИЕО вызвал опасения у Турции, Исландии и Норвегии, которые не принадлежат к ЕС. Поэтому Турция воспротивилась фиксации нового положения в решениях саммита. Не исключено, что уступчивость американцев в вопросе о придания сил и средств НАТО европейцам связана с нежеланием Конгресса США участвовать в сухопутных военных действиях в Европе, проявившимся и в косовском конфликте. Что касается европейцев, то ввод войск на территорию Югославии был бы для них возможен лишь в случае предоставления соответствующего мандата СБ ООН, что стало особенно проблематичным после бомбардировки китайского посольства в Белграде. Поэтому в мае стало ясно, что выход из конфликта

²⁵² Известия, 13 мая 1999.

²⁵³ Le Monde, 23 avril 1999, p.3.

следует искать не на военных путях, что было затруднительно из-за жёсткого неприятия бомбардировок Югославии двумя постоянными членами СБ ООН - Россией и Китаем.

Ж.Ширак, связанный с российским президентом многолетним «привилегированным партнёрством» и личной симпатией, был лучшей кандидатурой для возобновления диалога с Москвой по Косово. Накануне отъезда Ж.Ширак и Б.Клинтон в телефонной беседе решили настаивать на неизменности пяти пунктов требований к Белграду. Б.Н.Ельцин при встрече (13 мая) намеренно дал почувствовать французскому президенту оттенок охлаждения в их отношениях. Шираку не удалось преодолеть противоречий в позициях России и НАТО. Москва продолжала настаивать на прекращении бомбардировок в качестве предварительного условия переговоров. НАТО же не собиралась воздерживаться от ударов до полного принятия Милошевичем её условий²⁵⁴. В то же время, ни Россия, ни Франция не были заинтересованы в прекращении мирного процесса с участием Москвы²⁵⁵. Главными оставались вопросы о составе миротворческих сил в Косово и об определении круга стран, берущих под свой контроль косовскую территорию. В течение мая-июня Россия и НАТО так и не смогли прийти к согласию по второму вопросу. Страны НАТО решили, что силы KFOR займут косовскую территорию, разделённую на четыре сектора: Французский, германский, английский и итальянский. Российские миротворцы, расквартированные до того времени в Боснии, явочным порядком решили вопрос о предоставлении России собственного сектора, совершив в июне неожиданный марш-бросок в район аэропорта Приштины. Неформальная дипломатия МО РФ увенчалась частичным успехом: Россия получила право на установление контроля над частями косовской территории внутри секторов, находящихся под контролем стран НАТО, вплоть до лета 2003 г.

²⁵⁴ Известия, 14 мая 1999.

²⁵⁵ Le Monde, 12-14 mai 1999.

Альянс смог заявить о завершении косовской операции. С 20 июня французские газеты выходят с «шапкой» «мир в Косово». Министры иностранных дел стран, руководящих четырьмя секторами в Косово, собрались в Приштине 25 июня. Они провозгласили принципами завтрашнего Косово «справедливость, демократию, этническую терпимость»²⁵⁶. Главой временной международной гражданской администрации в Косово был назначен француз - известный своими выступлениями в защиту прав человека, бывший министр здравоохранения, левый интеллектуал Б.Кушнер – один из основателей гуманитарной организации «Врачи без границ»²⁵⁷.

Решение Франции о полномасштабном участии в военном конфликте в Европе под эгидой НАТО можно было бы назвать отказом от фундаментальной внешнеполитической идеи де Голля об обретении глобальной роли благодаря политике независимости, однако именно это решение дало Франции моральные и материальные основания занять подобающее место среди вершителей судеб Косово и, в более широкой перспективе, судеб Европы. Наряду с Великобританией, Германией и Италией, она обладает собственным сектором KFOR, что, поскольку косовская история изобиловала сопоставлениями с историей второй мировой войны, соотносимо со статусом державы-победительницы (при всей несопоставимости масштабов двух событий). В многосторонних переговорах по разрешению конфликта французской дипломатии удалось сохранять собственное лицо, и это стало возможным благодаря поддержке европейских союзников. Апелляция к ООН и убеждённость в необходимости вовлечения России в процесс урегулирования на Балканах отличали линию Франции и других стран ЕС от позиции США. Важным достижением французской дипломатии и следствием уроков косовского конфликта было решение ЕС о формировании собственных структур безопасности.

²⁵⁶ Le Monde, 25 juin 1999.

²⁵⁷ «Врачи без границ» удостоены Нобелевской премии мира за 1999 г.

Принципиальным выводом из косовского кризиса было также озвученное Ж.Шираком осенью 1999 г. требование сделать ООН ключевым органом новой международной системы, рождение которой происходило в 90-е годы XX века. Надеясь на НАТО, в операциях которой против Югославии Франция незадолго до того принимала активное участие, президент заявил: «Франция не может согласиться и не согласится впредь на то, чтобы какая-либо региональная оборонительная организация присвоила себе роль мирового жандарма. Эта роль доверена хартией ООН Совету Безопасности, и только ему одному²⁵⁸». ООН, по мнению Ж.Ширака, должна была стать «единственным местом, в котором на демократической основе можно постепенно продвигаться в деле становления универсального сознания и *государства, приверженного международному праву*»²⁵⁹. Последнее замечание является ключевым в представлении Ж.Ширака о строительстве новой международной реальности. Если содержанием эпохи социально-политической модернизации на Западе было становление модели правового государства, то в XXI веке Франция хочет стать проводником новой универсальной идеи - утверждения государства, для которого непререкаемыми станут нормы международного права, то есть правовые нормы и ценности, носителями которых являются передовые демократии. На первом месте среди них стоят права человека. В русском политическом словаре ещё не появилось соответствующего обозначения, в то время как во французском языке для создания соответствующего неологизма достаточно было добавить к термину «правовое государство» (*Etat de droit*) международное измерение (*Etat de droit international*).

Сложным является в этой связи вопрос о праве гуманитарного вмешательства, то есть внешнего вмешательства в дела суверенного

²⁵⁸ В выступлении президента 4 ноября 1999 г. в Елисейском дворце: Chirac J. La France dans un monde multipolaire // PE. -1999. - N° 4. P. 806.

²⁵⁹ Курсив мой – Е.О. *Etat de droit international*. По-французски этот неологизм, употреблённый Ж.Шираком, происходит из термина «правовое государство» (*Etat de droit*).

государства с целью принуждения его к уважению прав человека или для защиты гражданского населения, ставшего жертвой военного кризиса или гуманитарной катастрофы. Ж.Ширак заявил, что по-прежнему считает принцип государственного суверенитета основой международного права. Вместе с тем, он указал на необходимость «непрестанной борьбы за уважение прав человека и гуманитарного права». Но центром принятия решений в этой сфере, по мнению французского президента, является только ООН: «Совет Безопасности и Генеральный Секретариат ООН должны развивать превентивные действия и должны располагать для этого дополнительными средствами»²⁶⁰.

Вместе с тем, во Франции отдавали себе отчёт в том, что Косово и мир на Балканах долго ещё будут предметом озабоченности европейцев²⁶¹. В преддверие президентских выборов в Югославии, назначенных на начало октября 2000 г., министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин не скрывал своей поддержки сербской демократической оппозиции, как и своего беспокойства по поводу возможности фальсификации результатов выборов сторонниками С.Милошевича. Франция стремилась косвенно повлиять на выбор сербов²⁶². Французские дипломаты поддерживали с Коштуницей постоянные не прямые контакты, особенно с начала сентября 2000 г., после совещания 15-ти министров иностранных дел стран ЕС, на котором по инициативе Франции было составлено послание сербскому народу. В нём было обещано, что если в Белграде победит демократия, вся политика ЕС в отношении Югославии будет пересмотрена, будут сняты санкции, отменено эмбарго и откроется путь к сотрудничеству. После победы демократов на выборах именно Ж.Ширак направил поздравительную телеграмму

²⁶⁰ Chirac J. La France dans un monde multipolaire // *PE*. - 1999. - N°4. P.807.

²⁶¹ Boniface P. Les leçons du conflit au Kosovo // *RI et S*. - Hiver 1999-2000. - N 36.

²⁶² Déclaration du ministre des Affaires étrangères, M. Hubert Védrine, sur RTL (Paris, 5 octobre 2000) // www.diplomatie.fr/actualite/article.asp?cat=3&th=0&ar=1403

В.Коштунице от имени ЕС²⁶³. В интервью телепрограмме «Франс 2», на следующий день после победы Коштуницы, Ю.Ведрин сделал очень интересное заявление, косвенно свидетельствующее выводах, сделанных во Франции из косовской операции. Сербь, - сказал министр, - «совершенно самостоятельно выбрались из западни, в которую их завела политика Милошевича». «Вы хотите сказать, без НАТО, и без бомбардировок?» - уточнил ведущий. «Без НАТО и без чьей-либо помощи», - подтвердил Ю.Ведрин²⁶⁴. С окончания натовской операции против Югославии прошло больше года, и слова главы французского МИД свидетельствуют о том, что Париж стал сомневаться в целесообразности повторения подобных операций НАТО против суверенной страны без санкции СБ ООН. Во всяком случае, Франция решила не включать в арсенал своей дипломатии тактику силового утверждения демократии в Европе, предложенную США и апробированную в Косово.

Проблема демократизации Югославии после отставки Милошевича продолжала находиться в центре внимания французского общества. Левые интеллектуалы во Франции сомневались в демократизме Коштуницы, считая, что в Югославии происходила после ухода Милошевича не демократическая, а националистическая революция. Известный французский специалист по Югославии, Я.Рупник писал о необходимости обставить французскую помощь Югославии политическими условиями, чтобы, помогая Белграду, не помогать сербскому национализму²⁶⁵.

В начале декабря 2001 г. Ж.Ширак первым из лидеров Запада после натовских бомбардировок рискнул совершить турне по бывшей Югославии. Миссия Ширака должна была положить начало приобщению нового

²⁶³ Message de félicitations du Président de la République, M. J.Chirac , au nom de l'Union Européenne, au Président de la RFY, M. V.Kostunica (Paris, 8 octobre 2000) // www.doc.diplomatie.fr/cgi-bin/go_doc.pl?type=bull&cible=20001009.1.html. P.1.

²⁶⁴ Entretien du Ministre des Affaires étrangères , M. Hubert Védrine, avec « France 2 » (Paris, 6 octobre 2000) // www.doc.diplomatie.fr/cgi-bin/go_doc.pl?type=bull&cible=20001009.1.html (193/00).

²⁶⁵ Le Monde, 6-7 décembre 2001.

югославского руководства к диалогу с ЕС. Незадолго до визита французский президент встречался с Карлой дель Понте, возглавляющей Гаагский трибунал по правам человека, и обещал убедить югославского президента Коштуницу сотрудничать с трибуналом в выдаче военных преступников и в открытии архивов. Сразу после выборов 2000 г. Ж.Ширак заявил, что «Милошевич должен будет ответить за свои преступления»²⁶⁶, и последующая выдача смещённого президента Гаагскому трибуналу имела прямое отношение к переговорам Ширака и Коштуницы в Белграде. В ходе встречи с главой Черногории М.Джукановичем Ж.Ширак высказался в пользу сохранения Югославской федерации. Смысл поездки Ж.Ширака состоял в том, чтобы подтвердить традиционные симпатии Франции к Югославии²⁶⁷, обеспечив тем самым своей стране видное место в процессе интеграции балканских государств в ЕС, тем более что Германия с начала 90-х годов закрепила в Словении и Хорватии, куда французский президент направился после визита в Белград.

Участие Франции в косовском конфликте сыграло также роль своего рода прецедента использования права вмешательства (*droit d'ingérence*) в дела суверенных государств и стало своеобразным мерилom последовательности и искренности правительства, выступающего под флагом прав человека. П.Бонифас, скептически заметил по поводу голлистского мессианства Ж.Ширака, что право вмешательства — это именно *право, а не долг*. Он ссылаясь на руководителя Комиссариата ООН по делам беженцев Садако Огато, которая осуждала богатые страны за то, что они расходуют миллионы долларов в Косово, уделяя гораздо меньше внимания Африке, где насчитывается 6 млн. беженцев. Она сожалела о закреплении в связи с этим политики двойных стандартов — одного для европейцев, другого для

²⁶⁶ Ibidem. P.2.

²⁶⁷ Во французской армии очень сильны просербские настроения память о братстве по оружию в годы двух мировых войн. Когда в разгар боснийского кризиса сербы осаждали Сребреницу, генерал Жанвье, командовавший силами ООН, отказался поднять в воздух самолёты, чтобы остановить сербское наступление и спасти город: см.: Известия, 9 декабря 2001.

африканцев и остального мира. Развивая мысль японского дипломата, П.Бонифас пишет: «Те, кто в связи с Косово провозгласили наступление нового международного порядка, в котором прогресс прав человека заставит отступить абсолютную власть государственного суверенитета, или слишком наивны, или излишне циничны. Дело в том, что эти принципы применимы только к Европе, да и то если страна, их нарушающая, не обладает ядерным оружием»²⁶⁸. Вмешательство Франции и НАТО в целом в косовский конфликт, если даже оно происходило во имя защиты прав меньшинств и именно поэтому, поставило перед французским общественным мнением проблему морали в международных отношениях²⁶⁹. Операция НАТО была призвана помешать в Косово сербскому меньшинству преследовать албанское большинство. Но, решив эту задачу, западные демократии не были столь же последовательны в защите прав сербов и цыган, силой вытесненных из Косово албанцами, вернувшимися вместе с европейцами-победителями. В газете «Монд» в августе 1999 г. были опубликованы две статьи. В одной из них: «Фашизм в Косово. Позор албанцев», косовский журналист осуждал своих соплеменников за то, что для вытеснения сербов они используют те же методы, что применяли против них сербские власти²⁷⁰. В другой статье французский журналист Ф.Ребафер считал, что истребление сербов в Косово можно понять, пока белградская верхушка, в своё время санкционировавшая репрессии против албанцев, не предстала перед судом²⁷¹. Спор по поводу двойных стандартов в защите Францией прав человека на международной арене приобрёл особую остроту в связи с началом новой чеченской кампании в России, в августе 1999 г. Намёк на то, что Франция предпочитает воздерживаться от права вмешательства, если речь идёт о ядерной державе, прямо указывал на Россию. Разница в отношении к Чеченской войне и к

²⁶⁸ Boniface P. Op.cit. P. 67.

²⁶⁹ Boniface P., Garapon A. Morale et relations internationales // RI et S. - N 35.

²⁷⁰ Surroi V. Fassisme au Kosovo. La honte des Albanais // Le Monde. - 1999. - 12 aout.

²⁷¹ Rebafert Ph. Rendre justice au peuple Kosovar // Le Monde. - 1999. - 31 aout.

происходящему в Косово состоит в том, что у большинства трибунов французского общественного мнения не только методы, но и мотивы России не вызывают сочувствия, также как не вызывали их сочувствия интересы сербских косоваров, пока их мог защитить Белград. Критерий разделения один. За интересами русских в Чечне стоит репрессивный аппарат государства, и он должен был защищать их силами правопорядка, а не военным путём. Косовские сербы, вследствие натовского вмешательства, были лишены государственной поддержки, отчего отношение к ним с тех пор тоже может измениться: из обидчиков они превращаются в жертвы²⁷².

Главная проблема политики гуманитарного вмешательства, проводимой Ж.Шираком, по-прежнему состоит в том, что, несмотря на великодушные заявления о «пространстве солидарности» Франции, которое простирается за пределы Европы, реальные политические и экономические усилия её на этих пространствах отстают от масштабов провозглашённых задач и от потребностей и ожиданий народов, нуждающихся в помощи развитых стран. Поэтому Франция неустанно призывает к многосторонним усилиям в этом направлении и к увеличению участия развитых стран в проблемных регионах и экономиках, к выработке широкой программы международного сообщества, с самым широким кругом участников.

4. «Пространство солидарности»: новая политика содействия развитию

а. Франция и страны Средиземноморья

В 1995 г. французский премьер-министр А.Жюппе заявил, что два региона представляют для Франции «предпочтительную ценность». Это Средиземноморье и Африка²⁷³. С этими регионами Франция считает себя связанной традиционными узами, которые являются следствием

²⁷² Подробнее см. ниже: Глава 6.

²⁷³ Juppé A. Quelle politique étrangère... Ibid. P.255.

колониального прошлого. Поэтому от Франции требуется особая деликатность, чтобы, пытаясь покровительствовать и помогать странам региона, не быть заподозренной в неоколониализме. Это обстоятельство определяет двойственность отношений между разными берегами Средиземного моря. Груз колониальных отношений и сравнительная ограниченность финансовых потоков, которые Франция может направить на помощь развитию стран региона, могут быть компенсированы благодаря привлечению к средиземноморскому сотрудничеству средств и институтов ЕС.

В Средиземноморье разрыв Франции с имперским прошлым знаменовался двумя событиями: Суэцким кризисом 1956 г. и деколонизацией Алжира в 1962 г. В обоих случаях Франция должна была ретироваться под давлением арабского национально-освободительного движения и мирового сообщества, осудившего колониализм. Оба события положили конец англо-французскому господству в регионе, который стал полем битвы за влияние между СССР и США, особенно на Ближнем Востоке. Уже тогда в недрах арабского национально-освободительного движения зрели ростки мусульманского фундаментализма²⁷⁴. Франция покончила с колониальным прошлым, переориентировав свою политику величия на европейское строительство и независимость от США, которая утверждалась благодаря собственному ядерному оружию и выходу из военной организации НАТО. Ей удалось также спешно эвакуировать около миллиона европейцев, составлявших французскую диаспору в Алжире. Но, парадоксальным образом, колониальный шлейф не оборвался благодаря массовому бегству французов из бывшего заморского департамента. Конец империи дал рождение ещё более массовой иммиграции выходцев из стран Магриба и с Ближнего Востока во Францию. Эта иммиграция вначале рассматривалась как

²⁷⁴ Об этом предупреждали Москву французские коммунисты в конце 50-х годов, советуя советским товарищам осторожнее относиться к Фронту национального освобождения Алжира. См. подробнее: Обичкина Е.О. Советское руководство и война в Алжире // Новая и новейшая история. – 2000. - №1.

временное явление во Франции, испытывавшей недостаток рабочих рук в годы послевоенного промышленного подъёма. Однако выходцы с других берегов Средиземного моря укоренились в бывшей метрополии и создали внутри французского общества мощную мусульманскую идентичность, которая превратилась в важный фактор внутривнутриполитического и социального развития. Последнее обстоятельство самым серьёзным образом влияет на выработку внешнеполитической линии в отношении мусульманского востока и в ближневосточном конфликте. С одной стороны, Франция стремится поддерживать интенсивные двусторонние отношения со странами Магриба, с другой стороны, память о Суэцком конфликте не позволяет ей стать в глазах арабских государств желанным арбитром в ближневосточном урегулировании. В то же время, экономическая помощь и влияние на соотечественников, живущих во Франции, определяют заинтересованность стран восточного и южного Средиземноморья в связях с Парижем.

В свою очередь, Франция не желает ни предоставить страны региона самим себе, ни допустить в них безраздельного влияния США, привлечённых его нефтяными богатствами. После окончания холодной войны начался новый этап в отношениях между Францией и её средиземноморскими соседями. Фактор американо-советского соперничества в регионе стухал, зато влияние США возросло там беспрецедентно. В то же время, рост радикального исламизма в Алжире и Египте добавил к проблемам иммиграции проблему коллективной безопасности и внутренней стабильности стран Средиземноморья. Ещё в 1986 г., после серии террористических акций исламистов во Франции был введён визовый режим для выходцев из этих стран, который после заключения Шенгенских соглашений распространился на всю европейскую зону их действия. Французские политики полагают, что средиземноморские общества в большинстве своём вступили в продолжительную фазу нестабильности, что мусульманско-арабский мир

не имеет больше единства и переживает жестокий социально-экономический кризис, порождающий опасность широкого распространения фундаментализма. Необходимость диалога двух средиземноморских цивилизаций – европейской и арабо-мусульманской постоянно присутствует в программных речах руководителей французской дипломатии. В то же время, движение к взаимной открытости и диалогу в прямом смысле слова наталкивается на пограничные преграды²⁷⁵.

Вступая в должность премьер-министра в 1995 г., А.Жюппе назвал Срезиземноморье «естественным пространством» французской дипломатии²⁷⁶. Поскольку и экономические, и силовые возможности Франции в мире существенно сократились, основной упор делался на гуманитарный характер миссии Франции в этих странах и, в связи с мусульманским фактором внутри французского общества, на диалог цивилизаций: «Наша роль всегда состояла в том, чтобы наводить мосты, утверждать ценности свободы, терпимости, демократии, которые могут приобретать различные оттенки в соответствии с духом, присущим каждой нации, каждой цивилизации, но которые остаются универсальными»²⁷⁷.

В этом контексте в 90-е годы определились два основных направления средиземноморской политики Франции. Во-первых, Франция предложила создать настоящую архитектуру средиземноморского сотрудничества. Речь идёт о продвижении в ЕС (в союзе с Испанией и Италией) идеи *евро-средиземноморского партнёрства*. С этой целью осенью 1995 г. была созвана средиземноморская конференция в Барселоне. Её основными темами стали экономическое сотрудничество, диалог в области политики и безопасности, диалог между культурами и гражданскими обществами. Задачей конференции было преодоление

²⁷⁵ На это противоречие указывает специалист по арабо-мусульманскому востоку Р.Лево: Leveau R. La France, l'Europe et la Méditerranée : un espace à construire // PE, 4/2002, p. 1022.

²⁷⁶ Juppé A. Quel horizon ...//PE. – 1995. N1. P.249.

²⁷⁷ Juppé A. Quel horizon ...//PE. – 1995. - N1. P.258.

растущей психологической пропасти между европейским и арабомусульманским миром. Речь шла о необходимости создания «пространства солидарности» со всеми странами Средиземноморья²⁷⁸. Для европейских участников конференции в Барселоне речь шла о глобалистском демарше, о попытке ввести ЕС в качестве полноправного субъекта в регионе, где традиционная роль европейцев угрожающе уменьшается. Франция же считает, что Европа должна играть там роль, соответствующую её возможностям и амбициям, хотя этого мнения не разделяют на других берегах Средиземноморья. В своём выступлении перед послами Франции в 2002 г. Ж.Ширак с сожалением констатировал, что новый виток ближневосточного кризиса затормозил политическую составляющую барселонского процесса. Но это не должно помешать прогрессу экономического сотрудничества, обогащению диалога культур и выработке

к 2004 г. «средиземноморской стратегии устойчивого развития». Французский президент выступил с инициативой созвать в 2003 г. подготовительную встречу с участием ведущих экспертов для анализа основных проблем региона и рассмотрения перспектив их решения²⁷⁹.

Стратегическая цель искомого диалога состоит в том, чтобы обеспечить европейскую безопасность со стороны заморских соседей через экономическое процветание, мир и политическую стабильность в Южном и Восточном Средиземноморье. Поэтому вторым направлением деятельности Франции и ЕС в регионе должна была стать поддержка его государств в необходимых преобразованиях, приоритет строительству правового государства, укреплению суверенитета, причём, предметом особой обеспокоенности Франции является Алжир.

²⁷⁸ Leveau R. La France, l'Europe et la Méditerranée : un espace à construire // PE. -2002. – N4. P. 1029.

²⁷⁹ Discours de M. Jacques Chirac, Président de la République, lors de la réception des Ambassadeurs, 29 août 2002 // Défense Nationale. - Octobre 2002. P. 13.

В отношении этой страны Франция наиболее тяжело ощущает груз прошлой совместной истории, и потому ратует за диалог между различными политическими и социальными составляющими алжирского народа: модернистской и традиционалистской. Французское общественное мнение, озабоченное размахом фундаменталистского насилия в Алжире, ждёт от правительства инициатив в этом направлении, однако официальному Парижу долго не удавалось наладить диалог с алжирцами, и потому он настаивал на принципе, озвученном министром иностранных дел в правительстве Л.Жоспена: «самим алжирцам надлежит найти разрешение их проблем»²⁸⁰. В августе 2002 г. было объявлено о готовящемся визите французского президента в Алжир (первом после деколонизации) и о его намерении совершить турне по странам Магриба. Долгожданный визит Ж.Ширака в Алжир состоялся в 2003 г.

Проблемы Алжира вписываются французской дипломатией в контекст Магриба в целом. Франция озабочена вопросом соблюдения прав человека в регионе, но признаёт, что как в Алжире, так в Тунисе и в Марокко становлению правового государства препятствует опасность мусульманского фундаментализма. Об этом заявил Ю.Ведрин после поездки по странам Магриба, состоявшейся летом 1997 г. Он подчеркнул, что в силу исторических причин спецификой позиции Франции в регионе является то, что в отличие от других стран ЕС, она считает «своих южных соседей не менее важными, чем восточные» (имеется в виду особое внимание ЕС к странам ЦВЕ)²⁸¹.

б. Франция в ближневосточном конфликте

²⁸⁰ Le Monde, 29 août 1997: интервью Ю.Ведрина.

²⁸¹ Ibidem.

«Арабская политика Франции должна стать главным измерением её внешней политики», - провозгласил Ж.Ширак в Каире 8 апреля 1996 г. Французская дипломатия уточняет: строго говоря, речь идёт об арабской политике в том, что касается Ирака, но предпочитает говорить о «ближневосточном урегулировании», чтобы не лишиться возможности диалога с Израилем. В духе классического голлизма дипломатия Ширака сохраняет собственную линию в ближневосточном урегулировании, отличную от США и от других стран ЕС. Тем самым она стремится помешать установлению американской монополии на вмешательство в этом регионе. Вот уже многие годы Франция старается сохранить относительное равновесие в отношениях и с палестинцами, и с Израилем, в отличие от ghtpbltynf СIF Клинтона, неизменно занимающего произраильскую позицию. Франция считает, что ЕС не должен ограничиваться в этом конфликте ролью наблюдателя и экономическим содействием. Она выступает за прямой арабо-израильский диалог, но учитывающий позицию Франции: справедливый и сбалансированный мир, не ущемляющий ни одну из сторон и учитывающий, на чём настаивает сегодня только Франция, интересы Ливана, который должен укрепить свой суверенитет²⁸². Кроме того, французская позиция требует возвращения Голланских высот Сирии.

Израильская военная операция «Гроздь гнева» в апреле 1996 г. против Ливана, где базируются палестинцы, предоставила МИД Франции первый случай претворить эти принципы в действия. Э.де Шаретт мог использовать брешь, оставленную американской дипломатией, исключительно благоприятной к Израилю, чтобы выступить в роли миротворца. Прекращение огня в Ливане явилось тогда совместным творением Парижа и Вашингтона²⁸³. При этом Франция пыталась говорить

²⁸² Juppé A. Quel horizon... P.255.

²⁸³ Duhamel A. La revanche de la diplomatie gaulliste //La Libération. – 1996. - 12 avril.

от имени всей Европы, желая, в духе своей концепции многополюсного мира, стать двигателем европейского участия в ближневосточном урегулировании. По её инициативе в ноябре 1996 г. был назначен «специальный уполномоченный» ЕС на Ближнем Востоке.

Во время семидневного визита по странам Ближнего Востока осенью 1996 г. Ж.Ширак не побоялся выступить перед Израильским Кнессетом с призывом вернуть Сирии Голланские высоты и способствовать созданию палестинского государства. Надо заметить совпадение в этом вопросе позиций Франции и России, что продемонстрировал ближневосточный визит Е.М.Примакова в октябре-ноябре того же года²⁸⁴. В самой Франции выступление Ширака было воспринято неоднозначно: один из лидеров социалистов М.Рокар назвал президента «расточителем того незначительного капитала влияния, которым располагала до сих пор Франция в общественном мнении и, особенно в правительстве Израиля»²⁸⁵. Мнение Рокара следует принимать с поправкой на его роль в оппозиции. Однако, получив парламентское большинство, французские социалисты устами министра иностранных Ю.Ведрина поспешили подтвердить стремление Франции к постоянному диалогу с Израилем, «поскольку их дружественные связи неразрывны и поскольку они уважают друг друга, даже если не во всём согласны»²⁸⁶.

В то же время, французская дипломатия стремилась укрепить позиции Франции в арабском мире и создать возможности для дальнейшего активного французского посредничества в ближневосточном урегулировании, которое Франция хотела сделать всё более европейским. Франция давала при этом понять, что её возможности ограничены: «арабы знают, что не Франция держит у себя ключ от урегулирования»²⁸⁷, - заявил

²⁸⁴ Сегодня, 26 октября 1996 г.

²⁸⁵ Rocard M. Les cinq cent jours de la diplomatie de J.Chirac // RI et S. - Printemps 1997. - № 25. P.32.

²⁸⁶ L'Express, 16 oct.1997.

²⁸⁷ Le Figaro, 8 juin 1997.

Ю.Ведрин. Действительно, Париж был устранён от основных консультаций по проблемам региона. В декабре 1999 г.- январе 2000 г. два раунда сирийско-израильских переговоров о возвращении Сирии Голланских высот прошли исключительно при посредничестве и при участии Б.Клинтона и М.Олбрайт, на территории США. В то же время, Франция старалась в достаточно узких рамках заявить о своей особой позиции и отстаивать её в международном сообществе, поставив во главу угла принцип безопасности региона, дипломатического решения проблем и осуждение эскалации насилия.

Намечая планы своего ближневосточного турне (в феврале 2000 г.), премьер-министр Франции Л.Жоспен стремился, в противоположность голлистам, в которых привыкли видеть заступников арабов, вернуть доверие Израиля к Франции и обеспечить место французской и европейской дипломатии в мирном урегулировании в регионе. По времени визит Жоспена совпал с резкими заявлениями министра иностранных дел Израиля Давида Леви в Кнессете в адрес Ливана. В случае нападения с ливанской территории на Кириат Шмона (израильский город близ границы с Ливаном), «ливанская земля тоже будет гореть», «кровь за кровь, жизнь за жизнь», - так завершил свою речь израильский министр. На следующий день (24 февраля) на своей первой пресс-конференции в Израиле Л.Жоспен, кстати, внешне похожий на Д.Леви, назвал себя «другом Израиля» и, уклонившись от прямого ответа на вопрос об отношении к заявлениям израильского министра, добавил: «Франция осуждает акции организации Хезболлах и все односторонние террористические акции против солдат или гражданского населения, где бы они ни проводились»²⁸⁸. Это заявление было воспринято палестинцами как оправдание израильских репрессий, хотя Л.Жоспен и оговорился, что желал бы, чтобы карательные акции израильтян как можно меньше

²⁸⁸ Le Monde, 1 mars 2000.

затрагивали бы гражданское население»²⁸⁹. На следующий день, когда Л.Жоспен отправился в палестинский университет Бир Зейт на западном берегу реки Иордан, на него обрушился град камней. Арабские студенты выражали своё возмущение тем, что их гость назвал Хезболлах террористами. Попытка продемонстрировать более «сбалансированную» линию Франции на Ближнем Востоке имела обратный результат. Выказав свою поддержку Израилю, Л.Жоспен не смог сохранить должную дистанцию от Тель Авива. У палестинцев возникли сомнения относительно верности Парижа его традиционной дружбе с Я.Арафатом, несмотря на то, что последний проявил максимум радушия во время встречи с Жоспеном и принёс свои извинения за поведение палестинской молодёжи. Ж.Ширак направил премьер-министру письмо, в котором упрекал его в отсутствии «согласованности» между неосторожными заявлениями в адрес Хасболлах и политикой, проводимой Францией на Ближнем Востоке. Выступление Жоспена было названо некоторыми депутатами Национального Собрания от оппозиции «безответственным»²⁹⁰. Разразившийся скандал заставил Л.Жоспена отменить посещение лагеря палестинских беженцев в Канн Юнесе. Обстоятельства визита Л.Жоспена породили у арабов сомнения в приверженности Франции её прежней, дружественной им линии в ближневосточном конфликте. Впрочем, это убеждение было поколеблено ещё благодаря французскому участию в операции «Буря в пустыне» в 1991 г. В то же время, заявления Жоспена, сами по себе, не могли обеспечить французской дипломатии кредита доверия Израиля, постоянно подозревающего Париж в особых симпатиях к палестинцам.

1 сентября и 4 октября 2000 г. в Париже Ж.Ширак принимал премьер-министра Израиля И.Барака. Перед встречей в Эвиане по

²⁸⁹ La Tribune, 9 mars 2000.

²⁹⁰ Le Monde, 29 février 2000.

ближневосточному урегулированию французский президент познакомил израильского премьера с единой позицией ЕС в этом вопросе, и эта позиция вызвала недовольство Израиля²⁹¹.

Палестино-израильские переговоры, которые состоялись в Париже и Эвиане при посредничестве М.Олбрайт и Ж.Ширака, закончились безрезультатно. В то же время, Франция не стала для Израиля желательным арбитром в конфликте из-за решения Ж.Ширака ввести эмбарго на продажу оружия Тель-Авиву²⁹².

Весной 2001 г. началось новое обострение ситуации на Ближнем Востоке, которое Ю.Ведрин назвал «самым серьёзным за последние 10 -15 лет»²⁹³. Эти события имели прямое воздействие на внутреннее положение во Франции. Произошла серия актов, направленных против синагог, еврейских школ и верующих иудеев. Исполнителями обычно были выходцы с мусульманского востока, хотя пресса старалась не акцентировать внимание читателей на происхождении нападавших. Несмотря на настойчивые призывы французских властей к мирному сосуществованию и диалогу между общинами, Израиль и общественное мнение в США называли Францию наиболее антисемитской страной в Европе²⁹⁴. Основанием для таких обвинений стало общее настроение французской интеллектуальной элиты, возлагавшей вину за эскалацию насилия на Ближнем Востоке на израильское правительство. Эта позиция отражена, в частности, в воззвании «За справедливый и немедленный мир на Ближнем Востоке», под которым стояло 2500 подписей французских интеллигентов, опубликованном газетой «Монд»²⁹⁵. Авторы избрали самый резкий и решительный тон: «Мы, /.../ глубоко возмущены день ото

²⁹¹ Le Monde, 4 octobre 2000.

²⁹² Le Monde, 9,11 octobre 2000.

²⁹³ Entretien du ministre des affaires étrangères, M. Hubert Védrine, avec « France Inter », Paris, 18 avril 2001 // www.diplomatie.gouv.fr/procpaix/declarations/vedrine180401.html

²⁹⁴ См. выше: Глава 5.2: Франция-США...

²⁹⁵ Le Monde, 13 mars 2002.

дня всё более драматичным развитием ситуации в Израиле и на оккупированных Израилем палестинских территориях /.../. Правительство и армия Израиля навязывают каждый день всё более унижительные и бесчеловечные условия существования палестинцам сектора Газы и западного берега реки Иордан. Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон является главным виновником этого/.../. Израильтяне не могут надеяться на мирную и безопасную жизнь, ввергая другой народ в отчаянье». В то же время, воззвание было призвано опровергнуть обвинения в антисемитизме, высказанные А.Шароном и американской прессой и преодолеть растущее противостояние мусульманской и еврейской общин во Франции. «Точно также как мы говорим французам мусульманского или арабского происхождения, что их сограждане еврейского происхождения не ответственны за несчастья палестинцев, мы говорим французским евреям, и общественному мнению в целом, что критиковать израильскую политику – это не значит быть антисемитом».

В действительности, со времён геноцида евреев в годы второй мировой войны, в котором был замешан режим Виши, антисемитизм является для французского общества своего рода табу. В то же время, для французских политиков существует весомая внутривластная причина сохранения тесных связей с мусульманским востоком: голоса многомиллионной мусульманской общины были особенно нужны к президентским выборам 2002 г. и Шираку, и Жоспену. Парадоксальным образом этот двойной груз ответственности перед историей и перед обществом, это переплетение этнических и традиционных связей и с еврейским государством, и с мусульманскими странами служит основой объективного и, в то же время, заинтересованного подхода Франции к анализу ближневосточного конфликта. Ю.Ведрин изложил основы этой позиции в интервью журналу «Международная политика»: «Я не думаю, что силой можно решить проблему безопасного существования Израиля и палестинцев и что

Израиль решит палестинскую проблему, избавившись от Арафата». Очередное обострение конфликта глава французской дипломатии связывает с репрессивной политикой А.Шарона, выражая скептическое отношение к возможности конструктивных переговоров с новым израильским лидером. Он считает, что вернуться к политическим переговорам значит столкнуться с проблемой израильских поселений, а Шарон и избран-то был затем, чтобы помешать всякой дискуссии по этому вопросу. Ведрин считает, что террор палестинцев ошибочно связывают с Я.Арафатом. Напротив, он является делом групп, не желающих подчиняться руководителю ООП. Ю.Ведрин заявил, что наилучшим выходом из конфликта было бы возвращение к «гениальной формуле» И.Рабина: «продолжить мирный процесс, невзирая на терроризм и бороться с терроризмом, невзирая на мирный процесс»²⁹⁶.

Напряжённая общественная ситуация во Франции в связи с арабо-израильским конфликтом и приближающиеся президентские выборы заставили обоих главных кандидатов - президента и премьер-министра Франции выступить с рядом срочных инициатив урегулирования ближневосточного конфликта. Прежде всего, необходимо было привлечь ЕС к обсуждению путей преодоления кризиса и добиться внутри Сообщества принятия французской позиции. Отвечая на вопрос о возможной роли ЕС в регионе, где главенствуют США, Ю.Ведрин заметил: «Власть Соединённых Штатов, действительно весома, благодаря чему на Ближнем Востоке все актёры, в сущности, позиционированы в зависимости от отношений с США. Но этого мало, поскольку им (США) так и не удалось принудить их к миру /.../ Мы видели, что президент Клинтон, как никто другой из американцев стремился к миру, но этого было недостаточно». Одной из главных причин драмы французский министр иностранных дел назвал политику колонизации палестинских

²⁹⁶ PI, N95, print.2002. P.30-31.

земель, проводимую Израилем. Это вынуждает Францию настаивать на выполнении резолюции об освобождении захваченных палестинских территорий. Ю.Ведрин указал на две задачи французской дипломатии в связи с подключением ЕС к разрешению ближневосточного конфликта: с одной стороны, Франция стремится чётко и прямо заявлять о своей позиции, с другой стороны, она должна неустанно трудиться над становлением общей позиции членов ЕС, среди которых имеются на этот счёт серьёзные разногласия. В своё время заявления Миттерана о необходимости создания палестинского государства для восстановления мира на Ближнем Востоке вызвали шок на Западе, не говоря уже об Израиле. Ю.Ведрин напомнил, что с тех пор Франция «провела огромную работу», чтобы подобная идея была воспринята европейцами и даже Израилем, что указывает на необходимость неустанного продвижения французской позиции в Европе и европейской позиции в международном обсуждении ближневосточной проблемы²⁹⁷.

Позиция Франции была озвучена 12 февраля 2002 г. на конференции глав МИД ЕС и Организации «Исламская конференция» (ОИК) в Стамбуле. Франция предложила провозгласить палестинское государство, принять его в ООН и только затем продолжить переговорный процесс с Израилем. ОИК одобрила этот план. США и Израиль назвали такое решение поощрением палестинского террора²⁹⁸.

В апреле 2000 г. на встрече министров иностранных дел стран ЕС в Люксембурге Франция предложила, во-первых, послать делегацию ЕС с участием Х.-М.Аснара, осуществлявшего очередное председательство от имени Испании, и Х.Соланы — комиссара по внешней и оборонной политике Союза, для переговоров с А.Шароном и Я.Арафатом²⁹⁹.

²⁹⁷ Entretien du ministre des affaires étrangères, M. Hubert Védrine, avec « France Inter », Paris, 18 avril 2001 // www.diplomatie.gouv.fr/procpaix/declarations/vedrine180401.html

²⁹⁸ Известия, 13 февраля 2002.

²⁹⁹ Le Monde, 5 avril 2002.

Последнее предложение не могло понравиться президенту США, поскольку Дж.Буш практически в те же дни, во время миссии госсекретаря США К.Пауэлла на Ближний Восток заявил, что потерял веру в председателя Арафата. Цель Пауэлла, следовательно, состояла в том, чтобы добиться от соседних арабских государств признания плана урегулирования, исключая присутствие Арафата. Верховный комиссар Евросоюза по внешней и оборонной политике Х.Солана поддержал мнение Франции: «Ясер Арафат – легитимный лидер палестинского народа и связующее звено с международным сообществом. Его нельзя изолировать в тот момент, когда стороны ищут пути прекращения огня и выполнения требований резолюций СБ ООН»³⁰⁰.

Другая инициатива была выдвинута Л.Жоспеном. Министр обороны правительства социалистов П.Ришар заявил 7 апреля в Саудовской Аравии, что Франция настаивает на отправке в зону конфликта международных сил по разъединению. Ж.Ширак в принципе согласился с этим предложением, уточнив, что Франция желала бы участвовать в силах разъединения, но только если речь будет идти о *наблюдении* за прекращением огня. Международные силы ни в коем случае не должны действовать против какой-либо из сторон. В то же время, французский президент подчеркнул, что «палестинцы и израильтяне не в состоянии больше самостоятельно преодолеть состояние насилия. Идея вмешательства третьей стороны не вызывает сомнений»³⁰¹. Эта позиция отвергнута Израилем, категорическим противником международного присутствия на Ближнем Востоке. Таким образом, французская дипломатия по-прежнему вызывает недовольствие Израиля и США, также как общее участие ЕС в разрешении конфликта. Последнее осложнено отсутствием единства взглядов на проблемы региона

³⁰⁰ Известия, 9 апреля 2002.

³⁰¹ Entretien du Président de la République M. Jacques Chirac avec le quotidien « Libération » // La Libération, 4 avril 2002. Курсив мой – Е.О.

между членами Сообщества, что стало особенно очевидным в связи с началом нового иракского кризиса.

в. Франция – ЕС – США в иракском кризисе 2002-2003 гг.

Выше говорилось об уроках участия Франции в операции «Буря в пустыне» и о её позиции в отношении Ирака в начале 90-х годов. Ослабление авторитета Парижа на Ближнем и Среднем Востоке требовало от пришедших к власти голлистов активизации французских инициатив, адресованных странам региона. А.Жюппе заявил в 1995 г., что принципиальная позиция Франции на Среднем Востоке заключается в утверждении в этом регионе безопасности, которая зависит от интеграции Ирана и Ирака в международное сообщество, конечно при условии, что обе страны примут нормы мирного урегулирования проблем и согласятся со строгим выполнением резолюций СБ ООН³⁰². Международное давление и санкции должны иметь только эту цель. Франция стремится препятствовать изоляции этих стран, чтобы не создавать у них комплекса изгоя, не толкать их на авантюристические шаги и не порождать у них впечатления, что Запад применяет по отношению к ним двойной стандарт: «Ирак не должен быть приговорён к постоянному аду», - резюмировал французскую позицию А.Дюамель³⁰³. Надо заметить, что здесь сказывается не только постоянное декларируемое Францией стремление к миру и справедливости в международных отношениях, но и серьёзные экономические интересы страны в регионе. Франция нуждается в иранской нефти и имеет выгодные экономические связи с нефтеносным Ираком. До последней войны она занимала третье место по поставкам в Ирак в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» Французские нефтяные

³⁰² Juppé A. Quel horizon...P.255.

³⁰³ La Libération, 12 avril 1996.

компаниям получили от Саддама Хусейна разрешение на эксплуатацию нефтяных месторождений Нахр-Умар на юге Ирака и Маджнун, которое считают крупнейшим в стране. В 1998 г. была создана франко-иракская буровая компания Аш-Шарк-Аль-Афсат. Кроме того, региональный рынок оружия важен для военной промышленности, телекоммуникационных и автомобильных компаний Франции. В 1980-х годах французская компания Алькатель установила в Ираке телефонное оборудование и потому надеялась получить контракт на восстановление нарушенных коммуникаций. Автоконцерн «Пежо» в первой половине 2001 года поставил в Ирак 500 автомобилей³⁰⁴. Все эти выгодные контракты были поставлены под угрозу не только в случае начала антииракской военной операции, но и в случае ужесточения экономических санкций против Багдада.

В экономической области французские интересы сталкиваются с политикой США. В ответ на заключение контракта с иранской государственной нефтяной компанией на разработку месторождения Саут Парс Филд американцы пригрозили санкциями главному участнику проекта – французской компании «Тоталь» за нарушение закона д'Амато, принятого Конгрессом США в 1996 г.³⁰⁵. Поскольку 40% в этом предприятии принадлежали Газпрому, то в ответ на претензии американцев российский и французский премьеры Черномырдин и Жоспен заявили, что американские законы действуют только в США. Что касается Франции, то она была согласна подчиниться лишь соответствующему решению СБ ООН³⁰⁶. Франция, как и Россия были в числе стран, добивающихся снятия эмбарго на нефтяную торговлю Ирака, наложенного в связи с агрессией последнего против Кувейта, 6 августа 1990 г. Речь шла

³⁰⁴ Известия, 23 января 2003 г.

³⁰⁵ Закон предусматривает репрессии против фирм, инвестирующих в газовые и нефтяные месторождения Ирана и Ливии, которые рассматриваются США как две основные страны, финансирующие международный терроризм. Le Monde, 29 septembre 1997.

³⁰⁶ Известия, 1 октября 1997.

о контрактах «нефть в обмен на продовольствие», ставших возможными благодаря соглашению ООН с Ираком о шестимесячном разрешении на продажу нефти для оплаты гуманитарных поставок. Франция, также как и Россия, сразу же начали активные переговоры с Ираком.

Позже Франция стала единственной страной ЕС, осудившей американские бомбардировки Ирака в феврале 1998 г. В СБ ООН Франция вместе с Россией и Китаем выступила против бомбардировок, тем самым лишив Клинтона поддержки международного сообщества. Франция мотивировала свою резкую позицию тем, что, будучи военной операцией, американская акция была лишь актом устрашения, жертвой которого стало мирное население. Кроме того, Францию не устраивало, что Клинтон присвоил себе роль единоличного вершителя правосудия от лица международного сообщества. Во время американских ракетных бомбардировок Ирака (с участием Великобритании) в декабре 1998 г. Франция также поспешила дистанцироваться от акции США, проведённой без согласования с союзниками. Французская дипломатия видит в подобных акциях стремление доказать всеисие и вездесущность США, которым Франция не упускает случая напомнить, что они существуют в многополярном мире и не обладают монополией принятия решений от лица мирового сообщества³⁰⁷. Официально Париж выразил «сожаление» по поводу акции США, однако следует упомянуть о ночном звонке Ширака Ельцину, с тем, чтобы поставить российского президента в известность о начинающейся акции ещё до удара³⁰⁸.

Было бы упрощением сводить французскую позицию лишь к голлистскому антиамериканизму и мотивировать её экономическими

³⁰⁷ См. по этому поводу статью американского профессора М.Ледена (Ledeen) in: *Courrier International*, N370, 4-10 decembre 1997; *Le Figaro*, 24 fevrier 1998.

³⁰⁸ *Le Monde*, 17-18 decembre 1998. В те дни во Франции вспоминали, что первые шаги Ирака в разработке собственных ракет были сделаны с помощью Франции. В 1975 г. после встречи с Хусейном президент В.Жискар д'Эстен с крыльца Елисейского дворца заявил, что отныне, благодаря сотрудничеству с Францией, Ирак станет первой арабской страной, располагающей ядерным потенциалом.

интересами Франции, как это делал официальный Вашингтон. Если вернуться к истории подобных франко-американских конфликтов, например, в связи с бомбовыми ударами авиации США по Ливии в середине 80-х гг., то становится понятным, что Франция не желала поступаться своими экономическими и политическими интересами в регионе, когда речь шла о том, чтобы солидаризироваться с решительными, но бессмысленными в перспективе жестами США. Франция не испытывает симпатий к режиму Саддама Хусейна, но ратует за поддержание стабильности в зоне своих экономических интересов, выступая против дестабилизирующих акций США. В то же время, французы всегда были на стороне США, когда речь шла о серьёзных внешнеполитических шагах. В ходе подготовки войны в Персидском заливе Миттеран пытался вести переговоры с Саддамом Хусейном, однако он заверил США, что в случае неудачи дипломатических методов Франция выступит вместе с американцами. В то же время, Франция была разочарована, когда те не довели войну до ликвидации режима Хусейна.

В декабре 1999 г., когда в СБ ООН обсуждалась очередная резолюция о санкциях против Ирака (в случае недопущения инспекторов ООН на ядерные и химические объекты), Франция вначале возражала против жёсткого проекта резолюции, предложенного англичанами и голландцами, но затем сблизилась с союзниками. В ответ главный иракский официоз заявил, что отныне французы поставили себя в один ряд с "«англо-американскими агрессорами»"³⁰⁹. Между тем, на протяжении последующих двух лет, а особенно после 11 сентября 2001 года, после которого обнаружился курс США на односторонние силовые действия, противостояние по иракской проблеме добавилось к общей франко-американской напряжённости. Летом и осенью 2002 г. Франция осудила ультимативные заявления США, угрожающие Ираку бомбардировками. На

³⁰⁹ Le Monde, 4 décembre 1999.

саммите стран Азии и Европы в Копенгагене (24-25 сентября 2002 г.) Ж.Ширак заявил: «Я совершенно неуверен, что атака на Ирак неизбежна». Для военных операций против Ирака необходимо решение мирового сообщества. Багдад должен без всяких условий позволить инспекторам ООН продолжить исследование его вооружений. Причём, этот вопрос должен быть решен в течение 2-3 недель. Если Ирак вновь будет чинить препятствия инспекторам ООН, нужно будет принять ещё одну резолюцию СБ и тогда уже проводить военную операцию. Французский президент призвал США «проявить мудрость», поскольку односторонние военные действия «грозят поставить под вопрос солидарность внутри международной антитеррористической коалиции». В то же время, он назвал Саддама Хусейна «крайне опасной личностью, и, прежде всего, для иракского общества, которое по его вине живёт в крайне тяжёлой гуманитарной ситуации». По мнению Ж.Ширака, «цель международного сообщества состоит не в том, чтобы свергнуть его режим, а чтобы лишить его оружия массового уничтожения»³¹⁰.

В этот момент Франция обрела поддержку своей позиции у канцлера ФРГ. На неформальной встрече Ж.Ширака и Г.Шрёдера в Париже (16 октября 2002 г.) главной темой была ситуация вокруг Ирака. Обе стороны согласились в том, что СБ ООН, «и только ему одному, принадлежит право определять условия и порядок инспекций по разоружению в Ираке». Позиция Шрёдера была более пацифистской, поскольку он заявил, что Германия считает любую военную акцию против Ирака, даже с разрешения ООН, неприемлемой³¹¹. Вслед за этой встречей состоялась поездка Ж.Ширака по странам Ближнего Востока, и иракский кризис находился в центре его переговоров с лидерами арабских стран. В Александрии на

³¹⁰ Пресс-конференция президента Французской республики Ж.Ширака 26 сентября 2002 г. // www.kommersant.ru/leaders

³¹¹ Le Monde, 15 octobre 2002.

совместной пресс-конференции с президентом Египта Хосни Мубараком Ж.Ширак заявил: «Этот регион не нуждается ещё в одной войне, особенно если её можно избежать», что необходимо сделать «во имя морали и того представления о мировом порядке, при котором каждый достоин уважения своих прав». Во имя этого, - предупредил Ж.Ширак, - Франция воспользуется своими правами постоянного члена СБ ООН³¹². Выступление президента пробудило симпатии арабов к Франции: на следующий день после александрийского заявления ему устроили овацию в ливанском парламенте.

Решительная позиция Франции в данном случае не объясняется только поисками популярности на арабском востоке или заинтересованностью в иракском рынке. Односторонние действия США в иракском кризисе ставят под вопрос французский глобальный проект, опирающийся на идею многополюсного мира, многостороннего обсуждения международных проблем и разрешения кризисов путём переговоров в рамках международных организаций, среди которых на первом месте стоит ООН. Президент и правительство поддержаны в этом общественным мнением страны. Согласно опросам, 80% французов выступали в январе 2003 г. против военной операции в Ираке³¹³. В феврале 100 тысяч человек вышли на антивоенную демонстрацию только в Париже³¹⁴.

Вплоть до истечения срока американского ультиматума Багдаду Франция выступала за продление полномочий ооновских инспекций, занимавшихся поисками оружия массового поражения в Ираке. Невзирая на результаты инспекций, Франция настаивала на мирных путях

³¹² Le Monde, 18 octobre 2002.

³¹³ Известия, 20 января 2003.

³¹⁴ Le Monde, 15-16 février 2003.

разоружения Ирака под эгидой ООН³¹⁵. Франция не выступала в поддержку Саддама Хусейна, но отстаивала ряд принципов:

- во-первых, международное вмешательство в дела суверенных государств должно осуществляться только под эгидой ООН;
- во-вторых, ООН может прибегнуть к применению силы только в случае угрозы миру;
- в-третьих, французская дипломатия не соглашалась с американской доктриной превентивной войны, дабы не допустить в мире порядков, которые во Франции называют «законом джунглей»³¹⁶.

Если Франции, несмотря на единство с ФРГ и Бельгией, не удалось отстоять свой проект внутри ЕС, она располагала поддержкой России и Китая, что сделало невозможным принятие СБ ООН американского проекта резолюции и заставило США действовать в одностороннем порядке, взяв на себя ответственность за операцию против Ирака. Во многом благодаря противодействию Франции США не добились широкого участия Турции в антииракской операции. Париж отказался от автоматической помощи Анкаре в рамках Североатлантического договора в случае ракетной атаки против турецкой территории со стороны Ирака. В результате Турция не предоставила свою территорию в распоряжение Пентагона.

Хотя Франция и осуждала военный путь разрешения кризиса, устами своего президента она приветствовала падение «диктаторского режима Саддама Хусейна»³¹⁷. Вслед за тем, уже 24 апреля французский представитель в ООН Ж.-М. де ля Саблиер предложил немедленно приостановить действие международных санкций против Багдада. Тем самым, Франция пошла навстречу администрации США, заявившей о

³¹⁵ Выступление министра иностранных дел Франции Д. де Вильпена на специальном заседании СБ ООН.

³¹⁶ Le Monde, 13 novembre 2002.

³¹⁷ Le Monde, 10 avril 2003.

необходимости совместных усилий по восстановлению Ирака. В Париже считали, что восстановление экономической активности и внешней торговли сможет снизить страдания гражданского населения и способствовать процессу политической нормализации в стране. Франция согласилась с тем, что санкции должны быть приостановлены немедленно, до завершения работ инспекций по поискам оружия массового поражения. Однако, в противовес США, Франция настаивала, чтобы в Ираке работали инспекции ООН, а не американские специалисты и на том, что санкции должны быть пока лишь приостановлены. О полном снятии санкций, по её мнению, можно было говорить только после прихода к власти в Ираке нового законного правительства. При этом министр иностранных дел Д. де Вильпен заявил, что французское правительство придерживается прежней позиции: военная операция в Ираке не была санкционирована международным сообществом³¹⁸, что ставило под вопрос легитимность действий США в Ираке. Позиция Франции была направлена против того, чтобы узаконить односторонние силовые действия в отношении суверенного государства, против политической глобализации по-американски.

г. Франция в Африке: проблема сохранения влияния

Одной из опор независимой глобалистской политики Франции традиционно считалась Африка, где она претендовала на роль гаранта стабильности и где она сохраняла после деколонизации сильные военно-политические позиции³¹⁹. Эта политическая традиция усиливала образ

³¹⁸ Le Monde, 23 avril 2003.

³¹⁹ Согласно договорам, заключённым Францией с её бывшими африканскими колониями в начале 60-х гг., 14 африканских стран остались в зоне франка (с 1946 г.). Кроме того, Франция имеет право военного вмешательства для сохранения или восстановления внутривнутриполитической стабильности и обеспечения безопасности европейского населения, а также располагает воинскими контингентами на территории ряда стран: Джибути, Сенегал, Центральноафриканская республика, Чад, Берег Слоновой Кости, Габон, Камерун.

Франции – мировой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН. В начале своего первого президентства Ф.Миттеран заявлял, что Франция будет проявлять особое сочувствие к проблемам Третьего мира³²⁰. В первую очередь это касалось франкофонной³²¹ Чёрной Африки, которую он стремился направить по пути экономической самостоятельности и преодоления политической индемии: коррумпированности элит, кумовства, этнитизации вооружённых сил, непомерных и непроизводительных правительственных расходов.

В конце 80-х годов, когда биполярный мир уходит в прошлое, Африка теряет значение в соревновании двух систем, и в годы своего второго президентства Миттеран уделяет африканскому направлению внешней политики гораздо меньше внимания, чем в 80-е. годы. Однако основные слагаемые и основные проблемы африканской политики Франции инерционно сохранялись и в первой половине 90-х.

Первая из этих составляющих – экономическая помощь, имеющая целью преодоление отсталости бывших африканских колоний в рамках Франко-африканского Сообщества (СФА-фр.)³²². С ней связана проблема задолженности, которая крайне обострилась в середине 80-х гг.: между 1986 и 1993 гг. задолженность стран региона возросла более чем на 20 млрд. франков³²³. В 1989 г. Миттеран выступил с инициативой списания долгов наиболее слаборазвитых стран³²⁴. В 1990 г. их займы были преобразованы в безвозмездные субсидии. Премьер-министр П.Береговуа в

³²⁰ L'Etat de la France 95-96. P.591.

³²¹ Франкофония – страны французского языка – так называются территории, население которых использует французский язык. Впервые термин употреблён французским географом О.Реклю в 1880 г. С 60-х годов XX в. используется для обозначения распространения французского языка в мире. Во Франции существует государственный механизм, осуществляющий политику распространения французского языка: отдел по делам франкофонии при Министерстве иностранных дел (1984), два консультативных органа на уровне премьер-министра и президента Республики, исполнительный орган – Déléation générale à la langue française (с 1989), а также при министре иностранных дел – полномочный министр по делам франкофонии (с 1988). См.: Франция. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Л.Г.Ведениной. – М.: «Интердиалект +» ИЧП «АМТ», 1997. – С. 449-450.

³²² CFA – Communauté Franco-Africaine.

³²³ PE, 1995, N4. P. 911.

³²⁴ PMA – pays les moins avancés.

Либревилле выступил с инициативой превращения долгов в инвестиции, что тогда не вызвало большого энтузиазма ни у развитых стран, ни у экономических элит Франции.

Несмотря на великодушные призывы к усилению экономического содействия слаборазвитым странам, французская помощь при Миттеране так и не достигла уровня 0,7% СНП, предусмотренного к концу первого септената. В то время как, согласно рекомендациям ООН, эта помощь должна составлять 1% СНП развитых стран (эти рекомендации выполняют страны Северной Европы и Нидерланды), Франция, хотя и превосходит по уровню помощи другие страны Семёрки, лишь в 1995 г. смогла достичь отметки в 0,65%, да и то благодаря включению в эту статью расхода³²⁵ кредитов, предоставленных заморским территориям (ТОМ).

Что касается обновления самой концепции помощи, которая давно уже обнаружила свою слабую эффективность в деле преодоления экономической отсталости, то этому обновлению неизменно противились все президенты Пятой республики, от де Голля до Миттерана. О позиции последнего свидетельствует смещение министра экономического сотрудничества, социалиста Ж.-П.Кота (в 1983 г.), стремившегося «деколонизовать» франко-африканские отношения, а также невнимание правительства к докладам С.Эсселя (февраль 1990 г.) и А.Вивьена (июнь 1990 г.), которые рекомендовали пересмотреть стратегию содействия развитию, упорядочив её и покончив с особым отношением к африканским странам³²⁶.

После смены правящего большинства, с 1993 года, политика содействия экономическому развитию была отмечена большим прагматизмом. Вследствие роста задолженности африканских государств

³²⁵ Она называется APD – aide publique au developpement.

³²⁶ Vivien A. La Rénovation de la coopération (rapport au Premier ministre). La Documentation française . - Paris, 2-e trim. 1991; Labertit G. France/Pays du Sud. Inflexions dans la politique de coopération. //L'Etat de la France 95-96. P.596-597.

зоны франка, Франция должна была выделять всё большую часть помощи развитию для стабилизации бюджета наиболее задолжавших стран, в первую очередь, Берега Слоновой Кости, в ущерб сбалансированному развитию других стран-получателей. Поэтому 12 января 1994 г. Э.Балладюр принял решение о 50% девальвации франка Франко-африканского Сообщества (F CFA), усугубив тем самым проблему задолженности стран, входящих в зону франка. Валютно-финансовый крах стран зоны франка, тесно связанный с французской политикой 1982-83 годов, направленной на поддержание сильного франка, был также следствием оттока капиталов из Африки из-за финансовой и политической нестабильности и экономического спада 80-х годов. В результате девальвированный франк зоны франка потерял половину своей стоимости и стал вдвое дешевле французского франка. Эта реформа привела к серьёзному кризису доверия африканских государств к Франции. Их правительства не могли больше рассчитывать, на безусловную и эффективную помощь, экономическую и военную, со стороны Франции, к чему они привыкли с начала 60-х годов. Одновременно наиболее европеизированная и прозападно настроенная часть населения была травмирована девальвацией, которая привела к резкому снижению уровня жизни, а также ужесточением с 1993 г. визового режима³²⁷. Решение о девальвации франка (CFA) выявило финансовое бессилие Франции в обеспечении своих политических амбиций и нанесло ущерб её положению мировой державы.

На генеральной ассамблее МВФ в Мадриде в октябре 1995 г. Франция согласилась подчинить государственную помощь странам Африки требованиям Фонда и органов международной валютной системы (МВС) Бреттон-Вудс. Отныне африканские партнёры Франции не могли рассчитывать на одностороннюю помощь Франции без согласия МВФ. По

³²⁷ РЕ, 2002, №4 . Р. 1042.

сути, это нанесло тяжёлый удар по франко-африканскому партнёрству, которое в течение всей холодной войны делало франкоговорящую Африку «заповедной зоной» Франции. Э.Балладюр ещё в сентябре 1993 г. выступил за «нормализацию», т.е. банализацию прежде привилегированных отношений Франции с её бывшими колониями – связей по преимуществу неформальных, порой личных, основанных на французском превосходстве и часто на взаимных услугах. По словам одного французского дипломата, должно прийти время, когда «Франция будет относиться к Того так же, как к Австрии»³²⁸. По сути, эта доктрина, окрещённая «доктриной Балладюра», была логическим выводом из провала политики структурной перестройки африканской экономики, начатой ещё при В.Жискар д'Эстене и продолженной Ф.Миттераном – политики, не подкреплённой реальной экономической стратегией и по сути вылившейся лишь в займы, которые никогда не будут возвращены.

Наряду с экономической помощью, французская политика в Африке предусматривала также военное содействие. Французская протекция африканским режимам (практически безотносительно к степени их демократизма и социально-политической ориентации), гарантировалась присутствием французской армии, располагавшей в Африке 9000 контингентом к началу 1995 г.³²⁹. Французские военные должны содействовать политической стабильности и обеспечивать безопасность европейского населения бывших французских колоний. В продолжение этой традиции 200 французов высадились на Коморах в 1989 г. после убийства президента этой страны Абдаллаха. В 1990 г. усилилось французское присутствие в Габоне, где началось антиправительственное восстание. В 1991 г. 450 парашютистов обеспечивали эвакуацию выходцев из Франции в Заире, охваченном беспорядками, а в Джибути в том же году

³²⁸ L'Etat de la France 95-96 . P.599.

³²⁹ Observatoire permanent de la coopération française. Rapports 1995 . - P. : Desclee de Brower, 1995. P.122.

французы развернули свои силы после восстания афаров. Франция направила в 1992-94 гг. 2500 человек в Сомали в рамках ооновской операции “Restore Hope”. В 1990-93 гг. 300 французских парашютистов отправлены в Руанду после восстания, организованного ФПР (Патриотическим Фронтом Руанды)³³⁰. Однако, события в Руанде оказались своеобразным рубежом между традиционной политикой французского военного вмешательства в Африке и новой практикой взаимодействия Франции с международными силами в операциях по поддержанию и восстановлению стабильности.

Франция отказалась от самостоятельных действий в пользу международных сил: 9 апреля 1994 г. французские парашютисты успешно выполнили свою задачу по эвакуации европейцев из Кигали (Руанда), где 3 дня длились межэтнические столкновения. Затем они были отозваны, чтобы уступить место голубым каскам ООН, которые оставались в бездействии. Некоторые наблюдатели считали, что если бы французы остались, то они могли бы остановить геноцид в самом начале конфликта. Когда же 2 месяца спустя французские солдаты вернулись в Руанду, насилие достигло такого размаха, что они смогли спасти лишь несколько тысяч беженцев³³¹.

Бессилие Франции обнаружилось также в алжирском вопросе. С октября 1988 г. Алжир был охвачен волной насилия в результате столкновений армии и полиции с вооружёнными группами исламистов. В январе 1992 г. алжирские военные, с благословения Франции, захватили власть, чтобы помешать установлению правления фундаменталистов - Исламского фронта спасения (FIS – Front islamique du salut), одержавшего победу на демократических выборах. Ф.Миттеран выступил в роли защитника демократии и прав человека от исламского экстремизма. В

³³⁰ Le Monde, 24 mai 1996.

³³¹ См., например: Girard R. Les fantasmes du multilatéral // Le Figaro. – 1996. - 15 avril.

феврале 1995 г., в условиях нарастания насилия и терроризма в Алжире, Ф.Миттеран предложил созвать там конференцию по национальному примирению под эгидой ЕС, но эта инициатива ничего не изменила, поскольку не была поддержана алжирцами³³². Правительство Балладюра также заявило, что с ним не проконсультировались в данном вопросе, чтобы списать издержки очередного дипломатического поражения на уходящего президента. Таким образом, и в «заповедной зоне» своего влияния Франция к концу «эры Миттерана» утрачивала былое величие.

* * *

«Идея, что Франция может устраниваться от участия в делах африканского континента, была бы не только капитуляцией, но и химерой», - заявил А.Жюппе, вступая в должность премьер-министра в 1995 г., несмотря на то, и именно потому, что африканская политика Франции вызывала больше разочарования, нежели удовлетворения в её правящих кругах. Неэффективность французского миротворческого вмешательства во внутриафриканские конфликты и её экономической помощи развитию африканских стран были главными мотивами критики этого направления политики Ф.Миттерана. Новый президент устами своего премьер-министра огласил принципы «нового франко-африканского партнёрства»:

1. Поддержание мира — это, прежде всего, дело самих африканцев. Центральная задача действий французской дипломатии — предупреждение конфликтов, и относительно выработки механизмов такого предупреждения были выдвинуты франко-британские предложения Организации африканского единства. Франция предложила сделать всё возможное, чтобы помочь африканским государствам в проведении

³³² См. подробнее: Ammar Belhimer Abdou B. La France et la crise algérienne // L'Etat de la France 95-96 . P. 601-604.

собственных операций по поддержанию мира при помощи мирового сообщества.

2. Франция будет сотрудничать с Африкой такой, какая она есть, но она всегда будет отдавать предпочтение государствам, сделавшим выбор в пользу демократии и прав человека .

3. Что касается экономической помощи, то Жюппе предложил осторожную и малообязывающую формулировку: « опираясь на свой опыт, Франция должна внести вклад в обновление концепции экономического развития Африки». Новым является заявление Жюппе об отказе от бытовавшего прежде деления на франкофонную и англофонную зоны, поскольку французская экономическая политика должна была соответствовать новым реалиям. Необходимо мобилизовать помощь международного сообщества нескольким крупным регионам, способным стать полюсами экономического роста: это густонаселённая и «предприимчивая» Нигерия, окружённая франкофонией, и Южная Африка, чей ВВП составляет треть национального дохода всей Африки и которая имеет все возможности стать главной силой континента. Прежние преференции сложились на основе политических итогов деколонизации, и их необходимо пересмотреть. В том же духе позже высказался Ж.Ширак, говоря о «приспособлении африканской политики Франции к новым реалиям»³³³.

4. Наиболее отсталые страны мира не должны быть оставлены на произвол судьбы: Франция намеревалась играть решающую роль в мобилизации помощи ЕС и институтов системы Бреттон-Вудс беднейшим странам Африки. Она стремилась обеспечить их постепенное вступление в новую Всемирную торговую организацию и в ней служить посредником в переговорах этих стран с индустриальными державами³³⁴.

³³³ Le Figaro, 28 août 1997.

³³⁴ Juppé A. Quel horizon... P.257.

Африканская политика Франции осуществляется по трём основным направлениям. Это: « солидарность», которая выражается в содействии экономическому развитию, франкофония (включающая, однако, не только Африку) и военное содействие безопасности и стабильности.

Показательно, что для французских руководителей Африка является вторым после Европы регионом по насыщенности дипломатическими контактами. Во время своего первого президентского визита в страны франкофонной Африки (июль 1995 г.) Ж.Ширак постарался встретиться со всеми государственными лидерами, которые специально приехали в страны, где гостил французский президент (после Марокко – Берег Слоновой Кости, Габон, Сенегал). Только лидер Мали Альфа Омар Конаре не откликнулся на эту просьбу, демонстративно обидевшись на то, что Ширак лично не пригласил его на встречу в Сенегал, доверив переговоры сенегальскому правительству.

Во время визита Ж.Ширак заверил африканских лидеров, что Франция «не уступит афропессимизму»³³⁵. Он предложил трансформировать долги африканских стран в инвестиции. В сентябре 1995 г. соответствующее решение было принято в отношении четырёх стран «со средними доходами» (Камеруна, Того, Берега Слоновой Кости, Габона), которым Париж предложил инвестировать деньги в проекты развития в обмен на эквивалентное списание их внешнего долга³³⁶.

На Брюссельской конференции ЕС по возобновлению Ломейской конвенции в ноябре 1996 г. Франция выступила против Великобритании, которая добивалась уменьшения европейской экономической помощи, и Германии, желавшей удержать её на прежнем уровне, в то время как число членов ЕС выросло с 12 до 15.

³³⁵ Le Monde, 20 juillet 1995.

³³⁶ В январе 1994 г. Францией вторично были аннулированы по предложению Миттерана долги беднейших стран.

Что касается контактов с нефранкофонной Африкой, в частности с ЮАР, то в июле 1995 г. Париж посетил её президент Нельсон Мандела. Переговоры с ним касались главным образом инвестиций в южноафриканскую экономику и просьбы ЮАР о присоединении к Ломейским соглашениям³³⁷, которая была заблокирована Францией. Н.Мандела с сожалением констатировал, что разногласия с Францией сохраняются, поскольку она препятствует допуску южноафриканской сельскохозяйственной продукции на европейский рынок³³⁸. Таким образом, на деле Франция сохраняет предпочтение в отношении франкофонной зоны.

В то же время, к середине 90-х годов можно было говорить о стремлении Парижа внести изменения в условия экономической помощи Франции африканским странам. После провозглашения «доктрины Балладюра» (сентябрь 1993 г.) ни один африканский партнёр Франции не мог рассчитывать на помощь Парижа без согласия Всемирного банка и МВФ. Это решение стало противовесом непродуманной и неразборчивой политики финансовой помощи Франции африканским государствам. Она была нацелена на структурную перестройку африканской экономики, но, в отсутствие единой связной доктрины экономического развития Африки, эта помощь сводилась, по сути, к разбазариванию средств, и потому была малоэффективной³³⁹. Кроме того, и это постоянно ставили в упрёк Франции США и Канада, помощь предоставлялась диктаторским режимам и способствовала укреплению антидемократических порядков, шла на закупки вооружения и содержание военного и полицейского аппарата. Контроль МВФ должен был способствовать большей эффективности помощи развитию и направить её на развитие демократии и установление безопасности в Африке.

³³⁷ Соглашения ЕЭС (ЕС) со странами АСР (фр. – Африки, Карибского бассейна и Тихого океана).

³³⁸ Le Monde, 13 juillet 1995.

³³⁹ L'Etat de la France 95-96. – P.: La Découverte, 1996. P.599.

В экономическом плане, несмотря на то, что Франция оставалась первым торговым партнёром Африки, обгоняя Германию и США, (с активным сальдо порядка 20 млрд. французских франков), Африка постепенно перестала быть «заповедной зоной» французского влияния. Этому способствовала и экспансия других государств, и изменение настроений во французском политическом классе. На Ж.Ширака большое впечатление произвёл распространённый в мае 1995 г. доклад африканиста Ж.Фокара, о неутешительных социально-экономических перспективах франкофонной Африки, после чего президент заявил, что пора отвернуться от коррумпированных и деспотических правительств африканских стран³⁴⁰. Ряд политиков правого лагеря, в частности Э.Балладюр, выступил за «банализацию» франко-африканских отношений. В свою очередь, африканские страны возлагали всё больше надежд на действенную помощь кредитами от США, а потому африканская элита всё охотнее стала посылать своих сыновей в американские университеты, и этот процесс не могли переломить инициативы Парижа в области франкофонии.

Согласно опросам общественного мнения, французы всё меньше расположены помогать Третьему миру³⁴¹. Из соображений бюджетной экономии Франция урезала в ноябре 1995 г. свои добровольные взносы в гуманитарные агентства ООН на 60%, тем самым уменьшив кредиты на борьбу со СПИДом. Французская помощь на нужды развития сократилась до 0,5% СНП в 1995 г. и продолжала неуклонно падать до 2000 г., опустившись до 0,32 ВВП³⁴² (напомним, что социалисты в 80-х годах намеревались довести её вес в бюджете до 1% СНП). Важным качественным изменением стало изменение структуры помощи. Собственно французская помощь развитию сократилась с 1995 по 2000 гг.

³⁴⁰ Доклад был подготовлен по заданию Центра Анализа и Прогнозов МИД Франции (CAP).

³⁴¹ По данным опроса, проведённого в январе 1995 г. Католическим комитетом против голода и за развитие (CCFD): RI et S, N25, printemps 1997.

³⁴² Assemblée Nationale, N 256. Rapport fait au nom, de la Commission des finances sur le Projet de loi de finances pour 2003 (N 230), par M. G. Carrez, député. Le 13 novembre 2002. P. 12.

на 25,8%, в то время как многосторонняя помощь стран ЕС выросла вдвое³⁴³.

В 1995 г. министр иностранных дел Франции Э.де Шаретт даже заявил о планах ликвидации к 1997 г. министерства содействия развитию (de coopération), однако его заявление было дезавуировано Шираком на саммите франкофонной Африки в Котону (декабрь 1995). Он заверил, что пока будет президентом, независимое министерство содействия развитию будет сохранено³⁴⁴. Однако в 1999 г. правительство Л.Жоспена передало функции этого министерства МИД и министерству экономики, в задачи которых входили управление и контроль за расходованием средств. На Межминистерский комитет международного сотрудничества и развития (CICID) была возложена разработка программ помощи развитию.

Вопреки программным заявлениям Жюппе, французский президент подтвердил, что он отдаёт предпочтение франкофонной Африке. Несмотря на некоторые изменения, суть взаимоотношений с бывшей Французской Африкой осталась прежней: до 1996 г. Франция оставалась главным агентом экономической помощи и единственной страной Запада, осуществляющей в Африке полицейские функции, особенно после неудачной попытки американского вмешательства в Сомали³⁴⁵.

* * *

Содействие безопасности и стабильности в Африке имеет две стороны: первая связана с поисками путей снижения военных рисков на континенте и реализуется в инициативах принципиального характера. Франция поддерживает процессы демократизации и создания правового государства, предлагает странам, связанным с ней договорами о военном

³⁴³ Ibidem. P. 14-15.

³⁴⁴ Его возглавлял в правительстве Жюппе министр-делегат, подчинённый МИД. Эту должность исполнял Ж.Годфрен. Ibid. P.121.

³⁴⁵ О французских военных базах в Африке см.: РЕ, 1995, №4. P.907.

сотрудничестве, вдвое сократить численность их вооружённых сил, продвигает договор о превращении Африки в безъядерную зону³⁴⁶. Вторая сторона связана с практикой французского военного вмешательства и с вопросом военного присутствия страны на континенте.

Вопрос об эффективности военного вмешательства Франции для восстановления мира и стабильности с начала 90-х гг. вызывает споры во Франции. Противники вмешательства считают его дорогостоящим, неэффективным и способствующим укреплению антидемократических режимов³⁴⁷. Заявление Жюппе о необходимости передать миротворческие операции в руки самих африканцев было реакцией на подобные обвинения. Однако Франции трудно было воздержаться от вовлечения в африканские политические и межэтнические конфликты.

В сентябре 1995 г. Франция осудила высадку на Коморах наёмников Боба Денара, взявшего в заложники президента Джохара и передавшего власть оппозиционеру Мохамеду Таки. А.Жюппе заявил, что военное вмешательство Франции исключается, но Париж направил на архипелаг 600 человек, и Боб Денар сдался французским военным. Правительство Национального единства на Коморах обязалось подготовить выборы президента, которым стал в марте 1996 г. всё тот же Таки, но уже демократическим путём, чему Франция придавала первостепенное значение. Новый президент выступил за военные соглашения между Францией и Коморами.

В начале 1996 г. в результате военного переворота в Нигере к власти пришёл полковник Майнасара Барре. Несмотря на то, что население и профсоюзы приняли переворот (он должен был положить конец раздиравшей страну смуте между президентом и премьер-министром), Париж приостановил сотрудничество с Нигером, что вынудило мятежного

³⁴⁶ Пелиндабский договор, открытый для подписания африканскими странами в Каире 11 апреля 1996 г.

³⁴⁷ Le Monde, 13 juillet 1995.

полковника объявить о выборах, после чего помощь стране была возобновлена.

В том же году Африку поразила серия восстаний военных в Гвинее, Конго и Центральноафриканской республике (ЦАР). Во Франции это называли «эпидемией хаки». Франция не вмешивалась ни в события в Гвинее, ни в Конго, где правительства договорились с восставшими, требующими выплаты жалования. В ЦАР в апреле 1996 г. французская армия участвовала в конфликте: французские силы, базирующиеся в стране, вошли в столицу, чтобы восстановить спокойствие, а президент, благодаря срочной французской помощи, выплатил восставшим жалование за три месяца. Однако в мае восстание снова возобновилось, и президент Потассе попросил о помощи Париж, который прислал подкрепления из Габона и Чада в столицу для обеспечения безопасности французов и иностранцев, часть которых эвакуировалась. Благодаря французским войскам спокойствие было временно восстановлено, причём, хотя французы действовали в пользу «президента, избранного демократически», в Париже знали о чудовищной коррупции и некомпетентности поддерживаемого Францией президента Потассе. Такое положение заставило министра сотрудничества Ж.Годфрена признать «двусмысленность» франко-африканских договоров о военной помощи и призвать к их неотложному пересмотру, тем более, что конфликт в ЦАР возобновился: в ноябре там начались новые военные мятежи, причём волнения приняли межэтнический характер: военные из народности йакома, из которой вышел прежний президент, враждовали с выходцами из байя, выступавшими на стороне Патассе. Новое вмешательство французской армии и франко-африканского саммита в Угадугу,

направившего в Бандуй миротворческую миссию лидеров нескольких государств, привели к временному умиротворению (8 декабря 1996 г.)³⁴⁸.

Не менее удручающими были результаты вмешательства Франции в районе африканских Великих озёр в конфликт между народностями хуту и тутси, затронувший Заир, Руанду и Бурунди. Франция поддерживала маршала Мобуту, считая, что только он способен обеспечить целостность Заира³⁴⁹. Но своей помощью жестокому режиму Франция дискредитировала собственные усилия по посылке интернациональной помощи руандийским беженцам - хуту, число которых достигло 1 млн. 200 тыс. человек. Французская инициатива была поддержана Испанией³⁵⁰, однако Руанда заявила о резко отрицательном отношении к идее международного военного вмешательства в зоне заирско-руандийской границы. Силы пришедшего к власти в Руанде Лорана-Дезире Кабилы отказались допустить представителей ООН для расследования положения в лагерях беженцев. Руандийский режим вызывал всё большую обеспокоенность нарушением прав человека и подозревался в жестоких расправах с беженцами. В августе 2001 г. в Руанду прибыл с официальным визитом Ю.Ведрин. Это был первый визит французского министра иностранных дел в эту страну за 20 лет. Целью Ю.Ведрина являлась нормализация отношений с Руандой после геноцида 1994 г.³⁵¹ Однако франко-руандийские отношения по-прежнему осложнены тем обстоятельством, что Руанда поддерживает мятежников в Конго и считает, что Франция слишком заинтересована в том, чтобы придать законность правлению президента Конго Жозефа Кабилы.

Пошатнулся авторитет Франции и в традиционном центре её влияния в Западной Африке – в Береге Слоновой Кости. Французские компании

³⁴⁸ Le Monde, 9-10 decembre 1996.

³⁴⁹ Le Monde, 24 mai 1996.

³⁵⁰ Le Monde, 4 novembre 1996.

³⁵¹ Le Monde, 14 aout 1999.

заинтересованы в обширных плантациях какао на юге Кот д'Ивуара, а порт Абиджан в Гвинейском заливе имеет большое стратегическое значение. В стране постоянно проживало около 20 тысяч французов и находился французский военный контингент (15000 человек). В конце декабря 1999 г. там вспыхнул мятеж военных во главе с генералом Робером Геом, пытавшимся свергнуть президента Анри Конана Бедье. Восставшие объявили себя борцами с коррупцией правившего режима. Вест о перевороте вызвала массовые беспорядки и грабежи в Абиджане. Франция сочла, что её гражданам угрожает опасность. В Абиджане был расквартирован 43-й батальон французских морских пехотинцев (550 чел.). Решено было усилить там французское военное присутствие: 300 бойцов Иностранного легиона были переброшены в соседний Сенегал с тем, чтобы в случае необходимости обеспечить эвакуацию французских граждан из аэропорта Абиджана³⁵². Главарь мятежников Гей выступил против усиления французского военного присутствия. Тогда Франции удалось стабилизировать обстановку и содействовать свободным выборам, но в начале 2002 г. вновь была совершена неудачная попытка свержения президента Л.Гбагбо, а осенью того же года бежавшие на север страны мятежники начали гражданскую войну, захватив север, запад и часть центральных районов страны. Франция создала заслон из своих войск, чтобы не допустить мятежников в южные районы и защитить плантации какао и французских поселенцев. Одновременно французская дипломатия выступила посредником в переговорах между противоборствующими сторонами, настояв на формировании коалиционного правительства с участием оппозиционеров, которым были предложены ключевые министерства обороны и внутренних дел. Такое политическое решение возмутило коренных жителей страны, тем более что среди повстанцев преобладают мусульмане с севера, выходцы из сопредельного Буркина-

³⁵² Le Monde, 27 decembre 1999.

Фасо, в то время как большинство коренных жителей Берега Слоновой Кости являются католиками. В Абиджане состоялись массовые демонстрации и нападения на французские учреждения. Министр иностранных дел Франции Д. де Вильпен порекомендовал французским гражданам на время покинуть страну. Участники массовых беспорядков в Абиджане, требуя ухода французов из страны, призывали на помощь США – лишнее напоминание о желательной для африканцев альтернативе французского влияния³⁵³.

Одним из направлений преодоления неблагоприятной ситуации в франко-африканском сотрудничестве стала попытка опереться на франкофонию, придав ей политическое измерение. На саммите франкофонии в Ханое в 1997 г. предполагалось учредить должность генерального секретаря сообщества. Однако попытки Франции провести на саммите франкофонии политические резолюции, превратив эту организацию в подобие ООН, натолкнулись на сопротивление других участников уже на саммите в Котоноу (Бенин) в декабре 1995 г.: резолюция по Алжиру (не являющемуся членом франкофонии) отклонена по просьбе стран Магриба, по Нигерии – по протесту соседних с ней стран, а резолюция по Руанде вызвала негодование руандийского премьера³⁵⁴.

Африканские страны франкофонии имеют серьёзные претензии к Франции, где ужесточение законов об иммигрантах приводит к третированию выходцев из этих государств. Жестокая операция французской полиции по выдворению незаконных иммигрантов из церкви Сен-Бернар в Париже (август 1996г.) вызвала охлаждение с Мали, откуда происходила большая часть жертв полиции. Интересно, что именно в район социального бедствия Кайес в Мали должен был направиться министр сотрудничества Годфрен, чтобы ознакомиться на месте с

³⁵³ Le Monde, 3 février 2003.

³⁵⁴ Wathier C. La politique africaine de J.Chirac // RI et S. – 1997. - N25. P.123.

проектами развития региона, которые могли бы помочь удержать дома малийских крестьян, рвущихся во Францию.

Несмотря на наличие серьёзных проблем, Франция по-прежнему дорожит франкофонией. Во Франции любят подчеркнуть, что она не определяет свои дипломатические приоритеты исключительно интересами господства. Для неё важны задачи распространения своего культурного влияния. В первую очередь это относится к франкофонии. Исторически мировое распространение французского языка имело две причины: культурное первенство Франции со времён Людовика XIV и обширная колониальная империя. Франкофония придавала дополнительный вес французской дипломатии, делала Францию центром притяжения для мировой элиты. Во второй половине XX века, благодаря экономико-политической мощи США, гораздо более притягательным стал английский, тем более что Франции не удаётся подкрепить свою культурную экспансию мощными экономическими программами инвестиций в странах франкофонии и в мире в целом. Недостаток экономических средств французская дипломатия старается компенсировать широтой гуманитарного подхода к культурным проблемам: «Франкофония не является инструментом господства, она не знает ни приказов, ни субординации. Государства, в неё входящие, /.../ чувствуют, что существует свобода слова, отказ от навязывания норм, постоянное стремление в каждом из них уважать народ с его культурой, с его собственным видением мира» -, заявил А.Жюппе³⁵⁵.

Следует признать, что франкофония для Франции является не только напоминанием о былом величии, но и обеспечивает ей поддержку в международных организациях, прежде всего в ООН. На Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1995 г. большинство франкофонных стран

³⁵⁵ Juppé A. Op. cit. P.254.

проголосовало против резолюции, осуждавшей ядерные испытания (речь в первую очередь шла о Франции и Китае).

* * *

Французы настаивают на том, что «сотрудничество Франции с Африкой никогда не определялось целями холодной войны, но национальными интересами: оно должно было помешать американцам и СССР укрепиться в зоне её влияния»³⁵⁶. Сегодня говорить о российских возможностях в Африке, сопоставимых с ролью Франции, уже не приходится, однако экспансионистские устремления США, по мнению французов, серьёзно вредят их африканским позициям. Французские правящие круги постоянно опасаются «англо-саксонского заговора» в Африке, и эта «мания» особенно сильна в голлистских кругах. Один исследователь даже назвал это «параноей, индемичной для некоторых кругов двух министерств: обороны и содействия развитию»³⁵⁷. Министр содействия развитию Ш.Жослен говорит об «очевидности второй молодости» в смысле американской активности в Африке³⁵⁸.

Считается, что в Руанде не обошлось без участия американцев (так же как в Чаде в 1983 г.): Патриотический фронт, пришедший там к власти, был вооружён Угандой – привилегированным союзником США в районе Больших озёр, и стремился не только ослабить дружественный Франции режим в Заире, но и франкофонию в пограничной между двумя мирами (франко и англофонном) зоне. Французские политики с подозрением относятся к тутси и за то, что их элита по преимуществу ориентирована на США, и за то, что им симпатизирует Вашингтон, поскольку усиление тутси могло бы помочь США в нейтрализации иранского влияния среди соседних суданских исламистов. 1996 год считается рубежным с точки зрения ослабления французских позиций в этой части Африки.

³⁵⁶ Marchal R. La France en quête d'une nouvelle politique africaine? // PE. – 1995. - N4. P. 904.

³⁵⁷ Marchal R. Op. cit. P. 905.

³⁵⁸ Le Figaro, 30 août 1997.

Англофонная военная элита благодаря поддержке Б.Клинтона превратила маленькую Руанду, которой правили тутси, в непримиримого противника обширного Заира - союзника Франции. Армия этого крупного и некогда сильного государства была не в состоянии даже поддерживать внутренний порядок. Режим маршала Мобуту был в 1997 г. свергнут, и Франция была не способна была повлиять на события, тем более что начавшееся политическое «сосуществование» президента-голлиста с правительством левых сил сковывало возможность быстрого реагирования на африканские события.

Уроки африканских кризисов заставили западные демократии выработать новую доктрину их разрешения. Не только Франция, но и США после неудачи вмешательства в Сомали больше не хотели посылать свои войска в Африку. По инициативе Франции был принят принцип обеспечения безопасности в Африке руками самих африканцев, что воплотилось в плане проведения межгосударственных манёвров RECAMP³⁵⁹ при трёхсторонней поддержке Франции, Великобритании и США³⁶⁰.

Всё больше говорится о мобилизации американских деловых кругов и дипломатии в бывшей Французской Африке³⁶¹. Если для Клинтона усиление связей с африканскими государствами было важно, прежде всего, с точки зрения укрепления его позиций среди афроамериканцев, то для Буша в связи с обострением ближневосточного и иракского кризисов приобрели особое значение потенциальные возможности Гвинейского залива для снабжения США нефтью и район южнее Сахары в качестве плацдарма борьбы против фундаменталистского наступления исламистов.

³⁵⁹ RECAMP – Renforcement des capacités africaines de maintien de la paix – Укрепление африканских сил поддержания мира.

³⁶⁰ Gouttebrune Fr. (pseudonyme) La France et l'Afrique : crépuscule d'une ambition stratégique // PE. – 2002. - №4. P.1033.

³⁶¹ Le Monde, 15 decembre 1996.

Французы не могут простить американцам «дела Окси» – американской фирмы, получившей в Конго важный контракт, в котором была заинтересована Франция, чьи нефтяные компании спасовали перед завышенными требованиями президента Лиссубы. Франция проиграла американцам борьбу вокруг выборов Генерального секретаря ООН. Она поддерживала переизбрание египтянина Б.Бутроса Гали (за него выступали арабские государства) и отводила кандидатуру англофона Кофи Аннана, поскольку он не владеет французским. Американцы рассчитывали на послушание К.Аннана, и не ошиблись: он поддержал практически все силовые акции США и на Ближнем Востоке, и в Югославии. Таким образом, связанное с Францией поколение африканской элиты тоже уходит в прошлое. Президент Буркина-Фасо Блез Компаоре заявил Ж.Шираку: «В Африке рады всем /.../. Африканцы сами возьмут свою судьбу в свои руки»³⁶². Новые полюсы африканского развития лежат не в сфере франкофонии. Министр содействия развитию Жослен вынужден был констатировать: «в странах франкофонной Африки наш образ померк, в некоторых – деградировал»³⁶³.

* * *

С 40-х годов XX века каждое новое французское правительство стоит перед необходимостью существенного изменения принципов африканской политики. Л.Жоспен в 1997 г. очертил задачи реализации новой концепции франко-африканских отношений:

- уменьшение на треть французского военного присутствия в регионе, закрытие части военных баз;
- пересмотр военных соглашений;
- проведение миротворческих операций интернациональными силами в опоре на ООН;

³⁶² Fontaine A. De la difficulté de boire dans son verre // RI et S. - Printemps 1997. - N25. P.47.

³⁶³ La Libération, 30 aout 1997.

- отказ от патернализма и неоколониализма;
- определение условий «нового партнёрства» с африканскими государствами (последнее положение не конкретизировано)³⁶⁴.

Франция не в состоянии в одиночку решать проблемы Африки. Она старается привлечь ЕС к активному евро-африканскому партнёрству. Приоритетом этой политики является целевая помощь экономическому развитию и становлению модели правового государства в Африке. Франция является первым донором Европейского фонда развития (FED). Правда, благодаря зонам своего влияния, она же получает больше других возвратных фондов³⁶⁵. Франция постоянно стремится выступить инициатором оказания международной помощи беднейшим странам: по предложению Ж.Ширака на встрече в Кёльне глав Восьмёрки (до приезда Ельцина) 18 июня 1999 г. Семёрка развитых стран приняла решение о списании долгов наиболее бедных стран³⁶⁶. Несмотря на снижение односторонней помощи Франции бедным странам, она всё же продолжает занимать первое место в Большой семёрке по доле этой помощи в ВВП (в 2000 г. она составляла 0,32 % ВВП, в то время как помощь США равнялась всего 0,1% ВВП – самый низкий процент среди семи наиболее развитых стран)³⁶⁷.

События 11 сентября 2001 г. стали поворотным моментом во французской риторике в отношении помощи Африке. Они выдвинули на первый план среди проблем безопасности Запада угрозу международного терроризма и потребовали от мирового сообщества повышенного внимания к политически нестабильным и нищим регионам Африки, которые, по выражению Ю.Ведрина, стали «капищами» для террористов. Среди них, прежде всего, Сомали и Демократическая республика Конго,

³⁶⁴ Le Journal Officiel. Debats parlementaires. 1997, N13. P.15.

³⁶⁵ PE, 1995, N4. P. 913.

³⁶⁶ Le Monde, 19 juin 1999.

³⁶⁷ Assemblée Nationale. Rapport fait au nom de la Commission des finances, de l'économie générale et du plan sur le projet de loi de finances pour 2003(N°230). Annexe N°3, 13 novembre 2002, N°256. P. 12-13.

лишённые центральной власти и обречённые на анархию. Ю.Ведрин призвал в контексте проблем безопасности отказаться от исключительно утилитарной точки зрения, отдающей мир и стабильность Африки в руки самих африканцев и имеющей целью локализовать и отгородить регионы анархии и нестабильности. Глава французского МИД заявил: «Абсолютно невозможно в глобализованном мире отгородиться от драм, происходящих в одном из уголков земного шара. Необходимо выработать подход, сочетающий различные элементы – интересы безопасности, развития, действия, соответствующие европейским идеалам, и попытаться, таким образом, начать процесс восстановления наций, то есть государств и дееспособного административного аппарата»³⁶⁸.

В Африке своим главным соперником Франция считает США. Она выдвигает собственную стратегию осуществления влияния на континенте, которая в глазах Парижа имеет то преимущество, что она нацелена на преодоление эндемичных проблем, создающих благоприятную среду для роста насилия, нестабильности и терроризма. Франция стремится не допустить вытеснения с Чёрного континента бывших империалистических держав, тем более что среди них она одна дорожила патерналистскими отношениями с прежними колониями. В марте 1999 г. Ю.Ведрин и его британский коллега Р.Кук вместе посетили Берег Слоновой Кости и Гану³⁶⁹, в апреле 2001 г. французский министр сотрудничества и франкофонии Ш.Жослен и британский министр международного развития К.Шорт совершили поездку в Сьерра Леоне, Гвинею и Либерию³⁷⁰. В январе 2002 г. Ю.Ведрин и глава британского МИД Дж.Строу предприняли совместное турне по Конго (Киншаса), Руанде, Уганде, Бурунди, чтобы возобновить процесс мирного урегулирования в районе

³⁶⁸ Entretien avec H. Védrine : Le « védrinisme » existe-il ? // PI. - Printemps 2002. - N 95. P. 19.

³⁶⁹ Le Monde, 11 mars 1999.

³⁷⁰ PI, printemps 2002, N 95. P.20.

Больших озёр³⁷¹. Эта серия совместных франко-британских визитов должна была создать предварительные условия для становления общеевропейской политики в отношении Африки. Франция считает, что в качестве первого шага необходимо найти согласие между тремя странами, имеющими настоящую африканскую политику: помимо Франции, это Великобритания и Бельгия, с которой, по словам Ю.Ведрина, Франции удалось достичь согласия в отношении к африканским проблемам³⁷².

Французская дипломатия в конце 90-х годов XX века вынуждена была принципиально изменить концепцию франко-африканских отношений. Период после 1998 года, когда было принято решение о глубокой реформе франко-африканского сотрудничества, призванной вывести это направление французской глобальной дипломатии из кризиса, был отмечен поворотом в пользу многосторонних действий стран ЕС в помощь стабильности и развитию. Залогом сохранения своего влияния в Африке Франция считает наращивание усилий ЕС на континенте.

В то же время, поскольку прагматизм начала и середины 90-х годов не только не дал результатов, но и усугубил проблемы экономической иммиграции из отсталых стран бывшей Французской Африки, Франция вернулась к принципу преимущественной помощи своим бывшим колониям, причём, самым бедным из них. Как заявил Ж.Ширак на всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2 сентября 2002 г., приоритетом этой политики является искоренение бедности³⁷³. В январе 1999 г. Межминистерский совет международного сотрудничества и развития (CICID) определил контуры Зоны приоритетной солидарности (ZSP), в которую включены страны, отобранные согласно двум критериям: их экономическому и финансовому положению и политическому

³⁷¹ Le Monde, 21-23 janvier 2002.

³⁷² Entretien avec H. Védérine. Ibidem. P. 18-19.

³⁷³ Assemblée Nationale. Projet de loi de finances pour 2003. Affaires étrangères. Coopération et développement. Première lecture. N°259. T.III. P. 5.

значению. Первый критерий указывает на страны с самыми низкими доходами и не имеющие доступа на рынок капиталов, второй – учитывает историческую солидарность Франции с франкофонными развивающимися странами. В Зону приоритетной солидарности входят 54 страны, из них 48 африканских³⁷⁴.

Изменилась и официальная риторика, сопровождающая политику Парижа, адресованную Африке. Притом, что она не совсем лишена ностальгических воспоминаний о традиционных связях Франции с регионом, она наполнена актуальным содержанием. Две её ключевых идеи – борьба с бедностью и гуманизация глобализации. Согласно официальной декларации, французская политика сотрудничества «призвана играть ведущую роль, подчёркивающую решимость Франции бороться за более управляемую и гармоничную глобализацию». Её девиз – «За солидарную глобализацию»³⁷⁵.

5. «Новая азиатская политика» Ж.Ширака

Поглощённая проблемой сохранения своих колоний, а затем – проблемой сохранения своего влияния в бывших колониях, Франция упустила перспективы освоения новых рынков, в первую очередь – азиатско-тихоокеанского, где возникли новые индустриальные страны.

В то же время, у Франции постоянно оставались там центры интересов: она не теряла из виду франкофонный Индокоитай; существование французской Полинезии и атомного полигона на атолле Мороруа диктует необходимость диалога с соседями по региону; наконец, особая линия Франции в отношении Китая ещё во времена де Голля была

³⁷⁴ Ibidem. P. 11.

³⁷⁵ Déclaration du Conseil Interministeriel de la Coopération Internationale et du développement, 14 février 2002 // www.france.diplomatie.fr/actual/declarations/bulletin.asp

проявлением внешнеполитической независимости и стремления к многополярному миру.

С приходом к власти Ж.Ширака – голлиста, к тому же человека, влюблённого в Восток, французская дипломатия вновь активизировалась в Азии³⁷⁶. В целом, её внимание к Юго-Восточной Азии и Дальнему Востоку вписывается в общее стремление стран ЕС к евро-азиатскому сотрудничеству: характерно, что в середине 90-х годов с подписанием франко-японского плана интенсификации двустороннего сотрудничества «20 пунктов для 2000 года» (20 actions pour l'An 2000) совпало подписание аналогичного англо-японского плана (декабрь 1995), и наряду с Форумом франко-японского диалога был создан Форум германо-японского диалога³⁷⁷. Каждый европейский лидер стремится убедить азиатских руководителей в центральном положении своей страны, иначе зачем было бы предпринимать параллельные акции в одном стратегическом направлении. Лишь в 1996 г. евро-азиатский диалог был институционализирован: в марте на саммите Азия-Европа в Бангкоке³⁷⁸ по инициативе Ж.Ширака было принято решение о проведении регулярных (раз в год) сессий экономического форума двух континентов. Речь шла о межправительственных контактах и о выработке постоянных механизмов экономического сотрудничества. Первая сессия была намечена на 1996 г. в Париже, вторая – на 1997 в Бангкоке.³⁷⁹

Ж.Ширак старается продемонстрировать активность в продвижении евро-азиатского экономического сотрудничества, чтобы компенсировать материальное отставание в этой области: в середине 90-х годов Франция

³⁷⁶ В 1995 г. в Азию отправилась 21 правительственная делегация: 7 в страны ASEAN, 8 в Китай и в Гонконг, только 2 в Индию и Японию. См. подробнее: D'Anglin E. Les limites d'une ambition d'un Asiate //RI et S. – 1997. - N25. P.129.

³⁷⁷ Февраль 1993. Ibidem. P.132.

³⁷⁸ Саммиту предшествовал визит Г.Коля во Вьетнам и в Китай, с которым были заключены важные контракты.

³⁷⁹ Courrier International, N287, 2-8 mai 1996. P.10.

здесь в три раза уступала Германии, в два раза – Великобритании³⁸⁰. Французские деловые круги делают ставку на рынки наиболее развитых индустриальных стран (NPI – Nouveaux pays industriels). Постепенно Франция отходит от политики приоритетов в отношении Индокитая³⁸¹. Ж.Ширак заявляет о желательности вступления стран Индокитая в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (ANASE – фр., ASEAN – англ.), что свидетельствует о новом взгляде на будущее бывших французских колоний: король Камбоджи Народом Сианук не скрывал, что именно его привязанность к франкофонии являлась препятствием к вступлению страны в Ассоциацию. В то же время, три государства Индокитая остаются пока в привилегированном положении, поскольку сотрудничество с ними вписано в бюджетные расходы Франции на содействие развитию и с 1999 г. они входят в Зону приоритетной солидарности³⁸².

Ж.Ширак предложил Азии новую стратегию сотрудничества «по всем азимутам». Ожиданиям деловых кругов отвечали визиты французского президента в Сингапур и Тайланд. Мартовский 1996 г. визит министра иностранных дел Франции Э.де Шаретта в Малайзию (первый в истории) свидетельствовал о желании установить тесные связи со всеми странами региона.

Одной из новых преференций Франции является политическое сотрудничество с Японией. Как и Миттеран, Ж.Ширак поддерживает желание Японии стать постоянным членом СБ ООН. Однако, будучи второй индустриальной державой мира, Япония остаётся лишь девятым торговым партнёром Франции, а Франция, которая является четвёртой торговой державой в мире, в торговле с Японией стоит на четырнадцатом

³⁸⁰ RI et S. – 1997. N25. P.138.

³⁸¹ Об этом пишет социалист Р.Дюма: Dumas R. Le Fil et la Pelote: Mémoires. - P.: 1996. P.456.

³⁸² Assemblée Nationale, N°252. P. 11.

месте³⁸³. Выше приводилось заявление Ширака о необходимости удвоения торгового оборота с Японией. Кроме того, в долгосрочной перспективе Ж.Ширак выступает за развитие политического диалога с Токио: его визит в Японию (17-20 ноября 1996) был первым визитом его президентства в азиатскую страну. Однако, позиции Франции в этом диалоге значительно слабее, чем позиции США: в 1999 г. Япония заговорила об институционализации военно-стратегического партнёрства с США, в то время как Франция ответила на появление новых ядерных держав в Азии заявлениями о необходимости укрепления диалога с Индией и Китаем³⁸⁴.

Нельзя сказать, чтобы возобновление Францией ядерных испытаний в Тихом океане в сентябре 1995 г., в 50-ю годовщину Хиросимы создало благоприятную почву для инициатив Ширака в этом регионе. Зато Китай, который сам отказывается от прекращения испытаний, поддержал французскую акцию³⁸⁵. Чтобы перекрыть неблагоприятный резонанс этих взрывов, Ж.Ширак объявляет, что состоявшаяся серия испытаний была последней и что за ней последует закрытие французского ядерного полигона в Тихом океане, после чего Франция и Великобритания станут единственными ядерными державами, не имеющими ядерных полигонов, а также о стремлении Франции к полному запрещению ядерных испытаний (с июня 1995). Подкрепляя свои инициативы, Ж.Ширак заявил о решении подписать, наряду с Великобританией, договор Ратотонги о превращении Океании в безъядерную зону (25 марта 1996)³⁸⁶. Кроме того, Франция решила подписать Бангкокский договор (от 15 декабря 1995 г.), устанавливающий безъядерную зону в Юго-Восточной Азии. Тем самым

³⁸³ RI et S, 1997, N25. P.139.

³⁸⁴ См. выступления руководителей французской внешней политики перед послами Франции в августе 1997 и 1998 гг.

³⁸⁵ И Тонга – уникальный случай, когда в ООН государство бассейна Тихого океана поддержало «единственную католическую ядерную державу». См.: Grand C. La France, championne du desarmement?// RI et S. – 1997. - N25. P.160.

³⁸⁶ Le Figaro, 26 mars 1996.

подтверждалась приверженность региональной безопасности в Тихом Океане и сотрудничеству с Азией.

Не последнюю роль в этой ориентации на азиатские политические центры сыграли свойственный французскому президенту волюнтаризм, склонность к ярким внешнеполитическим акциям, подчёркивающим французское стремление к многополярности. Однако, как заявляет сам Ширак, «голлизм – это прежде всего прагматизм»³⁸⁷, и это заявление было сделано именно в контексте его визита в Китай. Такой акцент не случаен: новое налаживание связей с КНР в 1996 г. поставило ряд важных проблем. Первая из них, наиболее волновавшая французское общественное мнение – вопрос о возможности контактов с режимом, глава которого отдал распоряжение давить танками студентов на площади Тяньаньмынь весной 1989 г.. После подавления «пекинской весны» Франция предоставила политическое убежище китайским диссидентам, и в 1991 г. министр иностранных дел Р.Дюма настаивал во время своего визита в Пекин на освобождении участников событий 1989 г.. В апреле 1994 г., во время визита Э.Балладюра, китайские власти арестовали шесть известных диссидентов, возможно намеренно поставив французского премьера в неудобное положение. Он приехал в Пекин с миссией доброй воли: ещё в январе того же года Франция заявила о признании Тайваня неотъемлемой частью Китая. Однако она же продала Тайваню 60 истребителей Мираж 200-А, чего КНР не могла простить Парижу. В результате, французский премьер-министр вынужден был ограничиться выражением сожаления по поводу ареста диссидентов и продолжить плодотворные экономические переговоры.

Такое раздвоение между отстаиванием прав человека и экономическими интересами определялось огромной притягательностью китайского рынка, быстрый экономический рост которого сочетается с

³⁸⁷ Le Courrier International, N287, 2-8 mai 1998. P.10.

политической стабильностью, хотя стабильность эта связана с нарушением прав человека. Поэтому вопрос о китайской политике в Тибете, и о правах человека в Китае французское правительство предоставляет общественному мнению. Во время визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Париж, в апреле 1996 г., большинство левых партий (кроме ФКП) осудили сам факт его приглашения в страну. 203 депутата подписали петицию, призывающую КНР прекратить колонизацию и нарушение прав человека в Тибете, а на Трокадеро прошла демонстрация в защиту прав человека в Китае, организованная 30-тью правозащитными организациями³⁸⁸.

На правительственном уровне между тем были подписаны выгодные контракты на поставку в КНР 30 пассажирских автобусов и 2-х грузовых самолётов А-340, общей стоимостью 1,7 млрд. долларов. Ж.Ширак стремился выполнить своё обещание: за 10 лет Франция должна утроить своё торговое присутствие в Азии. Упор делался при этом на внутривнутриполитическую конъюнктуру: 1 млрд. франков французского экспорта в Азию – это 2000 рабочих мест.

«Франция должна стать одним из главных партнёров Китая», - заявил Ж.Ширак во французской Торговой палате в Пекине во время своего визита в мае 1997 г. Этот визит сопровождался мощным десантом представителей французских деловых кругов в Китай и увенчался подписанием контрактов на общую сумму в 2 млн.дол.³⁸⁹. Успех экономической дипломатии президента тем более очевиден, что Франция до тех пор занимала лишь 13 место на китайском рынке. В то время как германское торговое присутствие в Китае выросло за 80-90-е годы с 3% до 6%, французское снизилось с 4% до 1,5%. Однако в первом семестре 1996

³⁸⁸ Le Monde, 10 avr. 1996.

³⁸⁹ Финансовые Известия, май 1997, №36(387).

г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года французский экспорт в Китай увеличился на 15,1%³⁹⁰.

Памятуя о новой стратегии французской дипломатии, направленной на завоевание рынков, можно было бы вписать азиатскую линию политики Ширака в общую линию ЕС на экспансию в Азии, если бы речь шла только о Японии, Гонконге или Малайзии. Однако новый диалог с Народным Китаем вписывается в иную логику. Речь идёт прежде всего о преимуществах голлистской дипломатии. Китай для Ширака – это великая держава с большим будущим. Не случайно «Белая книга по обороне» 1994 г. принимала во внимание угрозу со стороны Китая (“le risque chinois”)³⁹¹. Поэтому отношения с Китаем играют важную показательную роль в глобальной стратегии Ширака, направленной против диктата США, которые выступали за замораживание отношений с Пекином после событий на Тяньаньмынь. В лице Ли Пэна Ширак нашёл понимающего собеседника: тот также заявил о неприятии мира, в котором решающий голос принадлежит одной сверхдержаве. В 1989 г. Франция решительно требовала введения санкций против антидемократического пекинского режима. В 1997 г., за несколько недель до майского визита Ширака в Пекин, она отказалась поддержать резолюцию ЕС о рассмотрении вопроса о правах человека в Китае в соответствующей комиссии ООН в Женеве. Франция не согласна ни с США, ни с ЕС, стремящимися санкциями принудить Пекин соблюдать права человека. Ж.Ширак заявил: “Пора покончить со стремлением Запада поучать Китай”, забывая о прежних “преступлениях европейцев” в этой стране. Французский президент намеревался выразить обеспокоенность по вопросу “китайской экспансии” в Тибете и соблюдения прав человека, но он стремился к диалогу с Пекином, с тем чтобы убедить китайских лидеров

³⁹⁰ RI et S, N25,1997. P.138.

³⁹¹ Le Livre Blanc sur la Défense.1994. 10/18 . - P. : 1994. P.25-26.

принять новые правила поведения, не прибегая к логике конфронтации. “Одна из главных ставок конца этого века,- заявил французский президент, - состоит в том, чтобы вписать Китай в мировой порядок”³⁹². Цель Ширака – привести Китай к признанию универсальной ценности прав человека, но умеренными средствами: помощью в определении правового государства и “осторожным, очень осторожным” заступничеством в отдельных случаях нарушения прав человека. Поэтому обещание Пекина подписать в 1997 г. один из двух текстов ООН о правах человека было расценено французским президентом как “фантастическая победа во имя человечества”³⁹³.

Комментируя позицию французского президента в отношении Китая, политолог А.Дюамель напоминает: “Франция существует и имеет вес, поскольку ей удаётся обособиться”. В плане политическом диалог с Китаем будет иметь смысл, только если Шираку удастся добиться прогресса в вопросе о нераспространении ядерного оружия или о китайской экспансии в регионе. Что касается прав человека, то о гуманистическом вмешательстве в китайские дела не может быть и речи: “голлистская традиция не то чтобы бесчувственна к личным человеческим драмам, но она основывается на развитии отношений с тем правительством, которое находится у власти”³⁹⁴. Следует добавить, что речь идёт не только о голлистской, а вообще о свойственной французской дипломатии макиавелиевской традиции, не менее сильно проявлявшейся при Ф.Миттеране (его называли “флорентийцем”)³⁹⁵. Эту традицию характеризует примат “государственного интереса”(la raison d’Etat), и «универсальная гуманитарная миссия Франции» - лишь одно из средств утверждения этого принципа на мировой арене.

³⁹² La Libération, 15 mai 1997.

³⁹³ Ibidem. P.3.

³⁹⁴ Duhamel A. La revanche de la diplomatie gaulliste // La Libération. – 1996. - 12 avril.

³⁹⁵ Об этом пишет американский политолог М.Ледин: Ledeem M. Machiavelli for Modern. Dutton, 1997.

После косовского кризиса наметилась ещё одна важная сфера интереса Франции к Китаю. Это политическое сотрудничество по глобальным проблемам внутри круга постоянных членов СБ ООН. В 1999 г. Франция и Китай были разведены различным отношением к происходящему в Югославии. Китай осудил действия НАТО против Белграда, в которых Франция принимала самое активное участие. Противодействие России и Китая сделало тогда невозможной легитимацию военных действий против Югославии мандатом ООН. В то же время, этот прецедент указал на особую роль Китая в мировой политике и на желание китайского руководства активно использовать рычаги постоянного членства в ООН для реализации собственного глобального замысла. Стало также очевидным, что одним из слагаемых этого замысла является противодействие тенденции к однополярности в мире и политике силового давления США, что потенциально сближало позиции Франции, России и Китая. В полной мере значимость франко-китайского политического диалога проявилась во время второго иракского кризиса 2002-2003 гг. В ежегодном выступлении президента перед послами Франции, в августе 2002 года, Ж.Ширак напрямую связал политическое партнёрство с Россией и Китаем с реализацией глобальной ответственности Франции и того видения мира, которое она предлагает³⁹⁶.

³⁹⁶ Chirac J. La politique étrangère de la France // DN - Octobre 2002. P. 23.

ГЛАВА 6: ФРАНЦИЯ-СССР-РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

1. Отношение к распаду СССР

«Конец холодной войны определил двоих победителей. Это Соединённые Штаты и Германия. И двоих побеждённых: СССР и Францию», - заявил в интервью газете «Фигаро» бывший советник президента США З.Бржезинский летом 1990 г., в связи с согласием М.С.Горбачёва на участие в НАТО объединённой Германии³⁹⁷. На первый взгляд, это высказывание очерчивает силовые линии, перекинутые из времён холодной войны и даже более отдалённого времени франко-германского противостояния. С одной стороны – Франция, которая должна похоронить мечты о европейском политическом верховенстве над ФРГ, и СССР, проигравший глобальное противостояние с США, с другой стороны – два победителя холодной войны против социалистического лагеря. Главный приз этой победы – объединение Германии. В то же время, высказывание Бжезинского – человека холодной войны – звучит, как и всякая пропагандистская фраза, достаточно упрощённо. Рамки Европейского Сообщества, в которых проходило германское объединение, тесное сотрудничество Франции и Германии в переходе от экономической к политической интеграции, от Общего рынка к ЕС, новые условия для диалога СССР с Францией, также как и с Германией – результат политической демократизации и либерализации экономики, - всё это изменило векторы европейского и мирового противостояния и позволило по-новому мыслить как соотношение сил внутри Европейского Сообщества, так и отношения между Востоком и Западом. Не положение

³⁹⁷ Le Figaro, 18 juillet 1990.

двух «побеждённых» сближало Францию и СССР, а потом Россию на международной арене. В европейском масштабе в его основе лежало стремление к мирной и безопасной Европе, к строительству «общего европейского дома».

Последние годы существования СССР были отмечены самыми тесными и даже доверительными отношениями между президентом Франции и президентом СССР. Пару Ф.Миттеран-М.С.Горбачёв дополнял дуэт двух министров иностранных дел: Р.Дюма-А.Шеварнадзе. Потребность во взаимопонимании с советским руководством была для дипломатии Миттерана особенно ощутимой перед лицом объединения Германии³⁹⁸. Кроме того, он искренне симпатизировал М.С.Горбачёву, который отважился на проведение демократических преобразований в СССР и отказался от силовой опеки над странами Восточной Европы, от военного вмешательства в Афганистане и в Анголе. Выдвигая идею Европейской конфедерации с участием СССР – что-то вроде «Европы от Атлантики до Урала», Миттеран желал содействовать процессу интеграции бывшей сверхдержавы в сообщество демократических государств Европы. Он придавал большое значение участию М.С.Горбачёва в подписании «Парижской хартии», состоявшемся на саммите СБСЕ в ноябре 1990 г., тем более что она провозглашала неприменение силы в межнациональных спорах и уважение демократических и либеральных ценностей. Поддержка Францией процесса реформ в СССР была подтверждена новым франко-советским договором. 29 октября 1990 г. в Рамбуйе. Ф.Миттеран и М.С.Горбачёв подписали Договор о согласии и сотрудничестве Франции и СССР.

Отношение Ф.Миттерана к центробежным тенденциям в СССР было подчинено логике сохранения стабильности в бурно меняющемся мире. Он считал, что крушение равновесия в Восточной Европе и СССР таит

³⁹⁸ См. подробнее выше: Глава 2, §2(а).

опасность возрождения национализма, соперничества между европейскими странами и международной нестабильности. Он делал ставку на сохранение единства СССР и на поддержку М.С.Горбачёва, который в его глазах олицетворял это единство и, что особенно важно, новый международный и внутривластный курс советского руководства³⁹⁹. Советско-французский политический диалог конца 80-х-начала 90-х годов был тесно связан с тремя важнейшими факторами международных отношений: объединением Германии, либеральной трансформацией в странах Восточной Европы и дезинтеграционными процессами, ведущими к распаду СССР. Ф.Миттеран опасался пагубного влияния всех этих факторов на положение М.С. Горбачёва и победы в СССР консерваторов, чреватой возвращением к советской системе, установлением военной диктатуры и возвратом противостояния СССР и Запада. Советско-французский диалог по проблемам германского объединения был рассмотрен выше (во 2-ой главе). Трактовка его сегодня не представляется однозначной. Ряд исследователей и аналитиков предпочитали видеть в тесных и частых контактах президента Франции с его советским коллегой отчаянные попытки задержать процесс объединения. Близок к ним специальный советник президента, один из его ближайших сотрудников той поры, Ж.Аттали, записавший в своём дневнике впечатление от однодневного рабочего визита Ф.Миттерана в Москву 25 мая 1990 г., в ходе которого обсуждались последствия уже решённого германского объединения для будущего европейской безопасности, в частности, участие единой Германии в НАТО. «Союз двух отчаявшихся перед лицом неминуемого объединения», - назовёт диалог двух президентов

³⁹⁹ Védérine H. Les mondes de François Mitterrand. - P.: Fayard, 1996. P. 481. Личная симпатия и стремление помочь президенту СССР, обеспечив максимальную международную поддержку его курсу реформ, по свидетельству Ю.Ведрина – участника всех важнейших двусторонних встреч того периода – были главными стимулами политики Ф.Миттерана в отношении СССР с к. 80-х годов до распада СССР. Соответствующая глава книги Ведрина названа: «Помочь Горбачёву»: Chapitre XIV : Aider Gorbatchev.

Ж.Аттали⁴⁰⁰. Другой участник того визита, Ю.Ведрин считает, что в отношениях президентов Франции и СССР неправильно видеть дуэт двух отчаявшихся неудачников, поскольку Миттеран и Горбачёв находились тогда в разном положении. Политика Горбачёва переживала глубокий кризис и советский лидер вынужден был сдавать свои первоначальные позиции в германском вопросе. В Кэмп Дэвиде 2-3 июня на встрече с Дж.Бушем(старшим), а затем 16 июля, принимая в своей кавказской резиденции Г.Коля, он согласился с участием всей ФРГ в НАТО. А Миттеран уже получил важные плоды «политики сопровождения» германского объединения: прорыв в деле европейской интеграции, подтверждение границ по Одере-Нейсе, создание переговорной группы «2+4». Вопрос о членстве объединённой Германии в НАТО, столь важный для СССР и для США, не очень волновал французского президента и, по свидетельству Ж.Аттали, услышав о результатах Кэмп Дэвида, он был рад, что в своё время не выступил в поддержку первоначальной позиции СССР, враждебной участию всей Германии в НАТО⁴⁰¹. Для Миттерана было важнее не допустить ожесточения Горбачёва, его отказа от нового курса в отношении Запада. Ещё больше он опасался антигорбачёвского консервативного переворота в СССР. Миттеран рисовал Горбачёву перспективы, «компенсирующие» СССР издержки объединения Германии. «Надо организовать европейскую безопасность вместе с вами», «надо обсудить возможности сотрудничества между СССР и остальной Европой, между СССР и Семёркой», - обещал французский президент своему советскому коллеге. И намечал всевозможные рамки такого сотрудничества: ОБСЕ, Европейский банк реконструкции и развития, приобщение к Большой семёрке⁴⁰².

⁴⁰⁰ Attali J. Verbatim III. Deuxième partie. P. : 1995. P. 495.

⁴⁰¹ Ibidem. P.508.

⁴⁰² Védérine H. Op.cit. P. 494.

Особого внимания заслуживает позиция Ф.Миттерана по вопросу об экономической помощи СССР. Для президента Франции необходимость предоставления её не вызывала сомнений и была тесно связана с прямой поддержкой М.С.Горбачёва. Летом 1990 года вопрос об условиях международной финансовой помощи СССР обсуждался на Совете ЕС в Дублине (25 июня) и на саммите семёрки в Хьюстоне (9-10 июля). В Дублине Ф.Миттерану удалось настоять на том, чтобы Совет ЕС поручил Комиссии изучить потребности СССР в помощи, что не понравилось американской администрации, которая настаивала на том, чтобы всякая помощь шла через МВФ (Международный валютный фонд) и была обставлена рядом условий, включая обязательство проводить реальные экономические реформы и отказ от советской помощи Анголе, Кубе и Афганистану. В Хьюстоне Миттеран, Тэтчер и Коль принципиально выступили за экономическую помощь в поддержку курса реформ в СССР, причём, сотрудники французского президента отмечают его особую настойчивость и стремление убедить коллег в том, что «если (СССР) не предоставят помощь немедленно, то не будет ни реформ, ни вообще никаких компромиссных договорённостей». Напомним, что Горбачёв тогда не дал ещё окончательного согласия на участие объединённой Германии в НАТО, что многие перемены в Восточной Европе, например, свободные президентские выборы в Польше (декабрь 1990 г.), завершившиеся избранием Л.Валенсы, были ещё делом будущего. Ж.Аттали, исполнявший перед Хьюстоном обязанности шефа от Франции, вспоминает, что при обсуждении финального коммюнике встречи самым деликатным был вопрос об условиях предоставления экономической помощи СССР. Миттеран и Коль настаивали, что не следует унижать Советский Союз, навязывая ему диктат: «ведь это не какая-нибудь Центральная Африка!». Ф.Миттеран был принципиальным противником давления на Горбачёва. Он считал, что курс советского лидера знаменовал

«революцию планетарного масштаба», и нельзя подходить к переменам в СССР с той же меркой, что и к «смене правительства в Гватемале», чего, по его мнению, не мог понять американский президент. Ф.Миттеран поставил перед коллегами по Семёрке весьма убедительный вопрос: «Чего мы добьёмся, рискуя падением Горбачёва? Ведь тогда мы получим (в СССР) правительство реванша!»⁴⁰³. Таким образом, экономическая помощь СССР, то есть лично Горбачёву и его политическому курсу, в глазах Миттерана была необходимым условием либеральных изменений в Восточной Европе и в мире в целом, приближавших идеальную цель дипломатии Пятой республики – «преодоление Ялты». По настоянию Ф.Миттерана министру иностранных дел Франции Р.Дюма удалось в окончательной редакции коммюнике избежать упоминания об императивных «условиях», обставляющих предоставление западной помощи СССР, хотя косвенно они и были обозначены. Французская дипломатия была удовлетворена тем, что США не удалось поставить помощь СССР только под контроль МВФ, в котором они располагают особым влиянием. Изучение этого вопроса было поручено совместной проработке МВФ, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития (OCDE – фр.) и президенту Европейского банка реконструкции и развития⁴⁰⁴. В начале осени 1990 г. во время визита М.С.Горбачёва во Францию Париж выделил СССР кредит в 5 млрд. франков⁴⁰⁵. Тогда же был подписан франко-советский договор, задуманный Миттераном и подготовленный совместным творчеством Р.Дюма и Э.Шеварнадзе⁴⁰⁶. Спустя два года этот текст лёг в основу российско-французского договора 1992 г. В преамбуле договора была определена

⁴⁰³ Attali J. Op. cit. P. 536.

⁴⁰⁴ Védérine H. Op.cit. P.497.

⁴⁰⁵ Пресс-конференция М.С.Горбачёва и Ф.Миттерана 29 октября 1990 г. // Вестник МИД СССР. – 1990. - №22(80). – 30 ноября. С. 24.

⁴⁰⁶ Договор о согласии и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. 29 октября 1990 г. // Вестник МИД СССР. – 1990. - №22(80). – 30 ноября. – С. 31-35.

принципиально новая основа сближения двух государств: общечеловеческие ценности, свобода, демократия, справедливость и солидарность. Статья 2 гласила, что «стороны объединяют свои усилия в деле преодоления раскола Европейского континента на антагонистические блоки и его преобразования в мирную и солидарную Европу, наделённую постоянными механизмами безопасности и сотрудничества». Они будут содействовать «превращению Европы в общий дом» и созданию *европейской конфедерации*⁴⁰⁷. Франция обязывалась содействовать углублению отношений между СССР и Европейскими сообществами, причём, это обязательство не сопровождалось никакими обязывающими Москву условиями, как это было позже оговорено в схожем франко-русском договоре 1992 года⁴⁰⁸.

Во Франции с тревогой наблюдали ослабление политического влияния советского президента внутри страны. 29 мая 1990 г. главный оппонент М.С.Горбачева – Б.Н.Ельцин был избран председателем Верховного Совета РФ, и его фигура не вызывала тогда в Париже ни доверия, ни симпатии⁴⁰⁹. Его избрание президентом РФ 12 июня 1991 г. не помешало приглашению М.С.Горбачёва в Лондон, где 15-17 июля проходил очередной саммит Семёрки. На франко-германской встрече в верхах в Лилле, 30 мая 1991 г., Ф.Миттеран и Г.Коль согласились с целесообразностью присутствия советского президента в Лондоне, не в качестве полноправного участника, но «для консультаций по вопросам, представляющим взаимный интерес». При этом два европейских лидера не исключали, что полноправное присоединение президента СССР к Большой семёрке может быть рассмотрено ... «в своё время»⁴¹⁰. В Лондоне был принят принципиальный план помощи СССР и странам ЦВЕ из 6 пунктов,

⁴⁰⁷ Там же. С. 31. Курсив мой – Е.О.

⁴⁰⁸ Там же. Ст. 4.

⁴⁰⁹ Attali J. Op.cit. P. 498; Védrine H. Op.cit. P. 495.

⁴¹⁰ Védrine H. Op.cit., P. 505.

представленный Дж. Мэйджором. Он был нацелен на то, чтобы способствовать интеграции СССР в мировую рыночную экономику. СССР получил статус ассоциированного члена МВФ и Всемирного банка. Однако М.С.Горбачёв покинул Лондон, так и не добившись реальных кредитов⁴¹¹. Ю.Ведрин пишет, что французский президент был разочарован результатами саммита. Он хотел бы, чтобы «мир и Советский Союз считали М.Горбачёва своим последним шансом перед хаосом. Надо дать ему кислорода», - сказал Ф.Миттеран перед лондонской встречей⁴¹².

Стремясь поддержать позиции советского президента, Ф.Миттеран, как и все на Западе, проявлял явное сочувствие стремлению республик Прибалтики к независимости. В ноябре 1990 г. в разговоре с президентом США на саммите ОБСЕ в Париже Ф.Миттеран, выразив озабоченность положением в СССР, заметил: «Он (Горбачёв) храбр и умён. Ему угрожает распад Империи. Это создаёт для нас проблемы с прибалтами. Мы никогда не признавали их аннексии СССР и мы сохранили их золото. Тем не менее, существование СССР в его нынешнем виде освящено международным правом»⁴¹³. Ранее, после избрания Витаутаса Ландсбергиса президентом Литвы и провозглашения Литвой собственного суверенитета, министр иностранных дел Франции Р.Дюма настоял на признании этого акта Францией (11 марта 1990 г.). По свидетельству Ю.Ведрина, Миттеран тогда сказал министру: «Вы знаете моё мнение, но делайте, как считаете нужным»⁴¹⁴.

Отсутствие блокового противостояния и крушение равновесия, основанного на силе и на страхе, т.е. на военном паритете СССР и США, повышало в глазах Миттерана роль диалога и уважения международного

⁴¹¹ Fontaine A. Après eux le déluge. P. : Fayard, 1995. P.520.

⁴¹² Védérine H. Op.cit. P. 506.

⁴¹³ Védérine H. Op.cit. P. 500.

⁴¹⁴ Ibidem. P. 492.

права в решении спорных вопросов внутри СССР. Акцент ставился на политическое урегулирование болезненных проблем между Центром и союзными республиками. Эти принципы проявились в начале января 1991 г. в связи с действиями советских военных, применивших оружие и танки против мирных жителей в Вильнюсе. Миттеран, не желая выступать с публичными комментариями, дабы не навредить Горбачёву, позволил Р.Дюма (министру иностранных дел) сделать совместное критическое заявление с МИД ФРГ. Посол СССР в Париже Ю.В.Дубинин пишет в своих мемуарах, что Дюма при этом не замедлил связаться с ним, чтобы подчеркнуть вынужденный характер этого заявления⁴¹⁵. Дело в том, что французское общественное мнение, особенно влиятельные левые интеллектуальные круги – опора ФСП, резко осуждало антидемократические действия советского руководства в Прибалтике.

Позиция французского правительства в вопросе о судьбе советской Прибалтики была двойственной. В выступлении по французскому телевидению Р.Дюма повторил приведённые выше доводы Ф.Митерана, заявив, что, с одной стороны, Франция никогда не признавала аннексии прибалтийских государств СССР, но с другой стороны, нельзя забывать, что последние 50 лет эти республики развивались в рамках СССР. По свидетельству посла СССР Ю.В.Дубинина, в беседе с ним директор европейского департамента МИД Франции Ж.Бло “всячески оттенял стремление Парижа не осложнять и без того нелёгкую жизнь советского руководства” и уверял, что Франция “не поощряет ничего такого, что могло бы дестабилизировать центральные власти в СССР, выступает за решение проблем путём диалога/.../. Франции до сих пор удавалось также снимать в рамках Европейских Сообществ негативные для советских властей последствия возникшей в Прибалтике напряжённости”⁴¹⁶. В то

⁴¹⁵ Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. - М.: РОССПЭН, 1997. С.290.

⁴¹⁶ Там же.

время как средства массовой информации Франции предупреждали о наметившемся реакционном повороте в политике Москвы в отношении национальных республик, французское правительство призывало к сдержанности, не желая ослабления внешнеполитического авторитета Горбачёва и его реформаторского окружения. В событиях в Вильнюсе, а позже в Тбилиси, Париж видел тревожный признак наступления консерваторов, если не ещё более серьёзную опасность колебаний самого Генерального Секретаря ЦК КПСС. Чтобы повлиять на Горбачёва, Миттеран направил ему послание с призывом к политическому разрешению кризисной ситуации, связывая будущее франко-советских отношений со способностью советского руководства к политическому диалогу с республиками.

По мере нарастания противоречий внутри СССР во французском политическом классе усилились споры о том, кто должен стать привилегированным политическим партнёром Франции - Союзное руководство или руководство союзных республик. Миттеран считал, что следует поддерживать курс на преодоление центробежных процессов в СССР. Р.Дюма предупреждал против “атомизации” страны, которая может угрожать стабильности Европы в целом, тем более, что параллельно происходит нарастание дезинтеграционного процесса в Югославии. Столкновение двух точек зрения на перспективы развития событий в СССР проявилось в анализе результатов референдума 17 марта 1991 г. по вопросу о сохранении Советского Союза. Миттеран высказал советскому послу удовлетворение результатом голосования в пользу Союза. Он заявил, что желал именно такого результата⁴¹⁷.

События показали, что правы были как раз оппоненты Миттерана (главным образом из правой оппозиции, а также внешнеполитические аналитики и советологи), считавшие результаты референдума лишь

⁴¹⁷ Там же, с.292.

видимостью победы Центра⁴¹⁸, не учитывающей стремления национальных элит и целых республик, а потому искажающей реальные тенденции развития ситуации в СССР. Уже в начале апреля 1991 г. Грузия заявила о своей независимости.

Обеспокоенность центробежными процессами в СССР и Югославии выразилась в выступлении Миттерана на Парижском форуме «Безопасность Европы на пороге XXI века» 10 апреля 1991 г.. Размышляя о «новой архитектуре Европы», французский президент настаивал на том, чтобы «в интересах безопасности и стабильности /.../ чаяния национальных меньшинств, их законные права обеспечивались *в рамках существующих государств*»⁴¹⁹.

В соответствии с этим принципом, Миттеран уклонялся от всякого рода «особых отношений» с новым руководством союзных республик, стоящим в оппозиции к Горбачёву, в том числе с Б.Н.Ельциным – тогда – Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. Когда в апреле 1991 г. Б.Н.Ельцин прибыл в Страсбург и заявил о желании России вступить в Совет Европы, генеральный секретарь Совета Катрин Лялюмьер дала ему понять, что организация, которую она представляет, может поддерживать отношения только с суверенными государствами, официально признанными международным сообществом. Принципиальный подход Совета Европы состоял тогда в том, что только СССР является таким государством, а союзным республикам надо дожидаться подписания нового союзного договора, чтобы говорить о самостоятельном вступлении в Совет, т.е. решить сначала проблему суверенитета внутри СССР.

Ф.Миттеран подчеркнул твёрдость этой позиции и свою лояльность к М.С.Горбачёву, отказавшись официально принять

⁴¹⁸ Le Monde, 18-21 mars 1991.

⁴¹⁹ Le Monde, 11 avril 1991.

Б.Н.Ельцина, прибывшего из Страсбурга в Париж. Посещение Ельциным Елисейского дворца было обставлено так же, как состоявшаяся незадолго до этого встреча в Белом доме, о чём Париж специально консультировался с Вашингтоном. Формально руководитель России был приглашён в резиденцию президента Франции главой секретариата Елисейского дворца Ж.-Л.Бьянко. Существует две версии той встречи Ельцина с Миттераном. Ю.Ведрин пишет, что Бьянко проводил Б.Н.Ельцина в кабинет президента Франции, где «руководитель одной из пятнадцати союзных республик СССР» удостоился пятнадцатиминутной беседы с Ф.Миттераном. Посол СССР во Франции Дубинин даёт свою версию: во время беседы Ельцина с Бьянко в зал «случайно» вошёл Миттеран. Источники французского МИД подтверждают, что вторая версия ближе к истине. В то же время, вариант, приведённый Ю.Ведрином, свидетельствует, что в Елисейском дворце последующее развитие событий породило определённую неловкость за то, что в своё время Ельцину не было уделено должного внимания. Тогда же дипломатический советник французского президента заявил журналистам: «Ельцин представляет Россию/.../. Здесь не должно быть неясностей. Советский Союз имеет одного президента. Это М.Горбачёв»⁴²⁰. Третиrowание Б.Н.Ельцина, таким образом, объясняется тем, что в глазах французского президента он и представленная им Россия были наиболее сильной, но нежелательной альтернативой центральной власти Горбачёва. Ю.Ведрин передаёт тогдашнее отношение Ф.Миттерана к Б.Н.Ельцину, которое, по его мнению, разделяли все главы Большой семёрки. «(Они) не испытывали к нему никакого доверия, видя в нём демагога, больше озабоченного тем, чтобы дестабилизировать Горбачёва, чем поисками совместного с ним разрешения проблем СССР»⁴²¹.

⁴²⁰ Подробнее о дипломатической стороне вопроса см.: Дубинин Ю.В. Ук. соч. С.297.

⁴²¹ Védérine H. Les mondes de François Mitterand... P. 503-504.

В то же время, Миттеран принял руководителей Литвы и Армении, Ландсбергиса и Тер-Петросяна. Первого – исходя из вышеупомянутого непризнания Францией её насильственного присоединения к СССР, второго – под давлением сильного армянского лобби. Тогда же государственный секретарь по иностранным делам А.Вивьен подтвердил, что французское правительство по-разному подходит к вопросу об отделении от СССР Прибалтики и других союзных республик: оно выступает за восстановление суверенитета прибалтийских республик путём переговоров, но считает, что другие республики должны определить свои новые отношения с Центром в рамках Конституции СССР⁴²². В мае Миттеран прилетел в Москву с однодневным визитом, и одной из целей этой поездки была демонстрация поддержки президенту Горбачёву.

Мотивы этой поддержки объяснялись не только симпатиями к реформаторскому курсу советского президента. В то время как Дж.Буш связывал своё отношение к Горбачёву с успехом реформ, Миттеран настаивал на *безусловной* поддержке⁴²³. Дело в том, что, сочувствуя делу демократизации в СССР, Миттеран и его министр иностранных дел Р.Дюма ставили во главу угла поддержание стабильности внутри СССР. Это стало особенно очевидным из поведения французского президента во время московских событий 19 августа 1991 г.

В то время как Дж.Буш⁴²⁴ и Дж.Мейджор безоговорочно осудили действия ГКЧП как антиконституционный государственный переворот, Ф.Миттеран в день путча, 19 августа, сделал заявление, из которого явствовало, что он готов иметь дело с “новыми руководителями” СССР, но требует у них гарантий свободы и жизни Горбачёва и Ельцина⁴²⁵. В отсутствие ясного представления о перспективах развития ситуации,

⁴²² Дубинин Ю.В., там же.

⁴²³ На встрече Миттерана с Бушем в Париже 14 июня 1991 г. См.: Дубинин Ю.В. Ук.соч. С.301. Курсив мой – Е.О.

⁴²⁴ На второй день после заявления ГКЧП.

⁴²⁵ Le Figaro, 20 aout 1991.

ключевой в тексте заявления была фраза о том, что о членах ГКЧП «будут судить по их делам, в особенности по их отношению к двум указанным персонам». Правая оппозиция встретила это заявление с возмущением. Ж.Ширак и В.Жискар д'Эстен днём 20 августа осудили путч. Первый активно поддержал Ельцина, второй выступил с резкой критикой позиции Миттерана, проявившего, по его мнению, недостаток твёрдости» в защите Горбачёва⁴²⁶. Р.Дюма на встрече министров иностранных дел Европейских Сообществ в Гааге потребовал возвращения Горбачёва к власти, а Миттеран 20 августа сделал новое заявление о необходимости возвращения в СССР к демократической практике, осудив тем самым введение чрезвычайного положения в Москве. «Те перемены, что произошли в Советском Союзе, - заявил французский президент по телевидению, - идут против течения /.../ Я думаю, что эти резкие перемены могут прервать, но не остановить движение в сторону демократизации». По поводу послания Янаева, которое французский президент обильно цитировал, особенно в том, что касалось заверений главы ГКЧП о продолжении курса реформ, начатых Горбачёвым, Миттеран оговорился, что «если новые советские лидеры не сдержат своих обещаний и не будут соблюдать хельсинкских соглашений, /... /вся помощь ЕС или западных стран /... /должна быть прекращена». «То, что произошло в Москве, может быстро стать актом холодной войны, но пока это лишь внутривнутриполитическая операция»⁴²⁷. Интересно, что текст этого заявления в различных изданиях датируется по-разному. Ю.Ведрин, защищающий позицию Миттерана в дни августовского путча, включает эту оценку в вечернее выступление президента по телевидению, в 20 часов 19 августа 1991 г. Его оппоненты относят эти слова, опубликованные во французской прессе на следующий день после первого выступления президента по поводу ГКЧП, ко времени,

⁴²⁶ См. подробнее: Lecompte B. Le Bunker. – P.: J.-C.Lattres, 1994. P. 225; Védrine H. Op.cit. P.511.

⁴²⁷ La Libération, 20 août 1991 ; Le Figaro, 20 août 1991 ; Известия, 20 августа 1991.

когда стало известно об успешном сопротивлении путчистам в Москве. Ф.Моро Дефарж в своём обзоре внешней политики Миттерана для ежегодника «L'Etat de la France» упрекал президента в «геополитической близорукости»⁴²⁸. Д.Моизи считает: «в том, что касается СССР, поскольку Миттеран полагается на расчёт, а не на чувства, он, в отличие от Дж.Мейджора, не поддерживает с должной энергией М.Горбачёва и команду реформаторов во время попытки государственного переворота в августе 1991, и вначале присоединяется к победе путчистов, которую считает неизбежной»⁴²⁹. После 21 августа, когда конец ГКЧП стал очевиден, канцелярия французского президента начала готовить послание Б.Н.Ельцину⁴³⁰. Журналист Б.Леконт пишет: ” Желание исправить столь явную ошибку президента было очевидным до неловкости”⁴³¹. Несмотря на то, что большинство тогдашних наблюдателей и аналитиков отмечает нерешительность Миттерана в осуждении путчистов, многое позволяет думать, что французский президент не был намерен смириться с победой ГКЧП и стремился добиться действенных мер, в первую очередь со стороны ЕС, для обеспечения безопасности М.С.Горбачёва и для того, чтобы оказать международное давление на ГКЧП в пользу продолжения курса реформ.

Именно президент Франции выступил с инициативой экстренной встречи глав государств и правительств ЕС для согласования действий в отношении событий в СССР. В качестве способа обеспечения гарантий для М.С.Горбачёва он предложил организовать встречу президента СССР с председательствующим в ЕС премьер-министром Нидерландов Р.Любберсом, чтобы убедиться, что отстранённый от власти советский президент не пострадал. И именно в Париже обосновался министр

⁴²⁸ L'Etat de la France 95-96. – P.: La Découverte, 1996. P.589.

⁴²⁹ PE, 1995, N4 . P.852.

⁴³⁰ Министр иностранных дел РФ Козырев в эти дни находился в Париже (по дороге в Вашингтон), но, по свидетельству советского посла Ю.В.Дубинина, избегал контактов с посольством СССР.

⁴³¹ Lecompte B. Op. cit. P.233.

и иностранных дел России А.Козырев, которого известие о ГКЧП застало по дороге в Вашингтон и который предпочёл остаться в Париже, заявив о том, что он уполномочен Ельциным подготовить создание российского правительства в изгнании на случай победы путчистов⁴³². Российскому министру был предоставлен один из кабинетов французского министерства иностранных дел, снабжённый факсами и телефонами.

В то же время, август 1991 г. стал переломным моментом в отношении Франции к суверенитету союзных республик: отныне отношения Франции с Россией вступили в новую фазу. После распада СССР Франция придавала особое значение подписанию франко-российского договора (7 февраля 1992 г в Париже)⁴³³, практически повторяющего подписанный Миттераном и Горбачёвым франко-советский договор о согласии и сотрудничестве от 29 октября 1990 г.

Российско-французский договор предусматривал регулярный политический диалог на высшем уровне, ежегодные встречи президентов двух стран⁴³⁴. Договор был заключён сроком на 10 лет с автоматическим продлением на следующие пятилетние периоды, если у сторон не будет желания его денонсировать, о чём следует письменно уведомить другую сторону за год до истечения соответствующего срока (ст. 26). Суть договора состояла не только в развитии двусторонних связей, но и в «объединении усилий для установления между всеми европейскими государствами новых отношений в области безопасности и построении мирной и солидарной Европы, наделённой постоянными механизмами безопасности и сотрудничества». Договор отразил общий для того времени взгляд обеих стран на повышение роли СБСЕ в европейской безопасности. Россия и Франция выказали стремление придать ему институты и

⁴³² Védérine H. Op.cit. P. 512.

⁴³³ Договор между Россией и Францией // Дипломатический вестник. – 1992. – № 4-5. С. 21-25. См. о визите Ельцина в Париж: Известия, 5-7 февраля 1992.

⁴³⁴ Договор между Россией и Францией, ст.8.

юридические средства для обеспечения стабильности. Кроме того, Франция обязалась способствовать установлению отношений сотрудничества России и ЕС (ст.4) и интеграции её в европейскую экономику (ст. 6). Стороны обязались способствовать преобразованию Европы в общее правовое и демократическое пространство.

Договор напоминал об обязательстве России в отношении необходимых норм, установленных Советом Европы в области демократии и прав человека. В зависимости от приверженности России этим обязательствам, Франция намеревалась поддерживать её вступление в эту организацию (ст.23).

Практически одновременно с Договором был подписан протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел РФ и Франции сроком на 10 лет, подлежащий автоматическому продлению на пятилетние сроки⁴³⁵. Им были предусмотрены регулярные консультации министров иностранных дел по международным проблемам не реже двух раз в год. Протокол предусматривал также создание специальных групп *ad hoc* для обсуждения проблем безопасности, разоружения, нераспространения ядерного оружия и двустороннего сотрудничества (ст.3).

Париж начал проводить линию диверсификации связей со странами СНГ. В 1993 г. Миттеран посетил Казахстан, в 1994 г. – Узбекистан. Париж принимал лидеров новых независимых государств: Молдовы, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана. Несмотря на то, что Миттерана не связывали с Ельциным никакие тёплые личные отношения, подобные тем, что оставались у него с бывшим президентом СССР, Франция была для России благожелательным партнёром. Об этом свидетельствует её позиция во время встречи “семёрки” в Мюнхене в июле 1992 г. В то время как США и Япония, недовольные замедлением

⁴³⁵ Протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел Российской Федерации и Французской Республики. 6 февраля 1992 // Дипломатический вестник. -1992. - №4-5. С. 30-31(ст.6).

российских реформ, поддержали жёсткие требования МВФ, Франция выступила за предоставление помощи Москве, полагая, что отказ Фонда может вызвать окончательный развал и социальные катаклизмы в России. Ф.Миттеран считал, что «Россия принадлежит Европе/.../. Переходный период будет достаточно длительным. Мы должны вспомнить, какой была наша (европейская – Е.О.) экономика после войны⁴³⁶». 16 марта 1993 г. президент Франции побывал с краткосрочным визитом в Москве, чтобы проинформировать Ельцина о своих усилиях по срочному созыву специального саммита Семёрки, посвящённого помощи России⁴³⁷. Дело в том, что очередной саммит должен был состояться в Токио, и Япония не сразу согласилась пригласить участвовать в нём Россию из-за нерешённой проблемы северных островов. В итоге, несмотря на то, что Б.Н.Ельцин был приглашён в Токио, вопрос об экономической помощи России обсуждался не на саммите, а на встрече министров иностранных дел Семёрки.

Россия для Миттерана осталась важным фактором международных отношений. Он настаивал на подключении России к процессу политического урегулирования проблем бывшей Югославии. Миттеран первым из западных руководителей посетил новые государства Балтии (13-16 мая 1992 г.). Во время этой поездки он подчеркнул значение строительства стабильных отношений стран бывшей советской Прибалтики с Россией⁴³⁸. Только Ф.Миттеран выказал понимание президенту России, не согласному с расширением НАТО на восток на саммите СБСЕ в Будапеште (5 декабря 1994 г.), назвав это расширение «бесполезным и опасным»⁴³⁹. Постепенно практически безусловная политическая поддержка Ельцина, который открыто порвал с социалистической фразеологией и взял курс на либерализацию экономики,

⁴³⁶ Védérine H. Op.cit. P. 583.

⁴³⁷ Дипломатический вестник, 1993, N 7-8.

⁴³⁸ Le Monde, 16 mai 1992.

⁴³⁹ Védérine H. Op.cit. P. 589.

стала общей линией ведущих государств Запада и Большой семёрки. Военная операция в Чечне, начатая в декабре 1994 г., не изменила этой позиции. В то же время, французский президент и канцлер ФРГ позволили себе символический жест, адресованный больше к общественному мнению собственных стран. Приглашённые в Москву на празднование Дня Победы в 1995 г., они прибыли *после* военного парада, в котором могли участвовать войска, вернувшиеся из Чечни⁴⁴⁰. Визит в Москву был последней официальной зарубежной поездкой Ф.Миттерана.

Франко-российские отношения, как и отношения между Миттераном и Ельциным, не были безоблачными. При Ф.Миттеране Франция выступала против приёма России в Совет Европы, ссылаясь на частые нарушения здесь прав человека. Кроме того, Франция препятствовала проникновению на рынки ЕС некоторых российских товаров (урана и алюминия)⁴⁴¹.

Идея Буша включить Россию в состав Большой семёрки не встретила поддержки французского президента. На саммите семи в Неаполе (8-10 июля 1994 г.), где речь шла о превращении семёрки в Восьмёрку, хотя и с разграничением сфер, подлежащих обсуждению с участием и без участия России, Миттеран стремится затормозить расширение элитарного клуба. Ю.Ведрин указывает, что такая позиция была связана с неуклонной борьбой Миттерана против «булемии» Семёрки, которая, по его мнению, угрожала поглотить prerogatives других международных организаций, в частности, СБ ООН, в котором Франция дорожила своим правом вето⁴⁴².

Пояснения бывшего дипломатического советника Миттерана не вызывают сомнений, что не исключает косвенного признания правоты японской позиции, не признававшей за Россией главных критериев

⁴⁴⁰ О подоплёке этого «опоздания» Миттерана, который провёл день 8 мая в Берлине с Г.Колем, пишет Ю.Ведрин (ук.соч., с. 589). Б.Клинтон и Дж.Мэйджор присутствовали на параде. У Г.Коля могли быть дополнительные причины избежать участия в «параде победителей».

⁴⁴¹ Зуева К.П. Эра Миттерана и после...// МЖ. – 1996. - №2. С.29.

⁴⁴² Védérine H. Op.cit. P. 588.

принадлежности к клубу избранных: ни либеральной экономики, ни высокого уровня индустриального развития. Твёрдая поддержка идеи крупномасштабной экономической помощи России, стремление Миттерана смягчить экономические обязывающие условия её предоставления (на чём особенно настаивали США и Япония) проистекали из философского взгляда на вещи. Окружение президента понимало, что «в помощи больше всего нуждаются как раз те страны, которые, из-за недостатка организованности, наименее способны употребить её с толком./.../. Поэтому следует терпеть её частичное разбазаривание, /.../, ставить стимулирующие, а не обезкураживающие условия»⁴⁴³. Помещённые в главу о франко-российских отношениях, эти рассуждения Ю.Ведрина свидетельствуют, что в глазах французского президента Россия потеряла престиж крупной индустриальной державы, и это первыми почувствовали на себе российские граждане, обращавшиеся за визами во французские консульства: к ним стали относиться, как к представителям неблагополучного Третьего мира.

2. Франко-российское “привилегированное партнёрство”

Приход к власти Ж.Ширака должен был сгладить некоторые шероховатости франко-российских отношений начала 90-х годов.

И президент России, и новый президент Франции придавали личным симпатиям большое значение, а ни в Москве, ни в Париже не забыли, что единственным высоким официальным лицом, оказавшим Ельцину достойный приём во время его первого визита во Францию (весной 1991 г.), был мэр Парижа Ж.Ширак. Франция и Россия стали определять свои отношения понятием “привилегированное партнёрство”.

⁴⁴³ Védrine H. Op.cit., « Aider la Russie ». P. 582.

На первой встрече в качестве президента Франции с главами государств Семёрки в Галифаксе Ж.Ширак подтвердил своё особое уважение к России: “не признавать величия России значило бы совершать огромную ошибку в видении завтрашнего мира”⁴⁴⁴. За декларациями французского президента стояла не только сентиментальная привязанность к России (хотя он всегда в ней признаётся) и не только голлистская традиция, видевшая в России центр силы, уравнивающий “Европу до Урала”. Особое внимание и уважение нового французского президента к России определил ряд соображений, изложенных в программных заявлениях голлистов во время избирательной кампании 1995 г.⁴⁴⁵. В первую очередь они связаны с французской концепцией многополюсного мира. С концом холодной войны “треугольные” отношения США-Европа-Россия не потеряли своего значения в мировой политике: “Несмотря на трудности, переживаемые Россией, сосредоточение важных экономических и политических ресурсов, которыми располагают все трое вместе взятые, делает их главными действующими лицами на международной арене, поскольку Азия, несмотря на свой растущий экономический вес, не определилась ещё в политическом плане”, - заявил премьер-министр Франции А.Жюппе⁴⁴⁶. Главную же роль играли опасения, что Россия может таить в себе угрозу мировой стабильности. Огромный военный потенциал страны в условиях политической и экономической нестабильности больше всего беспокоил французское правительство. Его премьер-министр считал, что “худшей перспективой будет Россия изолированная новым “санитарным кордоном”, предоставленная собственным трудностям, униженная собственной слабостью, но всё ещё

⁴⁴⁴ Chirac J. Conférence de presse du 17 juin 1995, Halifax.

⁴⁴⁵ Discours du candidat J.Chirac. Paris, 1995, 16 mars; Juppé A. Quel horizon...?// PE. – 1995. - N4. P. 249, 251-253. А.Жюппе – министр иностранных дел в правительстве Э.Балладюра и будущий премьер-министр, один из главных творцов внешнеполитической программы Ж.Ширака.

⁴⁴⁶ Juppé A. Op.cit. P.250.

обладающая огромным ядерным арсеналом”⁴⁴⁷. Жюппе опасался, что для ослабленной и изолированной России возможным выходом могло стать утверждение своей военной мощи и распространение ядерного оружия, что особенно опасно, поскольку она находится на границе азиатского мира.

Следующей причиной необходимости постоянного диалога с Россией являлся, по мнению министра обороны А.Ришара, прогресс ядерного разоружения. Выступая перед Национальным собранием, он напомнил, что Дума ещё не ратифицировала договор Старт 2. Поэтому “не следует унижать Россию”, “эту бедную, но могучую державу”. Эта страна ещё не стабильна и “мы не должны провоцировать в ней националистической реакции”, - заявил министр⁴⁴⁸.

В контексте обеспечения национальной безопасности больше не рассматривалась “угроза с Востока”, исходящая от российской армии, и не только потому, что она, по мнению французского министра, “переживала глубокий кризис”. Во Франции отдавали себе отчёт в том, что опасения восточноевропейских стран и новых независимых государств Прибалтики в большей степени были связаны с подозрениями в адрес имперских амбиций России, которых французы, впрочем, не отрицали: “Действительно, Россия сохраняет военное присутствие в большинстве стран бывшего СССР, в частности, в качестве сил разъединения в Средней Азии и на Кавказе. Точно также можно сказать, что эти “задачи по поддержанию мира” больше похожи на “миссии по поддержанию империи”. Конечно, Россия не расположена делать ставку на коллективную безопасность в своём “ближнем зарубежье”/.../. Но эти имперские пережитки /.../свидетельствуют, прежде всего, о живучести комплекса враждебного окружения, от которого страдает Россия”, - отметил

⁴⁴⁷ Ibid. P.251.

⁴⁴⁸ Assemblée Nationale: Avis présenté au nom de la Commission des Affaires Etrangères sur le projet de loi de Finances pour 1998(N230). Nov. 1997. T.V “Défense”: Audition du ministre de la Défense. P.33.

А.Ришар⁴⁴⁹. Сохранение ядерного потенциала России оправдывало, среди прочих опасностей, существование французского ядерного сдерживания. Одним из мотивов возобновления ядерных испытаний осенью 1995 г. Ж.Ширак назвал возможность, что “завтра какой-нибудь правый экстремист/.../придёт к власти в России, где сохранилась значительная ядерная мощь”⁴⁵⁰.

Предотвращению этой опасности могло и должно было служить, по мнению Франции, “включение России в большую европейскую семью”: “это европейский сосед, судьба которого неотделима от судьбы всего континента”⁴⁵¹. Франция надеялась увеличить вес собственной дипломатии, способствуя интеграции России в новую Европу, чему и служило понятие «привилегированного» франко-российского партнёрства. Франция видела свою задачу в подключении России к равноправным отношениям с Западом на международной арене, а также в содействии процессам внутренней демократизации в стране.

Что касается первого, то Ж.Ширак приветствовал настойчивое желание России превратить Большую семёрку в Восьмёрку⁴⁵². Он выступал за то, чтобы участие России не ограничивалось сложившейся практикой обсуждения важных политических вопросов, но стало полноправным⁴⁵³. Г.Коль был в этом согласен с французским президентом, в то время как Япония протестовала против включения России в круг избранных. Согласие французского президента председательствовать вместе с Б.Н.Ельциным на встрече Восьмёрки по проблемам ядерной безопасности в Москве (в апреле 1996 г.), созванной по инициативе последнего, должно было продемонстрировать стремление Франции способствовать процессу

⁴⁴⁹ Ibid. P.11. Последнее высказывание принадлежит докладчику Комиссии по иностранным делам депутату Ж.Мегару (J.Mégard).

⁴⁵⁰ Allocution de M. Le Président J. Chirac sur TF-1// Le Monde . - 1995. - 11 septembre.

⁴⁵¹ Allocution de M.A.Juppé: diner d'honneur de M. V.Tchernomyrdine. Paris, 26 novembre 1996.

⁴⁵² Известия, 24 сентября 1997.

⁴⁵³ Пресс-конференция Ж.Ширака в Москве. 20 апреля 1996.

подключения России к элитарному клубу развитых индустриальных держав.

Ж.Ширак поддержал вступление России во Всемирную торговую организацию и в Парижский клуб кредиторов, в котором Россия хотела участвовать именно в этом качестве⁴⁵⁴. Франция настаивала и на подключении России к плану установления мира в бывшей Югославии, несмотря на отрицательное отношение Москвы к роли НАТО в боснийском урегулировании. Однако, во многом благодаря демаршам Франции, российские миротворцы присоединились к международным силам (IFOR).

Настойчивое стремление подключить Россию к решению важнейших международных проблем именно в 1996 г. находится в прямой связи как с нарастанием франко-американских разногласий, так и с обострением борьбы вокруг расширения НАТО на Восток. Обе темы тесно связаны с вопросом о месте России во французском проекте архитектуры европейского континента: со стремлением Франции утвердить Европу в качестве центра силы или «Европы-державы» («l'Europe-puissance») и с идеей Большой Европы «от Атлантики до Урала» – «объединённой и открытой», «мирного пространства». Обе эти идеи являются центральными во французской концепции многополюсного мира, однако границу между ними не всегда можно определить, хотя такое уточнение имеет большое значение для франко-российских отношений.

Выше мы переводили «l'Europe-puissance» как «Европа-держава», поскольку в историко-политическом контексте понятие «puissance» обычно вызывает к образу великих держав XIX в. или двух сверхдержав времён холодной войны, хотя во французском языке оно обозначает, прежде всего, внешнеполитическое могущество государства или иного субъекта международных отношений. Неологизм «Европы-державы» во

⁴⁵⁴ Conférence de presse de M. A. Juppé le 26 novembre 1996 (во время визита В. Черномырдина в Париж).

французском дипломатическом словаре начала 90-х годов обозначал новое, политическое качество ЕС, способное придать Сообществам международное могущество, но не был понятием, географически детерминированным. Поскольку, как правило, понятие «Европа-держава» употреблялось в контексте Совместной внешней политики ЕС или ЗЕС⁴⁵⁵, Россия вряд ли входила в его границы. Оно относилось к целям европейской интеграции и потому определяло видение будущей планетарной роли ЕС, его особый вес в мире, сопоставимый с весом США. В начале XXI века, в ходе подготовки договора в Ницце, понятие это стало устойчивым обозначением перспективы внешнеполитического единства ЕС с целью обретения им международного могущества.

Не принадлежа «Европе-державе», Россия принадлежит «Большой Европе». В высказываниях Ж.Ширака ЕС представлялся «фундаментом» (le socle) Большой Европы: «сплочённый благодаря реформе своих институтов, /.../ завтра он будет расширен до 20, или до 30 государств после 2000 года»⁴⁵⁶. Вовсе необязательно, что все европейские государства станут его членами. Будущее ЕС не тождественно Большой Европе. Ж.Ширак указал, что Союз образует её вместе с нациями, которые не войдут в его состав, но «веками принадлежат к большой европейской семье»⁴⁵⁷. Надо полагать, что Россия - в их числе.

В этой связи хочется вспомнить о столь же образном, сколь неопределённом с институциональной точки зрения голлистском понятии «Европы от Атлантики до Урала». Потребность уточнить её границы стала особенно насущной в начале 1999 г., в связи с косовским кризисом. Ж.Андреани, которому принадлежит пространное рассуждение о европейской идентичности, относящееся к тому времени, считает, что определение, данное де Голлем, служило отражением его двойного

⁴⁵⁵ Allocution de J.Chirac devant l'Assemblée parlementaire de l'UEO. Berlin, 7 oct.1996.

⁴⁵⁶ Речь Ж.Ширака в Варшаве 12 сент. 1996. Le Monde, 14 sept.1996.

⁴⁵⁷ Le Monde, 16 mars 1995 – программная речь Ширака.

видения России: « её история, её культура сотворили некую смешанную реальность, одновременно обращённую и к Европе, которая была её собственной частью, но и к чему-то иному. Это общество, политический и культурный путь которого создали особую реальность, одновременно и неотделимую от Европы, и не подлежащую европейской ассимиляции»⁴⁵⁸. Автор полагает, что у де Голля речь шла о России в качестве части Европы только «до Урала», то есть о той её сути, которая была обращена к европейской цивилизации, а не о России в едином политическом, культурном и географическом понимании. Такое толкование подразумевает, что для современного французского наблюдателя Большая Европа как некое единство «от Атлантики до Урала» не обязательно тождественна своим географическим границам. Как и в годы становления идеи СБСЕ, для французских пан-европеистов речь идёт о Европе, тяготеющей к единым либеральным ценностям, к демократии и стабильности, и для них участие России в этой Европе является хотя и важным, но, как показали франко-российские отношения 1999-2001 годов, далеко не безусловным.

В то же время, геостратегическая цель французской дипломатии – строительство многополюсного мира – обязательно учитывает Россию в качестве отдельного от ЕС, но «другого важного европейского полюса»⁴⁵⁹.

В особом климате середины 90-х годов, когда стало очевидным признание партнёрами Франции по ЕС необходимости сохранения американского присутствия в Европе, также как стремление американцев осуществлять свою политическую и военную гегемонию и на континенте, и на его периферии, Ж.Ширак стремился подчеркнуть роль России в Европе. В его предвыборной декларации есть мысль о том, что Россия должна стать, наряду с НАТО и ЕС, «второй опорой» европейской

⁴⁵⁸ Andréani G. L'Europe des incertitudes// Commentaire. - Printemps 1999. - N85. P.27.

⁴⁵⁹ Discours de M. J.Chirac devant l'Assemblée de l'UEO, 30 mai 2000. Ibidem. P.5.

безопасности и стабильности. Интересно, что позже Ж.Ширак к этой мысли не возвращался⁴⁶⁰.

Другим важным фактором франко-российских отношений того периода была неуверенность французских правящих кругов в необратимости демократических и либеральных процессов в России. Подобно тому, как в конце 80-х годов М.С.Горбачёв был в глазах Ф.Миттерана гарантом продолжения реформ и одновременно сохранения стабильности СССР, Б.Н.Ельцин стал для Ж.Ширака залогом движения России к рыночной экономике и демократии. Причины понимания, выказанного Шираком российскому руководству, связаны, во-первых, с поисками противовесов растущему американскому влиянию в мире, а во вторых, со стремлением к европейской стабильности, невозможной без стабильности и без развития демократии в самой России. Поэтому Франция стремилась не допустить маргинализации России в Европе и в мире, что определило другое важное направление французской политики в отношении России – содействие демократизации и рыночным реформам. Принципиально эта линия вписана в одно из центральных направлений внешней политики Франции – “содействие развитию”, хотя помощь России и не включена в соответствующую статью бюджета, предусматривающую помощь развивающимся странам Африки, Азии и Латинской Америки.

В то же время, позиции российского правительства на международной арене в целом неизменно выигрывали от подобной гуманитарной заинтересованности Франции в процессе российских реформ. Франция уделяла большое внимание диалогу между Россией и ЕС: она активно участвовала в подписании промежуточного соглашения России и ЕС, которое последовало за договором о сотрудничестве (24 июня 1994 г.), вступившим в силу 1 февраля 1996 г., в программах научно-

⁴⁶⁰ De Tinguy A. Op. cit. P.84.

технического сотрудничества TACIS и CIST⁴⁶¹. Франция выступила сторонником принятия плана действий ЕС в пользу России (декабрь 1996 г.) и поддержала просьбу России о вступлении в Совет Европы. По настоянию Ж.Ширака и Г.Коля Парламентская ассамблея Совета Европы согласилась на членство России в Совете, несмотря на войну в Чечне⁴⁶².

Франция была заинтересована в постоянном диалоге с Россией по проблемам европейской безопасности, в частности, в рамках ОБСЕ. С начала 90-х годов обе страны выступили за усиление роли этой организации, хотя и по разным причинам. В разгар югославского кризиса, в середине 90-х годов, Россия высказалась за создание при ОБСЕ органа, подобного СБ ООН с исполнительными функциями. Его члены должны были бы обладать правом вето⁴⁶³. Хотя Комиссия по иностранным делам Национального собрания Франции высказалась в том же духе⁴⁶⁴, Ж.Ширак не разделял стремления России подчинить ОБСЕ другие европейские организации, занимающиеся вопросами безопасности. Для него ОБСЕ является дополнительным, хотя и необходимым инструментом обеспечения стабильности в Европе, поскольку это единственная общеевропейская организация безопасности, в которой Россия, как и все европейские государства, может участвовать на равноправной основе, поддерживая прямой диалог со всеми европейскими странами, а также с США и Канадой.

Кроме того, выступления Ж.Ширака в пользу усиления роли ОБСЕ имели целью компенсировать России дипломатические издержки расширения НАТО на Восток. Следует отметить, что Ж.Ширак занял в этом вопросе наиболее благожелательную позицию в отношении России. Французский президент не мог противиться процессу расширения, но он

⁴⁶¹ CIST – Centre International des Sciences et Techniques.

⁴⁶² 25 января 1996 г. См.: Независимая газета, 24 янв. 1996.; Московские новости, 28 янв. – 4 февр. 1996 (№4).

⁴⁶³ Предложение Б.Н.Ельцина на Будапештском саммите ОБСЕ в 1994 г.

⁴⁶⁴ Assemblée Nationale. Avis ...de la Commission... Op.cit. T.V. P.23.

сделал всё возможное, чтобы убедить своих союзников не форсировать процесс до президентских выборов июня 1996 г. Только после переизбрания Ельцина Ж.Ширак позволил себе в Варшаве (в сентябре 1996 г.) заявить, что вступление Польши в НАТО должно стать “неотвратимым” в 1997 г.⁴⁶⁵.

Париж стремился уверить Москву в том, что он “понимает сдержанность” российской стороны в вопросе расширения НАТО, и в том, что “расширение НАТО ни в коем случае не должно быть расценено русскими как безответственное, опасное и унижительное для них”. Новая система европейской безопасности должна создаваться с “полноправным участием России”, и НАТО не должна восприниматься в качестве “инструмента нового раскола” Европы⁴⁶⁶.

Ж.Ширак ратовал за заключение договора Россия-НАТО в дополнение к программе Партнёрства ради мира. В Лиссабоне в декабре 1996 г., французский президент предложил пойти навстречу пожеланиям России относительно пересмотра договора 1990 г. по обычным вооружениям в качестве компенсации за расширение НАТО на Восток⁴⁶⁷. Ж.Ширак выступил инициатором приглашения России на Мадридский саммит НАТО 1997 г., где должен был обсуждаться вопрос о приёме первых восточноевропейских кандидатов на вступление в эту организацию. Российский президент отказался от участия в этой встрече.

В Мадриде Ширак противился перспективе приёма в НАТО стран Балтии именно в связи с трудностью для России примириться с такой возможностью, но вынужден был подписать финальный документ, в котором приветствовалось их стремление вступить в эту организацию. Позже, в конфиденциальной беседе с Б.Н.Ельциным во время встречи

⁴⁶⁵ Le Monde, 14 septendre 1996 – выступление Ж.Ширака перед польским Сеймом.

⁴⁶⁶ Совместная пресс-конференция Ж.Ширака и Б.Н.Ельцина 21 октября 1995 (Париж); совместная пресс-конференция Э.де Шаретта с К.Кинкелем 7 окт.1996 // Сегодня, 8 октября 1996; пресс-конференция А.Жюппе // Известия, 13 февраля 1996.

⁴⁶⁷ Grand C. Op.cit. P.167. Предложение было озвучено на саммите ОБСЕ.

“Большой тройки” в Москве (март 1998 г.) Ширак выказал своё сдержанное отношение к подобным планам, однако возмутился, когда пресс-секретарь президента С.Ястржембский разгласил содержание этого частного разговора. Французский МИД тогда сразу выступил с опровержением информации о противодействии Франции приёму в НАТО стран Балтии.

Б.Н.Ельцин в глазах французов являлся гарантом стабильности в стране, противостоящим экстремистским (коммунистическим и националистическим) силам⁴⁶⁸. До осени 1999 г. это проявлялось в отношении Франции (разделяемом Западом в целом, включая США) к войне в Чечне. В то время как общественное мнение Франции было возмущено действиями федерального правительства России в Чечне, Ж.Ширак ограничился заявлениями в пользу политического урегулирования конфликта и выказал свою озабоченность развитием событий. Из боязни повредить позициям Б.Н.Ельцина, особенно в период президентской избирательной кампании 1996 г., все западные руководители воздерживались от резких выступлений в защиту прав человека в Чечне. Однако Франция была среди тех, кто настоял на подключении ОБСЕ к урегулированию ситуации. После временной приостановки, переговоры с Россией о её вступлении в Совет Европы и о заключении промежуточного соглашения Россия-ЕС⁴⁶⁹ были возобновлены и успешно завершились ещё до окончания первой военной операции России в Чечне⁴⁷⁰. Проявленный французским правительством “реализм” стал предметом резкой критики общественных организаций во Франции. Особенно резко выступали “Врачи без границ”⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Le Figaro, 28 octobre 1995 (отчёт о выступлении Ширака по TF – 2 (27 окт.1995).

⁴⁶⁹ Соответственно 2 февраля 1995 и в марте 1995.

⁴⁷⁰ Соответственно в январе 1996 и в июле 1995.

⁴⁷¹ Le Monde, 24 octobre 1995; 27,30 janvier, 23 avril 1996.

Помимо политической поддержки правящему российскому президенту Франция неоднократно заявляла о намерении оказывать экономическое содействие процессу реформ в России. Через МВФ Франция участвует в кредитовании России, она благосклонно отнеслась к реструктуризации российского долга парижским клубом кредиторов (в апреле 1996 г.). В свою очередь Россия, в целях успешного размещения ГКО во Франции, подписала договор об урегулировании «царских долгов» французским вкладчикам (26 ноября 1996 г.)⁴⁷². В феврале 1996 г. была утверждена двусторонняя Комиссия по проблемам экономического и научно-технического сотрудничества под председательством премьер-министров Франции и России⁴⁷³.

Но во Франции под экономическим содействием подразумеваются не только контакты в рамках различных межправительственных комиссий (регулярные встречи премьер-министров и министров двух стран), но и широкое развитие экономических связей на уровне гражданских обществ России и Франции⁴⁷⁴. А в этом направлении развитие сотрудничества не удовлетворяет обе стороны. Хотя франко-российские торговые обмены за 4 года (с 1992 по 1996) удвоились (с 12,9 млрд. до 25,7 млрд. фр.), во внешнеторговом обороте России на Францию приходилось лишь 3% (она стоит после Лихтенштейна и Кипра), а среди инвесторов находилась в 1997 г. на 9-ом месте, вложив в виде прямых инвестиций в России около 300 млн. дол.⁴⁷⁵. Во время визита Ж.Ширака в 2002 г. был отмечен некоторый рост двустороннего товарооборота и французских инвестиций в

⁴⁷² Сегодня, 30 октября, 26,28 ноября 1996.

⁴⁷³ Соответствующая декларация опубликована 15 февраля 1996 г.: Дипломатический вестник, 1996, №3. На встрече двух президентов 11 января 1996 г. во время траурных церемоний в связи с кончиной Ф.Миттерана было принято решение о создании главной координирующей структуры всего комплекса двусторонних отношений – Российско-Французской Комиссии по вопросам двустороннего сотрудничества на уровне глав правительств, заседания которой поочередно проходят в Москве и в Париже.

⁴⁷⁴ В июле 2001 г., во время визита Ж.Ширака в Россию было объявлено о создании Российско-французского общественного совета представителей гражданского общества. См.: Дипломатический вестник, 2001, №8. С.9.

⁴⁷⁵ Финансовые известия, №83, 4 ноября 1997.

российскую экономику. Товарооборот между Россией и Францией достиг 3,7 млрд. долларов. Из них на долю России приходится 2,2 млрд., а на долю Франции – 1,5 млрд. В российской внешней торговле Франция занимает 12 место, т.е. всего 4% внешних товарообменов России⁴⁷⁶. Товарооборот России с Германией, удерживающей первое место, почти втрое больше. Накопленные инвестиции Франции составляют 10% от общей их суммы в России. По этим показателям Франция стоит на 4-ом месте⁴⁷⁷.

Президенты двух стран во время встречи в Москве в сентябре 1997 г. говорили о планах удвоения российско-французского товарооборота до 2000 г., но серьёзные препятствия развитию более глубокого экономического сотрудничества, а особенно расширению французских инвестиций продолжают существовать. Прежде всего, французское отставание в этой области определяется присущей французским деловым кругам осторожностью, поскольку у них нет уверенности в политической и экономической стабильности России, а также в обеспечении законности и безопасности деятельности иностранных фирм в стране. Серьёзный удар по французским предприятиям и займам ГКО в России нанёс августовский кризис 1997 г.: несмотря на хорошие показатели роста французского экспорта в Россию в 1-ом квартале 1997 г. (на 30%), в 1998 г. он существенно сократился (с 3,2 млрд. долларов – в 1997 г. до 2,7 млрд. долларов в 1998⁴⁷⁸). Объявленный правительством Кириенко дефолт подорвал небольшой кредит доверия к способности России отвечать по своим экономическим обязательствам. На французском рынке страхования внешнеторговых рисков Россия вернулась из пятой в последнюю, шестую категорию⁴⁷⁹. Французский экспорт в Россию

⁴⁷⁶ Rencontre Poutine-Jospin // Le Monde. – 2001. - 23 octobre.

⁴⁷⁷ Дипломатический вестник, 2002, №8. С.20; Брегадзе А. Россия-Франция. Старый друг лучше новых двух // Международная жизнь. – 2002. - № 12. С. 58(*).

⁴⁷⁸ Le Monde, 14-15 janvier 1999.

⁴⁷⁹ Шпынов И.А. Париж-Москва.// МЖ. - 1999. - №3. С.52.

находится на том же уровне, что и экспорт в Польшу при всей несопоставимости рынков. По уровню французских инвестиций Россия далеко отстаёт от Венгрии.

А. де Танги, специализирующаяся в области франко-российских отношений, считает, что такой разрыв между политикой и коммерцией во франко-российских отношениях вдвойне опасен: «он снижает дипломатическую роль Франции, поскольку Ж.Ширак заявляет, что «экономические возможности» составляют всё более важную основу «усиления внешнеполитического могущества»». Напомним, что французский президент постоянно призывает французских дипломатов сделаться не только проводниками политических и культурных интересов своей страны, но и интересов французских предпринимателей с целью содействовать росту занятости во Франции⁴⁸⁰. Если существующая тенденция, согласно которой французский экспорт в страны ЦВЕ значительно превышает обмены с Россией и странами СНГ, сохранится, то, - предупреждает А. де Танги, - «экономический разрыв между двумя Европами пройдёт по границе между странами ЦВЕ, стремящимися в ЕС, и новыми независимыми государствами» (бывшего СССР)⁴⁸¹.

Слабая заинтересованность в проблемных экономиках – характерная черта французского бизнеса, и не на экономическом направлении в ближайшее десятилетие следует России ожидать от Франции поддержки полноценной интеграции в европейское и мировое сообщество. «Привилегированное» политическое партнёрство России и Франции, к которому во времена совместной европейской деятельности Коля и Ширака подключилась Германия, является одним из важных условий этого процесса. Стремление Ширака стать благожелательным посредником между Россией и Западом определилось ещё и тем обстоятельством, что с

⁴⁸⁰ Le Monde, 30 août 1996.

⁴⁸¹ Tinguay de A. Op. cit. P. 91.

начала перестройки эта роль всё лучше удавалась Германии. Французские аналитики не соглашались с российским видением этой интриги: они не считают, что в данном случае речь идёт прежде всего о реакции Франции на объединение Германии. Во Франции трактуют эти отношения иначе: «франко-германское согласие, которое сегодня стоит в центре европейского строительства, является привилегированным инструментом интеграции России в Европу»⁴⁸².

Осенью 1997 г. президенты России, Франции и канцлер ФРГ договорились ежегодно проводить трёхсторонние встречи в верхах⁴⁸³. Инициатор создания новой «оси Париж-Берлин-Москва», Б.Н.Ельцин заявил, что теперь Европа обойдётся «без дяди из-за океана»⁴⁸⁴. Его европейские партнёры в этом вопросе были сдержаннее. Их согласие в значительной степени было вызвано желанием оказать поддержку Б.Н.Ельцину, состояние здоровья которого тогда внушало большие опасения. Тёплые личные отношения и во франко-российском, и в германо-российском диалоге (в «парах» Б.Н.Ельцин - Ж.Ширак и Б.Н.Ельцин - Г.Коль, так же как В.В.Путин - Г.Шрёдер) играли важную роль. Решение это было мотивировано заинтересованностью Франции и Германии в российском участии в совместных миротворческих операциях, в постоянном диалоге Запада и России по сокращению обычных вооружений и в стабильности поставок энергоносителей из России в ЕС. Ведь регулярные трёхсторонние встречи в Москве означали возможность контактов с представителями государственного аппарата, который и во Франции, и в Германии считается олицетворением большей стабильности, нежели подверженная политической конъюнктуре и иным случайностям

⁴⁸² Tinguay de A. Op. cit. P. 85.

⁴⁸³ Инициатива принадлежала Б.Н.Ельцину (на саммите Совета Европы в Страсбурге 10-11 окт. 1997 г., когда Россия стала его полноправным членом).

⁴⁸⁴ Независимая газета, 11 окт. 1997.

президентская власть⁴⁸⁵. Кроме того, во Франции ещё не улеглось чувство раздражения против США после Мадридского саммита НАТО.

Хотя встречи “большой тройки” не должны были носить формального характера, эта договорённость была важна для европейской политики. Во всяком случае, Т.Блэр обиделся, что его не пригласили к ним присоединиться: он расценил это как ущемление роли Великобритании в Европе⁴⁸⁶. В то же время, несмотря на настойчивое желание российского президента придать встречам “Большой тройки” значение “тройственного союза” крупнейших европейских государств – вершителей судеб континента (о чём свидетельствует, в частности, реплика Ельцина: “Не собирать же 100 человек...”)⁴⁸⁷, и Ж.Ширак, и Г.Коль единодушно заявляли, что их участие в Большой тройке служит лишь цели подключения России к мировому сообществу, но никак не нарушает их приверженности ЕС. Подарок Ельцина – драгоценные ковшики, скреплённые золотым ключом с головкой в виде Земли, а особенно символический жест президента России, оставившего ключ у себя, поставил обоих российских партнёров в неловкое положение: они были вынуждены пояснить, что это не означает российской гегемонии в “Тройке” (при этом Ельцин выразительно похлопал себя по карману, лукаво посмотрев на журналистов).

Не стоило бы столь подробно останавливаться на ритуалах, обставляющих франко-российское “привилегированное партнёрство”, если бы они не занимали такого места в политических отношениях Франции и России во второй половине 90-х годов. “Привилегированный” характер

⁴⁸⁵ В частности, одной из главных, хотя не афишируемых целей визита Коля и Ширака в Москву в марте 1998 г., после внезапной отставки правительства Черномырдина, было желание «разобраться на месте» в ситуации, которая в глазах Запада была проявлением российской «непредсказуемости». Контакты с новым и.о. премьера Кириенко успокоили обоих лидеров. См.: Калашников В. Внешняя политика на одно лицо // Власть. – 1998. – №11. С.24-26.

⁴⁸⁶ Известия, №195, 14 октября 1997.

⁴⁸⁷ Во время встречи в Москве 26 марта 1998 г: Сегодня, 26-29 марта 1998. См. также: Дипломатический вестник, 1998, № 4.

этого партнёрства не перекрывал того факта, что ни Россия для Франции, ни Франция для России не являлись приоритетными партнёрами. Дружба с Россией не была способна перекрыть тех выгод, которые Франция получала от сотрудничества с США, не говоря уже об отношениях со странами ЕС. И коррелятивная связь между двумя сферами партнёрства – франко-российской и евро-атлантической – прослеживается достаточно чётко. Заинтересованность Франции в особых отношениях с Россией возрастает всякий раз, когда у Парижа возникают трения с Вашингтоном, особенно если они приводят к кризису взаимопонимания с партнёрами по ЕС. Когда же Франция разворачивается в сторону усиления политического взаимодействия с США, её дипломатия меньше задумывается о политкорректности в отношении Москвы. Подтверждением этого тезиса могут служить колебания франко-российских отношений, отмеченные несколькими ключевыми международными событиями: натовской операцией против Югославии весной 1999г., террористической атакой против США 11 сентября 2001 г. и иракским кризисом 2002-2003 гг.

В истории «большой тройки» эта тенденция не замедлила проявиться. Дело не только в том, что новый канцлер ФРГ Г.Шрёдер, сменивший Г.Коля в 1999 г., заявил, что он не намерен выделять вне ЕС «привилегированных партнёров» Германии, показав тем самым, что «Большая тройка» ушла в прошлое. Усиление позиций Франции внутри ЕС и в евро-атлантической сфере потребовало её присоединения к натовской политике в отношении Югославии в 1999 г., что нарушило благоприятный климат франко-российских отношений. Хотя именно президент Франции в ночь на 24 марта 1999 г. в телефонном разговоре предупредил Б.Н.Ельцина о предстоящем начале натовской воздушной атаки на Белград⁴⁸⁸ и в течение всей военной операции старался поддерживать регулярную связь с Москвой, дабы избежать обострения

⁴⁸⁸ Дипломатический вестник, 1999, №4. С. 10.

дипломатического противостояния в связи с косовским кризисом, российский президент позволил себе проявления дурного настроения в отношении своего «друга Жака», заметные во время встречи в Москве в мае 1999 г.⁴⁸⁹. Между тем, несмотря на участие Франции в военной операции НАТО против Югославии, которую Россия характеризовала, как агрессию⁴⁹⁰, и на разногласия в урегулировании конфликта на Балканах, она была согласна с Россией в том, что план мирного урегулирования вокруг Югославии, основанный на семи боннских принципах, должен быть официально оформлен резолюцией СБ ООН, как и в том, что международное присутствие в Косово возможно только с согласия Белграда и на основании резолюции СБ ООН⁴⁹¹. Однако трёхсторонних франко-германо-российских консультаций по балканскому урегулированию не проводилось. Натовская солидарность в вопросе, противопоставившем альянс России, не оставляла благоприятных возможностей для иных форм многостороннего сотрудничества.

Известный французский специалист по стратегическим проблемам Д.Давид назвал франко-германо-российский треугольник «мгновенной вспышкой» (по-французски: «сгорел, как солома»). По его мнению, недолговечность этого опыта доказала, что «между двусторонними отношениями, построенными на конкретных интересах, и многосторонним диалогом (например, с ЕС) нет места для промежуточных конструкций, не располагающих реальными средствами и не предлагающих ничего такого, что не могло бы быть достигнуто другим путём»⁴⁹², и это замечание совершенно справедливо в отношении к конкретной ситуации, сложившейся в связи с югославским кризисом 1999 г. Но притягательность

⁴⁸⁹ Дипломатический вестник, 1999, №5. С.41 (телефонный разговор Б.Н.Ельцина с Ж.Шираком 26 апреля 1999 г.); Дипломатический вестник, 1999, №6. С. 20, 17 (российско-французские консультации по Косово 24-25 мая 1999 г.).

⁴⁹⁰ Соответствующий раздел «Дипломатического вестника»(1999, №6) озаглавлен: «Агрессия НАТО против Югославии».

⁴⁹¹ Рабочий визит Ж.Ширака в Россию (12-13 мая 1999 г.) // Дипломатический вестник. – 1999. - №6. С. 20.

⁴⁹² David D. Moscou/Paris : Quelle relation pour le nouveau monde ? // Les notes de l'IFRI. - Juin 2002. - N°41. P.19.

истории современности состоит в том, что в ней трудно избежать искушения строить прогнозы, как и в том, что справедливость этих прогнозов можно достаточно быстро проверить. Потребность в доверительных отношениях внутри франко-германо-российского треугольника снизилась в 1999 г., чтобы вновь возникнуть зимой 2002-2003 года, в связи с проблемой легитимации американского вмешательства в Ираке. «Дядя из-за океана» (упомянутый в своё время Б.Н.Ельциным) играет в этих отношениях весомую роль.

Прежде чем остановиться на подробном анализе вышеозначенной связи, представляется уместным высказать ряд замечаний, не касающихся преходящих внешнеполитических событий, но более длительной и устойчивой тенденции мировоззренческого плана. Политологический анализ чутко откликается на изменения политической конъюнктуры. Всё же он призван не только обосновать, но и способствовать формированию внешнеполитических решений. Чтение трудов французских внешнеполитических аналитиков, а также тех, кого в послевоенной Франции со времён Сартра и Камю принято называть «властителями дум» - «*maitres-à-penser*», интеллектуалов, пользующихся известностью и влиянием во французском общественном мнении, способствует поискам ответа на вопрос: во что верят политики, принимающие решения»?

3. Международный вес России глазами французов

Традиционно, с 40-х годов XX века, во французской политической элите наиболее ярко проявляются две главных ориентации. Первая восходит к политике атлантической солидарности и тесного союза с США, заложенной с начала Четвёртой республики партиями коалиции «Третьей силы», в частности, социалистами. В своё время «Третья сила» противостояла как коммунистам и СССР, откуда пошло настороженное

отношение её составляющих к восточной сверхдержаве (нередко воскресающее и в отношении России), так и голлистам, которые подвергали правительство резкой критике за отказ от независимой внешней политики в пользу союза с США.

Второе направление наиболее ярко представлено голлистским течением. Его сторонники настаивают на утверждении планетарной роли Франции и, хоть и принимают союз с США, основанный на общности «западных» ценностей, но противятся американской гегемонии, а потому тяготеют к прямому диалогу с СССР/Россией. Несмотря на то, что голлистские принципы в целом восторжествовали в дипломатии Пятой республики, указанное различие продолжает сказываться во внешней политике при смене президента и правящего большинства. Наряду с этими, достаточно постоянными, тенденциями проявляются дополнительные обстоятельства, связанные с колебаниями международной конъюнктуры, о которых мы упомянули выше. И в плане краткосрочных колебаний внешнеполитического курса, и в отношении устойчивых убеждений политиков и аналитиков можно проследить всё ту же особенность: чем сильнее во Франции притяжение США, тем слабее заинтересованность в России. Но логика голлистской дипломатии предусматривает ценность франко-российского диалога лишь при условии, что Россия, как прежде СССР, является мировым или европейским полюсом силы, противовесом США, подобно тому, как союз с сильной в военном отношении восточной державой был важен Франции для окружения Германии с конца XIX века и до второй мировой войны. К концу 90-х годов XX века с этой точки зрения Франция, как представляется, утратила важные мотивы для укрепления привилегированных отношений с Россией.

Анализ серии работ французских аналитиков показывает, что они сходились на констатации утраты Россией внешнеполитического

могущества, а это снижало в глазах французской стороны ценность особого франко-российского диалога⁴⁹³. Характерно, что в популярной брошюре П.Бонифаса, близкого социалистам, в руках которых находился тогда контроль над правительством, «Является ли ещё Франция великой державой?» (1998 г.), о России и франко-российских отношениях не упоминалось вовсе⁴⁹⁴, притом, что целая глава посвящена значению союза с США для поддержания международной роли Франции, обоснованием чему служит неоспоримое американское могущество⁴⁹⁵.

Сотрудник П.Бонифаса А.Дюбьен⁴⁹⁶ посвятил свою статью «Упадку русского могущества». Вслед за А. де Танги он исходит из определения могущества, данного Р.Ароном. Подобно А.де Танги, он считает, что Россия больше не обладает «способностью навязать свою волю другим». «До 1989 г. Москва была эпицентром мирового могущества, спорила наравных с Вашингтоном и играла ведущую роль в определении глобального стратегического баланса»⁴⁹⁷. В 1997-1999 гг. к факторам ослабления влияния России в ближнем постсоветском и восточноевропейском окружении (ропуск СЭВ и Варшавского договора, падение её престижа и связующей роли в СНГ на протяжении 90-х годов) добавилось бессилие противостоять планам НАТО по расширению на Восток, в том числе на бывшие советские республики - страны Балтии, так же как военной операции против Югославии. Результаты двух античеченских операций российской армии, по мнению А.Дюбьена, показали, что центральный элемент традиционного русского могущества – военная сила – утратил свою эффективность. К этому добавляются социальная и экономическая

⁴⁹³ Sokoloff G. La Russie échappera-t-elle à la décadence ? // RI et S. - Été 2000. - N°38 ; Dubien A. Russie – CEI : une hégémonie contestée // Ibidem ; Tanguy de A. La Russie entre la puissance et l'impuissance // Ibidem (Россия была специальной темой летнего, 38-го номера журнала) ; Dubien A. De l'URSS à la Russie : le déclin de la puissance russe // RI et S. - Printemps 2001. - N° 41.

⁴⁹⁴ Boniface P. La France est-elle encore une grande puissance ? – P. : Presses de Sciences Po, 1998.

⁴⁹⁵ См. выше: Глава 5, §2: Франция-США – две модели мира.

⁴⁹⁶ А.Дюбьен – научный сотрудник IRIS (Institut des Relations Internationales et Stratégiques), директором которого является П.Бонифас.

⁴⁹⁷ Tanguy de A. Op .cit. P. 211 ; Dubien A. Op.cit . P. 157.

нестабильность, упадок промышленности, трудности приобщения к рыночной экономике, снижение роли в мировой торговле (постепенное превращение страны в поставщика сырья и полуфабрикатов). Политическая система также уязвима, поскольку стабильность правительства черезчур привязана к личности президента, а прогресс демократии тормозится отсутствием развитого гражданского общества, подлинной независимости судебной власти, повседневными нарушениями прав человека и ущемлением свободы печати⁴⁹⁸. Автор приходит к выводу, что «постимперская Россия, по всей видимости, обречена стать /.../ «нормальной» страной»⁴⁹⁹.

Анализ А. де Танги добавляет к вышесказанному существенное качество новой России, объясняющее, по её мнению, сохранение за Москвой роли «партнёра, с которым следует считаться». В речах российских и зарубежных, в том числе французских политиков Россия, несмотря на упадок своего влияния и утрату своих позиций в мире, продолжает обозначаться в качестве ведущего игрока на международной арене. Эта парадоксальная, по мнению автора, ситуация происходит не только из воспоминаний о былом могуществе и ожиданий его воскрешения в будущем и даже не из громадной территории, особенностей геостратегического положения России на стыке Европы и Азии, богатства её недр и выдающегося научного потенциала. Главным источником влияния России со времён распада СССР А. де Танги считает её слабость⁵⁰⁰. В момент крушения СССР опасения, что ядерная держава будет ввергнута в хаос гражданской войны или станет добычей политических экстремистов, обусловили практически безусловную поддержку курса Б.Н.Ельцина на Западе. Географическая близость России к ЕС породила у европейцев чувство взаимозависимости в области

⁴⁹⁸ Ibidem. P. 160.

⁴⁹⁹ Ibidem. P. 162. Курсив мой – Е.О.

⁵⁰⁰ Tanguy de A. Op.cit. P. 218.

безопасности, заставляющее их заботиться о восточном соседе. «России удалось утвердить идею, что её ослабление могло повлечь за собой столь ужасные последствия для внешнего мира, что в его же интересах оберегать её и ей помогать. Она сумела превратить свою слабость в фактор могущества»⁵⁰¹. Таков был «гносеологический» контекст франко-российского охлаждения 1999-2001 годов. Затянувшийся переходный период в России, неоправдавшиеся надежды на быструю демократизацию российского государства и общества, так же как изменения внешнеполитических приоритетов Франции в те годы поставили и перед её дипломатией вопрос о целесообразности особых отношений с Россией в новом международном контексте 1997-1999 годов, ознаменованных рядом её дипломатических и военных неудач.

Эти сомнения проявились в известном выступлении одного из ведущих внешнеполитических аналитиков Франции Д.Давида (на франко-российском семинаре IFRI-МГИМО в ноябре 2001 г.), шокировавшем российскую аудиторию⁵⁰². Первый тезис этого выступления состоял в том, что франко-российские особые отношения строятся на «богатом, но устаревшем наследии» и что его явно недостаточно, чтобы оправдать «единственную на континенте специфическую связь, включающую Россию». Доминирующими в Европе после холодной войны можно скорее считать российско-германские отношения, построенные на широких экономических связях. В этом качестве к ним ближе российско-итальянские отношения. А «специальные» отношения с Парижем, напоминаниями о которых наполнены речи российских дипломатов, «принадлежат истории», «лишены реального содержания», поскольку ни одной из сторон не удалось вписать их в новую геостратегическую

⁵⁰¹ Ibidem. P. 219.

⁵⁰² David D. Moscou/Paris : Quelle relation pour un nouveau monde ? // Gomart T. Les rapports ruso-français vus de Moscou // Les notes de l'IFRI. Juin 2002. - N° 41 : Avant-propos. Русская версия: Давид Д., Гомар Т. Россия и Франция // МЖ. - 2002. - №3. Ответ заместителя директора Первого европейского департамента МИД России на это выступление: Брегадзе А.В. Россия-Франция. Старый друг лучше новых двух // МЖ. - 2002. - №12.

концепцию⁵⁰³. Для Франции важен прежде всего европейский контекст, а в нём «страны Западной Европы отныне не проявляются поотдельности». Для России ЕС является экономическим и финансовым собеседником, но Франция может играть в этом диалоге лишь второстепенную роль. Д.Давид считает, что Франция стала «разменной картой в игре ослабленной России». Париж служит подкреплением дипломатического веса Москвы в случаях, когда ей надо дистанцироваться от США или, на европейском уровне, активизировать ОБСЕ либо ослабить влияние НАТО. Важнейшие решения принимаются в диалоге Москвы с Вашингтоном. С точки зрения французской внешнеполитической стратегии «новая Россия представляется слишком громоздкой и слишком слабой. Слишком громоздкой, чтобы вписаться в западные институты. Слишком слабой, чтобы их уравновесить, побудить их к созданию единой континентальной конструкции». Эти качества не способны «сделать Россию привилегированным партнёром Франции, которая сама переживает период кардинальных изменений»⁵⁰⁴. Поиски новой внешнеполитической стратегии заставили французскую дипломатию сосредоточиться на трёх главных направлениях: консолидации внешней политики и политики безопасности ЕС, тесно связанной с определением своих отношений с НАТО; на участии в операциях *ad hoc* в рамках ООН и на перестройке вооружённых сил. Ни на одном из этих направлений, - заключает автор, - Россия не является привилегированным партнёром.

После холодной войны важной точкой совпадения геополитических замыслов Москвы и Парижа было стремление к многополюсному миру, но, как считает Д.Давид, в плане противодействия утверждению американской мощи Москва «не играет позитивной или действительно необходимой роли». Это не значит, что у России нет шансов восстановить

⁵⁰³ David D. Op.cit. P.11-13.

⁵⁰⁴ Ibidem. P. 16-17.

утраченные позиции. Д.Давид высказал мнение, что, во всяком случае в краткосрочной перспективе, «Соединённые Штаты будут действовать /.../ в качестве силы, тактически наводящей порядок (благодаря своей способности к решительным силовым действиям), но стратегически сеющей беспорядок (из-за своей неспособности организовать мир вне собственных односторонних импульсивных акций)»⁵⁰⁵. С этих условий могло бы вырасти значение других политических сил, даже если их нельзя ещё расценивать в качестве альтернативных США «полюсов» могущества. Одним из них могла бы стать Россия, благодаря своему географическому положению и энергетическим богатствам, вторым – Европейский Союз. Д.Давид не может себе представить, чтобы Россия, интегрировавшись в ЕС, составила бы с ним один полюс. В то же время, ему кажется продуктивной идея создания в будущем единого евразийского пространства, способного самостоятельно стабилизироваться, воздействуя на своё опасное окружение в опоре на собственную концепцию безопасности и на собственные методы. Именно в эти стратегические размышления может быть вписан франко-российский диалог. Таким образом, вместе с Европой и через Европу Россия могла бы снова стать одним из главных элементов международной дипломатической игры. «Мы, европейцы, заинтересованы в этом постольку, поскольку *Москва станет действовать как обычное государство, на общих основаниях*»⁵⁰⁶, - заключает автор. Таким образом, с Мадридского саммита 1997 г. до 11 сентября 2001 г. (даты, конечно, хоть и рубежные, но достаточно условные) две идеи были фоновыми в рассуждениях французских аналитиков о перспективах франко-российских отношений: с одной стороны, снижение заинтересованности Парижа в *особых* отношениях с Москвой из-за ослабления международного веса России; с другой стороны,

⁵⁰⁵ Ibidem. P. 20-21.

⁵⁰⁶ Ibidem. P.24. Курсив мой – Е.О.

банализация роли России в международных отношениях, в частности, в отношениях с ЕС.

Наряду с вышеозначенными политическими и политологическими тенденциями, существует влиятельная антироссийская струя в общественном мнении, представленная известными интеллектуалами, вышедшими, как правило, из леворадикальных («левацких») кругов. Если взгляды аналитиков подвержены влиянию политической конъюнктуры и чувствительны к изменениям международной обстановки, мнения этой группы бескомпромиссны и устойчивы. В годы холодной войны для них было характерно острое неприятие советского тоталитаризма. После исчезновения СССР это неприятие переносится на современную Россию, в политике которой они видят схожие черты. Принципиальная позиция французских левых интеллектуалов, задающих тон в общественном мнении, к которому обязаны прислушиваться политики, – быть всегда на стороне слабого, на стороне меньшинства, особенно если оно подвергается жёсткому государственному нажиму, чем бы ни был оправдан последний. У ангажированной французской интеллигенции (в сартровском понимании этого слова), воспитанной в «культуре протеста» студенческого поколения 1968 г., ещё со времён первой чеченской кампании росло возмущение политикой Москвы и сочувствие к чеченским сепаратистам. Общественные настроения, тон которым задавали леворадикальные интеллектуалы, выступающие на страницах газет «Монд» и «Либерасьон», гармонировали с желанием Ж.Ширака утвердить французское внешнеполитическое могущество, опираясь на идею республиканского мессианства, несущего идеи прав человека.

Поддержка большинством российских граждан, в том числе интеллигенции, силовой политики в Чечне, их равнодушие к нарушению прав человека вызвали недоумение французского общественного мнения и укрепили мыслителей леворадикального направления в мысли об

антропологическом разрыве между цивилизованным Западом с его священной верой в права человека и «варварской» Россией, не способной преодолеть тоталитарное прошлое. Крайним, но влиятельным и наиболее заметным проявлением этой тенденции являются выступления философа А.Глюксмана. В связи с событиями 11 сентября 2001 г. он написал книгу «Достоевский в Манхеттене»⁵⁰⁷. Автор считает эти события проявлением новой специфической угрозы «радикально разрушительного терроризма», который он называет «*порождением нигилизма*». А.Глюксман не видит ничего предосудительного в решимости США уничтожить «ось зла», считая при этом совершенно естественным, что это определение «внесло раскол в так называемую антитеррористическую коалицию. /.../ Путин почувствовал, что оно нацелено против него, так же как китайские руководители. Некоторые правители, которые сами при случае не прочь стать террористами, под предлогом борьбы против терроризма могут себе позволить заставить замолчать борцов за независимость, оппозиционеров, демократов и борцов сопротивления, т.е. ликвидировать их, как это делается в Чечне или в Тибете». Философ категорически не согласен с тем, чтобы ставить антитеррористическую операцию в Чечне на одну доску с американской операцией против талибов в Афганистане, поскольку та «является освободительной войной во имя порабощённого (талибами) народа, во имя угнетённых женщин, которые отныне вздохнули свободнее. Другая – война на истребление населения, которую я называю *нигилистской войной*»⁵⁰⁸. Качественное отличие новой международной ситуации А.Глюксман видит в том, что во времена холодной войны две противостоящие сверхдержавы обладали не только разрушительной, но и созидательной мощью. «Сегодня мощь разрушения возобладает над мощью созидания. Типичным примером, подтверждающим эту точку зрения,

⁵⁰⁷ Glucksmann A. Dostoevski à Manhattan. - P.: Robert Laffont, 2002.

⁵⁰⁸ Glucksmann A. Entretien avec G. Ackerman // PI. - Aout 2002. - N°97. P. 156. Курсив мой – Е.О.

философ считает мотивы присоединения России к Большой семёрке. Россия сегодня обладает потенциально большой разрушительной силой: располагая вторым по величине ядерным арсеналом в мире и занимая второе или третье место по продаже оружия, «она способна в неслыханных размерах увеличить мировой хаос». В отличие от США и других членов, представляющих силы созидания, «именно разрушительная мощь определяет её статус великой державы», - заключает А.Глюксман⁵⁰⁹. Это обстоятельство в его глазах отделяет Россию от цивилизации созидания и служит основой её принадлежности к силам нигилизма, который он считает новой мировой угрозой. Этот разрушительный нигилизм действует под разными личинами: «Ground zero в Манхэттене, уничтожение Грозного, голод, порождённый политическими причинами, в Северной Корее и в Замбии. Террор, кустарный или государственный, играет сбор как в Азии, так и в Африке»⁵¹⁰. Исходя из этой логики, Глюксман отвергает справедливость суждений, что имперская политика США явилась глубинной причиной отчаянья, породившего террористические удары по Нью-Йорку. Зато террористические акты чеченских боевиков в российских городах он считает естественным порождением политики Москвы.

Крайним суждениям А.Глюксмана уделено здесь так много места не просто в силу их оригинального характера, а потому, что эта фигура является сегодня во Франции одной из центральных в формировании общественного мнения в отношении России. В последние годы Глюксман стал непрямым участником политических ток-шоу центральных программ французского телевидения, своего рода оракулом, мнения которого спрашивают в связи с важнейшими международными событиями. Его логика присутствует в освещении внутривнутриполитических событий в

⁵⁰⁹ Ibidem. P. 161.

⁵¹⁰ Ibidem. P. 163.

России и франко-российских отношений во французских СМИ, особенно в изданиях левого направления, в частности, в газете «Монд». Последняя, обладая одной из самых крупных корреспондентских сетей в мире, пользуется репутацией наиболее информированного и информативного ежедневного издания Франции. Накануне первого визита президента Путина в Париж, в октябре 2000 г. Глюксман стал инициатором петиции 550 европейских интеллектуалов, опубликованной ведущими СМИ Франции, и серии массовых акций протеста против российской политики в Чечне и против оказания России экономической помощи со стороны ЕС⁵¹¹. «Мы располагаем всеми средствами, чтобы проучить Г-на Путина, потому что он хочет войти в Европу и потому что он хочет наших денег. Кому, как не нам, поставить ему условие, чтобы он немедленно прекратил эту ужасную войну, ему, уничтожившему столицу в 450 000 жителей, чего в Европе не делал никто со времён Гитлера», - заявил А.Глюксман в выступлении на митинге 31 октября 2000 г.⁵¹². Эта позиция вовсе не была единственно приемлемой для всего общественного мнения. Достаточно вспомнить приведённые в газете «Фигаро» отклики читателей, не согласных с публикацией ведущими газетами Франции (в том числе самой «Фигаро») петиции интеллектуалов, содержащей резкие нападки на президента России, приглашённого с официальным визитом во Францию⁵¹³. Но в ноябре 1999 г. именно Глюксману и Б.-А.Леви⁵¹⁴ было позволено провести участника нападения на Будённовск, одного из близких друзей Ш.Басаева, министра иностранных дел самопровозглашённой Чеченской республики И.Ахмадова в зал заседаний Национального собрания Франции в тот момент, когда там присутствовал

⁵¹¹ « Tapis rouge, silence et crime » : voir : Le Monde, 29 octobre 2000.

⁵¹² Le Monde, 1 novembre 2000.

⁵¹³ Le Figaro, 31 octobre 2000.

⁵¹⁴ А.Глюксман и Б.-А.Леви оба вышли из рядов гошистов - «бунтарей» 1968 г. А.Глюксман – в студенческие годы (1968) – маоист, известный публикациями о советской тоталитарной системе, резкой критикой действий России в Чечне, так же как защитой политики Израиля в отношении палестинцев.

министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин, притом что представителю сепаратистов официально было в тот момент отказано во въездной визе во Францию⁵¹⁵. К мнению Глюксмана прислушиваются интеллектуалы, его учитывают политики, особенно постольку, поскольку оно сочетается с их собственными расчётами.

4. Франко-российские отношения в 1999-2003 гг.: от кризиса к обновлению диалога

Казалось, распад социалистического лагеря и конец блокового противостояния открывали возможности для реализации идеальной цели французского внешнеполитического мессианства – конца противостояния Востока и Запада. Однако многочисленные кризисы, связанные с процессом распада социалистической системы и многонациональных коммунистических государств (Югославии и СССР), а также опасность возвращения к авторитарной политике в постсоциалистических странах делали либеральное и демократическое будущее Европы далеко не безусловным. В то же время, дискредитация советской модели, успехи либерализма и бесспорное материальное превосходство либеральных демократий Запада, особенно в Европе и на её ближайшей периферии – в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, породили у приверженцев нового, “гуманитарного” мирового порядка во Франции сознание законности вмешательства (в том числе военными средствами) в дела суверенных государств под флагом защиты прав человека. В конце 90-х годов оказалось, что окончание холодной войны не уничтожило напряжённости в Европе между Западом и Востоком. Оно лишь отодвинуло границы отчуждённости на восток, к рубежам СНГ.

⁵¹⁵ Известия, 11 ноября 1999; Le Monde, 10 novembre 1999.

В этом контексте менялись и отношения с Россией – формальной правопреемницей СССР. В период инерционной «голлистско-миттерановской» политики, до конца 90-х годов, они играли важную роль в геополитической стратегии Франции. В 90-е годы Франция не отказывалась от стремления быть “мостом” между Западом и Востоком. Осторожная позиция Парижа по вопросу о расширении ЕС и НАТО и политика “привилегированного партнёрства” с Москвой следовали в русле великого голлистского замысла создания Большой Европы, бессмысленной без России. Её интеграция в сообщество развитых демократических стран была одной из ключевых геостратегических идей французской внешней политики 90-х годов. Совпадение позиций по ряду международных проблем (в отношении ближневосточного урегулирования, противодействие политике эмбарго и американским бомбардировкам Ирака, стремление ограничить гегемонизм США, негативное отношение к планам американской администрации пересмотреть договор по ПРО) способствовало привилегированному франко-российскому диалогу.

Но ситуация существенно меняется весной 1999 г., с началом операции НАТО против Югославии, в которой Франция приняла самое активное участие. Несмотря на усилия Франции подключить к процессу косовского урегулирования Россию и добиться от неё, благодаря «особым» отношениям с Москвой, одобрения военной операции НАТО со стороны СБ ООН, поворот Парижа в сторону атлантической солидарности вызвал явное недовольство российского президента, о чём свидетельствовали обстоятельства и результаты встречи Ж.Ширака и Б.Н.Ельцина в Москве в мае 1999 г.⁵¹⁶. В свою очередь, в рамках солидарных действий НАТО в Европе «привилегированное партнёрство» с Россией на какое-то время стусебалось, в то время как внешнеполитическая идентичность Франции,

⁵¹⁶ Le Monde, 13 mai 1999. Подробнее об инициативах Франции по подключению России к косовскому урегулированию см. выше: Глава 5, § 3, б.

поставленная под вопрос в ходе косовской операции, могла быть компенсирована на другом направлении, значение которого усилилось тоже благодаря косовскому кризису. В отсутствие иных возможностей проведения яркой и особенной линии в международных делах, Ж.Ширак, в духе традиционного республиканского мессианства, стремился сформулировать некое универсальное послание, главный смысл которого состоял в утверждении этических и демократических принципов европейской цивилизации. Повод осуществить эту миссию в рамках «большой Европы» представился с началом второй чеченской войны в конце лета 1999 г., когда Ж.Ширак оказался наиболее непримиримым критиком политики силового решения чеченской проблемы, озабоченным соблюдением прав человека в отношении мирного населения Чечни. Логика внешнеполитического курса Ж.Ширака позволяла предположить, что он сделал ставку на утверждение мирового порядка, построенного на моральной, экономической и политической гегемонии либеральных демократий Запада, среди которых Франция намерена играть роль, соответствующую её традиционным мессианским амбициям. Следуя этой логике «косовской» политики, французский президент выступил одним из наиболее активных сторонников международного давления на Россию под предлогом защиты прав человека в Чечне. Кроме того, не стоит забывать, что в период «сосуществования» с правительством левых сил под руководством Л.Жоспена (1997-2002 гг.) Ж.Ширак должен был оглядываться на позицию правящего большинства, опиравшегося на силы, известные своим неприятием политики России ещё со времён первой античеченской операции. Скандальное посещение И.Ахмадовым - эмиссаром А.Масхадова Национального собрания Франции, его пресс-конференция в стенах французского парламента и встреча с министром иностранных дел Ю.Ведрином в ноябре 1999 г. стали возможными благодаря преобладанию левых в парламенте, положительно принявших

соответствующую инициативу депутата от партии зелёных Н.Мамера⁵¹⁷. После встречи с Ахмадовым министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин выступил по радио «Франс Интернасьональ» с заявлением о том, что предстоящий 19-20 ноября саммит ОБСЕ в Стамбуле будет посвящён главным образом России. Он заявил, что Франция намерена потребовать от Ельцина немедленно сесть за стол переговоров с лидерами Чечни⁵¹⁸. Приём, оказанный в Париже Ахмадову, вызвал возмущение в Москве. По этому поводу МИД России выразил послу Франции решительный протест. Первый заместитель министра иностранных дел А.Авдеев квалифицировал этот шаг Парижа как «недружественный акт по отношению к РФ, фактическое пособничество чеченским сепаратистам и террористам». МИД России предостерёг от попыток вмешиваться во внутренние дела России, «которым впредь будет даваться самый решительный отпор»⁵¹⁹. Однако через несколько дней Ж.Ширак выступил с резким заявлением по поводу российской политики в Чечне и подтвердил своё намерение занять самую твёрдую позицию в этом вопросе на близившемся саммите ОБСЕ в ноябре 1999 г.⁵²⁰.

Запланированная заранее в рамках саммита встреча лидеров государств, прежде составлявших «Большую тройку» Большой Европы, стремившейся к единству и взаимопониманию – Ельцина, Ширака и Шрёдера, длилась всего пять минут: Ширак и Шрёдер изложили свою негативную позицию в отношении действий Москвы в Чечне, после чего Ельцин покинул встречу. В своём выступлении на саммите российский президент заявил, что не признаёт за своими коллегами права критиковать Россию. Ж.Ширак, настаивая на прекращении эскалации конфликта в

⁵¹⁷ Встреча Ведрина с представителем сепаратистов состоялась через день после резкого выступления в Вашингтоне представителя Госдепартамента Джеймса Рубина, потребовавшего остановить военные действия и пойти на переговоры с Грозным. Известия, 11 ноября 1999.

⁵¹⁸ Le Monde, 10 novembre 1999.

⁵¹⁹ Известия, 12 ноября 1999.

⁵²⁰ Le Monde, 12 -13 novembre 1999; Известия, 19 ноября 1999.

Чечне, выступил инициатором подписания итогового документа, в котором Россия признавала участие ОБСЕ в поисках урегулирования путём переговоров и соглашалась допустить гуманитарные организации на территорию Чечни. Правда, российский президент к тому времени покинул Стамбул, предоставив министру иностранных дел И.Иванову подписывать итоговые документы саммита, снизив тем самым уровень участия России в этом документе. Хотя главный оппонент России в Стамбуле Ж.Ширак на своей заключительной пресс-конференции заявил, что именно отказ французской делегации подписать Хартию европейской безопасности в случае нежелания России пойти на уступки позволил смягчить позицию Кремля, нельзя назвать итоги саммита дипломатическим успехом Франции. Россия не согласилась ни на переговоры с лидерами сепаратистов, ни на международное посредничество в урегулировании этого внутреннего конфликта⁵²¹.

Комментируя итоги саммита, Ж.Ширак заявил, что политика Ельцина в Чечне явилась следствием давления на президента его окружения, военных и спецслужб⁵²². Олицетворением этих сил в глазах французских наблюдателей стал новый выдвиженец президента В.В.Путин. После стамбульского саммита, нарушившего добрые отношения Ж.Ширака с Б.Н.Ельциным, и в преддверии парламентских и президентских выборов в России ведущие французские политики присматривались к потенциальным претендентам на лидерство. Об интересе к этому сюжету свидетельствовал тёплый приём, оказанный президентом, премьер-министром и министром иностранных дел Франции Е.М.Примакову, приехавшему в Париж с неофициальным визитом в момент обострения франко-российских разногласий, в том же ноябре 1999 г.⁵²³ Один из лидеров блока Отечество – вся Россия, занимавший посты министра

⁵²¹ Стамбульский саммит ОБСЕ (18-19 ноября 1999 г.) // Дипломатический вестник. – 1999. - №12. С.10.

⁵²² Le Monde, 20 novembre 1999.

⁵²³ 27 – 28 ноября 1999 г.: Le Monde, 28 novembre 1999.

иностранных дел и премьер-министра в пору привилегированного российско-французского партнёрства, представлялся Парижу более желательной кандидатурой в президенты, чем В.Путин, имя которого связывали с силовой политикой в Чечне. Резкая критика политики Москвы в тот момент не означала потери интереса Парижа к России, но она положила конец целому периоду франко-российских отношений, когда страх дезинтеграции или реакционного переворота определял безусловную поддержку политики Б.Ельцина, который в глазах Ж.Ширака оставался главным гарантом стабильности и приверженности курсу либеральных реформ. В начале декабря 1999 г. на саммитах НАТО и ЕС обсуждалась чеченская проблема, и позиция Ж.Ширака в отношении России отличалась особой жёсткостью. На саммите ЕС в Хельсинки (9 декабря 1999 г.) Франция выступила за внесение в повестку дня вопроса об экономических санкциях против России в связи с ультиматумом российских военных Грозному. Из двух проектов резолюции, посвящённой России, прошёл более жёсткий, причём, Франция была среди главных «недоброжелателей» Кремля вместе с Германией, Финляндией и Данией⁵²⁴. Страны Сообщества решили пересмотреть свои программы сотрудничества с Россией и сосредоточиться только на тех, которые касаются уважения права и служат улучшению жизни населения⁵²⁵. Режимом экономических санкций ЕС Франция стремилась вынудить Москву вступить в переговоры с А.Масхадовым⁵²⁶. Позиция Франции в чеченском вопросе была озвучена министром иностранных дел в марте 2000 г. Франция требовала:

-прекращения любых действий, влекущих за собой страдания мирного населения, военных операций, затрагивающих мирное население, полицейских и карательных операций;

⁵²⁴ Le Monde, 10 décembre 1999.

⁵²⁵ Брифинг министра иностранных дел г-на Ю.Ведрина (посольство Франции, Лиссабон, 2 марта 2000) // www.ambafrance.fr

⁵²⁶ В частности, во время телефонного разговора Ельцина с Шираком 23 декабря 1999 г.: Дипломатический вестник, 2000, № 1. С.18.

-свободного доступа для любых представителей или организаций в Чечню, для всех, кто может облегчить страдания мирного населения (Совета Европы, ОБСЕ, Высшего Комиссариата по делам беженцев, Красного Креста, неправительственных организаций и журналистов).

Франция настаивала на том, что российские власти должны определить политическое будущее Чечни, которое позволит чеченцам выразить свою волю, *удовлетворить часть своих требований, не становясь тем не менее полностью независимыми, «потому что никто в мировом сообществе не поддерживает это требование, никто не оспаривает суверенную власть России в Чечне»*⁵²⁷.

Приход к власти президента Путина в марте 2000 г. заставил французскую политическую элиту и общественное мнение задуматься о преемственности либерального курса в России. В то же время, Ж.Ширак ещё 4 февраля, то есть до президентских выборов, пригласил будущего президента России во Францию. Однако к тому времени Франция в глазах российского руководства утратила роль привилегированного собеседника. Президент и общественное мнение Франции проявили наибольшую нетерпимость к политике России в Чечне и настороженное отношение к кандидатуре В.Путина на пост президента, и преодолеть возникшую взаимную отчуждённость оказалось непросто, пока свежо было воспоминание об этой позиции. В своём поздравлении в связи с избранием В.Путина президентом Ж.Ширак не преминул напомнить о Чечне, выразив надежду, что эта победа позволит Путину установить мир на всей территории России⁵²⁸. Резкое охлаждение российско-французских отношений привело к смещению оси контактов между новым российским президентом и западноевропейскими лидерами от Ширака к Шрёдеру и

⁵²⁷ Брифинг министра иностранных дел г-на Ю.Ведрина (посольство Франции, Лиссабон, 2 марта 2000) // www.ambafrance.fr (Курсив мой – Е.О.).

⁵²⁸ Le Monde, 26-27 mars 2000.

Блэру. Франция оставалась в стороне от маршрутов российского президента в течение 10 месяцев. Между тем, он посетил Лондон и Берлин, трижды встретился с президентом США Клинтоном, побывал в Китае, Северной Корее и Японии. Французская дипломатия была уязвлена тем, что во время встречи Большой восьмёрки на Окинаве в июле 2000 г. единственным из участников, с которым В.В.Путин не счёл нужным побеседовать отдельно, был Ж.Ширак⁵²⁹. Один из российских дипломатов пояснил причины уклонения от встреч с французским президентом: «В течение нескольких месяцев у нас было впечатление, что французские руководители приглашали президента Путина, чтобы иметь возможность его поучать. Такое поведение было высокомерным, оскорбительным, недопустимым, и оно вызвало в Москве неприятие»⁵³⁰. Франко-российские отношения были омрачены в тот период не только чеченской проблемой, но разногласиями по вопросам будущего Косово, арестом в порту Брест российского парусника «Седов» и блокированием счетов российского посольства по постановлениям французского суда в связи с иском швейцарской частной фирмы «Нога» к правительству России.

Затянувшийся кризис двусторонних отношений показал, что с тактической точки зрения курс Ж.Ширака, направленный на принуждение России к нормам урегулирования внутренних конфликтов, предложенным Западом, хотя он и был поддержан французским общественным мнением, имел целый ряд неблагоприятных внешнеполитических последствий. Во-первых, он привёл к резкому снижению уровня двусторонних отношений Франции и России. Во-вторых, он не встретил широкой международной поддержки, в том числе и у ближайших партнёров Франции по ЕС, в частности, у ФРГ. Ж.Шираку не удалась роль лидера в борьбе западных

⁵²⁹ Об этом упоминали публикации, посвящённые визиту В.В.Путин в Париж в октябре 2000 г.: Le Figaro, 30 octobre 2000.

⁵³⁰ Le Monde, 31 octobre 2000.

демократий за соблюдение прав человека в России, поскольку международная ситуация не благоприятствовала идее гуманитарного вмешательства в российские дела и французская резкость, контрастировавшая со сдержанностью других стран ЕС, а также США, поставила президента Франции в положение «вопиющего в пустыне». Кроме того, реакция российского руководства на эту позицию отодвинула Францию в диалоге ЕС с Россией на второй план, лишив французскую дипломатию важного преимущества внутри единой европейской внешней политики, тем более что франко-российское охлаждение захватило первые месяцы председательства Франции в ЕС и именно Шираку на правах председателя ЕС предстояло принимать в Париже глав государств Сообщества и России в 2000 г.

В конце октября 2000 г. В.В.Путин впервые посетил Париж не в рамках двустороннего визита, а для участия в ежегодном саммите Россия-ЕС, хотя в рамках поездки были предусмотрены двусторонние встречи российского президента с Ж.Шираком, Л.Жоспеном и с французскими предпринимателями.

Франция была заинтересована в успехе саммита, так же как в нормализации двусторонних отношений с Россией. Поэтому французская дипломатия сняла требование немедленного прекращения огня в Чечне в качестве неременного условия предоставления западной помощи России и добивалась лишь принятия совместного документа, в котором бы Россия согласилась с необходимостью поисков «политического решения, исходя из уважения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации»⁵³¹. Напоминание о Чечне было необходимо для сохранения лица французской дипломатии перед общественным мнением страны, но эта тема не могла способствовать потеплению франко-российских отношений. С точки зрения восстановления политического диалога с

⁵³¹ Визит В.В.Путина во Францию // Дипломатический вестник. – 2000. – № 11. С.31-35.

Россией для Ж.Ширака важнее было подчеркнуть совпадение стремлений двух стран к многополярному миру и роль России в этом проекте. «Равновесие, безопасность, развитие зависят от ситуации, в которой тремя главными силами, в особенности в том, что касается безопасности, являются Соединённые Штаты, Россия и Европа. Иными словами, сегодня мы присутствуем при становлении многополюсного мира», - заявил французский президент. /.../ Франция, находящаяся в центре Европейского союза, но сохраняющая традиционное своеобразие, свои давние связи с Россией, и Россия, современная и демократическая, общее видение организации мира, мира многополярного, где каждый сохраняет свою идентичность, свои суждения и *способность вести свои дела*» - вот основа франко-российских отношений, заявил Ж.Ширак на совместной пресс-конференции с В.В.Путиным, и послание, содержащееся в последней фразе, предназначалось российской стороне⁵³².

Центральным предметом саммита должно было стать экономическое сотрудничество ЕС и России. В этом плане Франция заранее выдвинула ряд важных инициатив. Ещё в апреле 2000 г. министры иностранных дел и финансов Франции, Ю.Ведрин и Л.Фабиус, направили своим партнёрам по ЕС и Большой семёрке письмо с призывом к «переоценке» экономических отношений с Москвой⁵³³. Они считали необходимым пересмотреть условия финансовой помощи России и определить новые приоритеты, с тем, чтобы преодолеть недостатки практики, сложившейся за десятилетие после распада СССР. По мнению авторов письма, финансовая помощь Запада, хотя и способствовала проведению рыночных реформ в России, но была плохо адаптирована к её условиям. В результате легальный и нелегальный вывоз капиталов намного превысил размеры помощи. Для того чтобы сделать её эффективной, «необходимо было отдать приоритет

⁵³² Point de presse conjoint de MM. J.Chirac et V.Poutine, 30 octobre 2000 // www.elysee.fr/cgi-bin/auracom/aurweb/file?aur_file=disco.../POU0010C.htm, p.1. (Курсив мой – Е.О.).

⁵³³ Le Monde, 7 avril 2000.

строительству правового государства /.../ и убедиться в том, что созданы гарантии применения законов и уважения права, что является предварительным условием реализации инвестиционных проектов». ЕС должен выработать новые приоритеты в отношениях с Россией. Необходима единая и связная концепция, учитывающая стратегические (разоружение, нераспространение ядерного оружия), политические (Чечня) и экономические аспекты. Целью политики ЕС в России должно стать «строительство и усиление государственных структур и юридических рамок, приспособленных к современной экономике», то есть модернизация России. Приоритетом является сотрудничество в правовой сфере, включающей перестройку банковской и налоговой системы, введение нового статуса земельной собственности, эффективной таможенной службы и системы социальной и санитарной защиты. Россия не нуждается в наращивании размеров финансовой помощи, ни в облегчении долгового бремени, поскольку в отсутствие реальных экономических реформ это лишь обогатит олигархию. Поэтому принципиальные условия предоставления помощи должны быть ужесточены. Среди них – окончание войны в Чечне, которое Ю.Ведрин назвал если не необходимым, то важным условием развития сотрудничества ЕС и России.

Уже в апреле министр иностранных дел уточнил свою позицию: Франция хочет проявить в чеченском вопросе больше твёрдости, чем её союзники, но избежать при этом риска маргинализации в диалоге с Москвой⁵³⁴. Ю.Ведрин является одним из тех политиков Франции, которые выступают за реализм и терпимость в подходе к проблемам современной России. В одном из интервью, рабочему визиту в Москву (28-29 сентября 2000 г.) в период подготовки саммита ЕС-Россия в Париже, он подчеркнул: «Создание демократического государства на базе

⁵³⁴ Ibidem. Публикация письма двух французских министров совпала с обсуждением в Парламентской ассамблее Совета Европы вопроса о приостановлении полномочий России в этой организации в связи с действиями российской армии в Чечне (6 апреля 2000 г.).

страны, которая не знала ничего, кроме деспотизма, и которая в течение десятилетий вынужденно находилась в стороне от всех значительных интеллектуальных, экономических и культурных течений, займёт определённое время. /.../ В наших интересах иметь соседом демократическую и мирную Россию, которая развивается и которая не чувствует себя униженной и отвергнутой./.../ Процесс демократизации и модернизации будет долгим и трудным с возвратами назад и остановками, но в наших стратегических интересах поддержать Россию⁵³⁵».

С точки зрения глобальной стратегии, в отсутствие особых отношений с Россией Франции было сложно реализовать своё стремление к Большой Европе в качестве противовеса американскому мировому могуществу, особенно если реализация её «глобальной ответственности» не вписывалась в солидарные действия Запада. Визит Путина в Париж потребовал смягчения французских претензий к Москве. 26 октября 2000 г. Ю.Ведрин заявил, что Франция не может сделать Чечню центральной темой отношений с Россией⁵³⁶.

Таким образом, выдвинутые Ю.Ведрином и Л.Фабиусом требования пересмотра условий экономической помощи Запада России не следует рассматривать только в контексте франко-российского охлаждения. Они содержали ряд рациональных предложений, призванных придать сотрудничеству с Москвой более эффективный характер. Проблемы развития экономического сотрудничества, занимали центральное место на парижском саммите России и ЕС 2000 г. Речь шла о её адресном характере, в частности, о программе европейских инвестиций в российский газово-энергетический комплекс в обмен на поставки нефти и газа, а также о реструктуризации российского долга⁵³⁷.

⁵³⁵ Интервью Ю.Ведрина журналу «Politique Internationale»(PI), ноябрь 2000 // www.ambafrance.ru. Сходные мысли были высказаны Ю.Ведрином в 2002 году: Entretien avec H.Védrine : Le « védrinisme, existe-t-il ? // PI. – printemps 2002. – N°95. – P. 24.

⁵³⁶ Le Monde, 26 octobre 2000.

⁵³⁷ Ivanov I. L'Europe doit nous redécouvrir! // Le Figaro. – 2000. - 1 novembre

Визит В.В.Путина в Париж способствовал возобновлению российско-французских контактов на высшем уровне, но не восстановлению былой доверительности этих отношений. Российская сторона стремилась подчеркнуть, что диалог с французским президентом ведётся, прежде всего, как с председателем ЕС⁵³⁸. Несколько месяцев спустя известный специалист по франко-российским отношениям А.де Танги сказала в интервью газете «Монд», опубликованном под заголовком «Полного доверия к русским не существует»⁵³⁹, что образ президента Путина для французов по-прежнему связан с КГБ и с войной в Чечне⁵⁴⁰.

В то же время, заинтересованность России в особом диалоге с Францией определялась несколькими актуальными международными досье 2000 г. Односторонние заявления новой администрации США о намерении пересмотреть договоры по ПРО и СНВ⁵⁴¹ усилили стремление России к политическому сотрудничеству с Западной Европой, особенно с ФРГ и Францией, поскольку от Лондона трудно было ожидать противодействия планам Вашингтона. Во вторых, расширение ЕС на страны Балтии, подтверждённое на саммите ЕС в Ницце в конце 2000 г., остро ставило вопрос об урегулировании вопросов прямого сообщения с Калининградом, который должен был оказаться российским анклавом внутри Сообщества. Если и была в ЕС страна, которая с пониманием могла отнестись к желанию России исключить условия для превращения Калининграда в «европейский дистрикт», то такой страной была Франция. Во время саммита Россия-ЕС в Париже Ж.Ширак согласился с тем, что советско-американский договор по ПРО 1972 г. остаётся «основой стратегической стабильности», и обещал содействовать России в поисках

⁵³⁸ Дипломатический вестник, 2000, №11. С.34-35 (Совместное заявление президента РФ Путина, председателя ЕС Ж.Ширака...).

⁵³⁹ Характерно, что в тексте интервью не содержится подобных высказываний. Заголовки – плод работы редакторов «Монд».

⁵⁴⁰ « Pas de confiance totale avec les Russes ». - Le Monde, 1 juillet 2001.

⁵⁴¹ СНВ – Советско-американский договор 1972 г. об ограничении стратегических наступательных вооружений. ПРО – советско-американский договор о противоракетной обороне.

приемлемого для неё решения проблем Калининграда⁵⁴². Эти обстоятельства определили интерес российской стороны к визиту Ж.Ширака, намеченному на начало июля 2001 г. Ж.Ширак заявил, что его визит преследует две цели: придать новый импульс франко-российским отношениям и способствовать строительству многополярного мира⁵⁴³. И то и другое находилось в прямой связи с американскими инициативами. В совместной франко-российской декларации они не были упомянуты, Франция стремилась придать обсуждению проблемы советско-американских договоров эпохи холодной войны более универсальный характер. Для неё речь шла, прежде всего, о принципиальной возможности односторонних действий США, способных нарушить сложившееся в мире равновесие и препятствовать осуществлению французского проекта многополярного мира. В Совместном заявлении по стратегическим вопросам было отмечено, что Россия и Франция в качестве постоянных членов СБ ООН несут «особую ответственность в области безопасности». Они «видят свою важнейшую задачу в том, чтобы обеспечить комплекс стратегического равновесия в мире в новых условиях, сложившихся после «холодной войны». /.../ Для формирования многополярности нужно стремиться к тому, чтобы им на смену не пришла менее обязывающая система, которая открыла бы путь новому соперничеству. Россия и Франция считают, что при определении условий стратегической стабильности ядерное сдерживание, основанное на принципе достаточности, сохраняет свою актуальность»⁵⁴⁴.

Ж.Ширак проявил осторожность, не желая, чтобы Францию использовали в российско-американской дипломатической игре. На пресс-

⁵⁴² Напоминание об этом см.: Визит Ж.Ширака в Россию (19-20 июля 2002) // Дипломатический вестник. – 2002. - №8. С.18.

⁵⁴³ Пресс-конференция Ж.Ширака и В.В.Путина (3 июля 2001 г.) // Дипломатический вестник. – 2001. - №8. С.12; *Le Monde*, 4 juillet 2001.

⁵⁴⁴ Совместное заявление Президента Российской Федерации и президента Французской Республики по стратегическим вопросам (2 июля 2001 г.) // Дипломатический вестник. – 2001. - №8. С.10.

конференции в Москве он заявил, что пересмотр советско-американских договоров является прерогативой России и США⁵⁴⁵. В то же время, Ж.Ширак дал ясно понять, что внимание к проблемам стратегической стабильности связано со стремлением Франции к многополярному миру⁵⁴⁶. Разница подходов к содержанию этого понятия французской и российской стороны проявилась, в частности, при обсуждении югославской проблемы. Принципиально речь шла о допустимости гуманитарного вмешательства международного сообщества во внутренние дела суверенных государств, за которое ратует Франция, но которого не приемлет Россия. Ж.Ширак был воодушевлён победой демократии в Югославии и выдачей С.Милошевича Гаагскому трибуналу. В.В.Путин отметил, что законность этого шага сомнительна именно в силу победы В.Коштуницы, поскольку трибунал был создан во время боснийского кризиса, когда органы национального правосудия фактически не функционировали, а при Коштунице в Югославии установлена демократия и действует национальная судебная система. Российский президент выразил опасение, что, вмешиваясь в югославские дела, Запад повёл себя как «слон в посудной лавке»⁵⁴⁷.

Ж.Ширак вынужден был умерить критику политики Кремля в Чечне, ограничившись призывом к политическому разрешению конфликта. Новым поводом для беспокойства французского общественного мнения стал вопрос о свободе слова, поднятый в связи с делом компании Медиа-Мост. Эта тема стала центральной в выступлении Ж.Ширака перед студентами МГУ⁵⁴⁸. Если фоном визита Путина в Париж в 2000 г. были газетные репортажи о бедствиях чеченского населения, то освещение визита Ширака в 2001 г. сопровождалось статьями об ущемлении свободы прессы в России.

⁵⁴⁵ Le Monde, 4 juillet 2001.

⁵⁴⁶ Le Monde, 5 juillet 2001.

⁵⁴⁷ Выступление В.В.Путина на совместной с Ж.Шираком встрече с прессой 2 июля 2001 г. – Дипломатический вестник. – 2001. - № 8. С. 12.

⁵⁴⁸ La Libération, 4 juillet 2001.

Экономический аспект визита касался главным образом долгосрочной программы франко-российского сотрудничества в аэрокосмической области, включающей закупку Россией 36 аэробусов и возможность использования Россией французского космодрома Куру в Гвиане и открытие новых воздушных маршрутов на Дальний Восток⁵⁴⁹.

Фактором, изменившим международный контекст двусторонних франко-российских отношений, стали события 11 сентября 2001 г., которые привели к росту заинтересованности США в России и в целом, к преодолению отчуждённости между Россией и Западом. Солидарная международная политика по борьбе с терроризмом, поставленная в повестку дня трагическими взрывами в Нью-Йорке и Вашингтоне, могла бы стать базой для возобновления «привилегированного» франко-российского диалога. Однако главная инициатива проведения «операций возмездия» принадлежала США и их безоговорочной союзнице Великобритании, которые и стали основными собеседниками России в вопросах борьбы с терроризмом, тем более что, в отличие от большинства западных партнёров, Франция не соглашалась однозначно вписать операции российской армии в Чечне во всемирный поход против терроризма.

Своеобразие французской позиции проявилось во время визита в Москву премьер-министра Франции Л.Жоспена через месяц после событий 11 сентября. Он посчитал необходимым заявить, что обострение угрозы международного терроризма не оправдывает вседозволенности и произвола в выборе методов. После 11 сентября «наше осознание опасности терроризма обострилось», - заявил Л.Жоспен. «Повсюду, где он проявляется, с ним надо бороться, в том числе в Чечне. /.../ Вопрос состоит в том, как с ним борются. И мы надеемся, что при этом будут соблюдать законы и защищать гражданское население». Жоспен повторил призыв к

⁵⁴⁹ Le Monde, 3 juillet 2001.

политическому решению, которое, как он считал, «не является абсолютно невозможным, стоит только захотеть»⁵⁵⁰. На развороте газеты «Либерасьон», посвящённом визиту, была помещена фотография разрушенного Грозного⁵⁵¹. Подпись: «Л.Жоспен настаивал вчера на защите гражданского населения в провинции, борющейся за независимость», таким образом, должна была стать ключевой фразой в освещении поездки французского премьер-министра. Притом, что речь идёт всего лишь об одной, пусть влиятельной газете, такая подача материала является показательной как с точки зрения проблемы «существования» и его влияния на внешнюю политику Франции, так и с точки зрения взаимодействия дипломатии и общественного мнения. «Либерасьон», близкая к социалистам, готовилась к избирательной кампании 2002 года. Читатели могли сопоставить принципиальность социалиста Жоспена с уклончивой позицией голлиста Ширака, который не захотел омрачить свой летний визит в Москву разногласиями из-за Чечни, что вызвало тогда критику левой прессы⁵⁵².

На деле в центре визита французского премьер-министра стояли два блока вопросов. Первый планировался заранее и касался совместного космического проекта. Успехи сотрудничества в этой области должен был подчеркнуть приуроченный к визиту сеанс связи с российско-французским экипажем станции «Союз» с участием французской женщины-космонавта К.Эньере⁵⁵³. Второй блок был поставлен в повестку дня событиями 11 сентября и касался выработки совместных мер по борьбе с терроризмом. В этом плане у российской стороны было то преимущество, что, в отличие от Франции, в тот период её позиция была чрезвычайно важна для США, поскольку Москва играла одну из ключевых ролей в многосторонней

⁵⁵⁰ Пресс-конференция Л.Жоспена 22 октября 2001 г.: La Libération, 23 octobre 2001.

⁵⁵¹ La Libération, 23 octobre 2001.

⁵⁵² См., например, комментарий «Монд»: Krauze J. Inquiétudes franco-russes sur les équilibres stratégiques internationaux // Le Monde. - 2001. - 4 juillet.

⁵⁵³ В правительстве П.Раффарена К.Эньере заняла пост министра науки.

дипломатической подготовке антитеррористической коалиции. От её доброй воли зависел исход переговоров со странами СНГ – соседями Афганистана. В частности, президент Путин перед встречей с французским премьер-министром вернулся из Душанбе, куда он отправился с саммита АРЕС, на котором обсуждались проблемы борьбы с терроризмом. В Таджикистане российский президент встретился с представителями афганского Северного Альянса и пообещал им помощь в борьбе с талибами, тем самым подтвердив позиции России в решении афганской проблемы. Франция же, которая заявила о готовности участвовать в многосторонней операции в Афганистане, возглавленной США, практически не была допущена Вашингтоном к активным действиям в этом регионе⁵⁵⁴.

Во время московских переговоров Франция и Россия приняли решение усилить сотрудничество в области безопасности, в борьбе с международным терроризмом. В итоговых документах было предусмотрено в будущем межправительственное соглашение о сотрудничестве в области внутренней безопасности (борьба с организованной преступностью, с оборотом наркотиков, с отмыванием денег) и установление тесных связей между силами правопорядка и юстиции двух стран.

Франко-американские трения по поводу методов антитеррористической борьбы с конца 2001 года, также как внутренние разногласия в ЕС по тому же вопросу, способствовали стремлению французской дипломатии восстановить особые отношения с Россией, несмотря на то, что по-прежнему сильная антироссийская фракция общественного мнения выступала против тесного политического сотрудничества с Москвой. Убедительная победа Ж.Ширака на президентских выборах 2002 г. и приход к власти пропрезидентского

⁵⁵⁴ См. выше: Глава 5, § 2,3.

правительства П.Раффарена позволили президенту вернуться к голлистскому курсу во внешней политике. У России он ищет поддержки своего стратегического курса на строительство многополярного мира. В июле 2002 г., во время визита в Россию нового министра иностранных дел Франции Д. де Вильпена, было заявлено о создании франко-российского Совета сотрудничества в области безопасности с участием министров иностранных дел и министров обороны, а также, в случае необходимости совместных действий, с привлечением начальников Генеральных штабов⁵⁵⁵. Задача Совета – «углубление двустороннего взаимодействия по вопросам международной безопасности, анализ существующих в мире рисков и угроз, определение общих подходов и решений в случае возможных совместных или скоординированных действий, оценка положения дел с обеспечением безопасности, вопросов борьбы с терроризмом, проблем запрещения оружия массового уничтожения» (п.1). Совет должен собираться на регулярной основе, не реже одного раза в полгода, поочередно в Москве и в Париже. Предусмотрены также чрезвычайные заседания (п. 3).

Помимо решения конкретных проблем безопасности (угроза терроризма, международная преступность, ядерные риски и т.п.), взаимная потребность в сотрудничестве в рамках подобной структуры, существующей наряду с многосторонними отношениями Россия-НАТО и Россия-ЕС, диктуется специфической расстановкой сил в мире в целом, внутри Альянса и внутри Сообщества, что наиболее наглядно проявилось в связи с антииракской операцией США в 2003 г. Франция и Германия, больше других давних членов ЕС и НАТО заинтересованные в многополярности, не смогли добиться от новых членов и стран-кандидатов поддержки своей позиции в иракском вопросе, но нашли понимание в

⁵⁵⁵ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Французской Республики о создании российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности (8 июля 2002 г.) // Дипломатический вестник. – 2002. - № 8. С.16-17.

Москве и Пекине. В момент иракского кризиса, когда обнаружились резкие расхождения в отношении к американской политике внутри ЕС, не единая внешняя политика и политика безопасности Сообщества, а политическое сотрудничество с двумя восточными державами усилило вес французской дипломатии, стремившейся вернуть процесс иракского урегулирования в русло многосторонних действий в рамках СБ ООН. России и Франции не удалось предотвратить американское военное вмешательство в Ираке, но удалось заставить международное сообщество и США задуматься о дозволенности, законности и целесообразности подобных шагов, о цене однополярности. В новых геополитических условиях Россия и Франция объединены стратегией построения многополюсного мира, стабильность которого основана на уважении международного права и на многосторонних решениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Окончание холодной войны коренным образом изменило рамки международной деятельности Франции, с новой остротой поставило вопрос о её внешнеполитическом могуществе, о её способности оказывать определяющее влияние в европейском и в мировом масштабе. Казалось, распад социалистического лагеря и конец блокового противостояния открывали возможности для реализации идеальной цели французского внешнеполитического мессианства. Но тем самым Франция лишилась одного из главных козырей в мировой дипломатической игре, поскольку именно в преодолении этого раскола со времён де Голля виделась её особая миссия. В то же время, крушение биполярного мира лишь увеличило дисбаланс, не устраивающий Францию: на смену гегемонии двух сверхдержав пришло глобальное политическое лидерство США. Министр иностранных дел Ю.Ведрин (в 1997-2002 гг.) ввёл во французский дипломатический лексикон понятие «гипердержава»

(hiperpuissance) для обозначения непомерного веса и чрезмерных притязаний США в постбиполярном мире⁵⁵⁶.

Вопрос о мировом ранге Франции приобрёл в свете глобальных изменений последних десятилетий новую остроту. По-прежнему он составляет главный предмет размышлений аналитиков и средоточие дипломатической деятельности. Голлистская традиция исходит из убеждения, что реальность не следует послушно принимать. Её надо творить согласно собственному замыслу, следуя тому образу, который Франция стремится утвердить на международной арене. Главное в этом образе – представление об особой роли Франции в мире. Поддержание международного могущества постоянно требует поисков путей приспособления к новым условиям, а они с конца 80-х годов изменились не в пользу Франции. В экономическом, политическом и стратегическом плане возможности Франции противостоять тенденции однополярности существенно сузились. Несмотря на то, что экономический и промышленный потенциал страны, её внешнеторговые позиции и высокий технологический уровень по-прежнему обеспечивают ей прочное место в семёрке ведущих промышленных стран мира, формальные и материальные факторы, которыми Франция обосновывала свою мировую ответственность, начали терять былое значение. Принадлежность к клубу постоянных членов Совета Безопасности ООН кажется спорным преимуществом в условиях, когда кризисное урегулирование осуществляется в рамках односторонних действий США. Обладание собственным ядерным оружием становится не столь бесспорным аргументом перед лицом новых угроз безопасности, таких как международный терроризм, этнические конфликты, непредсказуемость государств-изгоев, которые к тому же выявили несовершенство государственных и общественных институтов страны. Усиление

⁵⁵⁶ В частности, в интервью журналу «Le Nouvel Observateur» (28 mai 1998).

гегемонистских тенденций во внешнеполитическом курсе США и их экономическое превосходство серьёзно угрожают позициям Франции в Средиземноморье и Африке – в традиционных “заповедных зонах” французского влияния, сохранивших память о колониальном прошлом. В Европе соотношение сил после объединения Германии, а позже в связи с расширением на страны Восточной Европы, также изменилось не в пользу Франции.

Во французской концепции внешнеполитического могущества простое соотношение потенциалов не является единственно определяющим, тем более что его материальные факторы не входят в сферу исключительной компетенции дипломатии. Согласно знаменитой формуле величия, принадлежащей отцу-основателю французской политологии Р.Арону, «могущество, слава, идея», эффективность внешней политики государства во многом зависит от совпадения внешнеполитических устремлений государства и гражданского общества, от значимости его ценностей для международного сообщества. Способность вписать национальные интересы в общечеловеческие ценности, сформулировать универсальное гуманитарное послание, то есть сумму принципов, которые Франция отстаивает на международной арене в интересах всего человечества, - в этом и французская дипломатическая традиция, и современные лидеры видят основу сохранения глобальной роли страны.

С распадом Варшавского договора и прекращением противостояния с СССР французская концепция безопасности претерпела существенные изменения. Франция больше не видела прямой угрозы нападения на её территорию, в бурно меняющемся мире она принадлежала к благополучному и притягательному острову безопасности, которым оставалась Западная Европа. Это позволило её дипломатии сконцентрироваться на общеевропейских и глобальных проблемах. Бурные

изменения в Центральной и Восточной Европе – объединение Германии, распад социалистического лагеря и крупных многонациональных государств – СССР и Югославии, вызвали к жизни политику, которую можно назвать в целом «политикой сопровождения», хотя этот термин исторически относился лишь к германскому объединению. С конца 80-х годов растущее влияние Германии в постсоциалистических странах ЦВЕ угрожало сместить центр европейского равновесия, что делало неактуальной голлистскую мечту о Франции, доминирующей в Европе Сообществ. «Политика сопровождения» германского объединения конца 80-х – начала 90-х годов стала ответом президента Ф.Миттерана на этот вызов. Маастрихтский договор был для французской дипломатии конструктивной реакцией на объединение Германии. Его заключение и реализацию можно назвать главным французским внешнеполитическим успехом первой половины 90-х годов. Курс на создание единой европейской внешней и оборонной политики компенсировал растущий политический вес Германии, а учреждение европейской валюты помогло сковать потенциал немецкой марки.

Амбиции Ф.Миттерана имели не только национальное, но и глобальное измерение. В этом смысле можно выделить ещё одно направление «политики сопровождения» - ответ на крушение социалистической системы, увеличившее риск международных, этнических и социальных конфликтов и чреватое дестабилизацией всей системы европейской безопасности, особенно если учесть непредсказуемое развитие ситуации в бывшем СССР с его ядерным арсеналом. Кроме того, объединение Германии, исчезновение обязывающих условий социалистической солидарности и кризис авторитарных режимов в многонациональных государствах мог привести к пересмотру вопроса о неприкосновенности границ, установленных по окончании второй мировой войны. Подтверждение послевоенных границ Германии Ф.Миттеран

сделал одним из основных условий германского объединения. Дипломатия Миттерана стремилась создать правовые рамки для интеграции бывших стран социалистического лагеря в мировое сообщество в условиях стабильности. Эти мотивы лежали в основе проекта Европейской конфедерации и международных органов, призванных обеспечить мирный процесс национального самоопределения народов Югославии. Теми же причинами была обусловлена поддержка, оказанная Ф.Миттераном центральной власти в СССР. Французская инициатива учреждения Европейского банка реконструкции и развития, научно-технические и образовательные программы содействия реформам в Восточной Европе были призваны поддержать силы, выступающие за демократизацию и либерализацию на постсоциалистическом пространстве. Стратегические направления этого курса казались достаточно перспективными в плане преодоления неблагоприятных последствий крушения Ялтинско-Потсдамской системы, но международные условия его осуществления были ему мало благоприятны. Политические рамки переходной системы, предложенные Францией, были отвергнуты. Прежде всего, намерения Франции в отношении бывших социалистических стран, сколь бы великодушными они ни были, натолкнулись на неприятие восточноевропейских государств, стремившихся отделить перспективы своего дальнейшего развития от судьбы СССР, а позже – от России, и найти гарантии собственной безопасности в НАТО, т.е. под опекой США. Во-вторых, призывы Франции к сохранению восточноевропейских государств в существующих территориальных рамках затронули интересы США и Германии, поддержавших националистические элементы внутри Югославии, но не смогли преломить силовую политику С.Милошевича. Не в силах Миттерана было помешать и распаду СССР.

Ещё менее продуктивными были попытки Франции ограничить роль США в Европе. Миттеран хотел воспользоваться окончанием холодной

войны для освобождения общеевропейской политики от жёстких рамок, предписывающих солидарность с США, и возвести Европейский Союз в ранг самостоятельного центра могущества, способного действовать автономно от США как в обеспечении собственной безопасности, так и на мировой арене.

В качестве противовеса американскому военному присутствию в Европе и гегемонии США в НАТО Франция выдвинула идею усиления европейской оборонной идентичности в опоре на ЗЕС. Однако неспособность европейцев собственными средствами урегулировать кризисные ситуации, особенно на Балканах, заставила Францию признать НАТО основой европейской обороны и предпринять шаги к возвращению в военные структуры Альянса.

Неудачи дипломатии Ф.Миттерана породили критику внутри страны и привели к снижению международной роли Франции, а её трения с США по вопросам европейской безопасности создавали угрозу маргинализации внутри НАТО. Опыт преодоления кризисных ситуаций первой половины 90-х годов, а также неуспех большинства односторонних внешнеполитических инициатив Франции на фоне прогресса европейской интеграции подвели правящую элиту Франции к выводу о неизбежном сужении возможностей независимой внешней политики любого государства в условиях интеграции и глобализации. Логическим продолжением этой идеи было движение в сторону возвращения в военную организацию НАТО и участие в натовской операции против Югославии.

Такое движение не было бесконфликтным, поскольку оно не означало отказа от собственной позиции в международных делах. В 1995 г. выдвижение голлистов на авансцену французской политики было ознаменовано новыми дипломатическими инициативами Франции, призванными усилить её международное влияние, вернуть дипломатии

Парижа активное конструктивное начало. Важной материальной основой для такого прорыва должна была стать задуманная Ж.Шираком «революция в обороне», отвечающая характеру новых задач в обеспечении безопасности.

Середина 90-х годов – время утверждения глобального верховенства США, когда обнаружились, с одной стороны, последствия крушения СССР, и снижение международного влияния его наследницы - России, а с другой стороны, неспособность европейцев самостоятельно разрешить международные конфликты в ближайшем окружении ЕС. Притом, что внешнеполитический курс Франции характеризовался достаточно резкими поворотами, он имел в основе одну цель – противостояние тенденции к однополярному миру. В этих условиях французская дипломатия сделала ставку на многополярность международной системы и выработала двойную стратегию реализации этого замысла. Её первым слагаемым стал прогресс европейской интеграции, превращение Европейского Союза в фактор умножения международного влияния Франции, в самостоятельный силовой полюс. Второе стратегическое направление – усиление роли международных (межгосударственных) организаций в урегулировании кризисов и в обсуждении глобальных вопросов. Они тесно связаны и дополняют друг друга. Когда международные инициативы Франции пробуксовывают из-за отсутствия согласия внутри ЕС, её дипломатия обращается к стратегическому диалогу с Россией и Китаем, в рамках избранного клуба постоянных членов СБ ООН, как это случилось в период иракского кризиса 2002-2003 гг. В последние годы на обоих направлениях Франция всё более может опереться на поддержку Германии.

В своё время де Голль противопоставлял верховенству двух сверхдержав идею «равновесия», подразумевавшую отказ от гегемонии и торжество системы ценностей, разделяемых всем международным сообществом. В пропаганде этих ценностей видит Франция свою особую

миссию. Парадоксальность ситуации состоит в том, что Франция оспаривает эту миссию у США, а в годы холодной войны именно общность ценностей была идеологическим стержнем атлантической солидарности. И эта солидарность пережила холодную войну. В конце 90-х годов, в связи с расширением НАТО и югославским кризисом стало очевидным, что окончание холодной войны снизило, но не уничтожило напряжённости в Европе между Западом и Востоком, хотя граница отчуждённости была отодвинута на восток. В то же время, рубеж XX-XXI веков был отмечен ростом новых глобальных угроз, источники которых не связаны более ни с национальной, ни с коммунистической идентичностью и происходят из конфликта между центрами и периферией высокотехнологичной индустриальной цивилизации.

Новая система международных отношений рождалась из кризисов, отмеченных печатью этих цивилизационных конфликтов так же, как данностью глобализации. В конце 90-х годов взгляды французской политической элиты на вопрос о том, каким должен стать новый мировой порядок, будь-то голлист Ж.Ширак или социалист Л.Жоспен, совпадали с позицией европейских и американских приверженцев так называемого “третьего пути”⁵⁵⁷: Б.Клинтона, Т.Блэра, Г.Шрёдера, В.Кока и др., унаследовавших дух своей молодости - агрессивного гуманитарного активизма “молодёжного бунта” 60-х годов. Их знаменем становится глобализация – создание мирового порядка на основе расширения зоны демократии и либеральных ценностей во всемирном масштабе. Методы разрешения косовского, а позже афганского и иракского кризисов позволили предположить, что это будет система, основанная на моральном,

⁵⁵⁷ Речь идёт об идейно-политической ориентации, провозглашённой рядом ведущих государственных деятелей Запада во второй половине 90-х годов. «Третий путь» в политике противостоит как неоконсерватизму 80-х годов (тетчеризму, рейганомике), так и классическому социал-демократическому идеалу, показавшему свою недееспособность в преодолении мирового экономического кризиса 70-х – 80-х гг. Во внешнеполитическом плане сторонники «Третьего пути» являются приверженцами глобализации, которую они видят в торжестве либеральных и демократических ценностей во всемирном масштабе.

военном и технологическом превосходстве западных демократий. Конфликты 90-х годов, венцом которых был косовский кризис, проявили его контуры. Они показали реальность установления такой системы международных отношений, поставив в повестку дня пересмотр принципа невмешательства, закреплённого правилами холодной войны. Параллельно в политике и в политологии развивалось представление о неизбежном размывании государственного суверенитета не только в пользу наднациональных институтов интеграционных объединений, но и в смысле пересмотра сложившихся представлений о суверенности права государства на законное насилие в рамках собственных границ. В западной политологии и в общественном мнении утвердилось представление о международной ответственности государства за нарушение прав человека на собственной территории и о законности гуманитарного вмешательства, в том числе военными средствами, в дела суверенных государств. Это представление соответствовало и французской мессианской традиции, и принципам ангажированной французской интеллигенции, задававшей тон в обществе.

В то же время, французский проект глобализации отличает идея многополюсного мира. Лозунг Ширака – многополярность. Он стал стержнем французской дипломатии с середины 90-х, когда партнёры Франции по ЕС готовы были признать геополитическое преобладание США, противостоять которому не в силах тогда были ни ЕС, ни Россия, ни Китай. «Моментом истины» для определения отношения французского президента к этой тенденции стал 1999 год. С одной стороны, страх маргинализации в условиях военно-технического превосходства США вкупе с отсутствием единой для ЕС концепции обеспечения безопасности, с другой стороны – сознание общности целей гуманитарного вмешательства и представлений о единой ответственности западных

демократий за судьбы Европы, привели к ассоциации Франции с США в их политике в отношении Югославии.

Чтобы участвовать в “пире победителей” на развалинах Ялтинско-Потсдамской системы, стране необходимо было опереться на согласие внутри ЕС и солидаризироваться с США в решении геостратегических вопросов, что было продемонстрировано участием в натовской операции. Хотя она разделяла решимость Запада всеми средствами, включая военные, утвердить либеральные ценности на европейском континенте, и хотя Ж.Ширак назвал главной ставкой в воздушной войне 1999 г. против Югославии создание единой демократической Европы, ни качество, ни условия участия в акциях, направляемых Вашингтоном, не устраивали Францию. Франция не разделяет американской концепции сдерживания посредством превентивной войны, а односторонность решений и действий американской администрации не позволяет говорить о союзе, но только о соучастии. Именно после Косово ключевым становится призыв к многосторонности, к повышению роли СБ ООН в разрешении международных кризисов, противодействие односторонним силовым решениям США. В первые годы XXI века разногласия с США проявляются практически по всем важнейшим международным проблемам. Франция не согласна с США в вопросе о методах и целях антитеррористической операции в Афганистане и на Ближнем Востоке, о путях разрешения иракского кризиса, о судьбе советско-американского договора по ПРО, считает упрощением сведение источников угрозы международной безопасности к «оси зла». Но главное – французскую дипломатию отличает иное видение той системы международных отношений, которая проходит длительный путь становления со времени окончания холодной войны. В условиях сужения возможностей независимой политики на мировой арене Франция стремится обосновать

свою глобальную роль моральными факторами. В этом направлении её дипломатия обрела за последние годы достаточную связность.

Колебания отношений с Россией подчинены логике французского проекта глобализации и представлению о месте в нём Франции. В условиях американского первенства, Ж.Ширак старался подчеркнуть особую роль Франции в мире, сделавшись глашатаем прав человека, поскольку только их нарушение оправдывало сомнительное с точки зрения международного права вмешательство в дела Югославии. Ближайшим после косовского конфликта поводом для демонстрации этой позиции стала возобновившаяся война в Чечне. Французский президент, поддержанный общественным мнением страны, стал наиболее жёстким критиком политики России. Однако эта позиция на время изолировала Францию в многостороннем диалоге Запада с Россией, значение которого возросло после событий 11 сентября 2001 г. Для восстановления угасающего российско-французского диалога французской стороне понадобилось проявить больше понимания к проблемам России, а российской – предложить программу политического урегулирования, сопровождающую антитеррористическую операцию в Чечне. Для Парижа улучшение отношений с Москвой было тем более важным, что одновременно увеличились расхождения Франции с США. Разногласия, скрытые в пору югославского кризиса, наиболее явно проявились во время иракского конфликта 2003 г. Обстоятельства этому благоприятствовали: ФРГ присоединилась к французским подходам, укрепился международный авторитет Китая и России, которые, как и Франция, выступают против односторонних силовых действий США.

На рубеже XX-XXI веков содержание французских внешнеполитических деклараций было сосредоточено на пропаганде собственной модели глобализованного мира. Представление об особой роли Франции в международной системе основывается не на силовом

превосходстве, а на её способности предложить миру притягательный проект глобализации, гуманной и управляемой. Семь принципов нового мирового порядка, провозглашённых Ж.Шираком, выражают суть гуманитарного послания, предназначенного Францией миру. Это: коллективная ответственность в действиях, справедливость, солидарность, право на различие, осмотрительность, свобода, взаимодополняемость⁵⁵⁸. От предшествующей системы новый мировой порядок должен наследовать приверженность международному праву, роли ООН, стратегической стабильности. Благодаря равновесию многополярности в нём обеспечивается многосторонность – условие для реализации интересов широкого круга членов мирового сообщества. Гуманитарная стратегия развитых стран – главный залог стабильности системы, поскольку отсталость и нищета, царящие на периферии избранного круга индустриальных государств, угрожают в будущем благополучию последних⁵⁵⁹. В лучших традициях французского мессианства приоритет в этом проекте отдан интересам всего человечества над национальными интересами. Право на различие находится в прямой связи с интересом к сохранению национальной идентичности Франции и позиций французского языка в мире, поскольку глобализация по-американски имеет и культурное измерение.

Многополярность и многосторонность, повсеместное распространение демократических норм и утверждение идеологии прав человека являются факторами демократического развития глобальной системы. Если США готовы утверждать принципы демократии силой, то особая позиция Франции состоит в стремлении противопоставить этой стратегии многостороннее обсуждение и решение международных

⁵⁵⁸ Chirac J. La France dans un monde multipolaire // *PE*. - 1999. - N° 4. P. 804-812.

⁵⁵⁹ Об этом напомнил Ж.Ширак в своём выступлении на конференции послов Франции в августе 2002 г.: «Солидарность самых богатых с самыми бедными, т.к. нищета морально неприемлема и ставит под вопрос будущее нашего общества» // *DN*. - Octobre 2002. P. 20.

проблем, главенство ООН в урегулировании конфликтов. В этом контексте отношения с Россией – формальной правопреемницей СССР – по-прежнему играют важную роль в геополитической стратегии Франции. Наряду с Европейским Союзом, способным стать самостоятельным центром силы, Россия может уравновесить влияние США, противостоять однополярности. Осторожная позиция Франции по вопросу о расширении ЕС и НАТО и политика “привилегированного партнёрства” с Россией следовали в русле великого голлистского замысла создания Большой Европы, бессмысленной без России. Интеграция России в сообщество развитых демократических стран была одной из ключевых геостратегических идей французской внешней политики 90-х годов. Тенденция последних лет состоит в том, что затруднения в реализации одного из важных слагаемых французского проекта многополярности – общей европейской внешней политики, обнаружившиеся в связи с иракским кризисом и в условиях расширения ЕС на восток, подчёркивают необходимость и взаимную привлекательность тесного сотрудничества Франции и России.

Франция утвердилась в качестве средней державы с глобальными амбициями и с самостоятельной позицией в международных делах. Успех глобального проекта Франции, следовательно, её роль в рождающейся международной системе зависят от широкой международной поддержки как внутри ЕС и Большой Европы, так и за её пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники

Медународные договоры, соглашения, декларации

1. Договор о согласии и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. Париж, 29 октября 1990 г. // Вестник МИД СССР. – 1990. - №22(80). – 30 ноября. – С. 31-35.
2. Договор между Россией и Францией. Париж, 7 февраля 1992 // Дипломатический вестник. -1992.- № 4-5. С. 21-25.
3. Протокол о согласии между правительством Российской Федерации и правительством Французской Республики. Париж, 06.02.92 // Бюллетень международных договоров. - 1993. - №2. С. 131-133.
4. Соглашение между правительством Французской республики и правительством Российской Федерации об избежании двойного налогообложения от 29 мая 1999 г. Дипломатический вестник. – 1992. - №7.
5. Договор о Европейском Союзе. Маастрихт, 7 февраля 1992 г. // Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Т.5. – М., 1994.
6. Амстердамский договор. 12 октября 1997 г. // www.europa.eu.int
7. La Déclaration de Cologne // www.diplomatie.gouv.fr/europe
 Traité de Nice // Journal Officiel de l'UE. – 2001 . – 10 mars.
8. La politique européenne de la France. Charte européenne des droits fondamentaux // www.diplomatie.fr/europe/politique/fiches/fiche18.html

Парламентские документы

9. Assemblée Nationale: Avis présentée au nom de la Commission des Affaires Etrangères sur le projet de loi de Finances pour 1998(N230).Nov.1997. Tom V. Défense. Assemblée Nationale, N307.
- 10.Assemblée Nationale: Rapport fait au nom de la Commission des finances, de l'économie générale et du Plan sur le Projet de loi de finances pour 1998(N230). Par M. D.Migaut, député. 12 nov.1997. Fssemblée Nationale, N305-A-40.
11. Assemblée Nationale : Avis présenté au nom de la Comission des affaires étrangères sur le projet de loi de finances pour 2000. Par M.J.-L.Bianco, député. (N1805). // Assemblée Nationale. – N 1863. – 87 p.
12. Projet de loi de finances pour 2003. Avis. Affaires étrangères. Affaires européennes //Les documents législatifs de l'Assemblée Nationale. -2002.- N259. –T.1. – 56 p.
- 13.Projet de loi de finances pour 2002. Avis. Economie, finances et industrie. Commerce extérieur // Ibidem.- 2000. – N2626. T.5.-29 p.
- 14.Projet de loi de finances pour 2002. Avis. Economie, finances et industrie. Commerce extérieur // Ibidem. – 2001. –N3322. T.5. -31 p.

Выступления глав государств и правительств, министров иностранных дел и обороны и прочих официальных лиц

- 15.Пресс-конференция М.С.Горбачёва и Ф.Миттерана 29 октября 1990 г. // Вестник МИД СССР. – 1990. - №22(80). – 30 ноября. - С. 24-31.
- 16.Речь президента Республики перед дипломатическим корпусом. Париж, 4 января 2002 г. // www.ambafrance.ru
17. Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Французской Республики о создании российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности (8 июля 2002 г.) // Дипломатический вестник. – 2002. - № 8. С.16-17.

- 18.Речь министра обороны Франции А.Ришара. Москва, МГИМО, 16 января 2001 г. /А.Ришар. – Архив автора.
- 19.Mitterand F. Réflexions sur la politique extérieure de la France.(25 discours) 1981-85. – P.: Fayard, 1986.-270 p.
- 20.Mitterand F. Discours: 1981-1995. – P.: Europolis, 1995.- 420 p.
- 21.Chirac J. L'Europe unie des Etats // Regard européen, 1998, N8.
- 22.Chirac J. La France dans un monde multipolaire // PE⁵⁶⁰, 1999, N4.- P.803-821.
- 23.Chirac J. Discours devant le Comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO. Paris, 30 mai 2000 // www.elysee.fr
- 24.Chirac J. La politique étrangère de la France. Discours de M. J.Chirac, Président de la République, lors de la réception des ambassadeurs, 29 août 2002 // DN. - Octobre 2002. – P. 11-25.
- 25.Entretien du Président de la République M. Jacques Chirac avec le quotidien « Libération » // La Libération. - 2002. - 4 avril.
- 26.Juppé A.⁵⁶¹ Quel horizon pour la politique étrangère de la France? // PE. – 1995. –N°1. - P.245-259.
- 27.Jospin L. ⁵⁶²La France en Europe et dans le monde. Orientations en matière de politique internationale. Politique européenne et de défense. // Vendredi.- 1995. -14 avril.
- 28.Jospin L. La politique de défense de la France // DN. - Novembre 1997.
29. Entretien du ministre des affaires étrangères, M. Hubert Védrine, avec « France Inter »,Paris,18avril 2001//www.diplomatie.gouv.fr/procpaix/declarations/vedrine180401.html

⁵⁶⁰ PE - Politique Internationale.

⁵⁶¹ Министр иностранных дел (1993-1995), премьер-министр(1995-1997), ОПР. С 2002 г. – лидер Союза президентского (народного) большинства – UMP.

⁵⁶² Премьер-министр Франции с 1997 г. по 2002 г., ФСП.

30. Védrine H. Audition du ministre des affaires étrangères M. Hubert Védrine devant la Commission des affaires étrangères du Sénat. Paris, 13 février 2002/ H. Védrine // www.france.diplomatie.fr/actual/declarations/bulletin.asp
31. Brzezinski Z.⁵⁶³ L'URSS et la France, les grands vaincus. – *Le Figaro*, 18 juillet 1990.
32. Dumas R.⁵⁶⁴ Pour des perspectives européennes communes // *La Tribune franco-allemande*, Numéro spécial, mai 1996.
33. Lalumière C.⁵⁶⁵ Quelques remarques à propos de la C.I.G. // *Ibidem*.
34. Védrine H.⁵⁶⁶ La politique étrangère de la France de 1981 à 1995 // *RI et S.* - Hiver 1996. - N24. – P.15-25.
35. Védrine H. Les cartes de la France à l'heure de mondialisation / H. Védrine, D. Moisi. – P. : Fayard, 2000. – 240 p.
36. Védrine H. Entretien avec H. Védrine : Le « védrinisme, existe-t-il ? // *PI.* – printemps 2002. – N°95. – P. 10- 34.
37. Rocard M.⁵⁶⁷ Les cinq cent jours de la diplomatie de J. Chirac // *RI et S.* - Printemps 1997. - N25. -P. 27-36.
38. Assemblée Nationale: Déclaration du gouvernement sur la politique de défense par M. A. Juppé, premier ministre Col. 4.4042(2654). Doc. Mis en distribution le 3 avril 1996.
39. Assemblée Nationale: Déclaration de M. Ch. Millon, ministre de la défense // *Ibidem*.
40. Assemblée Nationale: Déclaration du gouvernement par M. L. Jospin, premier ministre. 19 juin 1997. Assemblée Nationale, N13.

⁵⁶³ Бжезинский З. – советник по национальной безопасности президента США с 1977 по 1981 г. В настоящее время – консультант Центра стратегических и международных исследований, профессор Университета им. Д. Хопкинса (Вашингтон).

⁵⁶⁴ Президент Конституционного Совета Франции, ФСП.

⁵⁶⁵ Депутат Европарламента, ФСП.

⁵⁶⁶ Дипломатический советник Ф. Миттерана, министр иностранных дел Франции с 1997- по 2002 г..

⁵⁶⁷ Премьер-министр Франции в 1988-1991 гг., ФСП.

*Официальные правительственные, ведомственные и партийные
документы*

41. La Rénovation de la coopération (rapport au Premier ministre) / A. Vivien. - P.: La Documentation française, 2-e trim. 1991.
42. Observatoire permanent de la coopération française. Rapports 1995. - P.: Desclée de Brower, 1995. - 130 p.
43. Loi de programmation militaire 2002-2008 // DN⁵⁶⁸. - Octobre 2002. - 310 p.
44. Concept commun franco-allemand en matière de sécurité et de défense. Nuremberg, le 9 décembre 1996 // RI et S⁵⁶⁹. - Printemps 1997. - N 25. - P. 177-183.
45. Le Livre blanc sur la défense. La Documentation française, 1994.
46. Vers l'Europe que nous voulons: les enjeux de la Conférence intergouvernementale de 1996. Pré-rapport du Groupe de travail RPR. Janv. 1996. - 27 p.
47. Propositions pour la France. Parti Socialiste. - P.: 1988. - 32 p.

Мемуары:

48. Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции / Ю.В. Дубинин. - М.: РОССПЭН, 1997. - 325 с.
49. Mitterand F. Memoires interrompus / F. Mitterand. - P.: Odile Jacob, 1996. - 512 p.
50. Mitterand F., Wiesel E. Mémoire à deux voix / F. Mitterand, E. Wiesel. - P.: Odile Jacob, 1995. - 218 p.
51. Attali J.⁵⁷⁰ Verbatim / J. Attali. T. II-III. - P.: Fayard, 1995-1996. - 512, 485 p.
52. Attali J. Europe(s) / J. Attali. - P.: Fayard, 1994. - 497 p.

⁵⁶⁸ DN – Défense Nationale.

⁵⁶⁹ RI et S - Relations Internationales et Stratégiques.

⁵⁷⁰ Аттали Ж. – до 1991 г. специальный советник Ф. Миттерана.

53. Védérine H. Les mondes de François Mitterand. 1981-1995 / H. Védérine. – P.: Fayard, 1996.- 784 p.

Периодические издания:

54. Известия: 1988-2003 гг.
 55. Независимая газета: 1995-2003 гг.
 56. Сегодня: 1995-2003 гг.
 57. Le Monde: 1988-2003.
 58. Le Monde diplomatique : 1988-2003
 59. Le Figaro: 1988-2003.
 60. La Croix: 1988-2003.
 61. La Libération: 1988-2003.
 62. Les Echos: 1988-2003.
 63. La Tribune: 1997-2003.
 64. Le Courrier International: 1996-2003.
 65. L'Express: 1997-1999.
 66. L'Evenement du jeudi: 1996-2003.
 67. Esprit, mai 1996: Numéro spécial: L'Allemagne de nos incertitudes.- 214 p.

2. Литература

1. Арзаканян М.Ц. Жак Ширак – пятый президент Пятой республики / М.М. Арзаканян // Международная жизнь. – 1995. - №7.
2. Гжеляк Р. Отношения ФРГ-Франция как фактор европейской политики / Р. Гжеляк. – М., 1989.
3. Год планеты. Политика, экономика, бизнес / РАН ИМЭМО. Под. Ред. О.Н. Быкова. Вып. 1- 12. – М.: Республика, 1992-2003.
4. Грачёв А. Скажи мне, кто сегодня твой друг? (О российско-французских отношениях) / А. Грачёв // Новое время. – 1997. - № 38.

5. Деев А.С. Современная Франция: Механизм формирования внешней политики / А.С.Деев. – М.: Международные отношения, 1985.
6. Долматов А. Некоторые особенности военной политики Франции /А.Долматов // Зарубежное военное обозрение. – 1998 - №8.
7. Зуева К.П. Советско-французские отношения и разрядке международной напряжённости (1958-1986) / К.П.Зуева. – М.: Наука, 1987.
8. Зуева К.П. Российско-французские отношения: реальность и тенденция / К.П.Зуева // МЭ и МО. – 1992. - № 12.
9. Калашников В. Внешняя политика на одно лицо // Власть, 1998, №11.
10. Ковалёв А.А. Франция на перепутье с мировой политикой – М., 1993.
11. Кожемяков А.С. Внешняя политика Франции в период «сосуществования» // МЭ и МО⁵⁷¹, 1990, № 4.
12. Коломийцев В.Ф. Генерал Де Голль и внешняя политика Франции / В.Ф.Коломийцев // Вопросы истории.- 1974.- №7.
13. Куприн А.Д. Франция и страны Магриба / А.Д.Куприн.- М., 1980.
14. Куяс-Стрижинский К. Галльский петух в объятиях русского медведя на Рейне: что заставляет Францию и Германию сотрудничать с Россией? // К.Куяс-Стрижинский // Новое время.- 1997.- № 21.
15. Манжола В.А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности / В.А.Манжола. – Киев: Вища школа, 1989.
16. Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992)/ РАН. Ин-т США и Канады. – М.: Наука, 1993.
17. Монбриаль де Т. Память настоящего времени / Т. Де Монтбриаль. – М.: Международные отношения, 1996.
18. Нарочницкая Е.А. Франция в блоковой системе Европы. 1960-1980-е гг. / РАН ИНИОН. – М.: Наука, 1993.

⁵⁷¹ МЭ и МО - Мировая экономика и международные отношения.

19. Нарочницкая Е.А. Французская дипломатия и оборона после окончания «холодной войны»: новое испытание голлистского наследия / Е.А.Нарочницкая // Актуальные проблемы Европы. Внешняя политика и безопасность европейских государств. – М.: ИНИОН РАН. – 1995. - №4.
20. Новиков Г.Н. Голлизм после де Голля: идейная и социально-политическая эволюция 1961-1981/ Г.Н.Новиков. – М.: Наука, 1984.
21. Новиков Г.Н. Де Голль, голлисты и голлизм/ Г.Н.Новиков // ННИ⁵⁷². - 1990. - №3.
22. Преображенская А. Парламентские выборы 1997 г. во Франции (очередная политическая рокировка)/ А.Преображенская // МЭ и МО.- 1998.- №1.
23. Пархалина Т.Г. Франция и Средиземноморье/ Т.Г.Пархалина. – М.: Наука, 1987.
24. Прат А. Франция в Европе /А.Прат.- М.: Воскресенье, 1996.
25. Рубинский Ю.И. Политические перемены во Франции, причины и следствия / Ю.И.Рубинский.– М., 1997.
26. Семычев М.К. Соседи по Рейну: вчера и сегодня. Очерк истории франко-германских и франко-западногерманских отношений / М.К.Семычев . – М , 1988.
27. Славенов В.П. Очерки внешней политики Франции 1981-1986 гг./ В.П.Славенов. – М, 1986.
28. Тюлин И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции / И.Г.Тюлин. – М.: Международные отношения, 1988.
29. Челышев И.А. Советско-французские отношения и проблемы европейской безопасности / И.А.Челышев. – М.: Наука, 1990.
30. Червяков А.Н. Военная политика Франции.1958-1993/ А.Н.Червяков. – М., 1994.

⁵⁷² ННИ – Новая и новейшая история.

31. Червяков А.Н. Военно-политический курс Франции 1995-2010 / А.Н.Червяков // МЭ и МО.- 1995.- №10.
32. Чернов В.М. Франция и единство Германии/ В.М.Чернов // Актуальные проблемы Европы: экономика, политика, идеология. Вып.1. -М.: ИНИОН РАН, 1994.
33. Шилов В.С. Внешняя политика и партии во Франции (1969-1981)/В.С.Шилов. – М.: Наследие, 1994.
34. Шпынов И.А. Париж-Москва / И.А.Шпынов // Международная жизнь. -1999.- №3.
35. Черкасов П.П. Распад французской колониальной империи: кризис французской колониальной политики в 1939 – 1985 гг./ П.П.Черкасов. – М., 1985.
36. Abdou B. A.B. La France et la crise algérienne / B.Abdou // L’Etat de la France en 1995-1996. – P.: La Découverte, 1996.
37. Andréani G. L’Europe des incertitudes / G.Adréani // Commentaire. - Printemps 1999. - N85.
38. Adréani J. Les relations franco-américaines / G.Adréani // PE. - 1995.- N4.
39. Adréani G. Europe de la Défense : y a-t-il encore une ambition française ? / G.Adréani // PE. – Hiver 2002-2003. – N4. – P. 983-1000.
40. Anglin de E. Les limites de l’ambition de l’asiatique / E. d’Anglin // RI et S. - Printemps 1997. - N25.
41. Aron R. Paix et guerre entre les nations / R.Aron. – P.: Calmann-Lévy, 1962,1984. Chap.2: La puissance et la force ou des moyens de la politique extérieure.
42. Ayache G., Horot P. La conquête de l’Est: la France dans le nouvel ordre international / G.Ayache, P.Horot. – P.: Calmann-Lévi, 1991.
43. Berstein S. et Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle / S.Berstein, P.Milza. – P.: Complexe,1995. – 1407 p.

44. Boniface P. Introduction au Dossier special: La politique étrangère du président Chirac / P.Boniface // RI et S⁵⁷³. - Printemps 1997. - N2.
45. Boniface P. La France est-elle encore une Grande puissance / P.Boniface. – P.: Presses de Sciences Po, 1998. – 139 p.
46. Boniface P. Les leçons du conflit au Kosovo / P.Boniface // RI et S.-Hiver 2000.-N36. – P. 65-70.
47. Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945 / F.Bozo. – P.: La Découverte, 1997.- 122 p.
48. Bozo F., Vaïsse M. et Mélandri P. La France et l' OTAN. 1949-1996 / F.Bozo. – P.: Complexe, 1997.
49. Bozo F. La politique étrangère de la France. Introduction au Dossier special / F.Bozo // PE.- 1995.- N4.
50. Charillon F. Peut-il encore y avoir une politique étrangère de la France ? / F.Charillon // PE. – Hiver 2002-2003. – N4. – P. 915-930.
51. Chevenement J.-P. France-Allemagne, parlons franc / J.-P.Chevenement. – P.: PLON, 1996. – 282 p.
52. Cohen S. La monarchie nucléaire / S.Cohen. – P.: Hachette, 1986.
53. Cohen S. La défaite des généraux/ S.Cohen. – P.: Fayard, 1994.
54. Cohen-Tanugi L. La politique européenne de la France à l'heure des choix / L.Cohen-Tanugi // PE. - 1995. - N4.
55. Dalloz J. La France et le monde depuis 1945/ J.Dalloz. – P.: Armand Collin, 1993.
56. David D. Moscou/Paris : Quelle relation pour le nouveau monde ? // Les notes de l'IFRI. - Juin 2002. - N°41. - P. 11-29.
57. David D. Un an après le 11 septembre : dix fenêtres qui s'ouvrent sur un monde pas si neuf / D.David // PE. – 2002.-N3. – P.561-570.
58. Dubien A. Russie – CEI : une hégémonie contestée / A.Dubien // RI et S. – Été 2000. – N 38.

⁵⁷³ RI et S – Relations internationales et stratégiques.

59. Dubien A. De l'URSS à la Russie / A.Dubien // RI et S. - Printemps 2001. - N 41.- P.157-162.
60. Duroselle J.- B. Tout Empire périra.. Théorie des relations internationales / J.-B.Duroselle. - P. : Armand Collin , 1992 . – 346 p.
61. Eck J.-F. La France dans une nouvelle économie mondiale / J.-F.Eck. – P.: PUF, 1994.
62. Ehhard H.-G. Paris-Bonn après l'alternance: continuité ou renouvellement? // PE, 1999, N 1.
63. Fontaine A. De la difficulté de boire dans son verre // RI et S, N25, printemps 1997.
64. Fontaine A. Après eux le déluge / A.Fontaine. P. : Fayard, 1995. – 300 p.
65. Frank R. La hantise du déclin / R.Frank. – P., Belin, 1994. – 316 p.
66. Frank R. La France et son rapport au monde / R.Frank // PE. – 2000.- N3-4. – P. 827-839.
67. Froment-Merice H. Une politique étrangère pour quoi faire ?/ H.Frament-Merice // PE. – 2000. – N2.- P.319-357.
68. Heisbourg F. La France et sa défense / F.Heisbourg // PE. -1995. - N4.
69. Howort J. La France, l'OTAN et la sécurité européenne : statu quo ingérable, renouveau introuvable / J.Howort // PE. – Hiver 2002-2003. – N4. – P. 1001-1018.
70. Hoffmann S. La France dans le monde 1979-2000 / S.Hoffmann // PE.- 2000.-N2.-P. 307-317.
71. Jessel J. La double défaite de Mitterand: de Berlin à Moscou / J.Jessel. – P.: Albin Michel, 1992. – 132 p.
72. Garcin T. La France dans un nouveau désordre international / T.Garcin. – Bruxelles, 1992.- 182 p.
73. Garcin T. L'unification allemande et la classe politique française / T.Garcin // Hérodote. - 1993. - N68.

74. Géré Fr. Demain la guerre / Fr.Géré. – P.: Calmann-Levy, 1997. – 380 p.
75. Girault R. Etre historien des relations internationales / R .Girault. – P.: Sorbonne, 1998. – 250 p.
76. Giradet R. Problèmes contemporains de défense nationale / R.Giradet. – P.: 1974. – 189 p.
77. Glucksmann A. Dostoievski à Manhattan / A.Glucksmann. - P.: Robert Laffont, 2002. – 260 p.
78. Gnezotto N. L'Union et l'Alliance : les dilemmes de la défense européenne / N.Gnezotto // Notes de l'IFRI. – 1996. – N 2. – 75 p.
79. Gribinski J.-F. Jacques Chirac et l'Europe: une politique "réaliste"/ J.-F.Gribinski // RI et S.- Printemps 1997. - N25.
80. Gomart Th. Les rapports russo – français vus de Moscou / Th.Gomart // Les notes de l'IFRI⁵⁷⁴. - Juin 2002. - N°41. Avant-propos de D.David. – 84 p.
81. Goulard S. La France « pratiquante non croyante » ? Les vrais enjeux d'une présidence modeste / S.Goulard // PE.-2000.-N2.-P.343-353.
82. Gouttebrune F. La France et l'Afrique : le crépuscule de l'ambition stratégique? / F.Gouttebune // PE. – Hiver 2002-2003. –N4. – P.1033-1050.
83. Guisnel J. Défense: l'heure des choix / J.Guisnel // L'Etat de la France en 1995-1996. P.: La Découverte, 1996.
84. Gutmann F. Après Madrid, Amsterdam, Luxembourg...la France, l'Europe et l'OTAN / F.Gutmann // DN. – Février 1998.
85. Kessler M-Ch. La politique étrangère de la France / M.-Ch.Kessel. – P., Presses de sciences Po, 1999. – 500 p.
86. Kramer S.Ph. Les relations franco-américaines à l'épreuve de la crise au Kosovo / M.Ph.Kramer // PE.-2000.-N2.-P.359-374.
87. La Serre de F. Le traité de Nice : déconstruction ou refondation de l'Union ? / F.de La Serre // PE.-2001.-N2.- P.259-276.

⁵⁷⁴ IFRI – Institut français des relations internationales.

88. Labertit G. France/Pays du Sud: inflexions dans la politique de la coopération / G.Labertit // L'Etat de la France en 1995-1996. – P.: La Découverte, 1996. – P. 596-597.
89. La France et sa défense. Cahiers Français, N283, oct.-dec.1997.
90. La France du nouveau siècle / Sous la dir. de Th. De Montbrial. – P. : PUF, 2002. – 507 p.
91. Lecompte B. Le Bunker / B.Lecompte. – P.: J.-C.Lattres, 1994. – 325 p.
92. Les nouvelles relations internationales / Sous la dir. de M.-Cl.Smouts. – P. : Presses de Sciences Po, 1998. - 408 p.
93. Les politiques étrangères. Ruptures et continuités / Sous la dir. de F.Charillon. – P. : La documentation française, 2001. – 311 p.
94. Leveau R. La France, l'Europe et la Méditerranée : un espace à construire / R.Leveau // PE. -2002. – N4. - P. 1019-1032.
95. Marchal R. La France en quête d'une politique africaine? / R.Marchal // PE. -1995. - N4.
96. Masclet J.-C. L'Union politique de l'Europe / J.-C.Masclet. – P.: PUF, 1994.- 162 p.
97. Moïsi D. De Mitterrand à Chirac / D. Moïsi // PE. - 1995. - N4.
98. Montbrial de T., Lasserre R., Picht R. Agir pour l'Europe. Les relations franco-allemandes dans l'après guerre froide / T.de Montbrial, R.Lasserre, RPicht. – P.: Masson, 1995. – 190 p.
99. Moreau Defarges Ph. “Tenir son rang”. La politique étrangère de F.Mitterrand / Ph.Moreau Defarges // L'Etat de la France en 1995-1996. - P.: La Découverte, 1996.
100. Moreau Defarges Ph. La politique internationale / Ph.Moreau Defarges. – P., Hachette, 1990. – 380 p.
101. Moreau Defarges Ph. La France et l'Europe : l'inévitable débat / Ph.Moreau Defarges // PE. – Hiver 2002-2003. – N 4. – P.951-966.

102. Moreau Defarges Ph. La France et l'Empire / Ph.Moreau Defarges // PE. – 2000.- N2.- P.333-343.
103. Picht R. Pouvoir présidentiel et société civile. Les enjeux des relations franco-allemandes / R.Picht // RI et S.- 1997. - N25.
104. Politique étrangère. Nouveaux regards / Sous la dir. de F.Charillon. – P. : Presses de Sciences Po, 2002. – 438 p.
105. Revel J.-Fr. L'Obsession anti-américaine /J.-Fr. Revel.- P. : Plon, 2002. – 270 p.
106. Robin G. A quoi sert l'OTAN? // PE. - 1995. - N1.
107. Roger Ph. L'Ennemi américain / Ph.Roger. - P.: Le Seuil, 2002. – 130 p.
108. Romer J.-C., Schreiber T. La France et l'Europe centrale / J.-C.Romer, T.Schreiber // PE. -1995.- N4.
109. Serfaty S. France-Etats-Unis: la querelle permanente / S.Serfaty // RI et S.- 1997. - N25.
110. Smith S. France/Afrique: banalisation ou nouvelle “chasse gardée”?/ S.Smith // L'Etat de la France en 1995-1996. – P.: La Découverte, 1996.
111. Sokoloff G. La Russie échappera-t-elle à la décadence ? / G.Sololoff // RI et S. - Eté 2000. - N38.
112. Souttou G.-H. L'Alliance incertaine. Les rapports politico-stratégiques franco-allemands, 1954-1996 /G.-H.Souttou. – P. :Fayard, 1996. – 425 p.
113. Stark H. Paris, Berlin et Londres : vers l'émergence d'un directoire européen ? / H.Stark // PE. – Hiver 2002-2003. – N4. – P. 967-982.
114. Stark H. France-Allemagne :quel après-Nice ? / H.Stark // PE.-2001.-N2.- P.289-298.
115. Sur E. Maastricht, la France et l'Allemagne / E.Sur //Hérodote. -1993. - N68.
116. Tacel M. La France et le monde au XX-e siècle / M.Tacel. – P. : Masson, 1989. – 285 p.

117. Tardy T. Le président Chirac et la Bosnie-Herzégovine: les limites d'une politique / T.Tardy // RI et S. - 1997. - N25.
118. Tardy T. La France et l'ONU/ entre la singularité et ambivalence / T.Tardy // PE. – Hiver 2002-2003. – N4. – P. 931-950.
119. Tanguy de A. Paris-Moscou: vers un partenariat privilégié dans une Europe reconciliée? / A. de Tanguy // RI et S. - 1997. - N25.
120. Tanguy de A. La Russie entre la puissance et l'impuissance / A. de Tanguy // RI et S. – Été 2000. – N 38. – P. 207-219.
121. Vaïsse J. Etats-Unies : le regain francophobe /J.Vaïsse // PI. – Automne 2002.-N97. – P.97-116.
122. Vaïsse M. La grandeur. Politique étrangère du général De Gaulle. 1958-1969/ M.Vaïsse. – P.: Fayard, 1997. – 726 p.
123. Vernet D. La France et l'Allemagne / D.Vernet // PE.. - 1995. - N4.
124. Villepin de F. Les habits neufs de la diplomatie française / F. De Villepin // RI et S. - Printemps 1997. - N25.
125. Wauthier C. La politique africaine de J.Chirac / C.Wautier // RI et S. – 1997. -N25.